

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

ОГНЕННАЯ
СУДЬБА

SHOUT
SHARE

IT

Annotation

Николай Кузьмин известен читателю по романам «Первый горизонт», «Победитель получает все», «Приговор». В серии «Пламенные революционеры» вышли его повести «Меч и плуг» — о Г. Котовском и «Рассвет» — о Ф. Сергееве (Артеме).

Повесть «Огненная судьба» посвящена Сергею Лазо, одному из организаторов борьбы за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке, герою гражданской войны, трагически погибшему от рук врагов революции.

- [Н. Кузьмин](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Н. Кузьмин

**Огненная судьба. Повесть о Сергее
Лазо**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Собачий лай сначала донесся издали, затем стал приближаться. Рабочая слободка Владивостока славилась обилием собак. Постороннему человеку немислимо было пройти по улице незамеченным, особенно в ночное время. Собаки заливались все громче, яростней. Сергей поднял голову и прислушался. Ну так и есть, идут сюда. Собаки насккивали на кого-то уже во дворе. Послышалось негромкое ругательство, затем истощный визг — пнули. И тотчас хлипкая дощатая дверь содрогнулась от властного удара.

Спустив ноги на пол, Сергей положил раскрытую книгу на стол, рядом с коптилкой. Трепетное пламя заматалось, грозя погаснуть. Следовало замереть, чтобы огонек успокоился и ожил.

В дверь принялись лупить ногами. По-прежнему не унимались собаки, облаивая ночных гостей. Так проснется вся

рабочая слободка!

Над головой, в квартире хозяев, Сергею слышались осторожные шаги. Там проснулись и, не зажигая света, крадутся к окнам. Добрый человек не явится после полуночи, да и не станет так ломиться. Время тревожное...

— Кого там черт принес? — громко крикнул Сергей. — Я сплю.

— Открывай! — потребовал злой голос.

«Русские, не японцы. Значит, контрразведка».

Шлепая босыми ногами, Сергей прошел в сени и пальцем поддел крючок.

Ворвались нетерпеливо, сразу пихнули Сергея в грудь, прижали к стене.

От резкого порыва воздуха коптилка погасла. В полной темноте двое быстро прошли в комнату, трое остались держать Сергея.

— А ну-ка... где он там? — распорядился старший. — Свет зажги.

Нашаривая спички, Сергей собрался с мыслями. Скорей всего, обычная проверка документов. Ну, может быть, обыск. Ничего страшного. Документы у него в полном порядке, надежные, а дома он ничего лишнего не держит. Пошарят и уйдут.

— Дверь закройте. Дует, — сердито попросил он. Чертыхаясь, Сергей сломал несколько спичек, пока зажег коптилку. От тусклого неживого света чудовищные тени пришедших закачались по стенам. Низкий потолок давил. В тесной каморке стало не повернуться. Окончательно успокоившись, Сергей незаметно пригляделся. Ну и рожи! Ольга непременно сказала бы — как топоры. И где только таких подбирают? А, впрочем, кто еще пойдет служить в охранку? Мать, Елена Степановна, всегда утверждала, что приличный человек с такой службой связываться не станет.

Старший из шпииков придирчиво изучил документы, затем распорядился начать обыск. Сергей чуть заметно усмехнулся. В каморке среди голых стен стояла железная койка с тощим матрацем, стол и табуретка. Вот разве только книга на столе...

— Так, — деловито произнес старший и снова взял документы в руки. — Кто здесь проживает?

«Как будто не видишь!» — подумал Сергей.

За документы он был спокоен. Кроме паспорта на чужое имя он имел еще удостоверение грузчика, работающего на мельнице Первой речки. Паспорт и удостоверение изготовлены на подлинных бланках. Это дело у подпольщиков поставлено образцово, не подкопаешься.

Переворошив матрац с соломой, один из шпиков заглянул под койку и разочарованно выпрямился. Больше искать негде. Впрочем, нет, еще печурка. Присел на корточки, заглянул: ничего, один остывший пепел. Вот теперь все.

— Сядь сюда, — приказал Сергею старший, указав на койку. Разворошенный матрац валялся комом.

Своими руками старший быстро обыскал карманы тужурки и брюк, брезгливо поморщился от мучной пыли. В грязную шапку-ушанку он лишь ткнул пальцем.

Четверо шпиков смотрели на него во все глаза, ожидая приказаний.

Окинув взглядом убогое убранство каморки, старший взял книгу со стола. Брови у него удивленно поползли вверх. Это был учебник Пери «Курс высшей математики для инженеров».

— Откуда это у тебя?

Зевая, как смертельно усталый человек, Сергей равнодушно проговорил:

— На мельнице попалась. Думал, что хорошее, а оказалась барахло.

Сказал и дрогнула какая-то жилка: проклятая картавость, не избавиться, не скрыть! А вдруг у них имеются приметы?

Старший смотрел на него настороженно, подтверждая опасения Сергея.

— Гм... Грамотный?

— Немножко кумекаю.

— «Кумекаю!» — презрительно фыркнул старший. — Тебе, дураку, не за такие книги хвататься надо. «Бову-королевича» читал? Вот это книга! А эту я у тебя заберу.

— Да бери, не жалко. Только вырви мне листочка два для курева. Там много написано. И вам хватит.

С треском выдрал первые страницы, старший бросил их на стол, а книгу сунул в карман.

Фу-у, пронесло!

Оберегая огонек коптилки, Сергей загородил его спиной. Во дворе опять озлобленно залились собаки. В несколько голосов послышалась громкая ругань. Шпики больше не таились.

Наверху, у хозяев, не спали, топтались у окна. Там хотели убедиться: уводят нижнего жильца, не уводят? Пусть увидят, что налет ночных гостей сошел благополучно. Сегодня Сергей прошел в их глазах проверку на благонадежность. (С неохотой они сдавали ему комнату, долго выспрашивали, мекали, тянули. Будто чуяли...)

Постепенно рабочая слободка затихла. Лишь отдаленный собачий лай сопровождал уходивших шпиков.

Заперев дверь на крючок, Сергей остановился посреди каморки. Спать не хотелось, голова была легкой, ясной, как всегда после пережитой опасности. Нету у них никаких примет! Ночной налет объяснялся просто. При всей нынешней неразберихе система наблюдения и сыска работала во Владивостоке четко. Стоило появиться в слободке новому человеку — и сразу проверка. На первый раз сошло благополучно, хотя могло быть совершенно иначе. Хорошо, что в белой контрразведке не существует его фотографии. А в лицо Сергея Лазо знают весьма немногие. Но ищут именно его. В газетах объявлено о крупной награде за поимку.

Он не спеша перебирал в уме мелочи недавнего обыска. Дураки набитые! Но и он тоже хорош. Книгу-то следовало захлопнуть, когда пошел отпирать дверь. А то сразу же видно — читал. Что же это за грузчик, читающий перед сном учебник высшей математики для инженеров? Да еще в такой поздний час... В этой мелочи сказалась привычка человека, имеющего дело с книгой: он не захлопнул ее, а отложил раскрытой, намереваясь через минуту продолжить чтение. Пустячок, конечно, но будь шпики поумнее, могли выйти неприятности. Следовало признать удачей, что он, поселяясь в этой каморке, захватил с собой один только учебник. А что вышло бы, валяйся у него на столе, скажем, «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» Маха или «История цивилизации в Англии» Бокля? Не говоря уже о Ленине, Чернышевском, Руссо. Сообразили бы даже эти дураки. «Странный, подумали бы, грузчик. Ишь чем занимается!» Это был бы верный конец.

Да и с куревом... Попросил вырвать несколько листочков, а ведь не курит же и никогда в жизни не курил! Даже страшно стало, сколько просчетов.

Опытный подпольщик, Сергей Лазо настойчиво требовал от товарищей соблюдения профессиональных правил конспирации. Сейчас, на последнем этапе подготовки к восстанию, положение нелегалов осложнялось тем, что их узнавали слишком многие: во время явок, встреч, митингов, собраний. Это опасно. У каждого имелось несколько подготовленных квартир, одевались они так, чтобы ничем не выделяться, никто не знает, откуда они приходят на встречу и куда уходят, никому не полагается знать больше того, что требуется по обязанностям. Большинство секретных документов Сергей пишет сам, своей рукой, чтобы предельно сократить число посвященных. Виновников провала, если вдруг такое произойдет, искать будет легко...

Расстелив матрац, Сергей дунул на крохотное чадающее пламя коптилки и стал укладываться. Вместо одеяла он укрывлся

тужуркой. Лежа с закрытыми глазами, он представлял себе тайную ночную жизнь большого приморского города. Контрразведка сбилась с ног. Вчера, 3 января, подпольный обком объявил в городе всеобщую забастовку и жизнь во всем Владивостоке замерла: опустели порт, Дальневосточный завод, закрылись магазины и театры, не работала даже электростанция, отчего город погрузился во тьму. Прекрасная организация, как бы смотр сил и готовности к решающим дням борьбы за власть!

Собственно, она для этого и затевалась, забастовка — для проверки: насколько рабочий Владивосток готов поддержать солдат городского гарнизона и хозяев тайги — партизанские отряды. Буквально накануне подпольному обкому сообщили, что три роты партизан с тремя пулеметами возле станции Сица напоролись на охрану из американских солдат. Завязался бой, но недолгий — американцы, не выдержав, бежали. Да, не вояки, не вояки. Сергей мог об этом говорить с уверенностью, — прошлым летом сам проверил в ночном бою. Но сообщение со станции Сица взволновало товарищей из обкома. Обстановка по всему Приморью накалена до предела, то там, то здесь стихийно вспыхивают стычки партизан с белогвардейцами и интервентами. Вооруженные отряды из тайги как бы нетерпеливо подталкивают тех, кто в городе, и поторапливают. И пролетарский Владивосток вчера убедительно показал, что тоже готов к борьбе.

С трудом укрывая тужуркой свое большое сильное тело, Сергей глядел в светлевшее окошко. Он хорошо представлял, как выглядел вчерашней ночью Владивосток с моря. Огромный город обычно залит разноцветными огнями. Сияет центральная улица Светланская, горящими утесами высятся конторы пароходных компаний и банков, море света в порту, где жизнь не затихает ни днем ни ночью. И вдруг непроглядная тьма, тишина, безлюдье. Несомненно, в штабе генерала Розанова кое о чем догадались и приняли меры. Власти, конечно, чуют опасность, нервничают и пытаются ухватить хоть кончик ниточки, чтобы обезвредить подпольный комитет. Но едва ли, едва ли...

Больших провалов подпольной организации Владивостока пока что удавалось счастливо избегать. Всего несколько одиночных арестов, в основном случайных, вот и все. Помогала конспирация, — научились. Два года назад, в восемнадцатом, за решеткой оказалось, по существу, все руководство во главе с Сухановым, Губельманом, Всеволодом Сибирцевым. Это был тяжелый удар. Сработал, конечно, провокатор, проникший в организацию. Палачи торопились расправиться с Сухановым, испытанным вожаком приморского пролетариата, его застрелили якобы при попытке к бегству. А Губельману и Сибирцеву удалось

бежать из концлагеря. Сейчас они незаменимые работники, несут на своих плечах основной груз подготовки к свержению белогвардейского режима. Контрразведка спит и во сне видит заполучить в руки хоть одного из руководителей владивостокского подполья. Ищут, ищут ниточку.

Однако двухлетней давности провал, когда большевики Приморья лишились своего руководителя Суханова, многому научил. Нужда, знаете ли, жестокий учитель... Она научит...

Незаметно задремав, Сергей вздрогнул от громкого собачьего лая. Что, неужели возвращаются? Нет, мимо... Бр-р, как холодно! Теперь уже не уснуть.

Поворачиваясь набок, он ощутил боль в спине и потер поясницу. Опять почки! Кажется, шлепанье босиком по ледяному полу не пройдет даром. Да и сквозняк в распахнутые двери... Жаль, если болезнь снова скрутит его в самый неподходящий момент. Болеть сейчас абсолютно некогда. Наступают горячие денечки. По существу, уже вся Сибирь соединилась с Советской Россией. Недавно Красная Армия взяла Барнаул, Новониколаевск, Томск. Сейчас она находится где-то в районе Красноярска. Под властью оккупантов остаются лишь три области Дальнего Востока. Япония делает ставку на двух людей: на атамана Семенова, собирающегося встретить Красную Армию в районе Читы, и на генерала Розанова, поставленного хозяйничать здесь, во Владивостоке. С помощью этих марионеток интервенты (в первую голову японцы) думают удержать в своих руках русский Дальний Восток. В выборе средств, как обычно, японцы не стесняются. В крайнем случае без малейшего колебания применяют военную силу. А вот как раз этого-то и не следует допускать! Наших сил пока явно недостаточно, чтобы в открытую сражаться с интервентами. Вот если бы подошла из России регулярная Красная Армия! Но она еще далековато, и на ее пути стоит такая трудная преграда — белые в Чите, «Читинская пробка». Следовательно, приходится лавировать, тянуть время и спешно сколачивать отряды, обучать, хорошенько вооружать...

Лихие головы рвутся в бой уже сейчас, немедленно. Сил у нас, они считают, вполне достаточно. На их взгляд, японцы заперты в городах и боятся высунуться за окраину. Зачем, мол, тянуть, чего дожидаться? Такая торопливость, такая спешка сейчас представляет для большевиков самую страшную угрозу. Едва появится хоть малейший повод, японцы с мстительной яростью кинут в бой все свои войска для расправы с большевиками, с рабочими отрядами. Поэтому Лазо всячески доказывал, убеждал, что вооруженная борьба с японцами означает неминуемую гибель, крах всех надежд на освобождение Дальнего

Востока от интервентов. Рано, рано! Как руководитель военного отдела подпольного обкома, Лазо понимал, что соотношение сил в Приморье пока явно в пользу японцев. Не обманываться первыми успехами, не давать интервентам повода вмешаться. Японцы только того и ждут. Одним ударом они смахнут все, что с таким трудом большевики налаживали в течение нескольких лет. Ни в коем случае нельзя давать им такую возможность!

В памяти еще совсем свежо неудачное восстание генерала Гайды. Всего полтора месяца назад, в ноябре, этот генерал, снятый Колчаком со всех постов и лишенный звания, появился вдруг во Владивостоке. Его нарядный поезд остановился в тупике на Нижне-Портовой улице, у самой ограды причалов. Штаб Гайды развил лихорадочную деятельность и в первые же дни установил связь с профсоюзами моряков, грузчиков, железнодорожников, находившихся под влиянием большевиков. Несомненно, мятежный генерал сразу оценил напряженную обстановку во Владивостоке и решил сыграть на ненависти к колчаковскому режиму. Генерал-авантюрист, опираясь на правозерковские и буржуазно-либеральные группировки, решил захватить власть. 17 ноября на рейде и в порту тревожно загудели пароходы — так началась всеобщая забастовка. Большой отряд грузчиков, получив оружие, строем покинул территорию порта. В два часа дня в городе вспыхнула первая перестрелка. Генерал Розанов обратился за помощью к японцам. Те с радостью двинули войска. Расправа с восставшими была короткой и жестокой. Генерал Гайда показал себя круглым дураком. Оборона — неминуемая гибель любого восстания. Успех только в наступлении, причем быстром и решительном. А этот вдруг надумал чего-то выжидать... Еще днем, засветло, на причале порта появился броневичок и обстрелял из пулемета мятежный корабль «Печенга». К вечеру в руках восставших остался лишь вокзал, где отчаянно сражался отряд грузчиков. В сумерках каратели принялись крыть по вокзалу из орудий. Грузчики бросились в штыковую атаку, но пробиться не сумели и погибли все до единого. Не случись этого ненужного кровопролития, мы сейчас были бы куда сильнее...

Не зажигая коптилки, Сергей стал одеваться. Промозглая приморская зима доставляла ему бесконечные страдания. В прошлом году его два месяца лечили в таежном партизанском лазарете.

Затем, то и дело хватаясь за поясницу, принялся растапливать печку. Сырые дрова долго не загорались. Пришлось сходить в сени и принести жестянку с керосином. Вот так каждый раз! Пока разгорятся дрова, пока наладится тяга... А время уходит, драгоценное время! Он подсчитал, что на эту проклятую

печку и на приготовление еды уходит два, а то и три часа в день. Крайне занятому человеку некогда расслаиваться за столом.

Дождаясь, пока закипит чайник, Сергей прикинул, чем заняться в первую очередь. С утра у него назначено несколько встреч. Он не сомневался, что будет много вестей из партизанских районов, Владивосток, по существу, обложен со всех сторон. Каждый день происходят вооруженные стычки. Обстановка осложняется еще и тем, что многие товарищи, несмотря на решение недавней партконференции, не признают всей остроты положения. Приходится без конца повторять одно и то же: не давать ни малейшего повода японцам, воевать с ними мы не в состоянии. Сейчас любая мелочь может привести к непоправимой беде. Но как втолковать это, как убедить? Хотя свою голову отдай! Недавно они с Кушнаревым, одним из руководителей приморского подполья, долго говорили. Досадно, что Москва так далеко, вдобавок отрезана фронтами. Проклятая «Читинская пробка»! Это своего рода кордон, граница. Приходится держать связь с Иркутском. Оттуда легче сноситься с Москвой. Из Москвы политическое положение в стране видно отчетливее, шире. И это понимают все. Наверное, на днях самому Кушнареву придется отправиться в далекий и опасный путь. Если ему удастся добраться до Иркутска, то оттуда он легко свяжется с Москвой, с Лениным. Это сейчас так важно, так необходимо. А до указаний вождя подпольщики Приморья будут придерживаться решений партконференции. Кушнарев обещал не задерживаться ни одного лишнего дня. Он сам лучше всех понимал, что теперешнее Приморье напоминает бочку с порохом.

Жадно глотая огненный кипяток, Сергей набросал письмо жене. Пригодилась чистая страничка, вырванная охранником из учебника математики. С прошлого года Ольга с дочкой жила в деревне Гордеевке. Он сам посоветовал ей оставить опасный Владивосток. Время от времени удавалось посылать ей письма с товарищами. Связь с таежными районами действовала постоянно. Опытная подпольщица, Ольга работала в Гордеевке учительницей. Деревенская школа являлась передаточным звеном в системе связи партизанских сил с подпольем во Владивостоке. В своих письмах Ольга наряду с деловыми сообщениями рассказывала о маленькой Адочке. Сергей видел дочь всего один раз, ночью пробравшись из таежного лазарета в Гордеевку. Он был уверен, что в скором времени Ольга переедет во Владивосток. Колчаковский режим в Приморье доживал последние дни.

Запирая дверь своей каморки, Сергей посмотрел на окна хозяев. Там уже горел свет. Ранний уход квартиранта стал им привычен. Грузчикам некогда нежиться в постели... Сырой

пронзительный ветер с океана прохватил до костей. Ну и погодка! Сергей согнулся и, сберегая остатки домашнего тепла, обхватил себя за плечи. Сама собой появилась торопливая пробежка, как и у других обитателей рано проснувшейся рабочей слободки, — десятки согнутых фигур спешили по переулкам вниз, в город. Интересно, что собаки сейчас безмолвствовали, словно вымерли. Днем у них, видимо, совсем другие обязанности.

Узкий грязный переулок заворачивался возле керосиновой лавки. Соседнего домишка уже не разглядеть, — с моря в этот час поднимался густой, плотный туман, и люди исчезали в нем, как в мутной воде.

Дверь лавки загорожена пустой бочкой с черными маслянистыми боками. Поверх большого амбарного замка висел косой лоскут серой бумаги. Сергей невольно пригляделся. На лоскуте углем выведены корявые буквы: «Карасину нет и не известна». Сергей усмехнулся.

Послышался цокот копыт, из тумана появились мутные силуэты всадников. Казачий разъезд... Странно, раньше казаки в рабочей слободке не показывались. Чуть дальше Сергей встретил патруль гардемарин. Сомнений быть не могло: после вчерашней забастовки все внимание рабочим окраинам. Чуют, откуда ветер дует...

Внезапно туман вокруг словно ожил и раздался. Это вспыхнули фонари уличного освещения. Назначенный срок забастовки миновал, заработала электростанция. Спустя минуту снизу, со Светланской улицы, донесся пронзительный звонок трамвая. Жизнь в городе началась.

Удивительное ощущение! Город наводнен всевозможными войсками, мечется контрразведка, беснуются штабы, а власть, настоящая власть во Владивостоке невидима и неуловима, она дает знать о своем могуществе вот так, как вчера, — парализовав город в одно мгновение. И пусть стучит по столу истеричный генерал Розанов, пусть генерал Оой, командующий японскими войсками, презрительно цедит приказания сквозь редкие зубы, — стоит только принять решение, и сила этой власти заявит о себе в полный голос.

Снизу, из порта, неслись сиплые гудки буксиров, четко и звонко пробили склянки на японских крейсерах. Туман еще заволакивал город, но сверху, над Тигровой сопкой, уже обозначились голубые промоины. По всем признакам день обещает быть ясным, солнечным.

Спустившись из переулка на Светланскую, Сергей остановился. По булыжной мостовой, мерно топая, двигался отряд японских солдат. Тускло поблескивали плоские штыки.

Одного взгляда на солдат было достаточно, чтобы определить: этот отряд только сейчас сошел в порту с корабля и направлялся в казармы. Японцы не перестают втихомолку подтягивать подкрепления.

«Неужели все-таки не удастся избежать вооруженного столкновения?»

Японский отряд прошел. Солдатишка из последнего ряда запрыгал на одной ноге, стараясь подтянуть обмотку. Офицер, шагавший сбоку, остановился и рывкнул на разгильдя с такой злостью, что подскочил на месте. Солдатишка без памяти кинулся в строй. «Дисциплинка! — додумал Сергей. — Впрочем, надолго ли». Свежие части японцев, еще не распропагандированные, не знакомые с обстановкой в Советской России, действуют бездумно, подчиняясь воле офицеров. Так было, например, совсем недавно, во время расправы с восстанием генерала Гайды.

Глядя вслед уходившему отряду, Сергей отвлекся на совершеннейший пустяк: разматается в конце концов солдатская обмотка или нет? «Должна!» — загадал он, наблюдая, как старательно марширует солдатишка. Так и вышло: размоталась. Усмехнувшись, Сергей не стал смотреть, как петушится, злобно ощерившись, офицер, и пустился в путь на другой конец города.

День разгорался, уже очистилось небо над Тигровой сопкой, вот-вот выглянет солнце. Но любоваться раскинувшейся панорамой Золотого рога Сергею не приходило в голову. Мысли его находились далеко.

Восстание... Сейчас это самое важное. Удастся ли обмануть японцев, не дать им повода вмешиваться? Трудность заключалась еще и в том, что некоторые товарищи из подпольного обкома до сих пор не сознают всей остроты обстановки. Да что там говорить о других, если он сам совсем недавно, до партийной конференции, был тоже убежден, что японцы не помеха. Горячность, поразительная слепота! И понадобился весь авторитет Кушнарера, вся его логика и сила убеждения, чтобы партконференция приняла именно его точку зрения. Осторожность и еще раз осторожность! Один неверный шаг может погубить все дело... Пока Приморье наводнено войсками интервентов, брать власть большевикам равносильно самоубийству. Объединенными силами японцы и американцы в два счета покончат с Советами и укрепят военную диктатуру генерала Розанова.

Проходя по центральным улицам города, Сергей Лазо несколько раз видел марширующих солдат. Готовятся, готовятся... Сергей с благодарностью вспоминал о Кушнарере. Страшно подумать, что вышло бы, останься Кушнарер на

партконференции в меньшинстве. Нет, старый товарищ сумел остудить горячие головы, доказать, переубедить. Умница!

Для городской партконференции удалось найти удобное и безопасное помещение: обычную баню для рабочего люда Первой речки. В любом другом месте многолюдное собрание вызвало бы немедленное подозрение.

В целях конспирации делегаты конференции собирались с узелками белья. Подгадали к самому закрытию. Когда совсем стемнело, рабочая охрана заняла свои обычные места на подступах к бане.

Здесь, на окраине города, собрался самый цвет большевистского подполья. Эти люди стояли у истоков борьбы против интервентов и белогвардейщины. Многие из них прошли тысячи верст по тайге с боями, принимали участие в знаменитом Майхинском рейде партизан, дрались с американцами возле Перетино, били японцев на перевалах Сихотэ-Алиня, создавали первые органы Советской власти на съезде трудящихся Ольгинского района. Имена их значились в списках нескольких контрразведок, цена их голов котировалась не только в русских рублях, но и в японских иенах, и в американских долларах.

Партийная конференция собралась в необыкновенно сложное время. Позади остались годы поражений и провалов, впереди уже зримо вырисовывались контуры победы. До полного торжества оставалось совсем немного. Но именно сейчас, в эти дни, каждый неверный шаг мог свести на нет всю многолетнюю работу.

И все же радостное, боевое настроение не покидало делегатов. Всеми владела уверенность: еще немного, и Советская власть победит и на Дальнем Востоке!

Банная духота становилась невыносимой. Делегаты потихонечку расстегивали воротники и дергали на груди рубашки.

Прервав доклад, Кушнарев (Товарищ Петр) с улыбкой обронил:

— Ничего, товарищи, потерпите. Это последний раз.

Следующая партконференция большевиков Владивостока, и в это верили все, состоится уже вполне легально и в подходящем помещении.

Туманный ореол над тусклым пламенем свечи, прилепленной к днющу перевернутой шайки, слабо освещал лицо докладчика, скуластое, с глубоко посаженными глазами. Кушнарев говорил стоя, энергично взмахивая кулаком, — привычный жест митингового оратора. Авторитет Товарища Петра среди рабочих Владивостока был огромен. Убеденный

ленинец, он здесь работал с незапамятных времен. Это по его настоянию подпольный обком вызвал Сергея Лазо из тайги, из лазарета, и поручил ему военные дела. Сейчас Кушнарев возглавлял союз трудящихся Временных мастерских (шесть тысяч рабочих и служащих). Партийная организация мастерских действует на правах районного комитета РКП (б).

Накануне конференции Сергею не удалось увидеться с Кушнаревым. Тот явился в баню одним из последних, наспех поздоровался со знакомыми, а Сергею, не задерживаясь, бросил на ходу:

— Я думаю, ты меня поддержишь!

Сергей удивился: ну еще бы! За все время, пока он, выйдя из тайги, налаживал военную работу во Владивостоке, у него с Кушнаревым ни в чем не возникало разногласий. Единомышленники!

Начало кушнаревского доклада Сергей слушал с удовлетворением. Да, проделана колоссальная работа по организации пролетарских сил города. Дальзавод, Эгершельд, Временные мастерские, порт — это тысячи и тысячи рабочих, грузчиков, моряков. А солдаты гарнизона! Во всех боевых частях, кроме гарнизона Русского острова, укрепились и действуют большевистские комитеты.

— Солдатская масса целиком за нас, товарищи! — энергично объявил Кушнарев.

Самая ответственная часть доклада: современная обстановка и задачи большевиков. Кушнарев, волнуясь, передохнул и вытер воспаленное лицо. Жарко! Он покосился на деревянную дверь в парное отделение. Дверь была затворена, но представитель Дальзавода, сидевший неподалеку, привстал и для верности притворил ее плотнее.

Своеобразная обстановка складывалась в эти дни в Приморье! Полный разгром Колчака и неудержимое разложение его армии, но в то же время наращивание военных сил интервентов, в первую очередь японцев. Из достоверных источников подпольный обком получает сведения, что Япония готовится применить силу. Для этого ей необходим всего лишь повод. Достаточно вспомнить, с какой жестокостью японцы помогли генералу Розанову подавить недавнее восстание авантюриста Гайды. Нет сомнения, что они и сейчас с готовностью поддержат генерала Розанова. Разумеется, им не Розанов дорог, им важно разгромить растущие силы большевиков.

— Ну, это дай бог нашему теляти волка зыисты! — насмешливо заметил невысокий крепенький мужичок, пробравшийся во Владивосток из Сучанской долины, от партизан.

Перед началом конференции, пока дожидались Кушнарева, он увлеченно рассказывал, как партизаны, почувствовав свою силу, дерзко прорываются к фортам Владивостокской крепости и снимают замки с орудий. Все чаще происходят стычки с разъездами белогвардейцев на дорогах вокруг города. А недавно небольшой партизанский отряд совершил налет на Сихотэ-Алиньский подъемник. Японский гарнизон открыл беспорядочную стрельбу и отошел. «Бьем, бьем мы их, товарищи, — с задором рассказывал партизан. — Японцы, оказывается, тоже умеют бегать. И еще как!»

Утомленным жестом Кушнарев потер лоб. Боевое настроение партизан представлялось сейчас чрезвычайно опасным. Шапками японцев не закидать. Уже теперь в Приморье сосредоточено около 175 тысяч японских солдат. В открытом бою партизан ждет неминуемый разгром. Следовательно, тактику большевиков диктует сама обстановка: всячески избегать вооруженного столкновения.

— Наша цель — свалить генерала Розанова. Но свалить так, чтобы японцы не нашли повода сунуться ему на помощь. Бескровный переворот! Сможем мы это сделать? Должны! Иначе...

Представитель Дальзавода не вытерпел и спросил, не считает ли докладчик Коротышку дураком. (Коротышкой подпольщики называли японского генерала Оой.) Неужели японцы будут сидеть сложа руки и наблюдать, как гибнет их марионетка?

— В этом-то и трудность, товарищи, в этом-то и сложность, — проникновенно говорил Кушнарев. — Мы обязаны внушить им, что с Колчаком покончено навеки, режима этого больше не существует. Есть ли им смысл защищать генерала Розанова? Это же мертвая фигура! А тем временем подойдет Красная Армия. Да и сами мы станем сильнее.

— Но власть-то? — с нажимом спросил представитель Дальзавода. — Власть берем или не берем?

«О чем он? — удивился Лазо. — Какой может быть об этом разговор?»

Однако Кушнарев медлил, покачивая головой. Задан самый щекотливый вопрос: о характере власти после победы восстания.

— Прошу понять меня правильно. Если мы немедленно провозглашаем Советскую власть, это тут же вызовет вмешательство японцев. А воевать с ними, я повторяю, у нас пока не хватает ни сил, ни вооружения.

— Так для кого же мы стараемся? — донесся голос из самого угла, куда не доходил малокровный свет оплывающей свечи.

— Кстати, товарищи, — спросил Кушнарев, — у нас есть еще свечки, нет? Эта кончается. Передайте сюда. А. то погаснет.

Он не торопясь зажег от умиравшего огарка свежую свечу и установил её на шайке, вдавив в твердеющий натек воска. Полюбопытствовал — не упадет ли?

«К чему он клонит?» — недоумевал Лазо. Ему казалось, что Кушнарев намеренно затягивает свой ответ на прямиком поставленный вопрос.

Снова повторив, что провозглашение Советской власти, так сказать в чистом виде, приведет к войне с японцами, Кушнарев предложил передать власть Приморской земской управе.

Дальнейшие слова докладчика потонули в гуле возмущенных голосов:

— Да там же одни эсеры!

— Позорище!

— Что же это за переворот?

Как видно, ожидавший именно такой реакции Кушнарев поднял руку.

— «Розовый» переворот, товарищи, пока всего лишь «розовый».

Ему не дали говорить.

— Таскать каштаны из огня... А для кого? Для дяди?

— Нет, это черт знает что!

Повысив голос, Кушнарев принялся доказывать, что установление Советской власти в чистом виде как раз и будет «для дяди», так как послужит поводом для вооруженного вмешательства интервентов. С какой стати играть им на руку? Большевики ни в коем случае не должны выдвигаться на первый план. Земская управа — прекрасный щит. Против нее интервенты не посмеют выступить. А большевикам на данном периоде только того и надо.

«Значит, вот почему он сказал, что надеется на мою поддержку. Но управе? Что за странная уступчивость? От близорукости? Нет, Кушнарев не таков. Но почему он не берет в расчет противоречий между „союзниками“: японцами и американцами? Как те, так и другие отнюдь не собираются поступаться своими планами. Зря они, что ли, привезли сюда столько своих войск? Вот куда надо заколачивать клин, вот чем воспользоваться...»

Не спрашивая разрешения, резко поднялся представитель гарнизона, гладко выстриженный по-солдатски, но с нашивками ефрейтора. Лазо взгляделся и припомнил: кажется, из егерского полка, расквартированного в Коммерческом училище. Возражая против передачи власти земской управе, ефрейтор с обидой напомнил о больших потерях среди большевистски настроенных солдат: аресты, провалы, столкновения. Ради чего же эти жертвы?

Нет, тут что-то недодумано. Настроение в гарнизоне — только за Советы. Да и не надо нас пугать японцами и теми же американцами. Знаем их! Вы только и про наши силы не забывайте. 1-й Дальневосточный полк — шутка? А партизан сколько? А недавно в Сучане восстали сразу два батальона и убили своих офицеров! Нет, пусть лучше японцы нас боятся, а мы их — хватит, побоялись. Ефрейтор опустил на место, но тут же вскочил снова:

— Вот сидит товарищ Лазо. С какими глазами он появится перед солдатами? Да они его разорвут, если узнают, что он их за управу поведет.

— А он сейчас нам сам скажет, — вставил Кушнарев. Красноречивым взглядом он побуждал выступить Лазо, не отмалчиваться. Мнение командующего вооруженными силами значило многое. Но что же говорить? Затевать спор? Откуда у Кушнарева такая уверенность? Не такой он человек, чтобы судить и поступать необдуманно.

Своим «коньком» Сергей Лазо всегда считал умение увязывать местные события с положением на международной арене. А совсем недавно, перед своим возвращением из таежного лазарета во Владивосток, Сергей Лазо увиделся в Белой пади с Николаем Ильюховым, командиром 1-го Дальневосточного полка. За плечами Ильюхова долгий партизанский путь. Это он организовал «Комитет по подготовке революционного сопротивления контрреволюции и интервенции» в Сучанской долине и сформировал первые партизанские отряды, руководил одной из групп в героическом Майхинском рейде, когда партизаны разгромили несколько крупных гарнизонов в деревнях долины.

В Белой пади Сергей Лазо и Николай Ильюхов говорили о разногласиях в лагере интервентов. Никакой дружбы между «союзниками» нет и в помине. Эти хищники, мечтая завладеть таким лакомым куском, как советский Дальний Восток, готовы перегрызть друг другу глотки. Этим-то и следует воспользоваться!.. Сейчас, прислушиваясь к спору делегатов с докладчиком, Сергей Лазо недоумевал. Почему Кушнарев не берет в расчет грызню «союзников»?

Сергею казалось, что он нашел слабое место в неожиданной установке докладчика. Никак нельзя сбрасывать со счета неизбежные противоречия в стане самих «союзников».

Щурясь на расплывающийся в банном тумане огонек свечи, Сергей мысленно призвал себя к спокойствию и начал неторопливо, издали. Острые противоречия, существовавшие между царской Россией и ее соперниками на мировой арене,

были противоречиями империалистическими. Но с октября 1917 года они стали классовыми. И это, по существу, основные противоречия современной эпохи.

Кушнарев сначала не мог понять, к чему бы это? Его крепкое скуластое лицо простого рабочего выразило недоумение. И лишь когда Лазо заговорил о нынешних непримиримых интересах интервентов, он не сдержался и с досадой ударил себя по коленке. Не так все просто, как это кажется!

От Лазо не укрылось недовольство Кушнарева. Да, Товарищ Петр рассчитывал на его поддержку. Но — минуточку терпения — сейчас он выложит свои доводы.

— Думаю, нет никакого секрета в том, что Япония и Америка втихомолку ненавидят друг друга. Они хорошо вооружены, полны сил. Аппетиты у них, как у волков. И вот эти две стаи хищников наскочили на наш берег. Что тут следует принимать в расчет? Посылая свои войска, они понесли громадные расходы. Что же, это все полетит в трубу? Не такие они щедрые! Следовательно, конфликт между ними неизбежен. Вот и пусть себе дерутся на здоровье, нам это только на руку.

Возражая, Сергей старался говорить спокойно, убедительно. Он знал, что у подпольщиков к нему отношение особое. Бывший столичный студент, затем офицер, много читает, знает иностранные языки... Выкладывая свои доводы, он как бы рассуждал вслух и советовался, предлагая товарищам, прежде чем выступать, взвешивать поосновательней. Больше всего его озадачивало, что сегодня он вынужден возражать самому Кушнареву. Но ведь и вопрос-то сегодня!.. Даже малейшая ошибка тут должна быть исключена. Поэтому он, заканчивая свое выступление, едва заметно улыбнулся и повторил:

— Пускай себе дерутся на здоровье!

— Нашли дураков! — насмешливо заметил Кушнарев.

— Но противоречия-то! — воскликнул Лазо. — Ни на минуту не забывайте о противоречиях. Они их заставят драться.

— Это уж как пить дать! — обрадованно загудел из своего угла гладко выстриженный ефрейтор. Он добавил, что уже сейчас в отношениях между японскими и американскими солдатами заметна откровенная вражда. Японцы злятся: зачем черти принесли американцев в такую даль? Делать им здесь совершенно нечего. Пусть промышляют где-нибудь поближе, у себя под боком.

— О! Именно, именно! — оцепил Лазо поддержку. Ефрейтор тронул рукой лавку, осмотрел ладонь и осторожно сел.

Кушнарев нервно забарабанил пальцами по коленке. Спор грозил разрастись. Но от сегодняшнего решения зависело

слишком многое, — по существу, судьба восстания. Скинуть генерала Розанова большой трудности теперь не представит. Но японцы! Они ждут не дождутся повода установить во всем Приморском крае военный режим. Щекотливость момента в том и состоит, чтобы на глазах вооруженных до зубов японцев свалить генерала Розанова и в то же время не дать им даже малейшего повода выступить на его защиту. Как это втолковать своим, как убедить? Самое опасное, что этого никак не могут понять представители воинских частей. А ведь у них в руках оружие. Достаточно одного неосторожного выстрела... Потом не исправишь!

— Но почему, — выдержанным тоном спросил Кушнарев, — вы считаете «союзников» дурней себя? Вы собираетесь заставить их колошматить друг дружку нам на потеху. А почему бы, например, той же Америке не сравить нас с Японией? Тем более, что это так просто. Выстрелит дуриком чья-нибудь винтовка, а пуля попадет в японского солдата. И — все, больше им ничего не надо. Вспомните, как они высадили десант. Забыли?

История с японским десантом в прошлом году была еще совсем свежа. Поздней апрельской ночью неизвестные лица совершили налет на контору фирмы «Исидо», убили двух служащих. Немедленно с японских крейсеров к берегу тронулись шлюпки, полные солдаты.

Сергей оценил замечательную выдержку Кушнарера. Вот настоящий руководитель! Недостаток образования (да что там — отсутствие всякого образования!) этот рабочий неустанно пополнял чтением. Прирожденный, митинговый оратор, Кушнарев сейчас, на конференции, вынужден был изменить своей манере говорить и принял тон, предложенный Лазо. Если на митинге, среди рабочих, не очень-то посоветуешься, то здесь приходилось именно советоваться, вникать, разбирать ошибки и заблуждения, причем никого не обрывая, не перебивая.

— Вспомните Брестский мир. — Приводил свои доводы Кушнарев. — Как нападали на Ильича! А что вышло? А вышло как раз по Ленину. В марте мы подписали, а уже в ноябре, когда немцы кайзера свергли, все к черту аннулировали. Вот она, политика-то! Учиться надо.

В банном зале установилась настороженная тишина. Стало слышно, как под ногами прохожего на улице скрипит морозный снег.

Брестский мир... Какое ожесточение кипело, какие упреки сыпались на головы ленинских сторонников! А вышло? Кушнарев прав: вышло по-ленински. И страшно представить, что было бы с республикой, не подпиши тогда большевики этого унижительного

мира с немцами.

— И потом, вы же знаете, — продолжал Кушнарев, — ходят слухи, что американцы собираются уводить свои войска. Слухи обоснованные: ведь у американцев неспокойно дома. Политика интервенции непопулярна. Газеты шумят. Правительство вынуждено с этим считаться. Думаю, нужно ждать от американцев какого-нибудь официального шага... ну, ноты, например, или заявления. Так это делается.

Мысль Лазо работала лихорадочно. Странно, что он сразу не придал серьезного значения слухам о возможном отступлении американцев. А что, если они в самом деле решили умыть руки? Неуютно им здесь, — далековато все же забрались. Да и вояки никудышные...

Продолжая размышлять, Лазо говорил:

— Тогда, прежде чем уйти, им необходимо договориться с японцами, ведь американцам выгодно, если Япония увязнет в войне с нами. Воевать с большевиками чужими руками — это вполне в их духе. Вполне!

Довольный Кушнарев добавил:

— Они еще и подпихнут их! Я имею в виду японцев.

Движением указательного пальца Лазо засвидетельствовал меткость замечания товарища Петра:

— Именно!

Он заметно ободрился, повеселел. «Вот в чем наша сила — в коллективном уме, в общих решениях. Собрались, обсудили, поспорили и нашли единственно правильную линию поведения». Теперь, убежденный доводами Кушнарева, он употребит весь свой авторитет, чтобы решения, только что принятые здесь, проводились в жизнь неукоснительно и твердо.

Недовольный переменой в настроении Лазо, ефрейтор из егерского полка крикнул:

— Не поймут нас, если мы управе власть на блюдечке преподнесем!

— Должны понять! — потребовал Лазо. — Сейчас это ваша главная задача.

Итак, с основными разногласиями было покончено. Призрак кровавого столкновения с японцами отрезвил горячие головы. Без Красной Армии с интервентами не справиться. Если даже американцы и в самом деле намерены увести свои войска, то они предварительно о многом договорятся со своими «союзниками» и окончательно развяжут им руки.

Необычная обстановка на Дальнем Востоке заставила большевиков принять на первый взгляд удивительное решение: бороться за власть для областной земской управы. «Розовый»

переворот удержит интервентов от выступления хотя бы на первых порах. А чтобы выиграть побольше драгоценного времени, в ход следует пустить крупнейшую карту — влияние консульского корпуса. Земская управа обратится к покровительству иностранных консулов, а через них — к мировому общественному мнению. Этот мощный рычаг японцы не посмеют игнорировать, по крайней мере сначала.

Иностранные представители во Владивостоке с самого начала революции проявляли удивительную активность. В 1917 году консульский корпус специальным решением категорически отказался признать власть Совета — только земская управа. Через несколько месяцев, в феврале следующего года, консулы выразили решительный протест по поводу рабочего контроля во Владивостокском порту, пригрозив «принять меры, которые они сочтут необходимыми». И вскоре приняли: был явно спровоцирован налет на контору «Исидо». Иностранная оккупация советского Дальнего Востока проходила под неустанной опекой консулов. Вмешиваясь во все дела, они неизменно заявляли, что действуют не только в интересах «международной справедливости», но и защищают законную российскую власть, — так они называли старорежимную земскую управу. Что же, теперь их следовало на этом и ловить. Пусть знают, что «страшные» большевики борются всего лишь против генерала Розанова, как представителя окончательно обанкротившегося Колчака. Иностранным представителям негоже вмешиваться во внутренние дела русских, тем более что большевики не помышляют ни о чем другом, как только укрепить власть любезной сердцу консулов земской управы. Таким образом консулы, хотя бы они этого или не хотят, будут вынуждены сдерживать кровожадность японской военщины. А это в конечном счете на руку большевикам, потому что дает выигрыш во времени.

Итак, самый главный и самый сложный вопрос партийной конференции решился. Удалось убедить даже непримиримых. И людьми овладело хорошее, бодрое настроение.

Представитель Дальзавода, давно уже спустивший с плеч свою промасленную кожанку, подмигнул сердитому ефрейтору:

— Тут и о «колчаках» забота: все-таки перед управой им капитулировать способнее, чем перед нами.

Вынужденные принять необычайное решение, большевики тем не менее ни на минуту не отказывались от реальной власти. Как только переворот произойдет, при управе создается Военный совет (по существу, он действует уже сейчас). Так что фактически власть из своих рук большевики не выпускают.

Закрывая конференцию, Лазо просил делегатов не поддаваться на провокации японцев и не давать им повода применить силу.

— Особо подчеркиваю один важный момент: все воинские части должны первым долгом вынести решение о полной и безоговорочной поддержке земской управы. О полной и безоговорочной!

Широкий ветер одолел туман, содрал его тяжелую влажную шкуру с побережья, и большой нарядный город засверкал под голубизной высокого неба. Как будто даже теплее стало. С высоты Нагорной улицы открывался чудесный вид. Чуркин мыс ограждал от океана залив Золотой рог. Вдали, в синеве, отчетливо проступали холмы Русского острова. На рейде и в акватории порта тяжелыми утюгами замерли военные корабли: японские, американские и английские (одно время здесь стоял даже китайский крейсер, тоже примчался на запах поживы). Сергей впервые обратил внимание, что орудия японских крейсеров направлены на город. Интересно, а вчера куда они смотрели? Сейчас все напоминало о приготовлениях к нападению... И снова он подумал о власти видимой и скрытой. Вчерашним утром этот заставленный военными кораблями порт представлял странную картину. Объявляя о начале забастовки, загудели пароходы, катера, буксиры — пар тучами срывался с труб и уносился в сопки. Рев подхватили гудки электростанции, Временных мастерских, на станции засвистели паровозы, на «Печенге» ударил сигнальный колокол. Китайцы, ловцы трепангов, вскочили в своих лодочках и принялись колотить в сковороды. Жители Владивостока кинулись на набережную...

Навстречу Сергею попался разносчик свежей рыбы. Солнце поднималось все выше — день разгорался.

Переулки, улочки, тупики, подобно ручейкам, сбегались к улице Светланской. С Китайского базара валили толпы домохозяек и кухарок с корзинами провизии. Отчаянно гремя, прополз трамвай. На городскую суету меланхолически взирал с гранитного постамента одинокий Невельской с пышными бронзовыми эполетами адмирала на мундире. Возле просторного причала дожидался летнего сезона плавучий ресторан.

На Светланской все напоминало о первых поселенцах, заложивших на побережье этот порт. Само название улицы сохранило память о веселых разбитных матросах фрегата «Светлана», рубивших просеку в вековом приморском лесу. Могучие кедровые и сосновые деревья возвышались на самом берегу. В конце залива, в Гнилой уголке, человек мог продрасть только с помощью топора. Первопоселенцы основали на берегу военный пост и

стали здесь дозором, устремив взгляды в беспредельную даль океана, откуда ежедневно вставало солнце. Скоро к ним стало прибывать подкрепление. Вон к тому мысу пристал корвет под командой капитана Эгершельда. Матросы, ступив на берег, попали в объятия соотечественников. Первой же ночью новичков поразил низкий рык охотящегося тигра.

Быстро, незаметно дикий берег стал застраиваться. С лопат день-деньской летела земля. Поднялись стены форта, из бойниц в сторону океана высунулись жерла орудий. Таким невзрачным на первый взгляд выглядел дальневосточный фасад гигантской Российской империи. И хотя воду для питья приходилось возить сюда из Японии (а веники для подметания из Кореи), новый порт в считанные годы превратился в первоклассную крепость. Заработала связь с Йокогамой, Шанхаем и Сан-Франциско, потянулись корабли под разными флагами, во Владивостоке обосновалось 12 иностранных консульств, выросли конторы, банки, причалы и склады, задымили заводы, мастерские, электростанции, загремел трамвай, закричали автомобили.

«Важнейшим городом на русском Дальнем Востоке, — писал Фритьоф Нансен, — бесспорно является город, именуемый Владивостоком. После падения Порт-Артура он — база русской силы и влияния на Тихом океане и, может быть, в недалеком будущем станет фокусом важных событий».

Впервые Сергей увидел этот удивительный город ясным и свежим утром, и дыхание океана показалось ему прикосновением прохладного и влажного плеча юной купальщицы. От близости порта, от сверкания безбрежного пространства водной глади, чуть замглившейся на горизонте, повеяло дальними экзотическими странами. Вспомнились книги, прочитанные в тишине родительского дома при свече, перед глазами наяву замаячили соблазнительные картины полуденных краев. Пользуясь каждой свободной минутой, он с увлечением бродил по улочкам этого диковинного города. Владивосток уже ничем не напоминал задворки империи, это был крупный международный центр. Пожалуй, во всей России не найти такого города. Авантюристы, консулы, рабочий люд, матросня, оркестры ресторанов, коляски, авто... На рейде редела туша парохода и бросала в воду якорь. К вокзалу подкатывал экспресс, покрытый пылью Зауралья. Пассажиры, сохранившие в своем облике неистребимые черты уездной глухомани, ошеломленно вертели головами, дивясь на блеск витрин и пестроту иностранцев. В отеле «Версаль» не переставая махали стеклянные двери, лакеи проворно таскали тяжеленные кофры деловых людей, заляпанные самыми причудливыми наклейками.

Понадобились дни, чтобы понять всю необыкновенность Владивостока. Здесь существовало как бы три совершенно непохожих города. Центр являл собой величие империи, ее растущее значение в волнуемом мире. Конторы, банки, увеселительные заведения, штаб крепости, редакции газет, Восточный институт, Коммерческое училище... Военная крепость с приземистыми фортами олицетворяла мощь и силу державы, ставшей у самого края океана, орудия грозно устремляли свои жерла к горизонту. Однако наряду с этим существовал еще один Владивосток, город нищеты и грязи. На Семеновском базаре бойко продавалась контрабанда: чулки, сигареты, бритвы; в Корейской слободке тайно гнездились отвратительные притоны, а в узких улочках «Мильонки» свежий человек терял голову от дурноты невыносимых запахов и без надежного провожатого мог пропасть, исчезнуть без всякого следа. Безобразная «Мильонка» стала неразлучным спутником великолепного Владивостока, его зловонной язвой. Здесь разговаривали на «пиджине», испорченном английском, и стряпались документы на все случаи жизни, в грязных харчевнях веселился отчаянный народ со всех концов мира (иные переменяв десяток имен и давно уже наплевав на весь белый свет), маленький японец в турецкой феске почти задаром обучал желающих приемам джиу-джитсу, а голодный перс предлагал секрет адской машины карманного типа. Воздух «Мильонки» состоял из одних криков. Верещал фокусник, подбрасывая цветные шары и ловя их босыми ногами, завывал продавец талисманов для солдат, грузчиков и проституток, пронзительно визжал зазывала в дверях харчевни. На самом пороге харчевни спал старый китаец и дрыгал во сне ногой. Мальчик с косичкой таскал бутылки с пивом. Тучный повар ловкими жестами кидал на стол тарелочки с соевыми бобами и акульими плавниками, тарелочки вертелись волчком и, скользя по столу, останавливались в нужных местах. Повар вдруг издавал визг — и выбегал мальчик с блюдом пампушек, сваренных на пару... На «Мильонку» всегда проникала самые свежие новости. Лежа на продранных циновках, посетители шепотом рассказывали о ночном обыске в гостинице «Версаль», о крушении поезда с японскими солдатами, о пожаре на барже с керосином. Наиболее осведомленные со страхом показывали на нищего, невозмутимо евшего палочками лапшу. Вчера этого нищего видели выходящим из японского штаба на Светланской в мундире капитана. Зачем его занесло на «Мильонку»? Никто не знает. Но не исключено, что уже завтра он окажется в Никольске-Уссурийском под видом коммивояжера...

Попав во Владивосток, Сергей Лазо испытал на себе

невыразимое очарование этого молодого города, так стремительно выросшего на краю державы. Своей пестротой улицы Владивостока чем-то походили на кишиневские, но здешняя пестрота конечно же не шла ни в какое сравнение с тамошней. Здесь слишком уж разнообразен был народ: японцы и китайцы, американцы и французы, матросы, грузчики, водоносы, уличные парикмахеры. И он тогда подумал: вот край земли, край родины, обрыв в беспредельный океан, которому нет конца, каким бы близким ни казался горизонт, — линия, где смыкались небо и вода, была всего лишь чертой обмана, потому что и там, за горизонтом, все так же простиралась колыхающаяся беспредельная гладь... От первых необычных впечатлений под сердцем возникло неясное и необъяснимое волнение, и, помнится, он тогда подумал, что в этом необычном городе неизбежны всяческие интересные истории, а чуть позднее появилось смутное предчувствие того, что станет его собственной судьбой.

Разумеется, позднее, когда он с головой ушел в работу, для подобных мыслей уже не оставалось времени.

Владивосток, третья по размеру морская крепость России (после Кронштадта и Севастополя), стал на глазах Сергея приморским Петроградом. Опасная и трудная работа свела его здесь с людьми, которыми он тоже не мог не восхищаться. Прежде всего, конечно, «старики» или «зубры», как с любовью называла их молодежь: Моисей Губельман, Федор Шумятский, Роман Цейтлин, Иосиф Кушнарев, — люди, прошедшие суровую школу подполья, побывавшие в тюрьмах и на каторге, прекрасно знающие местные условия, отчего их значение для того, что предстояло, было неоценимо. Всеволода Сибирцева он встречал еще в Петербурге, в годы учебы, с Николаем Ильюховым дороги сошлись уже здесь, в Приморье. В подполье работала прекрасная молодежь: Игорь Сибирцев, Саша Фадеев, Мария Сахьянова, Тамара Головнина, Настя Нешитова... За плечами этих товарищей Сергея, старых и молодых, была вся история большевистского Приморья.

На солнечной стороне Светланской пестрое гулянье. Ослепительное солнце горит на куполах громадного собора. В толпе мелькают черные околыши каппелевских офицеров, ветер с океана показывает красные подкладки генеральских шинелей, шевелит завитки на косматых маньчжурских папах солдат. Возле кафе Кокина особенное оживление. Сергей с наслаждением вдохнул аромат густого кофе. Жаль, нельзя зайти. Грузчику с мельницы не место в лучшем кофейном заведении, для таких

день и ночь не закрываются грязные притоны Корейской слободки. Сквозь большие окна кафе, слегка запотевшие изнутри, Сергей разглядел разноцветье дамских шляп. В последние дни в городе кипело какое-то надрывное веселье. Рестораны работали напропалую, музыканты и обслуга валились с ног. Поговаривали, что среди офицеров, выплеснутых событиями на самый край русской земли, участились случаи жестоких дуэлей, — стреляются на десяти шагах.

Японская солдатня в белых гетрах и суконных шлемах, отороченных собачьим мехом, толкалась на середине улицы, мешая проезжающим пролеткам. Они гомонили, переталкивались, как школьники, и весело скалились. Белогвардейские офицеры, обедавшие в ресторанах «Версаль» и «Золотой рог», с неприязнью обходили их стороной. Солдаты не обращали на них внимания. У офицеров сжимались зубы. Пренебрежение «союзников» лишний раз напоминало о позоре Цусимы и Мукдена. Недавние победители и теперь вели себя на русском берегу словно хозяева.

Завидев гуляющую девушку, солдаты разом замолкали и поворачивали головы. Двое или трое, как видно самых бойких, принимались вкрадчиво шипеть:

— Русскэ барисна хоро-со-о... Японскэ сордату хоро-со-о...

У каждого солдата, как у детей, болтались на тесемках, пропущенных в рукава, большие меховые рукавицы.

Сергей невольно загляделся на забавную коротенькую сценку. Развязный солдатик, заболтавшись, не заметил проходившего японского офицера. Глаза офицера под очками злобно сузились. Однако товарищи успели толкнуть солдатика. Он испуганно вытянулся и остолбенел. Прошипев что-то сквозь зубы, офицер двинулся своей дорогой. Солдатик неожиданно подмигнул товарищам и чрезвычайно похоже изобразил надменную походку офицера. Солдаты покатались со смеху. Улыбнулся и Сергей. Прежней дисциплины в японской армии не было и в помине. Жизнь в стране, где совершилась революция, не проходит даром, а агитация среди солдат совершает свое пусть медленное, но необратимое дело. Недавно в японском гарнизоне на Первой речке отказалась повиноваться приказам сразу целая рота. Бунтовщиков тут же разоружили, посадили на пароход и отправили в Японию.

Свернув со Светланской, Сергей стал подниматься в гору. Снова глазам открылась замечательная панорама обширного порта и рейда. Своими зоркими глазами Сергей разглядел одиноко стоявший пароход «Печенга». Соседство ему составила лишь чья-то шхуна. Ветер трепал на шхуне развешанное жалкое

бельишко. На палубе «Печенги» показался человек в белом колпаке, опрокинул за борт ведро помоев. Чайки, вскрикивая, завертели над пароходом каруселью: падали на воду и взмывали.

Далеко впереди, в мареве синего солнечного дня, чернели очертания Русского острова — боевой крепости, охраняющей вход в бухту. Там, на острове, до сих пор функционировала офицерская школа — оплот и последняя надежда генерала Розанова.

Переулочек вел круто вверх. Здесь селилась беднота. Все исторические места с именами первопроходцев, открывателей остались на берегу и в центре города. На покосившихся воротах Сергей разглядел жестяную вывеску: «Фершальных дел мастер, а также атваряет жильную и протчую кровь». Оставалось пройти два домишка и свернуть за амбар. В небольшой клетушке с такой же, как и у него, дымящейся печуркой встречались с людьми, работавшими «там»: в самом логове врага. Этих товарищей подпольщики особенно берегли, для встреч с ними были назначены специальные связные. Не было цены этим работникам. Они ходили по острию ножа, рискуя поминутно. Сведения от них поступали чрезвычайно редко, но, как правило, настолько ценные (а зачастую и неожиданные), что приходилось срочно совещаться, принимать спешные решения, посылать кого-то на задание, менять тактику.^[1]

Военное министерство

Командующему Сибирской армией

Общие интересы японского императорского правительства требуют, чтобы оккупация в скором времени и в полном объеме была проведена, поэтому мы вам приказываем оккупационный план в кратчайший срок нам прислать.

Владивосток. Главный штаб. Секретно.

Командующему 14-й дивизией

По вашим прежним сообщениям я рассчитываю на то, что указанные вами ранее русские в случае оккупации нам очень полезны будут. По моему мнению, наша полная администрация во всей Приморской области введена будет, поэтому приказываю вам наши проекты с надежными русскими обсудить и фамилии этих русских, которые японскому императорскому правительству служить хотят, мне сейчас же прислать. Оой.

По заведенному правилу, важные сведения из вражеского штаба передавались отпечатанными на тончайшей папиросной бумаге. В случае опасности эти узенькие листочки ничего не стоило разжевать и проглотить.

Первое ощущение Сергея, когда он прочитал обе шифровки, — внезапный удар по голове. Он сразу узнал необычную манеру японской речи даже в русском переводе: сказуемое в конце фразы.

Выходит, японцы действительно решили оккупировать Приморье (Кушнарев как в воду глядел!). Но это значит, что американцы твердо решили увести свои войска и оставить здесь японцев полновластными хозяевами. Когда же они успели обо всем договориться? Или еще не договорились? Если только так, то время еще есть. Не спровадив американцев с Дальнего Востока, они боевых действий не начнут.

«Консулы, консулы... Пока это возможно, будем сдерживать японцев угрозой международного скандала. До поры до времени они вынуждены соблюдать благопристойность. Но что начнется, едва им развяжут руки и они останутся здесь одни!»

Во второй шифровке Сергея насторожило упоминание о каких-то «полезных русских». Сразу вспомнились случаи провалов. В условиях ожесточенной борьбы уберечься от провокаторов подпольщикам невозможно. Уж слишком велик у врага в этом опыт! Внезапные аресты, тюрьмы, затем суд, а зачастую и бесследное исчезновение... Так нашел свою смерть на виселице один из первых революционеров Приморья Григорий Шамизон, так были разгромлены сильные, активные организации владивостокских рабочих-ленинцев, так оказались в лагере за колючей проволокой Губельман, Шумятский, Всеволод Сибирцев, так погиб первый председатель Владивостокского Совета Константин Суханов. Провокаторство — старый как мир, но тем не менее чрезвычайно эффективный прием. Попробуй распознать в человеке рядом тайного врага и вовремя его обезвредить.

Неделю назад Сергей был приглашен товарищами встретить Новый год. Собрались на Первой речке в доме рабочего Меркулова. Квартира была надежная, проверенная. Однако позавчера вечером Меркулова возле дома остановил патруль. Офицер посветил фонариком в лицо Меркулову, затем стал разглядывать какую-то фотографию. К сожалению, взглянуть на фотографию Меркулов не сумел.

Квартиру Меркулова на Первой речке удавалось сохранять от подозрения в течение долгих месяцев. Теперь и она оказалась «засвеченной», появляться там опасно. Кто-то постоянно наводит белогвардейских ищек на след. Правда, с небольшим

опозданием, но наводит.

«Надо будет дать задание товарищам на той стороне. Вдруг каким-то образом им удастся выявить провокаторов! Хотя бы малейшую зацепку... Это чрезвычайно важно, особенно сейчас, когда заканчивается подготовка к перевороту».

Из-под ног Сергея осыпались камешки. Переулок поднимался круто вверх. Возле последнего домишка с окнами на склон горы он остановился. Условный стук в знакомую дверь, и, к его удивлению, отозвался громкий женский голос: «Не заперто!» Кто бы это мог быть? Комнату снимали двое ребят-грузчиков. Здесь было одно из звеньев подпольной связи.

В углу комнаты на табуретке стояла девушка и вешала на окно занавеску. Сергей узнал Зою Секретареву, сотрудницу редакции подпольной газеты. Зоя, как видно, постирала занавеску и наспех высушила ее утюгом: пахло легким угарцем.

Неожиданное появление Лазо смутило девушку. Она спрыгнула с табуретки.

— Грязь у парней... страшно глядеть. Решила навести хоть небольшой порядок.

Выглаженная занавеска повисла на одном гвозде. В присутствии Лазо девушка оробела и дожидалась, что он скажет. Ее глаза смотрели исподлобья.

В свои неполные 26 лет Сергей казался гораздо старше многих сверстников. Молодые подпольщики испытывали к нему невольное почтение. В какой-то мере это объяснялось его громадными заслугами. Полтора года назад Лазо командовал Забайкальским фронтом и наголову разбил прекрасно вооруженные банды атамана Семенова, выгнал их в Маньчжурию. Сейчас на его плечах лежала колоссальная работа по организации восстания в Приморье. Недаром за ним, как ни за кем другим, яростно охотится белогвардейская контрразведка. Этот человек постоянно жил на краю пропасти.

В затянувшемся молчании Сергей залюбовался милым простоватым лицом девушки. Он знал, что при всей своей застенчивости Зоя считается одним из самых инициативных работников владивостокского подполья.

В сенцах хлопнула дверь, затрещали доски пола, и в комнату ввалился Вишлин (Медведь), богатырского сложения парень, бежавший в прошлом году из чехословацкого плена.

— О! — удивленно вымолвил он, увидев Лазо. О сегодняшней встрече не было заранее условлено.

Быстрый обмен взглядами между Вишлиным и Зоей.

— Я скоро вернусь, — проговорила девушка и вышла. По

условиям конспирации приходилось во многом таиться и от своих. Она поняла что Лазо появился не случайно.

Сергей в очередной раз хотел встретиться со Стариком, командиром китайского партизанского отряда, действовавшего в глухой тайге. Отряд методически выводил из строя важные участки железной дороги, по которой шло снабжение Владивостока. Сложность заключалась в том, что отправляться в тайгу самому Сергею было совершенно некогда, а Старик избегал появляться в городе. Китайский отряд действовал дерзко, смело, за его командиром уже давно охотились японцы. Сергей однажды разговаривал со Стариком. Увиделись они глубокой ночью в деревне Фроловке. Командира китайских партизан провели так, что никто из жителей деревни его не видел. Это оказался действительно немолодой человек, седой, усталый, однако с завидной легкостью переносивший тяготы таежной жизни.

Сергей и Вишлин разговаривали торопливо, стоя. Громадный Медведь возвышался головой под самый потолок. Слушая наставления военного руководителя, он молча кивал и поглаживал себя ладонью по волосам. Иногда он вставлял коротенькие реплики. Организовать встречу со Стариком сейчас неимоверно трудно. Да и целесообразно ли Старiku появляться во Владивостоке? Слишком велик риск. Контрразведка хватается любого подозрительного человека. Может быть, лучше послать связного? Доводы Медведя заставили Лазо задуматься. А посланец с письмом сможет избежать опасностей? Говорят, сейчас трудно перебираться через линию железной дороги. Оккупационные власти ввели «нейтральную полосу»... О «нейтралке» Вишлин знал. Но он считал, что эту трудность можно преодолеть.

— Хорошо, подумаем, — заключил Лазо и напоследок поинтересовался: — Ну а у вас что нового?

Медведь понизил голос:

— Завтра у «союзников» какое-то совещание. Будет сам генерал Оой.

«Гм... Уж не прощание ли друзей перед разлукой? Скорее всего, так. Видимо, обговариваются последние детали. Одни уходят, другие остаются... Все сходится!»

Вишлин сказал еще о письме, полученном из Никольска-Уссурийского. Недавний провал там сильно ослабил военную организацию, но подпольный комитет сумел быстро поправить положение и подготовил новое восстание в гарнизоне. Сообщение об этом пришло под видом обычного торгового письма. «Сделка на хлеб» намечается на 24 января. Сергей прикинул, сколько дней осталось, и с удрученным видом покачал головой. Везде одно и то

же: нетерпение! А вдруг не выдержат и начнут? Да еще и по японцам откроют огонь. Это будет гибель, поражение на первых же шагах. Слов нет, товарищи искренни в своем стремлении к борьбе, но как они неопытны! Впрочем, что говорить о них, если он сам еще недавно судил и действовал примерно так же, не понимая всей сложности обстановки? Кстати, скоро должен выйти четвертый номер «Коммуниста», там большая статья Лазо о сложившемся в Приморье положении и о нашей тактике.

Посчитав разговор законченным, Вишлин подошел к двери и выглянул в сени. В комнатке снова появилась Зоя.

— Сергей Георгиевич, — обратилась она, — объявился какой-то каппелевский полковник, предлагает оружие.

— Дорого просит? — поинтересовался Лазо. Спекулянт-полковник запрашивал умеренную цену: винтовка — двадцать пять иен, пулемет — двести. Никаких других денег, кроме японских, брать не хочет.

— Это понятно, — проговорил Лазо. — Так в чем дело? Не сошлись в цене?

— Он просит задаток.

— Э, нет! — рассмеялся Лазо. — А где гарантии? Наверняка пьяница, жулик. Обойдемся без него.

Зоя еще сказала, что большинство белогвардейских офицеров всеми правдами и неправдами запасаются гражданским платьем. Надо полагать, на всякий случай: вдруг появится необходимость скинуть мундир и переодеться.

«Чуют близкий крах, готовятся бежать. Трещит у Розанова тыл, разваливается...»

— Совсем забыл сказать вам о егерях! — спохватился Вишлин.

— Мне уйти? — тотчас осведомилась Зоя.

Сергей ее удержал.

В егерском полку, расквартированном в Коммерческом училище, была наиболее боевая и сплоченная организация солдат-большевиков. Военный совет постоянно опирался на нее.

— Бузить солдаты начинают, — рассказывал Вишлин. — У них уже давно все готово. Боятся, что офицеры догадаются и могут разоружить.

Опасность вполне реальная. У офицеров остается единственный шанс удержать солдат от выступления: под каким-нибудь предлогом отобрать винтовки.

— Оружия конечно же ни в коем случае не отдавать! — распорядился Лазо. — Но самостоятельных действий — никаких. Повторяю: никаких! Запретить даже передвижения строем, особенно с оружием в руках...

Покуда они разговаривали, Зоя наводила в комнате порядок. Мало-помалу скудная холостяцкая конурка грузчиков обрела обжитой вид, в ней появился даже некоторый уют. Застилая узкую железную коечку, Зоя до самого пола спустила край серого одеяла и запихала под койку валявшиеся сапоги и какие-то узлы. Она принялась вытаскивать на середину комнаты ободранный кухонный стол, примериваясь, чтобы он оказался как раз под свисавшей с потолка электрической лампочкой. В это время пришли еще две девушки. Одну из них Сергей узнал: Тамара Головнина, тоже жившая по чужому паспорту. Увидев эту девушку во Владивостоке, Сергей припомнил, что лицо ее ему знакомо. Тамара училась в Петербурге на Высших женских курсах и посещала собрания уссурийского землячества. Она дружила с Сухановым, Сибирцевым, Секретаревой. На Дальнем Востоке Тамара с головой ушла в подпольную работу. На некоторое время ей пришлось скрыться в тайгу, меньше двух месяцев назад она принимала участие в боях партизан на побережье.

Девушки не ожидали застать здесь военного руководителя подполья и в смущении принялись шептаться. Похоже, молодежь собиралась на вечеринку. Встречи с друзьями снимают напряжение, помогают снова обрести спокойствие, уверенность. Он несколько раз поймал осторожный взгляд Зои. На недавней встрече Нового года им довелось сидеть рядом, и Зоя рассказала ему, как погиб первый председатель Владивостокского Совета Константин Суханов. Она была на его похоронах. Лазо встречал Суханова в Петербурге. Здесь, в Приморье, им встретиться не довелось.

— Сергей Георгиевич, оставайтесь с нами, — предложила Зоя.

— Конечно! — поддержал ее Вишлин.

Заметив колебания Лазо, молодежь налетела на него, затормошила:

— Оставайтесь, оставайтесь! Без разговоров!

Девушка, пришедшая с Тамарой Головниной, вскочила на табуретку и закутала лампочку красной косынкой. Комната погрузилась в загадочный полумрак. Исчезла убогая обстановка, таинственно засветились глаза девушек, их лица обрели несказанную прелесть.

— Мы же не поместимся, — смущенно проговорил Лазо, оглядывая стол.

— Вот еще заботы-то! — воскликнула Зоя. Она решительно сдвинула стол на прежнее место, к окну, и скомандовала: — Садимся на пол. Все, все! А ну-ка разом — сели!

Схваченный за обе руки, Сергей завалился и спиной по стене

сехал на чисто вымытый пол. Оставалось лишь вытянуть ноги. Его охватила атмосфера легкой студенческой пирушки. Неожиданно распахнулась дверь, на пороге возник бородатый человек в косматой шапке. Бородач мгновенно нашел верный тон: он сорвал с головы шапку и загорланил: «Быстры, как волны, дни нашей жизни...»

— Дядя Федя! — радостно закричала молодежь и захлопала в ладоши.

Это был Шумятский. С ним явилось несколько человек. Пришлось потесниться, давая опоздавшим место на полу.

Шумятский нашел минуту и сказал Лазо на ухо:

— А я заходил, хотел позвать с собой. Молодцы ребята, что тебя затаили!

— Кто это? — спросил Сергей, указывая на молодого человека, усевшегося рядом с Вишлиным. При красноватом, густом, как сироп, свете незнакомец выглядел жгучим брюнетом.

— Э, шутки в сторону! — в своей обычной манере заговорил Шумятский. Он касался бородой лица Сергея, но смотрел на молодого человека, приветливо ему улыбаясь. — Пришел сегодня из Уссурийского. Завтра ты его уже не увидишь.

«Ага, связной... Но уж больно красив! Бедные девушки...»

— Случаем, не артист?

— А почему ты спрашиваешь?

— Ну, вид...

— Гм, не знаю. Но отчаянный — ужас! Нам приходится его удерживать. У него вся семья погибла в Кишиневе. Погром тот знаменитый... знаешь? Отец, мать — все.

— Так он из Бессарабии? — изумился Лазо. Надо же: в такой дали, на самом краю земли и вдруг встретить земляка! — Нам, знаешь, есть о чем поговорить. Познакомишь?

— Сделай милость!

Молодежь вдруг громко захлопала в ладоши. Брюнет, связной из Никольска, вскочил на ноги и широким жестом, обеими руками, провел по своим кудрям, откидывая их со лба. Установилась тишина. Брюнет запрокинул голову и, зажмурившись, встряхнул раскинутыми руками, как бы сбрасывая с них несуществующие браслеты. «Пляска... Цыганская пляска», — догадался Сергей. Его охватило нетерпение, он весь подался вперед. Брюнет чертом взглянул на затаившихся девушек, резко щелкнул пальцами, как кастаньетами, и томно, по-женски повел плечами. Ноги его сами собой сделали быстрый дробный перебор. «Арды ма, фрыджи ма», — запел он, усиливая ритм пляски азартными движениями всего тела. Зрители стали невольно прихлопывать в ладоши. Ноги плясуна выделяли что-

то немислимое.

— И работник прекрасный, — гудел в самое ухо Шумятский. — Сидел в лагере вместе с Костей Сухановым и Всеволодом Сибирцевым. Их вместе взяли. Но Забелло вскоре сбежал. Это его фамилия — Забелло. По нему стреляли. Его очень ценит Всеволод.

Бешеная топотуха ног внезапно оборвалась, и плясун в изнеможении повалился на руки товарищей.

— Сюда, сюда, — распорядился Шумятский, поднимаясь.

Он уступил связному свое место и принялся дирижировать хором, затянув «Ревела буря, гром гремел...».

Сблизив головы, Лазо и Забелло разговорились. Новый знакомый оказался из небольшого бессарабского городка Оргеева. Не переставая изумляться, Сергей чуть не всплеснул руками. Отцовское имение Пятры, где он родился и вырос, находилось всего в нескольких верстах от Оргеева. Длинные миндалевидные глаза Забелло возбужденно блестели. Он тоже испытывал радость от встречи.

— Эти погромщики... Я тогда был маленьким, но помню все отлично. Пьяные в стельку, глазища — во! Ничего не соображают. Мы же не евреи, мы цыгане. Помните «Земфира неверна-а...» — пропел он. — Так вот, эта неверная Земфира, возможно, приходится мне какой-то пра-пра... Пушкин, как мне рассказывали, жил в таборе. Помните, когда был в ссылке в Бессарабии.

Слушая оживленную речь своего собеседника, Сергей помалкивал. При последних словах Забелло ему стоило усилия не усмехнуться. Поскольку в их семье имя Пушкина было близким (именно по временам той памятной бессарабской ссылки опального поэта), Сергей точно знал, что никакой таборной Земфиры не существовало, — этот персонаж Пушкиным выдуман. Да и были ли в грязных таборах такие роковые красавицы? В свое время он насмотрелся на жалкий быт цыганских таборов. Много их кочевало в тех местах, где находились имения отца и бабушки...

И все же, даже присочиняя, отчаянный и разговорчивый связник разбудил в душе Сергея милые воспоминания, и он вдруг остро ощутил, как стосковался по родным местам, по солнцу и теплу, в сущности, по детству.

— Гимназию кончали в Кишиневе? — спросил Сергей. — Не Первую мужскую?

— Нет, в Оргееве. Кишиневское житье слишком дорогое, пришлось уехать. После отца-то капиталов не осталось.

Уловив косвенный упрек в родительской обеспеченности,

Сергей не мог удержаться от удивления: разве в Оргееве имелась гимназия? Насколько помнится...

— А я о гимназии не говорю. Я реалист.

— Оргеев, Оргеев... оргеевские реалисты... — Сергей вдруг рассмеялся. — Забавный был народ.

— Встречались?

— Нет, что вы? Но у нас в семье был доктор, и он рассказывал о реалистах много смешного.

— Нам о гимназистах тоже кое-что рассказывали! Заметив, что Забелло уязвлен его смехом, Сергей добродушно предложил:

— Не будем считаться. Нашли же место!

— Но вы-то! — восхищенным тоном открывателя воскликнул Забелло, словно заново приглядываясь к Сергею. — Помню я ваши Пятры, как же! Так это ваше имение? Согласитесь — чудеса. Где-то ваши Пятры, где-то мой Оргеев, и вдруг мы с вами — здесь? Кто бы мог подумать!

Слово «имение» невольно привлекло внимание поющих. Ему уже приходилось отвечать на расспросы об учебе в Петербурге, об офицерстве. Он вспоминал об этом, как человек, полностью отрешившийся от своего прошлого. Все, что было, давно не имело над ним никакой власти, и он говорил об этом совершенно спокойно. Но сегодня от него не укрылось, как проскочила какая-то искра настороженности. Ну офицерство его объяснялось просто. На стороне революции сражались полковники, генералы. Но имение, помещик! У этих рабочих ребят честное, но, к сожалению, все еще довольно прямолинейное представление о революции.

На руке Забелло блестел массивный перстень. Вообще-то Сергей не выносил никакого украшения на руках мужчин.

— Что, талисман? — спросил он.

С недовольным видом Забелло повернул перстень на пальце, спрятал камень.

— Память, — сухо ответил он.

Веселье как-то смазалось, и Лазо собрался уходить. Поднялся и Забелло. Они вышли вместе. Ветер с океана дул с прежней силой.

— А у нас сейчас тепло, — мечтательно проговорил Забелло, запахиваясь в куртку. — Я помню: под Новый год дождичек, пахнет листвой.

От воспоминаний о далекой теплой родине стало грустно.

Чтобы перебить настроение, Сергей задал несколько вопросов о состоянии дел в Никольске-Уссурийском. Кое-кто из владивостокских работников обвиняет прапорщика Чемеркина, руководителя недавно проваленной организации, в излишней

доверчивости. Этим и воспользовался провокатор. Забелло, к удивлению Лазо, провокаторство отрицал начисто.

— Причина провала в неосторожности. Нельзя же так! И еще, — продолжал Забелло. — Уж очень много у нас... ну, как бы это вам сказать?.. глупости, глупости. Назначаешь встречу, запоминаешь пароль, приходишь. И тот приходит: знакомое лицо. И сразу лезет обниматься: «Э, кто пришел-то!» Я обычно требую пароль.

— Ну правильно, — одобрил Лазо.

— Так ведь обижаются! И потом жалуются... У меня, — неожиданно добавил Забелло, — здесь много недоброжелателей.

Лазо слегка растерялся.

— Может быть, вам показалось?

— Нет, нет, все верно... А вы давно здесь появились? Я имею в виду, знаете товарищей достаточно?

Странные вопросы! Лазо в упор глянул на своего спутника. Тот смутился и забормотал извинения. Чтобы прервать неловкое молчание, Лазо осведомился, насколько хорошо Забелло знаком с обстановкой в своей организации.

— Что вас интересует? — уточнил Забелло. Он все еще не мог оправиться от недавнего смущения.

— Меня беспокоит шапкозакидательское настроение. Это очень плохо. Сейчас важна выдержка. Хватит ли ее у товарищей? Это будет гибелью, если они поторопятся. Достаточно нам ошибок!

Ответил Забелло не сразу. Он некоторое время собирался с мыслями.

— Видите ли... Обо всех говорить не хочется. Но... — И вдруг спросил: — А вы, случайно, не собираетесь в те края?

Снова! Да что с ним? Таких вопросов не задают! А работник вроде бы опытный... Забелло в замешательстве от нового промаха принялся сбивчиво объясняться:

— Я имел в виду, что, может быть, вам самому... Ребята-то уж больно... Но нет, простите!

Они дошли до углового фонаря, светившего вполсилы. Лазо остановился.

— Прощайте, мне сюда.

Возникла легкая заминка. Видимо, Забелло рассчитывал проводить его до самого дома. Однако правила конспирации этого не разрешали. Снова смутившись, Забелло нервно пожал ему руку и быстро пошел прочь. У Лазо осталось неопределенное чувство. Может быть, его земляк настолько обрадовался встрече, что слегка потерял голову и поэтому допустил такое подозрительное любопытство в своих расспросах? А чем иным

еще можно это объяснить?

Как всегда, подозрительность лишала его покоя. Но это было следствием напряженной жизни, постоянного ожидания опасности.

Сергей медленно шел по переулку. Воспоминание о благодатном тепле родной Бессарабии настолько завладело мыслями, что ни о чем другом уже не думалось. Далекий, бесконечно милый край! Забелло прав: в такое время года там вполне мог брызгать дождичек и если открыть окна, то комната наполнится запахом влажной земли и прелых листьев...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солнце уже томилось за купами пышного сада, было рано, в столовой стоял утренний сумрак. На высоких, от потолка до пола, окнах безжизненно висели китайские шторы. С самой весны стояла небывалая жара, ночи проходили без прохлады, земля сгорела до цвета золы и потрескалась. Поговаривали о неурожае, о надвигающемся голоде.

Перед отцом остывала чашка кофе. Он сегодня вышел к столу угрюмое обычного. Изможденное лицо говорило о бессонной ночи, синеватые веки прикрывали нестерпимый блеск воспаленных глаз. Домашние знали, что в таком состоянии он мог вспылить по поводу любого неосторожно оброненного слова. Вчера из деревни к нему приходили старики. На полях сгорал хлеб, надвигалась крестьянская беда. Мужикам придется уходить на заработки за кордон, в Румынию.

Кисея на окнах вдруг шевельнулась, струя воздуха из сада коснулась утомленных зноем лиц. Все с надеждой повернулись к окнам. Как видно, из-за речки заходила туча.

— Каждый день одно и то же! Тучи есть, а дождя нет, — с нажимом произнес отец, словно ожидая возражения. — Ничего не будет и сегодня!

Он принялся рассказывать, что сегодняшней ночью открыл причину того, почему дождь упрямо обходит его поля. Все дело в холмах. Несомненно, в них кроются залежи каких-то руд, они-то и притягивают к себе тучи.

Речь его звучала возбужденно. Елена Степановна слушала со страхом. Холмы, руда... Неужели еще одно безумное увлечение? Надо сегодня же послать за доктором, но сделать это так, чтобы Георгий Иванович ничего не заподозрил.

Дети молча допивали чай. Самый старший, Сергей, уже подбирал с тарелки бисквитные крошки.

Почтительно поднявшись, он попросил разрешения уйти. У него намечена поездка на велосипеде по окрестностям.

— Но если вдруг дождь? — с тревогой проговорила Елена Степановна.

Сергей выжидательно смотрел на отца. Последнее слово, как всегда, принадлежало главе семейства. В разрешении на поездку Сергей не сомневался. Для сыновей Георгий Иванович завел твердый распорядок: ежедневная гимнастика, холодные обливания у колодца. Непогоды он не боялся. Наоборот, чем ненастнее, тем лучше. Дети должны расти крепкими, выносливыми, плевать на любую простуду.

— Ер-рунда! — небрежно проговорил он и махнул Сергеем рукой.

Разрешение было получено. Сергей повесил через плечо кожаную сумку и скатил по ступеням велосипед.

Поймав ногою педаль, Сергей объехал клумбу и покатил по аллее. Велосипед оказался слишком хрупким для его крупного мускулистого тела. До последнего времени отец заставлял его скакать верхом. Но вот в Оргееве в магазине появилась невиданная машина, и отец не устоял перед соблазном. Он нашел, что езда на велосипеде гораздо больше укрепляет ноги.

Отцовское имение Пятры («Камень») стояло на берегу реки. Большой помещичий дом окружали конюшни, погреб, кладовые. На нескольких десятинах раскинулся роскошный фруктовый сад. Имение было родовое. От отца Сергей знал, что дворянский род Лазо — старинный, встречается в летописях еще XV века. Один из Лазо был воеводой Южной Буковины, несколько других занимали высокие должности в русской армии, освободившей Бессарабию от турецкого владычества. На сельском кладбище Сергей видел могильную плиту с именем своей прабабки Матильды Федоровны Феци. С ее матерью, Марией Егоровной Эйхфельдт, семейное предание связывало страстное увлечение великого Пушкина, отбывавшего в дни молодости ссылку в Кишиневе.

Родня со стороны матери, Крушеваны, была не менее знатна, Елена Степановна унаследовала независимый характер, властный голос и резкие суждения, однако в спорах с мужем постоянно уступала, опасаясь его буйных вспышек.

После аллей сада, политых с утра, в лицо ударил тугой знойный воздух. Во все стороны открывались обширные поля. На дороге горячий ветер завывал пыльный вихрь. С полей возвращались усталые крестьяне. Они кланялись помещицкому сыну и оглядывались ему вслед, изумляясь диковинной машине на двух колесах.

Дорога пошла под уклон, Сергей нажал на педали, в ушах засвистел ветер. Славно!

Велосипед, поблескивая спицами, катил по тропинке среди чахлых хлебов. Сергей направлялся к горе, один бок которой был изрыт ямами. В этих ямах брали глину для построек. Удивительно, что среди жирного бессарабского чернозема здесь попадалась земля, испепеленная в прах. Сергей подолгу ковырялся в отвалах, подбирая камешки и раковины. Его, как и отца, интересовало, что скрывается в недрах этой холмистой гряды. Своими находками он набивал полную сумку и потом раскладывал их у себя в комнате, сушил, сортировал. Елена Степановна с некоторой тревогой следила за увлечением

старшего сына. Сергей рос не по годам крупным мальчиком, выделяясь среди сверстников ростом и шириною плеч. Иногда он вдруг останавливался и замирал, уставясь в одну точку. Где витали его мысли в это время? Вскоре Елена Степановна заметила, что свет в комнате старшего сына горит допоздна. Сергей что-то лихорадочно записывал в тетрадь. Стихи? В его возрасте это было вполне объяснимо. Преодолев неловкость, Елена Степановна как-то решилась и заглянула в тетрадь сына. Стихов она не нашла. Сергей записывал впечатления дня, делал выписки из книг. Тем летом он читал много, запоем. Дневник? Скорее всего... Она закрыла тетрадь и посоветовалась с мужем. Георгий Иванович не нашел ничего странного в поведении сына.

Дождь все-таки захватил Сергея. Как всегда, трескуче раскатывался гром, затем поднялся ветер, но вдруг грянул такой ливень, что стало темно. Ехать на велосипеде нечего было думать — дорога мгновенно раскисла. Сняв ботинки, Сергей подхватил свою машину и зашлепал по лужам. Дождь хлестал в лицо, в небе творилось что-то невообразимое. От буйства небесных сил Сергей испытывал необъяснимый восторг. Внезапно окрестности озарились синеватым мертвящим светом, этот свет пугал и слепил, в природе все замерло, затихло, и вдруг над головою так треснуло и раскатилось, что Сергей невольно присел.

Вот так молния! Он вскинул кверху руки и заорал. Его опьянило жуткое одиночество под этим неистово торжествующим небом.

Дома Сергей растерся шершавым полотенцем — прогнало озноб, кожа покраснела, стало тепло. Сергей почувствовал упругость каждого мускула. Прекрасная прогулка! Отец правильно делает, что приучает их не страшиться непогоды.

Из столовой слышались голоса.

— Кто это у нас? — спросил он няню.

— Доктор с женой приехали. Елена Степановна специально просили.

Ага, значит, предстоят забавные минуты. Докторша, заискивая, примется перебирать богатых родственников матери, зная, что ей это приятно, мать же будет беспрестанно поправлять ее. Докторша вечно путала имена, события, степень родства.

Ожидаемый Сергеем разговор завязался после закусок, когда стали разносить бульон. Толстенькая докторша, конечно, сразу же ошиблась и, почтительно вытаращив темные, цвета переспелой вишни глазки, слушала хозяйку дома. Мать словно диктовала:

— Милочка, вы опять все перепутали. Я уже говорила: она урожденная Мило и, следовательно, приходится близкой родственницей Крупянским. А Крупянские, как всем известно...

Да нет же, нет, опять вы все забыли! За Фези она была уже вторым браком.

Отец с ложкой на весу внимательно следил. Сложности родственных отношений он знал лучше матери. Но сегодня он поправил ее всего один раз, уточнив, что у Иордакия Лазо, воеводы Южной Буковины, был сын Иван от Виктории Донич, воевал, кстати, в Венгрии и был женат на Матильде Фези, швейцарке...

— Но я помню, — почти взмолилась докторша, — что Матильда из гречанок!

Тоном выговора Елена Степановна поправила ее:

— Не Матильда из гречанок, а ее мать из гречанок. Мария Егоровна Эйхфельдт.

— Ах, да, да, простите! Это же... ну, с Пушкиным. Но здесь Елена Степановна остановила ее строгим взглядом. Во-первых, Пушкина в семье Лазо никогда не называли по фамилии, а только по имени и отчеству: Александр Сергеевич, во-вторых же, за столом сидели дети и разговор не предназначался для их ушей. В комнатах мальчиков стояли книги Пушкина, Сергей и братья многое знали наизусть, но романтической истории ссыльного поэта им знать было пока еще не по годам.

Замять неловкость помог сам доктор. Это был румяный веселый человек, отличавшийся постоянной жизнерадостностью. За годы врачебной практики у него выработалось громадное достоинство: умение слушать и прощать людям их слабости.

Хлебнув из фужера, доктор прикоснулся к душистым усам и бородке белоснежной салфеткой и на миг прикрыл бедовые глаза. Затем последовал смачный чмок румяных губ. Доктор знал бездну анекдотов и великолепно их рассказывал.

— М-да... Так вот. На днях я посадил сына в коляску и мы отправились заказывать ему гимназическую фуражку. Знаете... шапочное заведение Кулиша. У него шьют все.

Сергей не столько слушал, сколько смотрел, как оживленно шевелятся в бороде крепкие свежие губы доктора. Вся соль забавного случая заключалась в горделивом заявлении шапочника, когда он гимназиста в новенькой фуражке подвел к ободранному зеркалу:

— В этой шапке вы будете иметь себе вкус! Посмеялись. Улыбнулась даже Елена Степановна.

С забавного еврея-шапочника разговор перешел на последний погром в Кишиневе. Ярость пьяных погромщиков привела в ужас невольных свидетелей. Что происходит в России? Почему правительство спокойно взирает на такие случаи самого настоящего вандализма? Значит, кому-то выгодно, чтобы били

эту бедноту!

Георгий Иванович, нервничая, ребром ладони снизу вверх разворошил свою бородку. Это было признаком крайнего раздражения. Все-таки недавняя гроза болезненно подействовала на него.

Повинуясь отчаянному взгляду Елены Степановны, доктор с веселым смехом вспомнил, как недавно на занятиях в Оргеевском реальном преподаватель задал ученикам вопрос: «Что такое Россия?» Самый примерный быстро поднял руку и ответил: «Трактир на такой-то улице».

— Так что вы хотите? — с готовностью подхватила Елена Степановна, и разговор таким образом удалось свести на воспитание.

На эту тему Георгий Иванович мог рассуждать часами. В семье подрастало трое мальчиков. Георгий Иванович твердо придерживался принципа: учить сыновей до шестнадцатилетнего возраста дома, а затем отправить экстерном сдавать за шесть классов. Домашним воспитанием Георгий Иванович надеялся уберечь детей от житейской грязи. Он сам следит за тем, чтобы ребята ежедневно занимались гимнастикой. Они обязаны работать в поле, чинить себе одежду и сапоги. Осенью он заставляет их обшивать корзины марлей — для сбора ягод и моркови. В дом ходят многочисленные учителя. С ранних лет мальчишки читают и пишут по-французски, разговаривают по-молдавски. Сергею особенно легко дается французский, здесь очень к месту прихлась его едва заметная картавость.

Доктор соглашается с преимуществами домашнего воспитания. Однако, заметил он, одиночество в детские годы в какой-то мере отрицательно сказывается на развитии характера. Все-таки ребенок нуждается в общении со сверстниками.

Мать немедленно распорядилась:

— Дети, вы можете идти!

Из-за стола Сергей вылез с чувством неосознанной вины. Младшие братья Боря и Степа уходили из столовой, наклонив головы, словно после выговора и наказания. Бедные мальчишки, они тоже начинают понимать, что в доме неладно!

В своей комнате Сергей, не зажигая света, опрокинулся на кровать. Из распахнутого окна тянуло свежестью. Омытый ливнем, сад ожил. С деревьев капало. В очистившемся небе низко-низко загорелась яркая звезда. Слышно было, мимо окон кто-то пробежал, шлепая по лужам.

По укоренившейся привычке к Сергею перед сном зашла старая няня, опустила на краешек кровати. Он оживился, подбил повыше подушку. Это был их час.

— Ну, рассказывай, — попросил Сергей.

В сумерках старенькое, рано износившееся личико няни выглядело крохотным, с детский кулачок. Она всю жизнь провела в господском доме, привыкла к детям. Подрастая, Сергей постепенно уходил от нее, оставалось вот это вечернее время перед тем, как громадный дом затихнет.

Обтирая сухонькой ручкой губы, няня прыснула.

— А докторша-то...

— Рассказывай, рассказывай, — перебил ее Сергей. Вчера няня начала рассказывать ему о Тобултоке, народном герое, гайдуке, боровшемся с турками. Происходило это много лет назад. В те времена в окрестностях Оргеева стояли непроходимые леса. В зеленых чащах народные мстители чувствовали себя безопасно — туда не сунешься. Тобулток со своими удалцами нападал на гарнизоны ненавистных турок. Все, что добывалось, гайдуки раздавали крестьянам. Несколько раз Тобулток попадал в засаду, его ловили, ковали в железо и везли к султану на жестокую расправу. Довести его не удавалось, — отчаянный предводитель гайдуков сбегал. Одно имя Тобултока приводило турок в ужас. Вчерашний рассказ няни оборвался на самом интересном: в схватке с врагами Тобулток получил рану и спрятался на чердаке бедной хаты. Хозяин его не выдал, но нашелся предатель, он указал туркам, где прятался истекающий кровью гайдук. На этот раз озверевшие враги утолили свою ярость. У бедного люда Бессарабии и Валахии не стало надежного защитника.

Некоторое время Сергей и няня сидели молча, как бы скорбя о невозвратной народной потере.

За стеной в комнате братьев послышался шум, малыши ожесточенно сражались подушками. Няня поднялась и вышла. Сергей зажег свечу. На столике возле кровати навалены книги, две или три из них раскрыты. Многие из прочитанного Сергей знал наизусть. Сегодня за столом простоватенькая докторша неосторожно помянула имена Пушкина и Марии Егоровны Зихфельдт. Стихи великого поэта, посвященные ей, — вот они, на раскрытой странице: «Ни блеск ума, ни стройность платья...» Вечернее уединение придавало пушкинским строчкам невыразимую прелесть. Сергей закрыл глаза и мечтательно повторил стихотворение до конца.

Помимо того, что в доме имелась прекрасная библиотека и мальчиков с малых лет приучали любить книгу, привязанность к ежедневному чтению у Сергея подогревалась еще тем, что имя Пушкина произносилось строгими родителями с оттенком некоторой домашности, как человека, имеющего прямое

отношение к семье Лазо. Подробности этого семейного предания Сергею еще предстояло узнать.

Пушкин доставлял подрастающему мальчику самые радостные, самые волнующие часы общения с книгой. «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей...» «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя!» Или же вот, из юношеского послания Пушкина Чаадаеву: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!» И наконец, блистательная ода «Вольность», непостижимое творение отроческого ума: «Хочу воспеть свободу миру, на тронах поразить порок».

Сергей быстро вырос, его умом владели тревожные, не по летам серьезные мысли.

Сергей знал историю роковой дуэли поэта и ненавидел Дантеса непримиримой детской ненавистью, без конца придумывая ему всевозможные кары. Он не понимал, почему никто не скрестил с негодем оружия и дал ему возможность живым уехать из России.

Во времена своей молодости Пушкин долго жил здесь, в Бессарабии. Отец как-то сказал Сергею, что Пушкин был замечательно силен и ловок. Видимо, молодой поэт томился жадной действии, дышал опьяняющим воздухом недавней борьбы с угнетателями-турками, и его рука невольно набрасывала вольнолюбивые строки.

Повесть «Дубровский» вызвала в памяти Сергея подвиги Тобултока, о которых столько рассказывала старая няня. Но молодой Дубровский со всеми своими обидами и желанием отомстить богатому хаму Троекурову был Сергею ближе и понятней. Вечерами, при свече, в одиночестве, он откладывал книгу, закрывал глаза и принимался придумывать бесконечные продолжения с новыми приключениями оскорбленного Владимира. В эту пору «Дубровский» нравился мальчику гораздо больше, чем «Капитанская дочка».

И волновали, будили воображение загадочные образы декабристов, друзей опального поэта. Именно здесь, в Бессарабии, завязывались многие узелки, развязывать которые пришлось декабрьским днем на Сенатской площади в Петербурге.

Давно затих громадный дом, поздняя ночь обняла сад, поля, всю землю. Глубокую тишину нарушал лишь легкий треск свечи.

Поплевав на пальцы, Сергей снял свечной нагар. Восковая бахрома свисала со старинного подсвечника. Час был поздний. Достав заветную тетрадь, Сергей принялся грызть карандаш. Как всегда, после прочитанного он ощущал возвышенный настрой. Сейчас с кем-нибудь поговорить бы, открыть душу! Но с кем?

Дряхлая няня, знавшая одни лишь предания старины, для таких бесед не годилась. И он тянулся к карандашу, к бумаге... Душа просила подвига, не меньше. Хотелось быть таким, как Тобулток, как Дубровский. Всякий раз представлялось, что он гибнет, мерещились собственные похороны, колыхание знамен, суровая скорбь товарищей, но несказанная прелесть была в том, что он сам принимал участие в этой величественной траурной церемонии, как посторонний зритель. «Нет, весь я не умру...» — шептал он слова любимого поэта.

Он не заметил, что свеча погасла. В комнате был виден каждый предмет. Из просыпавшегося сада доносился стук редких полновесных капель. Затем послышалось тонкое переливчатое журчанье — это на вершине самого высокого тополя завел свою раннюю песню скворец.

Крепкий сон не оставил и следа усталости. Тяжелые гантели давали приятное ощущение силы во всем теле, гнали по жилам кровь. Сергей слегка задохнулся. Мощные мышцы, облежавшие грудь, лоснились от пота, по плечам и рукам прокатывались твердые бугры. Так, а теперь бегом к колодцу — обливаться.

В комнате братьев раздался громкий плач. Сергей усмехнулся. Неженка Боря, любивший поспать, никак не хочет заниматься гимнастикой. Но отец упрям и стоит на своем. Сейчас Борю потащат к колодцу силой. Сергей уже втолковывал ему: это же такое наслаждение, когда все тело разгорится от ледяной щекотки и крепкого растирания. Ни с чем не сравнить!

Плач Бори и хныканье Степы конечно же слышит Елена Степановна, она страдает, однако ей строго-настрого запрещено хоть что-нибудь менять в утреннем распорядке жизни сыновей. Воспитание ребят — мужское дело. Георгий Иванович допускает лишь присутствие старенькой няни возле подраставших сыновей.

С веранды Георгий Иванович самодержавно наблюдал за купанием сыновей. Старший сын радовал сердце. Мальчишка прекрасно развит, настоящий гладиатор! Но что в душе? В чем-то он невольно узнавал себя, свои забытые юношеские порывы, но что-то совершенно не походило, казалось странным и тревожным. Пушкин, вольнолюбивые стихи, задор молодости... Но почему вдруг геология и математика? Сам Георгий Иванович учился на юридическом, но в первенце почему-то проявилась техническая жилка. Ни у кого в роду такого не было. Новые времена!

Пока Сергей обливался у колодца, Георгий Иванович успел побывать в его комнате. Тетрадь с записями валялась на столике рядом с оплывшей свечой. В том, что сын рано приохотился к дневнику, он узнавал себя. Тоже в свое время вел, — мечтал,

стремился к возвышенному. Впрочем, дневник ли это? Просто стремление высказаться, понять себя и быть понятым окружающими... Ночные записи Сергея удивили его своей порывистой восторженностью. Гм... погибнуть и самому присутствовать на собственных похоронах. Закрыв тетрадь, Георгий Иванович задумался. Романтика... Чистый, неиспорченный мальчик. Но тем более будут неизбежные удары жизни. Что-то приготовила ему судьба? Он перебирает в памяти своих предков и останавливается на Иордании. Но тому при всем его властном и своевольном характере провидение отпустило долгую счастливую жизнь и большие чины. В свое время Георгий Иванович гордился, когда его сравнивали со знаменитым Иорданием и предсказывали, что он повторит его судьбу. Не вышло! Хотя похожего на самом деле было много. Особенно начало жизни. Георгий Иванович помнил, с каким восторженным настроением он вылетел из родительского гнезда и юношей, полным мечтаний, отправился на учебу в Петербург. Блеск столицы, упоение самостоятельностью, новые товарищи... Ему, потомку потускневшего старинного рода, досталось в наследство обостренное чувство собственного достоинства. В отцовских Пятрах еще живы были семейные предания о стародавних временах, и мысли о судьбах своего рода невольно перемежались с размышлениями об исторических путях развития русской государственности, о прошлом и будущем своей родины. Университет в те годы жил беспокойно. Георгий Иванович запомнил Александра Ульянова, вскоре повешенного за попытку покушения на жизнь царя. По случаю счастливого спасения самодержца от рук злоумышленников ректор университета предложил студентам и преподавателям послать царю адрес с уверением в верноподданнических чувствах. В ответ из зала понеслись свистки и возмущенные крики. Немедленно возникло дело «об исключении из Санкт-Петербургского университета таких лиц, которые по неблагонадежности направления в политическом и нравственном дурно влияют на товарищей и вносят в университет смуту и брожение». Вместе с группой других студентов «волчий билет» получил и Георгий Иванович. Вернувшись из столицы под отчий кров, он безвылазно засел в Пятрах и целиком посвятил себя семье, хозяйству...

За стол утром садились в половине девятого. Борю привели умытого, с влажными волосами.

К завтраку отец не выходит.

В доме устанавливается могильная тишина. Наконец из комнаты отца раздаются звуки граммофона. Хорал Баха.

— О господи! — слышится вздох Елены Степановны.

Вечером в своем покойном тарантасе приезжает доктор. Они с матерью уединяются и о чем-то долго говорят. За ужином детям объявляют, что завтра утром отец уезжает в Одессу. Доктор везет его показать известному специалисту. Болезнь прогрессировала...

Похоронив мужа, Елена Степановна не смогла жить в Пятрах, где все напоминало ей о покойном, и уехала в Езарены. Она свято исполняла наказ мужа о домашнем воспитании детей. Но вот прошли годы, и наступила пора поступать Сергею в гимназию. Покинув имение, Елена Степановна купила дом в Кишиневе на Малой Садовой улице. Дом вместительный, у каждого из сыновей своя комната. Сергей, сдавая экзамены экстерном, готовился поступить в седьмой класс Первой мужской гимназии. Такова традиция семьи Лазо: в этой же гимназии получили аттестаты зрелости отец и дед Сергея.

Жизнь в большом городе ошеломила провинциального подростка. Сергей жадно впитывает разнообразные впечатления, узнает места, знакомые по рассказам старших. Как и прежде, старинная часть Кишинева напоминает село: глинобитные мазанки, огороды, подсолнухи, куры. В новом городе бросается в глаза громадный дом местного богача помещика Крупянского. В нем бессарабское дворянство угощало императора Александра, посетившего Кишинев. В городе много мест, связанных с именем Пушкина. Вон в том просторном дворце жил наместник края генерал Инзов, привечавший у себя опального поэта, а здесь вот находилась гостиница с бильярдом, где напропалую веселились молодые офицеры, с которыми дружил и не расставался Пушкин. Да, в пору своей южной ссылки поэт был упоительно молод, легкомысленно затейлив и много, очень много веселился. Наконец-то Сергею удалось полностью расшифровать все, что крылось за именем Пушкина, когда оно упоминалось в их доме. Пушкин и далекая родственница Сергея...

Елена Степановна незаметно наблюдала, что происходит с ее первенцем. Она узнавала в Сергее отцовские черты характера, но появлялось и нечто новое: поразительная самостоятельность, серьезность не по возрасту. В какой-то мере это ее утешало: она с тревогой ждала, каким образом скажется на ее сыне окружение сверстников, но поняла, к нему не пристанет никакая грязь. Теперь она была уверена, что старшего сына можно спокойно отпускать в самостоятельную жизнь, в студенты, — характер его полностью сложился.

Покойный Георгий Иванович был совершенно прав насчет домашнего воспитания. Для Сергея, усадебного мальчишка, многое в гимназии показалось диким, стыдным. Вместе с наивной

детворой за партами сидели усатые молодцы, о которых шептались, что они посещают веселые дома. Здоровой брезгливой натуре Сергея были ненавистны гимназические порядки, будь то казенные распоряжения или неписанные законы «курилки». Его спасали чтение, дневник и долгие размышления.

...Но вот пролетело время, сданы экзамены в гимназии, получен аттестат, и Сергей уехал в Петербург.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сергей помнил рассказы отца об учебе в столице, и теперь, когда до Петербурга оставалось совсем немного — уже потянулись черные дымные окраины громадного города, — он должен был испытывать радостное нетерпение, однако ничего похожего... Виной этому было расставание с родными местами, с матерью. Братья Боря и Степа в последние дни не отходили от него и с готовностью бросались исполнять любое его желание, у матери не проходила подозрительная краснота как бы воспаленных век. Сергей все видел и все понимал. Жалость — вот что испытывал он, проводя оставшиеся до отъезда дни в родной семье. Но переступить рубеж было необходимо, впереди простиралась долгая самостоятельная жизнь, и у него имелись свои планы, свои надежды на то, как ее устроить лучшим образом.

Поезд замедлил ход, внезапно погасли дневные краски, вагон остановился под высокой закопченной крышей. На приступ ринулись развязные столичные носильщики. Петербург...

Если еще совсем недавно после родительского имения Кишинев показался Сергею удивительным скоплением всего, что устроено человеческими руками, то столица империи, великолепный северный дворцовый город, уже не поразила, не ослепила: провинциальный юноша оказался способен на спокойные неторопливые наблюдения.

Величественный, неповторимо прекрасный град Петра, изображенный Пушкиным в прологе к «Медному всаднику», словно тщился подчеркнуть блеск и непоколебимость империи.

В Технологическом институте рядом с Сергеем сидели молодые люди, белоподкладочники, хорошо болтающие, завсегдатаи театральных премьер. К ним следовало присмотреться и понять.

В душе Сергея не прекращалась мучительно тяжелая работа по выбору жизненного пути. В одном он был уверен: в правильном выборе института, «Техноложки». Окраины Петербурга заволакивались дымом фабрик и заводов. Кто-то из студентов, как рассказывали Сергею, бросил учебу и уехал работать на Урал. Вот где было настоящее торжество промышленности! Наступали новые времена, требовались новые люди.

До самого берега далекого океана, до Владивостока, был проложен железнодорожный путь. По рельсам побежали поезда, во много раз сокращая путь, по которому еще совсем недавно

месяцами тащились скрипучие телеги переселенцев. Строительство дороги через всю необозримую страну называли чудом века.

По проспектам Петербурга проносились новенькие авто, пугая тысячных рысаков и тощих извозчицких кляч. Блистали стеклянные громады банков и контор. Вместо чадных трактиров появились настоящие храмы изысканного обжорства. До самого рассвета там не затихало угарное веселье. Ловкие люди, делающие состояния словно из воздуха, забывались в винных парах, желая дать роздых нервам, издерганным делами.

Постепенно Сергей научился по лицам, по повадкам узнавать, в каком институте учится тот или иной студент. «Гуманитарии» были беспечны и развинченны, «техники» же поражали собранностью и уверенностью. Уж им-то жизнь ловушки не расставит! Они со знанием дела толковали о высоких окладах инженеров. Это подрастала новая каста богачей, членов правлений железных дорог, заводов и фабрик.

Индустриальное преобразование страны, открытия науки давали ему силы и уверенность. Чтобы достойно войти в будущую жизнь, следовало всячески усовершенствовать свои личные качества, обрести достоинства полезного работника. И Сергей продумал и записал 22 правила для своего образа жизни: отказ от алкоголя и табака, от мучной и жирной пищи, занятия спортом, презрение к праздной болтовне, чистота тела, белья, одежды. Правила должны были помочь ему сделаться твердым, ценным человеком.

В «Техноложке» Сергею полюбилися занятия в лабораториях. Это совпало с его желанием познать труд и ремесло, упражнять свои мускулы не только гимнастикой, но и полезной работой. Чтобы не оказаться застигнутым жизнью врасплох, следовало быть готовым ко всему, уметь исполнять и скучный, неинтересный труд.

Что он прежде знал? Весь его опыт — усадьба и жизнь вокруг усадьбы. Но как огромен мир! Все в этом мире происходит не по воле случая, а по жестокой закономерности. Узнать бы, постичь эту закономерность!

Петербург по-прежнему радовал глаз блеском своих дворцов, невесомостью мостов через Неву, величественной громадой Исаакиевского собора, архитектурным чудом Дворцовой площади. Безмолвствовали статуи на карнизах Зимнего дворца, в небе, объятom заревом, плыли ангел Петропавловской крепости и Адмиралтейская игла, красовались творения человеческого гения: решетки старинных садов, гранитная облицовка невских берегов, скала Фальконета, аркады Эрмитажа, малахит Строгановских

галерей. Биронов замок вписывался охрой своих квадратных стен в сероватый колер старинного петербургского неба. Но Сергей знал, что помимо этой фасадной стороны существовал совершенно другой город — Петербург униженных людей Гоголя и Достоевского. Так же и сокурсники вокруг: одни ломились на премьеры и подносили актрисам букеты, посещали рестораны и делились заграничными впечатлениями, другие же бегали по урокам в дырявых сапогах и обедали хлебом с колбасой.

С Урала вернулся тот самый студент, бросивший учебу, его звали Федор Баткин. Сергею он был интересен как раз своими уральскими впечатлениями. Что ни говори, а Федор на своей шкуре испытал те блага, которые несла индустриализация страны.

Рассказ Баткина разочаровал Сергея. Новый знакомый поведал ему о каторжных условиях жизни рабочих, о засилье иностранных специалистов, озабоченных лишь наживой.

— Не верьте, батенька, никаким сказкам. И вовсе незачем ездить на этот трехпогибельный Урал. Поезжайте на окраины Петербурга. То же самое, уверяю вас! Дымит везде: на Выборгской стороне, на Охте, на Шлиссельбургском тракте. Когда я слышу, как восторгаются прогрессом, мне становится смешно. Слепые люди! Если бы они знали настроение рабочих! У-у, это не наши богобоязненные мужички. Что вы!

Обитал Баткин где-то в районе Тентелевки, и ему был хорошо знаком быт рабочих. Он говорил, что человек, поступающий на завод, соглашается продавать 16 часов своей суточной жизни хозяевам машин и сырья. Такого каторжного труда не вынесет даже лошадь. И вот результат: на сотню рабочих приходится до 30 увечных и по 75 чахоточных. Даже для войны такие потери были бы слишком велики. Получается, что промышленники самые злостные враги рабочего люда.

Сергею становилось страшно. Он жил и ничего не знал об этом. Баткин тонко усмехался.

— Я гляжу, вы, батенька, еще совсем домашний. Хотите, сходим со мной в одно место? О, не пугайтесь! Самое обычное собрание. Там выступают, спорят. Послушаете... Это интересно.

Договорились пойти в конце недели.

Сергею снова подумалось о студенческой молодости отца. И в те далекие годы молодые люди, съехавшиеся в Петербург со всех концов страны, невольно заражались возмущением порядками, царившими в империи. Правительство боролось со студенчеством тюрьмами, каторгой, виселицами. Но террор лишь подливал масла в огонь. Судебные процессы над политическими преступниками шли один за другим. На всю страну прогремели

пророческие слова Петра Алексеева о возмездии тиранам. Столичное студенчество по традиции выступало застрельщиком в накаляющихся схватках с самодержавием.

Петербургская «Техиоложка» с давних пор была на плохом счету в охранном отделении.

На студенческих сходках «техников» выступали университетские, бестужевки, мелькали форменные кители слушателей военно-медицинской академии. Мало-помалу в этой кипящей среде интеллигентной молодежи стали появляться люди, в одежде мастеровых. Это были «глухари»-клепальщики с Адмиралтейского завода, смазчики и кочегары с Металлического, вагранщики из вагонных мастерских.

Из студенческого окружения Сергей давно выделил Всеволода Сибирцева с экономического факультета Политехнического института. В Петербург он приехал с Дальнего Востока. Про него рассказывали, что в гимназии во время панихиды по умершему Александру III он не опустился на колени. Возник скандал, замять его удалось лишь благодаря влиянию его родителей. Во Владивостоке они были заметными людьми, их знал весь город. Сибирцев, что очень импонировало Сергею, был прекрасно развит физически, недавно он ездил в Прагу на слет сокольских гимнастов. Несколько раз в институте вместе с Сибирцевым появлялся Константин Суханов, студент университета. О нем говорили, что он уже успел посидеть в тюрьме за участие в демонстрации против расстрела рабочих на далеких Ленских приисках в Сибири. А был, как рассказывали, сыном вице-губернатора!

Как и во времена отцовской молодости, студенты и курсистки не желали жить в ладу с правительством. Возникали кружки, землячества, политические партии, и всяк предлагал свой план общественного переустройства.

Градус студенческого возбуждения все возрастал. Любимым профессорам устраивали бешеные овации, нелюбимым мстили — не посещали их лекций. Петербург был наводнен слухами о настроениях студенчества они становились как бы барометром политического настроения. Сергей обратил внимание, что студентам это льстило. Наказания уже никого не пугали, наоборот, ими даже гордились. Константина Суханова, попробовавшего тюремной каши, курсистки провожали восторженными взглядами. Сын вице-губернатора ходил в рабочей сатиновой косоворотке. Поговаривали, что он и Всеволод Сибирцев — свои люди на заводах «Новый Лесснер» и «Айваз».

Однажды за Сергеем зашел Федор Баткин и они отправились на собрание студенческого землячества — сегодня должен был

читаться реферат о положении в деревне.

— Вы же должны знать деревню, — заметил Федор. — У вас, рассказывают, имение.

— У родителей, — сухо уточнил Сергей.

Он никогда не скрывал своего происхождения, но твердо решил не повторять судьбы отца. Жизнь его сложится совершенно иначе.

После неловкого молчания первым заговорил Федор Баткин. Он стал рассказывать о деятельности так называемых студенческих землячеств. Кое-что Сергей знал и сам. Первоначально эти объединения учащейся молодежи имели целью облегчить существование в столице, вдали от родных мест. Помимо чисто товарищеского общения студенты оказывали друг другу и посильную материальную помощь. В земляческом «обществе взаимного кредита» можно было взять денег на уплату за квартиру, на покупку учебников, обуви, одежды. Затем образовались кружки «саморазвития», начали собирать библиотеки, на собраниях стали читаться рефераты по острым темам современной жизни, составляться петиции начальству, протесты, а там и прокламации. Землячества, таким образом, превратились в одну из форм оппозиционерства и официально были запрещены. Но существовать они не перестали, наоборот, деятельность их ширилась, обретала злободневность. Одной из таких боевых организаций студентов стало в Петербурге дальневосточное землячество, в частности отколовшееся от него уссурийское, куда входили молодые люди, приехавшие в столицу с самого края света, с далекого океанского берега России.

Когда Федор и Сергей явились в учебный корпус, в коридоре было уже не протолкнуться. У входа в большую аудиторию кипел людской водоворот. Пришлось остановиться, пережидая. Сергей услышал, что с Федором кто-то поздоровался, и обернулся. Рядом стоял Константин Суханов, тоже не пожелавший лезть в толчею. Косой клин ворота его сатиновой рубашки свисал на грудь, открывая молодую крепкую шею. Суханов, похмыкивая, качал головой и еле слышно напевал: «Сам узнаешь, будет время, бранное житье...» К нему подошла и о чем-то горячо заговорила молоденькая девушка со скуластым лицом — Мария Сахьянова. На Сергея повеяло далью неведомого края.

Реферат о положении в русской деревне читал совсем незнакомый Сергею человек в такой же, как у Суханова, косоворотке. Слушали его внимательно. Оратор глухим пророческим голосом кидал в притихшую аудиторию страшные слова. Близится новая революция, которая сметет с земли «всех нас вместе с нашими усадьбами, имениями, вместе со всем

нашим образованием, женами, орденами».

— В русской крестьянской люльке сейчас нетерпеливо пробует голос будущее не только России, но и всего мира!

Ему бешено аплодировали. Однако Федор Баткин хмурился и разочарованно почесывал бровь. Он несколько раз сбоку взглянул на Сергея, как бы желая узнать его оценку всему услышанному.

Признаться, реферат Сергею не понравился. Он ожидал услышать что-либо основательное. Невольно пришли на память картинки убогого крестьянского быта. Ранний зимний вечер, в тесных и душных избенках укладываются спать детвора и старики, на лавках расстилают полушубки молодые пары, на шестке устроился кот, перед печкой тяжело вздыхает новорожденный теленок, у самой двери хрюкают отъемыши поросята, с потолочной матицы свешивается зыбка с будущим наследником всего этого убожества, а по зыбке, по стенам сотнями шелестят тараканы...

— Спорно, спорно, очень спорно, — бормотал Федор Баткин, пробираясь к выходу. — Но вы обратили внимание, с каким интересом слушали? Люди стремятся действовать. Но как, в каком направлении? Это сейчас самое важное, самое острое.

Сергей поинтересовался, какой партии Баткин симпатизирует. Тот задумался.

— Вообще-то эсеры, не отнимешь, решительные люди.

О большевиках он тоже отозвался с уважением, однако насчет отмены частной собственности с сомнением покачал головой. Баткин куда-то торопился и стал прощаться. Издалека, из-за Невы, студеный ветер принес печальное пение заводского гудка. Оба невольно прислушались. Это становилось приметой времени: голоса фабричных гудков достигали самого центра столицы.

— Гудят... — неопределенно проговорил Баткин и, пожав Сергею руку, пошел своей дорогой.

До поздней ночи Сергей бродил по городу. На Сенатской площади ветер гнал сухую поземку. Историческая площадь! Это сюда далеким декабрьским утром вышли с горсткой войск мятежные молодые люди, лучшие сыны России. Отец, Георгий Иванович, всегда с уважением отзывался о декабристах.

Под мерный звон замерзших колоколов Исаакиевского собора Сергей побрел с площади. Над головой взметнулись медные копыта царского коня, застывшего перед обрывом с Фальконетовой скалы. На чугунных столбах мотались фонари, освещая каменную горбину Троицкого моста. Худенькая девчонка, согнувшись, брела по мосту, и ветер рвал ее истрепанную одежку. Суров к бездомным зимний ветер в Петербурге!

Домой Сергей вернулся на рассвете. Он стянул тяжелую

шинель и, не разуваясь, повалился на диван. Чаю бы сейчас горячего или подогретого вина. Горели нахлестанные снегом щеки. Итак, к чему же он пришел? Далекий предок Иордании, Пушкин, декабристы, перебитая судьба отца... Более века тлело и постепенно разгоралось из искры недовольства русское подвижничество революционеров. Сейчас критические годы. Впрочем, для кого они критические? Пожалуй, только для него. Он понимает, что пора принять решение, одно-единственное на всю жизнь. Где же его место в предстоящей борьбе? Незаметно он стал засыпать и вдруг раскрыл глаза, с тоскою огляделся. Все было прежним. Неужели и ему, со всеми его мыслями, стремлениями, суждено повторить судьбу несчастного отца?

По коридору прошлепала сонная кухарка и стала греметь в кухне, растапливая печь. В соседней комнате проснулся жилец, немолодой чертежник, фронт и сердцеед, спросил чаю и, посвистывая, уселся за чертежную доску. Начался еще один день!

«Не пойти ли, как Федор Баткин, на какой-нибудь завод рабочим? Хотя что-то увижу, узнаю...»

Но тот же Баткин скоро, слишком скоро вернулся с Урала и сейчас нашел выход своим стремлениям в чем-то совершенно ином. Интересно, в чем? В какой-то не совсем ясной деятельности землячества? Но в этом ли истина? Может, только поиск истины? Сколько уж их было, этих поисков! Страдали целые поколения молодых людей, искренне стремившихся облегчить положение своего народа.

Вчера Федор Баткин обмолвился насчет того, что Лазо является владельцем целого имения. Ничего не делая, он получает деньги из дому и может не заботиться ни о пропитании, ни об одежде. Выходит, право частной собственности — это право на чужой труд. Так что же, может, отказаться от домашней помощи, стать человеком без роду и племени и ломить своим горбом, как говорят в народе? Но в этом отказе явственно проглядывает нечто картинное, на публику. Да и попробуй объяснить все матери! У нее одна мечта, одно стремление: выполнить завет отца — дать детям образование.

Все чаще вспоминался Константин Суханов. Тоже ведь отравлен происхождением, а нашел же выход! Примечательно, что своей учебой Суханов, по всей видимости, нисколько не тяготится. Не последовать ли его примеру: воспользоваться преимуществами своего положения и налечь изо всех сил на учебу, получить образование, диплом и стать полезным тем, кому в конце концов понадобятся и его способности, и вся его жизнь?

Жаль, он не может всем поделиться с матерью. Человек старого закала, она не поймет его сомнений. Написать, что 28

членов Государственного совета империи получают жалованье миллион рублей, а заседают всего несколько раз в году. Доход крестьянина — рубль сорок копеек в год. Разница чудовищная! Ну и что же, скажет мать, не нами это заведено. Да, заведено не нами, но почему бы нам, именно нам не поломать этот преступный порядок? Жалко привилегий, обеспеченности, покоя? Кому-то, видимо, действительно жаль. Но только не ему, о нет! С радостью откажется...

Война.

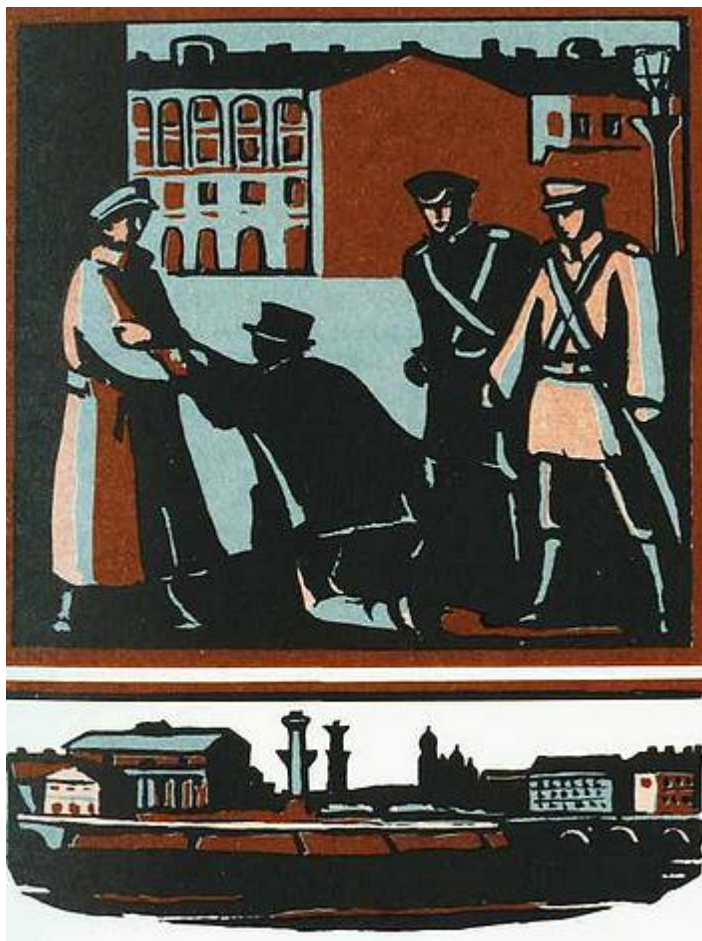
Если верить газетам, из всех сил возбуждающим патриотические настроения, то вся вина за начавшееся кровопролитие целиком ложится на противника: зверь, изверг — это доказывается очень легко, в два счета.

На всех заборах империи появились лиловые и голубые листки с двуглавым орлом: «Призвать на военную службу...»

Гром оркестров в первые дни войны, лихие песни новобранцев, бешеное ораторство на трибунах заглушали тоскливый бабий вой по кормильцам, которых нескончаемыми эшелонами повезли к полям небывало страшной бойни. Оторвав миллионы мужчин от работы, от семьи, надо было заставить их бодро, весело идти под пули.

В чаду патриотического угара произошел разгром германского посольства. Сам император облачился в офицерский полевой мундир. Из Восточной Пруссии стали поступать первые победные репортажи: армия генерала Самсонова принялась перемалывать самые отборные немецкие дивизии. Еще немного — и путь на Берлин открыт.

Безусые кадетики, будущие офицеры, с упоением долбили по учебникам: «Россия — государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его — быть розою света». Напыщенность военных переходила все границы. Каждый, кто натянул на себя мундир с погонами, поглядывал на штатских, как на ничтожество. Офицеры нагло заглядывали под дамские шляпки: женщины представлялись им чем-то вроде законной добычи победителей.

Однажды Сергей стал свидетелем такого происшествия. Впереди него по тротуару бойко, в ногу, шагали двое офицеров, как видно новоиспеченных. Уже в самой походке их чувствовался вызов. Прохожие от них шарахались. Чиновник, в пальтишке, очках, выбежал из аптеки и вдруг затоптался на тротуаре, близоручко вчитываясь в узенький листочек рецепта. В другой руке он держал скляночку с лекарством. На свою беду, чиновник оказался на самой дороге бравых офицеров. Они остановились и переглянулись.

— Разорвем? — деловито предложил один из них. Взявшись за полы чиновникова пальтишка, офицеры дружно рванули каждый в свою сторону. Ветхое пальтишко разлетелось на две половины до самого воротника.

Упала скляночка, жалобно тренькнули очки. Офицеры хохотали.

У Сергея потемнело в глазах.

— Стыдно! — крикнул он, бросаясь к офицерам. Несчастный

чиновник ползал по тротуару, собирал стеклышки. Прохожие благоразумно сворачивали в сторону.

Офицеры, два безусых прапорщика, задиристо оглядели неожиданного заступника и, надо полагать, оценили ширину и крепость его плеч. Один из них проговорил:

— Ну его, идем. Еще связываться!

Сергей нагнулся к чиновнику.

— Позвольте, я вам помогу.

Пробежал мальчишка-газетчик, выкрикивая что-то и размахивая экстренным выпуском. Вслед ему недоуменно поворачивались головы. Кое-кто из прохожих подзывал его, совал монетку и раскрывал газетный лист. Не верилось глазам: еще совсем недавно славный генерал Самсонов неудержимо пер вперед, а вот, пожалуйста, — беда, неожиданное поражение, Самсонов пускает себе пулю в лоб.

Отрезвление было обидным, горьким. От недавней уверенности не осталось и следа. Наоборот, теперь казалось, что никакой уверенности не было и в помине. Какая уж уверенность!

Война с необыкновенной быстротой расшатала все устои. Студенты и курсистки, дети последнего поколения старой России, в эти сумасшедшие дни учебу забросили. До ученья ли!

Сергей теперь всей душой надеялся на будущее.

Разумеется, хозяин будущей России выйдет не из крестьянской люльки. Но кто же он будет, откуда возьмется?

Многие «уссурийцы» преклоняются перед пролетариатом. Но Баткин прав: а чем еще, кроме своего озлобления, полезен этот самый пролетариат? Объединенностью на своих фабриках и заводах? Однако мужик, крестьянин со своей вековой общиной, представлялся Баткину более организованным. И Сергею казалось, что Баткин в чем-то прав... Фабричных и заводских рабочих Сергей, по существу, не знал. У себя в цехах они изготавливали боевые орудия, броневые плиты, башенные установки, станки и лафеты, снаряды и торпеды и время от времени появлялись в центре столицы, чумазные от машинного масла и угольной пыли, дерзкие и злые. Совершенно новый пласт людей, все богатство которых в паре рук. Привыкнув до всего доходить своим умом, Сергей достал брошюру Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

А в России? Непонятно все, раздвоенность... К кому прибиться, за кем идти, в кого поверить?

Зимой Москва наводнилась небывалым количеством раненых, калек. Серые солдатские шинели стали обыкновением на вокзалах и улицах. Война стала чудовищной пиявкой, которую не напитать, не оторвать, война стала всеобщей раной, она саднила,

не позволяя спокойно жить, думать, действовать.

Вид солдат, ковылявших в рваных сапогах и тощих шинельках, на костылях, с подвязанными или отставленными вбок, толсто уверченными руками, громче всяких слов вопил о великом бедствии народа. Настоящие страдания на фронте, в окопах, там самая боль, самое несчастье. Сострадать недостаточно, следовало в какой-то мере разделить эти страдания, облегчить, подставить свои плечи. И Сергей надумал стать на первых порах хотя бы братом милосердия.

Но и таская носилки с ранеными, Сергей вспоминал Баткина, Суханова, Сибирцева. У этих людей была твердо выбранная дорога. Как он им завидовал! Его же решение стать братом милосердия не выход, не спасение, надо искать что-то иное...

Мобилизационная повестка нашла его в июне 1916 года. Он был студентом Московского университета, ради которого и оставил Петербург. Убыль офицерского состава на фронте достигала чудовищных размеров, и военные училища перешли на ускоренный выпуск прапорщиков. Сергей стал юнкером Алексеевского военного училища.

Он написал матери, что через шесть месяцев станет офицером и отправится на фронт. Елена Степановна сама высчитала день выпуска и приехала в Москву проводить старшего сына.

Напряженное учение далось Сергею удивительно легко. Он с удовольствием переносил все тяготы военной муштры, в дождь и снег месил грязь на занятиях за городом (училище помещалось в Лефортове). Это была настоящая мужская работа, первые трудные испытания, которым подвергла его суровая обстановка в стране.

Елена Степановна готовилась провожать сына на запад, в действующую армию, но прапорщик Лазо совершенно неожиданно получил назначение в другую сторону: на восток, в Красноярск, в 15-й Сибирский запасный стрелковый полк.

При выпуске он был аттестован как «настроенный непатриотически». На фронте, среди и без того обозленных солдат, такой человек был опасен. И он был отправлен обучать маршевые роты.

Все же фронт от молодого прапорщика не ушел. У Сергея Лазо была своя судьба.

Узнав о назначении сына в Красноярск, Елена Степановна обрадовалась. В Сибири не стреляют! Но она ничем не выразила своей радости, зная, как оскорбит ею Сергея. В старшем сыне сказывалась гордая кровь дворян Лазо. На взгляд Елены Степановны, самостоятельная жизнь в столице очень изменила

сына. Он заметно повзрослел, суждения его уже не имели ни малейшего следа той юношеской восторженности, о которой говорил еще покойный муж, как жаль, что Георгию Ивановичу не довелось увидеть удивительное возмужание своего первенца.

На Ярославский вокзал они приехали задолго до отправления сибирского поезда и в ожидании гуляли по перрону. Согнув руку, Сергей в новенькой офицерской шинели почтительно вел мать. На них оглядывались. Как всегда, Елена Степановна была одета просто, но со вкусом. Сергей замечал, что аристократизм матери невольно дисциплинирует даже развязную вокзальную прислугу. Елена Степановна разговаривала по-французски, он отвечал ей по-русски. Гигантская душевная работа, происходившая в нем последние месяцы, привела к решению опроститься, ничем не выделяться, порвать паутину сословных отношений, которых требовало его дворянское происхождение.

Елена Степановна спрашивала о том, что говорят среди военных о государе и о Распутине. Позорные слухи о царице дошли до Кишинева. До каких пор так будет продолжаться?

— Я тебе не хотела рассказывать... Позавчера на вокзале, когда я собралась взять извозчика, меня оттолкнул какой-то офицер, вскочил сам и укатил. Ты представляешь, до чего дошла наша армия, если офицер позволяет себе такое?

Слушая, Сергей стискивал зубы. Офицер... Среди выпускников училища был некто Слезкин, природный хам, который не только толкнет, но и убьет, если не посторонишься с его дороги. Можно себе представить, каково придется бедным солдатам во взводе Слезкина. Что за люди получали погоны офицеров русской армии? К чему придет страна с такими, с позволения сказать, защитниками?

Разложение армии уже ни для кого не было секретом.

— Господи, что же с нами будет?

Внезапно ударил колокол, быстрее понеслись носильщики, нагруженные чемоданами, из вокзального буфета, утирая губы, торопливо выскакивали люди и устремлялись к ожидавшим вагонам.

Елена Степановна откинула с лица вуаль и, взяв обеими руками сына за плечи, произнесла:

— Сережа, ты только обещаю мне часто писать!

Она смотрела на него так, словно хотела насмотреться на долгие, долгие годы. Он поцеловал матери одну руку, затем другую.

— Я буду писать. И Боре со Степой — тоже...

Забыв о сдержанности, она вдруг иступленно обхватила его, прижалась, замерла. Фуражка съехала Сергею на ухо, он сразу

стал походить на сорванца-гимназиста.

Таким старший сын запомнился Елене Степановне навсегда.

Чужло сердце матери — больше она Сергея не видела.

Сибирь... Необъятный край, начавшийся за Уральскими горами и простирающийся до самого океана. Вагонные попутчики без умолку говорили о богатстве здешних мест. Сергей подолгу стоял у окна, затем забирался на полку и принимался читать захваченную в дорогу книгу: воспоминания декабристов. Многие герои 1825 года закончили свою жизнь в «зеленом каземате» — так называли еще совсем недавно холодную каторжную Сибирь.

Вагон покачивало, мерк за окошками сибирский день. Все глуше и однообразнее становилась вокруг природа, дикая, необжитая земля. Нескончаемо тянулись дремучие леса. Здесь даже тучи были непомерной длины — на несколько дней пути.

В Сибири в вагонах стало теснее: гнали мобилизованных, они набивались в коридоры, устраивались на полу, проникали даже в классные купе.

Вечером в вагоне зажигался фонарь, и Сергей, лежа на полке, клал книгу на грудь и закрывал уставшие глаза.

Внизу неторопливо вязался дорожный разговор попутчиков, людей, как видно, достаточно хлебнувших лиха в жизни.

— Матросня во Владивостоке — одно фулиганье. У каждого на груди какая-нибудь похабщина наколота. Потом спохватится, дурак, ан нет — до самой смерти не отмоешь.

— А солдатишки-то... Пояса стали отпускать, ходить развалистей. Это до добра не доведет.

— Офицерам что? Они с колясок не сходят, в шампанском по горло, на каждой руке по паре крашенных девиц. Эдак чего не воевать!

— Солдат для генерала — божья котлета. Изрубил и скушал. Мы не доктора, где у генерала сердце — с трубкой по груди не шарим. Но если бы нашли, вынули бы за милую душу!

Далеко впереди ревел гудок паровоза. Залязгали, сталкиваясь, вагоны, народ на полках зашевелился. Скоро остановка. Кому бежать в очередь за кипятком, а кому и вылезать — конец пути.

Словесные занятия в учебной команде подходили к концу. Взводный офицер прапорщик Лазо, медленно расхаживая в проходе между тесно составленными скамейками, говорил о сводках с фронта, о зверствах немцев, о жестоких страданиях населения, попавшего под железный сапог захватчиков. За прапорщиком, как подсолнухи, поворачивались круглые

стриженные головы солдат.

— Ваше благородие, а вот весна идет, сказать к примеру. Не слышно, замиряться будем, нет? Пахать бы надо, сеять. А кому? Дома одни бабы. Это не голодуха. В самый бы раз к севу замиряться!

«Наивные надежды... Но как осточертела всем война!»

На Сергея смотрели десятки солдатских глаз. Что он может им сказать, чем утешить?

— Братцы, вы ж читаете листовки, я же знаю. Там правильно сказано: так быстро закончить войну едва ли удастся.

— Ваше благородие, а сколько, например сказать, нашего брата, ну солдата, убивают в день на фронте? Сказывают — тыщи.

— Этого нам с вами никто не скажет. Это секрет.

Ободренные дружеской улыбкой прапорщика, солдаты загремели скамейками, подъезжая ближе. Взводный офицер славился во всем полку мягким обращением с солдатами, разговаривает по-человечески — не как ротный подпоручик Смирнов.

— Ваше благородие, а правду говорят, будто нашим солдатам совсем нечем стрелять?

— Ваше благородие, говорят, кругом измена. Распутина, говорят, убили, когда он по прямому проводу с немцами разговаривал.

— Царица-то, сказывают, очень уж убивалась. Прямо волосы на себе рвала!

Лазо взмолился:

— Братцы, об этом я знаю гораздо меньше вашего. «А что им еще сказать? Ротный Смирнов и без того посматривает подозрительно. Позавчера при офицерах язвительно назвал господином либералом. Кто-то постоянно ему доносит обо всем...»

— Ваше благородие, а вот как нам считать: правильно толкуют... эти вот... ну, в очках один приходит, а с ним еще барышня... вот которая с вами была?

Напоминание о барышне заставило Сергея покраснеть: «Черти глазастые, все подмечают!» Недавно перед солдатами выступала Ада Лебедева, поселившаяся в Красноярске с мужем после ссылки на север. Ада и ее муж принадлежали к партии эсеров. В солдатах они видят обыкновенного мужика-собственника, случайно натянувшего серую казенную шинель. Ада и ее муж Григорий рассуждали убедительно. Узнав об увлечении Сергея декабристами, торжественно заявили, что, доживи те герои до наших дней, они непременно стали бы членами партии эсеров. В крестьянской стране только мужик

имеет силу. Сергей протестовал, но чувствовал сам — слабо. Ему, как он безжалостно сознавал, не хватало того, что называется мировоззрением. Ада и Григорий прошли школу партийной борьбы, тюрем, ссылки. В смысле политического образования тягаться с ними Сергеем было пока не по силам.

— Ваше благородие, а вчера у нас совсем другой человек был. Из мастерских. Тот наотмашь режет. Вас, говорит, как дураков за деньги продают, гонят на убой.

Ну конечно. Большевики тоже понимают, какую силу представляет армия. Агитаторы эсеров, большевиков, меньшевиков работают изо всех сил. Положение большевиков осложнялось тем, что они находятся в подполье. Оплот их в Красноярске — огромные железнодорожные мастерские. Партия эсеров обосновалась в кооперативах, эсеры по-прежнему продолжают молиться на хозяйственного мужика. С большевиками они на ножах.

— Ваше благородие, один вопрос. Дозволите?

Лазо насторожился. Спрашивал Бовкун, медлительный, неразговорчивый солдат, из политических ссыльных. В последнее время в армию стали призывать и ссыльных, распределять их по одному человеку в роту. Подпоручик Смирнов в первый же день предупредил Лазо, чтобы он приглядывал за Бовкуном.

— Я слушаю вас, Бовкун.

Солдаты затаили дыхание. Уж если Бовкун вылез, значит, не зря. Этот человек о пустяках спрашивать не станет.

— Ваше благородие, мы промеж себя одного никак понять не можем. Ведь и немцу война не в сладость! Так? Ну и порешить бы ее скопом: штыки в землю, и по домам! В чем загвоздка-то, кто мешает?

Так и есть! Готовый агитатор. Вот что ему сейчас ответить?

Получился не урок словесности, а занятие тайного кружка.

Из казармы прапорщик Лазо вышел только вечером. День закончился, теперь он на минуточку заскочит на квартиру, умоется, поскребет бритвой упругие щеки, пришьет свежий подворотничок. А потом уж в гости... Он представил: себе тихий уют семейной комнатки друзей, лампу на столе, покойный сумрак, милое лицо, обращенное к нему с привычной улыбкою привета. Кляня себя за невозможность прекратить эти ежедневные визиты (давал себе слово, но едва наступал вечер — тянуло неудержимо), Сергей с фальшивой бодростью произнесет: «Снова я. Представляю, как я вам надоел!» Но Ада и Григорий рассмеются, в четыре руки примутся хлопотать, потащат его к столу, к чаю. В их сердечности он ни разу не уловил нотки вынужденной фальши. Нет, ему там рады, его любят.

Догадываются, конечно, ради кого тащится в гости каждый вечер прапорщик, отчего так краснеет (кажется, брызнет кровь из круглых крепких щек), но хоть бы жестом, словом выразили свое неудовольствие.

В глазах Ады Лебедевой горел огонь решимости, это был настоящий боец, и в частых спорах она бывала неуступчива, судила резко, слов не подбирала. Но в остальном она оставалась обаятельной женщиной, и Сергей был счастлив, что в Красноярске у него появились настоящие друзья.

Месяц назад красноярцы повально болели испанкой. Сергей крепился несколько дней, но наконец свалился в беспамятном жару. Ада и Григорий трогательно ухаживали за больным. Как-то утром, раскрыв глаза, Сергей изумился: возле его кровати, забравшись с ногами в кресло и укрывшись шалью, дремала Ада. «Всю ночь возле меня... А что же скажет Григорий?» Но прибежал Григорий и деловито осведомился: «Ну-с, как делишки, как мы себя чувствуем! Я вижу — дело на поправку. Превосход-но-с!» Он сам вскипятил самовар, подтащил к кровати больного стол, Ада помогла Сергею сесть повыше, подложила ему за спину подушки. Смущаясь, Сергей пытался все сделать сам. Ему было совестно перед Григорием. Мало ли что может подумать! За чаем Григорий решил, как он выразился, внести ясность. «Послушайте, бросьте вы свои мещанские штучки. От вашего лица можно прикуривать! Мы с Адой не просто супруги, мы — друзья, единомышленники. Улавливаете разницу?» И это признание еще крепче привязало Сергея к уютной квартирке друзей. Там ему было невыразимо хорошо. Он никогда — слышите, никогда! — не позволит себе ничего лишнего, чтобы Ада и Григорий не раскаялись в своей доверчивости.

Стемнело, когда Сергей направился к друзьям. Под сапогами пронзительно визжал морозный снег. Черт возьми, начало марта, а на дворе настоящая зима! Весной и не пахнет...

По дороге встретился прапорщик Курилов, офицер из той же, что и Лазо, четвертой роты. Пошли вместе. Курилов направлялся к товарищу развеяться от гарнизонной скуки — «заложить банчишко».

— Сергей Георгиевич, не слышали: в столице-то какой-то карамболь? В городе болтают разное. Говорят, получены потрясающие известия. Я думаю, уж не перемирие ли с немцами?

«Гм... То-то сегодня на занятиях солдаты так и сыпали вопросами. Видимо, доходит и до них. Но что же конкретно? Думаю, Ада и Григорий знают наверняка».

— Едва ли, едва ли... Боюсь, у наших для этого не хватит

здорового смысла.

— Ну, вы известный пораженец, хотя и получили офицерские погоны.

— Ничего странного. Победить мы не можем, это как дважды два. А иные поражения полезны.

— Ну-у, знаете!.. Между нами, подпоручик Смирнов считает вас ненадежным, не патриотом. Смекаете, чем пахнет?

«Глуп подпоручик Смирнов. Примитивный, ограниченный умишко. Солдаты его ненавидят. На фронте такому ротному не поздоровилось бы. Сообразил бы, деревянная башка, что настроением солдат пренебрегать нельзя. Здесь, в Красноярске, огромное количество ссыльных, участников революции 1905 года, отбывших каторгу. Многие разделяют пораженческую политику большевиков...»

— Мне советуют перевестись в десятую роту, — признался Лазо.

Курилов скривился.

— Душок там... не совсем. Все-таки солдат надо держать в узде.

В десятой роте тон задавали солдаты из уральских рабочих.

На освещенном перекрестке собралась кучка прохожих, окружила человека с газетным листом в руках. Люди напряженно слушали, вился парок дыхания над головами. Курилов приостановился, наострил ухо и вдруг полез в самую гущу собравшихся, ожесточенно работая локтями.

— Слушайте, чего он там, каналья, мелет?

Человек с газетой читал экстренное сообщение об отречении царя. Прапорщик Курилов выдрался из толпы обескураженный, глаза его блуждали.

— Черт знает что! Прямо как обухом!

Но Сергея столичное известие не очень удивило. В последние дни что-то похожее ожидалось всеми, носилось в воздухе. Газетные страницы полнились грозными и тревожными известиями. Политические карьеры в эти дни складывались с молниеносной быстротой. Неизвестные вчера люди вдруг завоевывали сегодня богатство и власть, обожание или ненависть миллионов обывателей. Министерская чехарда в правительстве совершалась с одной лишь последовательностью: каждый вновь назначенный министр оказывался хуже своего предшественника. Сомнений не оставалось ни у кого: старая власть, как и весь политический и социальный строй империи, до конца исчерпала себя. Грозно завывал великий смерч, а одряхлевший колосс нечем было подпереть. Наступал полный паралич центральной власти. Бил двенадцатый час самодержавного режима, во весь свой

исполинский рост поднималась народная Россия.

— Вы сейчас куда? — спросил Курилов. — В казарму? Не советую. Я — в офицерское собрание. Не сомневаюсь, там уже все наши. Надо обсудить и что-то решить.

— Извозчик... Эй, извозчик! — закричал Лазо.

Лошаденка бежала дробной рысью, извозчик потряхивал вожжами. От нетерпения Сергею не сиделось на месте. Ну вот и свершилось: нет царя, династия рухнула. Но теперь, надо полагать, войне придет конец. Солдаты только о мире и думают...

Как все-таки медленно плетется извозчик! Неужели он не понимает, что произошло в стране?

— Голубчик, подстегни!

— Лошадь, ваше благородие, не кнутом погоняют, а овсом.

Еще балагурит! Нашел время... Однако поехали быстрее.

Удивительно, как быстро распространяются новости. Казарма уже бурлила. Прапорщика Лазо встретили радостно.

— Ваше благородие, вы с нами? Ур-ра-а!

— Отставить! — скомандовал Лазо. — С нынешнего дня нет больше ни благородий, ни превосходительств. Все мы — товарищи, братья по оружию, по одной судьбе... — Он взял под козырек: — Здравствуйте, товарищи!

— Ур-ра-а! — снова заревели солдаты и принялись подбрасывать прапорщика в воздух.

Никто из офицеров в этот вечер в казарму больше не явился. Среди солдат появилось тревожное настроение. Царя не стало, а что же дальше? Сергей втихомолку возмущался: где же представители политических партий? Сейчас им самое время находиться здесь. Ада и Григорий... чем они заняты, что решили? Спорят с противниками, дискутируют? Уехать из казармы раньше времени Сергей не мог. Он едва дождался часа, когда положено бить отбой ко сну.

— Товарищи, прошу соблюдать распорядок. Завтра утром мы увидимся.

Найти извозчика удалось с трудом. Весь город кипел, вихрем проносились санки, в них нетерпеливо подсакивали люди в наспех насунутых шапках, в незастегнутых пальто.

Сергея заждались, кинулись навстречу, мешали снять шинель. Григорий удовлетворенно скреб в бороде, глаза Ады лихорадочно блестели.

— Ну, что я говорила? Свершилось! Проходите, садитесь. Сегодня начнут подъезжать наши из Минусинска. Мы выяснили: все сроки ссыльным отменяются. О, теперь народ подъедет боевой.

Сергея забросали вопросами о настроении офицерства. Будто

бы многие настроены враждебно и не собираются присягать Временному правительству. Придется с ними поработать, разъяснить. Что ни говори, армия покамест — единственная реальная сила.

Первые минуты возбуждения прошли. Сергей наконец получил возможность спросить о том, что мучило сейчас солдат в казарме. Что же дальше-то будет?

— То есть? — не понял Григорий. — Что вы имеете в виду?

— Ну, царь отрекся, Временное правительство. Все это так. Но это все, чего мы добивались и к чему стремились? Венец, как говорится, всех усилий?

— Батенька, — завопил Григорий, — работы непочатый край! Немедленно приступаем к выборам в Совет. Большевики, да буде вам известно, настроены весьма решительно. Противостоять им можем только мы. И мы их слоим. Тут многое можете вы, военные... Обеспечьте нам победу в ротах, в батальонах... ну и, естественно, в полку. Скажу по секрету: к нам сюда, в Красноярск, комиссаром Временного правительства назначается Крутовский. Уверяю вас, контакт с ним обеспечен. Это мы берем на себя. На вас ложится практическая сторона...

— К солдату нужен особый подход, — заметил Лазо. Ада Лебедева усмехнулась.

— Вы же ходите у них в любимчиках! Советую обратить внимание на Бовкуна. Человек основательный и у солдат пользуется авторитетом. Правда, поглядывает на большевиков!

— Это пройдет, — уверенно заявил Григорий. — В отличие от нас большевики сильно успели в работе среди солдат. Здесь у нас просчет. Надо наверстывать. В вашем полку работают солдатские кружки. Много нелегальной литературы поступает из Томска. Не забывайте, там университет, квалифицированные кадры...

О снабжении нелегальной литературой Сергей Лазо ничего не знал.

— Теперь будете знать! — заявила Ада. — Пора. Наступает горячее время.

Разговоров хватило до самого утра. Стало светать. Сергея напоили чаем, и он отправился в казарму.

Город еще спал. По заснеженной улице плелся в обшарпанных санках ночной извозчик. На голову Сергея свалился с дерева целый сугроб снега. Он съежился — снег попал за ворот. Сегодня он не делал зарядки и не обтирался — некогда.

Двор казармы истолчен солдатскими ногами. Унтера обучали запасных.

Завидев Лазо, унтер затынул:

— Ир-рна-а! Р-равнение...

Козырнув, Лазо скомандовал:

— Вольно. Продолжайте.

Удаляясь, он слышал бравый голос унтера:

— Ир-рна! Образование выправки слушай. Пятки вме-стях, носки разведены на ширину приклада... Голова... ты, дубина, слушай! Голова держится прямой по своей высоте над землей. Всякий видит: ты есть солдат и готов отдать свою жизнь за веру, царя и отечество...

В полку как будто ничего не переменялось. Царя вчера не стало, однако армия, инструмент войны и подавления недовольных, продолжала оставаться вне политики.

В помещении офицерского собрания светились все окна. На крыльце Лазо столкнулся с Бовкуном. По привычке солдат отпрянул и вытянулся. Лазо протянул ему руку.

— Ищете меня? Что случилось?

— Ваше благородие... виноват, товарищ... Лазо, послезавтра заседание городского Совета. К нам приходили от железнодорожников, из мастерских. Мы их в общем-то поддерживаем... Я сегодня обращался к подпоручику Смирнову. Он ничего не хочет слушать. Он замахнулся на меня! Это ему так не пройдет... Теперь не ранешнее время!

«Прав, прав старый солдат. События обрушились лавиной. Теперь каждый час приносит столько нового!»

— Успокойтесь, Вовкун. Подпоручик Смирнов не прав. Скажите вашим товарищам из мастерских, что могут приходить свободно.

— Покорно благодарим!

Открыв дверь, Лазо увидел, что, несмотря на ранний час, все офицеры были в сборе. Чувствовалась напряженность, лица хмуры. Подпоручик Смирнов метнул взгляд на вошедшего Лазо и продолжал:

— Вчера полковой командир получил сообщение из Новониколаевска. Ссылные устроили праздничное шествие. Солдаты отказались подчиняться офицерам. Прапорщик Слезкин не вынес этого безобразия и застрелился. Единственный нашелся человек!

После угнетенного молчания кто-то из офицеров напомнил, что следует подумать о выборах. Ротный командир зверем глянул на дверь, через которую недавно дерзнул проникнуть в офицерское собрание рядовой Бовкун, и снова вспылil.

— Дожили: солдат указывает офицерам! И это армия? Разврат! Кабак-с!

Подпоручика поддержали, раздалось сразу несколько голосов. Офицерами овладело смятение. В одночасье рухнуло все,

чем держалась армия. Командовать станут какие-то выбранные голосованием?! Не исключено даже, что во главе полка или дивизии окажется какой-то штафирка из мастеровых или из недоучившихся студентов! А это что еще за новость — ротные, батальонные и полковые комитеты? Ну пускай бы выбирали каких-то там своих рачьих и собачьих депутатов, но в армии? Пропала армия!

— Предупреждаю, — продолжал подпоручик, — у меня в роте никаких выборов. Армия должна оставаться армией! А кто хочет голосовать, пусть отправляется в десятую роту.

Прапорщик Курилов несмело заметил, что приказ о выборах пришел из Петрограда, от военного министра Временного правительства.

Смерив его взглядом, ротный процедил сквозь зубы:

— Я давал присягу своему государю!

На прапорщика Курилова было жалко смотреть. Как бы в свое оправдание он пробормотал, что в настоящее время у солдат пропало боевое настроение первых месяцев войны.

— Это не солдаты, а предатели! — отрезал ротный. — Враг остается врагом, и мы обязаны его разбить.

— Но если солдаты откажутся идти в бой? — спросил Лазо.

Подпоручик смерил его взглядом с головы до ног.

— Для этого и существуют офицеры. Настоящие русские офицеры! — с нажимом на слове «русские» произнес Смирнов.

Сергею уже передавали, что ротный за глаза называет его азиатом, — за смуглость лица и неправильный разрез темных глаз.

События, однако, пошли наперекор подпоручику Смирнову. Во всем полку начались необыкновенно шумные митинги — выбирали командиров и членов комитетов. Подпоручик Смирнов сказался больным, выборы в роте состоялись без него. Благоразумно поступил подпоручик, солдаты припомнили ему все обиды.

Рапорт

солдат 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка

Принимая во внимание положение настоящего времени, чины 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка на своем общем собрании постановили следующее: заменить своего ротного командира

подпоручика Смирнова по следующим причинам: 1) по получении приказа № 64 от 3 марта с. г. в личном разговоре с унтер-офицером и другими заявил себя открытым сторонником старого правительства (его подлинные слова: «Я давал присягу служить императору Николаю II...»). Его словам соответствовали и поступки, как, например, 4 марта он разогнал наше собрание, чем воспрепятствовал законному выбору делегатов от роты, и преследовал обмен мнений по поводу последних событий. К тому же отношение его к солдатам было деспотическое. 2) Выражаем желание иметь своим ротным командиром прапорщика Лазо.

К сему по доверию роты подписуемся (подписи).

Вечером у Лазо вышел неприятный разговор с Адой Лебедевой и Григорием.

— Поздравляю! — язвительно проговорила Ада, позабыв предложить ему снять шинель. — Вы делаете бешеную карьеру!

Лазо растерялся. Он не ожидал такого приема. Летел, спешил поделиться радостными новостями... И вот!

— Почему вы допустили выборы под большевистскими лозунгами? — спросил Григорий. — Мы же договаривались. И мы надеялись на вас.

Ах, вот в чем дело! Но с чего они взяли, что выборы в полку прошли под лозунгами большевиков? Никого из мастеровых на митингах не было. Солдаты возмущались надоевшей войной и говорили о возвращении по домам.

— Вы как ребенок! — возмущалась Ада. — Это же и есть их лозунги.

— Тогда, значит, они правы! — вспыхнул Лазо. Его стала раздражать необходимость оправдываться.

Ада выразительно взглянула на мужа. Григорий опустил глаза.

Впервые за все время знакомства Лазо почувствовал, что он в этом доме становится чужим. И никогда так резко он не разговаривал со своими друзьями. У них случались споры и прежде, однако тон разговора был совсем иной.

— Послушайте, — не выдержала Ада, — а вы сами-то, случайно, не большевик? Странно! Вам следует записаться к ним. Непременно!

Она ушла, оставив гостя с глазу на глаз с мужем. Григорий сел напротив и во время разговора часто дружески касался его руки. Он долго доказывал Сергею, что большевики всеми силами стремятся разложить армию, втянув ее в водоворот политической

борьбы. Да, царя не стало, самодержавие свергнуто, однако армия должна оставаться боевым оружием нации. Война с врагом не окончена. Что же, большевики хотят сдать Россию немцам?

На прощание Григорий предостерег его от чрезмерного увлечения большевиками. Век их, уверял он, весьма недолог. Здоровые силы революции отторгнут их и раздавят без всякого сожаления.

— Вот увидите, увидите!.. Ну, до свидания. Заходите, не обращайтесь внимания. Она сегодня просто нездорова.

Медленным усталым шагом Лазо плелся к себе на квартиру. Неожиданная ссора оставила тяжелый осадок. Его обвинили в непорядочности, в измене! Но он же ничего не обещал. Солдаты голосовали сами. Хорош бы он был, возмись вдруг уговаривать их, что война необходима!

На перекрестке под тусклым фонарем он разглядел две солдатские фигуры. Завидев офицера, солдаты подтянулись и замолчали. Лазо узнал в одном из них Бовкуна. Угрюмое лицо солдата расплылось в улыбке.

— А мы в аккурат об вас рассуждаем. Просветите нашу темноту. Что, если нам, то есть солдатам, не поклоняться ни к большевикам, ни к эсерам, а оставаться самим по себе? Ну, то есть своей партии держаться, солдатской? Ведь начальство спит и во сне видит снова нас на убой послать. А мы не хотим!

— Большевики как раз войны и не хотят, — заметил Лазо.

— Знаем. Но они с рабочими все больше. А нам бы организовать одним, солдатам, и держаться друг за дружку. Вот как вы смотрите на это?

Лазо улыбнулся.

— А снимете шинель, тогда что будет?

— Тогда? — Бовкун изумился. — Тогда никакой партии не надо. Тогда работать надо, вот и все. Жить, одним словом.

— Путаешь ты все, — тихим голосом сказал другой солдат, молчавший до сих пор. — Какой дурак различает партии по одежке?

— Это он из десятой роты, — представил своего товарища Бовкун. — У них там заварушка. Одни хотят в Совет идти, другие говорят, не надо. У них сегодня ваша барышня была. Ну, эта, черненькая. (Сергей понял: Ада.) Маленечко невежливо с ней поступили. Извините. Ну да ведь и солдат можно понять. На кой нам черт эта война? Обрыдла. А барышня отчаянная. «Даешь, говорит, победу и никаких! Добьем, говорит, немца, не подведем Европу!»

«Вот, значит, почему она так нервна!»

Бовкун с солдатом из десятой роты проводили прапорщика

до самой квартиры. Оба они считали, что городской Совет, если он на самом деле против продолжения войны, следует поддержать.

— Плохо, что у нас в полковом комитете ваньку валяют. Надо бы туда кого порешительнее посадить. И заявиться всем в Совет. Хватит разговоры разговаривать, давайте-ка побыстрее кончать войну! А кто не хочет, того на мушку. А что? Это было бы правильно. Зря мы, что ли, эту гадину Смирнова скинули? Давайте-ка, товарищ Лазо, командуйте. А мы готовы. На хорошее дело все согласны.

— Болтаешь много, — заметил молчаливый солдат.

— Уж и поболтать нельзя! — весело возразил Бовкун. — Хватит, намолчались.

— Ты о главном говори... Был я в полковом комитете. Как малые дети, ничего не понимают! А если, говорю, офицерье у нас винтовки спрячут? Что мы тогда запоем? А солдат без винтовки — не солдат...

Вмешался Бовкун.

— Это он к тому, что мы промеж себя решили — сейчас почин дороже денег. Командуйте, командуйте! Солдаты вас шибко уважают. Старую головку мы скинули, а новой что-то покамест и не видно и не слышно. А надо бы кой-кому глазки протереть! Найдется подходящий командир — любому рог сломаем. С солдатом шутки плохи...

Страшны, опасны были слова вечерних спутников Лазо. На него повеяло опасностью большой и неминуемой борьбы. Куда-то исчез озлобленный подпоручик Смирнов, не стало полкового командира, затаилось гарнизонное начальство, глухо поговаривали о недовольстве среди казачьих офицеров. Одними митингами обстановку не разрядить.

Спал в эту ночь Сергей Лазо совсем немного. Из головы не выходил поздний разговор с солдатами.

Рано утром он явился в казарму с готовым планом действий. Бовкун подал зычную команду и подошел с рапортом. Лазо приказал разобрать оружие и построиться. Он повел свою роту к зданию Красноярского Совета. С тротуаров на строй солдат с оружием в руках глазели обыватели. Разбитной унтер покрикивал на старательно марширующих солдат:

— Ножку, ножку дай! Не слышу... Без ноги теряеця первоначальный смысл!

Грозно колыхалась над головами солдат густая щетина штыков. В мерном солдатском шаге обывателям мерещилось тревожное. Сергей Лазо с трудом сдерживал волнение.

Перед зданием Совета рота остановилась. В пустом

вестибюле Лазо обратил внимание на старенького швейцара, сонно глотающего кипяток из кружки. На стремительно шагавшего Лазо он не повернул головы. Из зала доносился слитный гул. «Что у них там происходит?» Открыв высокую тяжелую дверь, Лазо остановился. В лицо ударил спертый воздух, словно из солдатской казармы. Красноярский Совет бурно заседал, не делая перерывов. Впереди на трибуне возвышался бородатый человек — так и бросалась в глаза его огненная борода веником. Глаза его метали молнии. Перекрывая гул, бородач громовым голосом доказывал, что гарнизонное начальство и казачье офицерство в тайне от Совета готовят удар в спину революции... Новая волна криков заглушила речь бородача.

— Лучше объясните, зачем вы вооружаете рабочих!

Подняв руку, оратор попросил внимания.

— Да, мы хотим вооружить рабочих, — объявил он. — Но у нас нет оружия. Революция нуждается в защите.

Сергей Лазо стал пробираться вперед, к президиуму. Первым его заметил с трибуны бородач. Он замолчал и с интересом уставился на подходившего к сцене юношу в офицерской шинели. Шум в зале сразу схлынул, глаза всех обратились на стройную, крепко перетянутую ремнем фигуру офицера. Стал слышен четкий стук шагов.

Взгляды Сергея Лазо и оратора, молча стоявшего на трибуне, встретились, бородач сделал жест, приглашая офицера наверх, на сцену.

Щелкнув каблуками, Лазо кинул к козырьку руку, и в тишине затаившегося зала отчетливо прозвучал его молодой голос:

— Моя рота у стен Совета. Готов выполнить любой приказ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Адольф Перенсон (партийная кличка Борода) отбыл каторгу за участие в Кронштадтском восстании и имел за плечами колоссальный опыт революционной борьбы, тот самый опыт, которого Сергей Лазо в свои двадцать три года был лишен и которого одними митингами, спорами и чтением не обретишь: это был опыт человека, участвовавшего в классовых боях. В Красноярском Совете Перенсон отстаивал линию большевиков и часто упоминал имя Ленина, пользовался его аргументами. Ада при одном упоминании имени Ленина принималась ожесточенно спорить. Она не узнавала Перенсона. Годы каторги и ссылки сделали из него «чистопородного» большевика. Вскоре между прежними товарищами наступило охлаждение.

Наоборот, Лазо все более сближался с Перенсоном. После памятного заседания Красноярского Совета, когда четвертая рота как бы силой своего оружия поддержала пламенное выступление Бороды, между старым политкаторжанином и молоденьким прапорщиком установились доверительные, дружеские отношения. Мысли Перенсона занимала подготовка к съезду Советов Восточной Сибири — делегатами туда следовало послать только большевиков. Основными соперниками Борода считал эсеров, хотя и предсказывал им поражение на выборах этих делегатов. В откровенных разговорах Перенсон снисходительно посмеивался над тем, что Лазо все еще никак не может избавиться от влияния Ады. Кроме того, Лазо совершенно не знал рабочего класса.

— Вы все равно будете с нами, — уверенно заявлял Перенсон.

Разговор заходил о соперничестве среди эсеров. Перенсон знал о размолвке Лазо со своими прежними товарищами. Но он уверял, что Ада и Григорий возьмутся за ум.

— Вы бываете в клубе эсеров? — спрашивал он. — Это же чудовищно, что там городят! Надо потерять всякий рассудок, чтобы ратовать за войну, когда вся страна сыта ею по горло.

Лазо соглашался. На его взгляд, настроение Ады и Григория постепенно менялось. Недавно Ада с неприязнью стала говорить о своих товарищах по партии. В революции они увидели возможность занять высокие командные посты.

— Мелкие людишки! «Вот назначьте нас и вы увидите, как станет хорошо...» Как будто мы для этого скидывали царя!

Перенсон по-прежнему сохранял к Аде искреннее уважение.

— Ада — трезвый человек. Ей скоро вообще опротивеет эсеровская трескотня. Она обязательно придет к нам. В этом нет

никакого сомнения.

Рассуждая о событиях в стране, Перенсон предсказывал бурные времена. Свержение самодержавия является лишь началом необыкновенно острой борьбы. Уже сейчас в Петрограде начались аресты большевиков, разгромлена редакция «Правды». По мнению Перенсона, здесь, в Красноярске, не следовало медлить с созданием вооруженных рабочих отрядов.

— Господину Крутовскому, комиссару Временного правительства, вдруг зачем-то вздумалось круто положить руль вправо: начал открыто якшаться с гарнизонным начальством. А у тех, как вам известно, крепкий альянс с казачьим офицерством.

Керенского он пренебрежительно называл Санькой. Но сам по себе Санька не представлял большой опасности. Гораздо страшнее были силы, стоящие за его спиной.

От рассуждений старшего товарища веяло убеждениями человека, видевшего гораздо дальше многих.

— Никогда не следует играть в восстание, если нет решимости и возможности идти до конца. Почему? Да потому хотя бы, что боевые силы, против которых приходится действовать, имеют на своей стороне преимущества организации, дисциплины и традиционного авторитета. Если восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания.

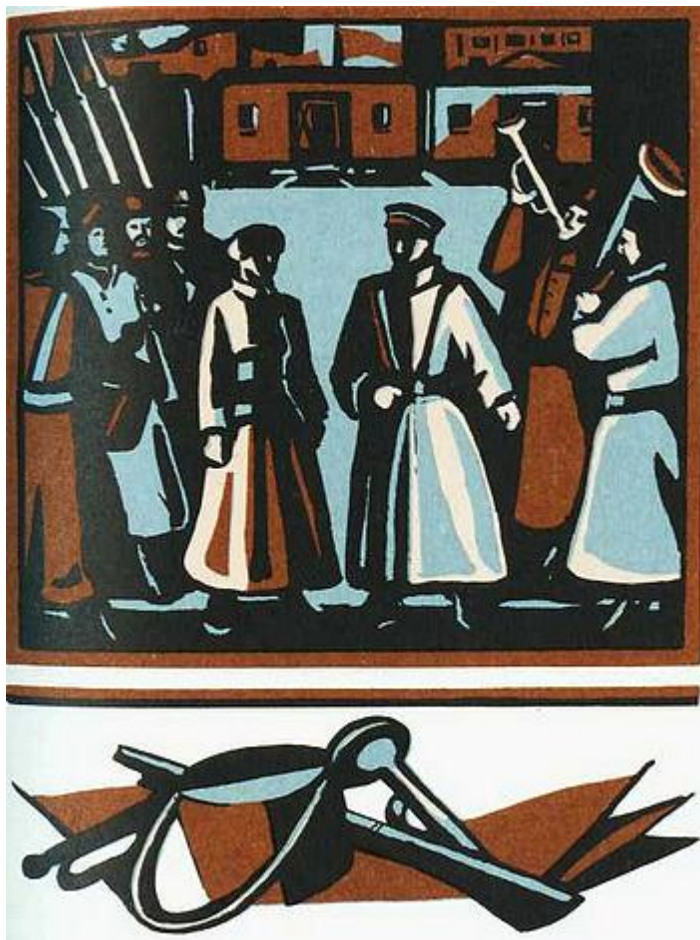
Сергею, все больше сомневающемуся в зыбкой и многословной программе его недавних товарищей-эсеров, нравились твердость, решительность и убежденность большевиков.

— Ленина читали? Ну как же это вы! Читайте, обязательно читайте. У него так все ясно. Этот человек знает все. Слышите, я подчеркиваю: все!

Сергей Лазо и сам все больше убеждался, что в кипевшем споре о судьбах революции в России правы большевики. И он горячо доказывал Аде и Григорию, что сейчас для русского солдата очень важным является вопрос о том, в чьем владении окажется земля. Солдаты беззаветно поверят тем, кто отдаст им землю, и пойдут за ними.

— Как я вижу, читаете Ленина? — усмехнулась Ада, выслушав тираду Сергея.

Ленин... Этот человек все больше завладевал мыслями Лазо.

Он своими глазами видел Ленина: в начале июня Лазо был в Петрограде на I Всероссийском съезде Советов.

Снова попав в столицу, Сергей совершенно не узнавал города. Куда девалась чопорность столицы! В Летнем саду гомонили солдаты, по набережной Невы в обнимку с девушками разгуливали разбитные матросы, увешанные оружием. Иногда вдруг гулко раздавался выстрел, словно грозное напоминание о сегодняшнем дне.

Перед делегатами съезда Владимир Ильич Ленин выступал дважды, говорил «Об отношении к Временному правительству» и «О войне».

Оратор, одетый так, как в ту пору одевались интеллигенты, не думающие о своем костюме, поразил Сергея простотой и ясностью мышления, огромной динамической силой своих лозунгов. Сергей еще не сталкивался с такой доходчивостью рассуждений. Ленин, можно сказать, давал наглядный урок классового подхода к важнейшим жизненным явлениям. Война,

бросал он в притихший зал, средство колоссальной наживы, поэтому все капиталисты — разбойники. Следует немедленно опубликовать сведения о прибылях владельцев промышленных концернов, и тогда трудящиеся увидят, что доходы тех, кто наживается на войне, достигают чудовищной цифры — доходят до 800 процентов! Вот кому выгодна война. Им, и только им одним! Они попросту наживаются на бедствиях народа, на его крови...

Внезапно председательствующий тронул колокольчик — время оратора истекло. В зале поднялся шум. Ленин глянул на часы и попросил еще полминуты. Раздались аплодисменты. Стали голосовать. В конце концов ему отпустили еще три минуты.

«Больше времени потеряли, пока голосовали!» — подумал Сергей.

И снова простота ленинской логики заворожала напряженно слушавшего прапорщика. Через головы делегатов, битком набивших зал, оратор как бы напрямую обращался к тем, кто больше других страдал от насилия, неравенства и, разумеется, нескончаемой войны. Смысл его речей был ясен и легко укладывался в сознании. Сейчас, послушав Ленина, Сергей был в состоянии выдержать самый ожесточенный спор с эсерами. Он понял Перенсона, его преклонение перед Лениным.

Снова бежал поезд через всю страну, за Урал. На крупных станциях приходилось подолгу стоять. Россия хрипла от бесконечных митингов.

Сергей Лазо торопился, дома его ждали. Он часто доставал тетрадь с записями и открывал чистую страницу. Вагон качало, по коридору гремели сапожищи мешочников, — гибель их развелось, забили все поезда. Покусывая карандаш, Сергей отрешенно щурил глаза. Ему запало в душу, что вождь революции несколько не скрывал великих тягот, которых потребует гигантская перестройка в стране. Но Ленин ни на минуту не сомневался в конечном успехе.

Что он застанет в Красноярске? Разумеется, двоевластие в городе за эти дни обозначилось гораздо четче. Напрасно Ада и Григорий восхищаются комиссаром Временного правительства. Этот человек ведет двойную игру. За спиной Совета уже давно происходит подозрительная возня. Перенсон предостерегает от внезапного удара со стороны гарнизонного начальства. Офицерство в Красноярске втихомолку собирает силы. Перенсон прав: следует поторопиться с вооружением рабочих. Кроме того, следует более решительно опереться на солдат: организовать их, показать им ясную цель, дать решительных командиров. Не

создать ли при Совете солдатскую секцию? Наравне с рабочими и крестьянами в борьбу должны самостоятельной силой вступить и солдаты.

Из Петрограда Сергей Лазо вернулся ровным, успокоенным, как бы повзрослевшим. Он почувствовал себя человеком, который наконец нашел свое настоящее дело.

— Как вы изменились! — заметила ему однажды Ада.

— Разве? — удивился он. Потом подумал и согласился, — пожалуй, она права.

Григорий с грустным видом крутил на палец длинную прядь своих смоляных волос. Вчера он был в эсеровском клубе и ушел оттуда со скандалом. Он уверял, что его товарищи по партии или сходят с ума, или же стоят накануне небывалого предательства. Подумать только, они чуть ли не братаются с казачьим офицерством! Вчера, покидая клуб, он не удержался и бросил им в глаза: «Теперь вам надо нацепить лампасы и взять в руки нагайки!»

Для Сергея Лазо наступили: хлопотные дни. Обстановка в Красноярске становилась все напряженнее. Перенсон полностью поддержал мысль Лазо об организации солдат. На первых порах удалось образовать солдатскую секцию. Бовкун как-то признался: солдаты довольны тем, что в Совете у них появился свой человек. Они так и называют молодого прапорщика: «наш Лазо».

Перенсон в эти дни пропадал в железнодорожных мастерских и в Совете появлялся изредка. Сергею Лазо удавалось поговорить с ним на ходу.

— Решено, — заявил Перенсон. — В октябре в Иркутске собирается съезд Советов. От большевиков едут семь делегатов. Эсерам дали два мандата. По одному из них, я думаю, поедете вы. Я знаю, вы теперь наш человек. Но не посылать же в Иркутск густопсового эсера! Заберите этот мандат себе. А вот кого вторым?

Борода стал расспрашивать о настроениях Ады Лебедевой. На его взгляд, в последнее время она заметно разочаровалась в своих друзьях эсерах. «Это же естественно. Она обязательно должна прийти к нам».

Однако до поездки в Иркутск произошло еще немало событий.

Из Петрограда приходили тревожные вести. Столичные газеты словно с цепи сорвались. Чья-то опытная рука постоянно нагнетала ненависть к большевикам. Требовали привлечь Ленина к суду за шпионаж. Сергей вспоминал оратора на трибуне съезда Советов и в сомнении покачивал головой. Что за чушь? Этот человек совсем не походил на шпиона! «Грубая работа» — так

оценил он стремление любой ценой опорочить большевиков.

Ленин ушел в подполье: его соратники ни за что не соглашались отдать его на суд. Сергей раздобыл затрепанную газету со статьей «Политическое настроение».^[2] Он читал, подчеркивал, выписывал в тетрадку. Да, нужно готовиться к решительной борьбе. Только партия большевиков способна вывести страну из хаоса.

В коридорах Красноярского Совета без конца толклись солдаты. Курили махорку, щелкали семечки. Разговоры смолкали, когда показывался Лазо. Солдаты по-свойски ловили его за руки, двое-трое из почтения снимали папахи. Начинались жалобы: «Ждем, ждем, а толку никакого...» Лазо терпеливо слушал. Разговоры об одном и том же: на весенний сев не отпустили, хоть на уборку отпускайте. Бабы уже воем воют, насадились без мужиков. Съездить, убраться с хлебом, а там и снова за винтовку можно. До зимы больших событий как будто не предвидится... «Товарищи, вопрос решается. Вся задержка в начальнике гарнизона. Но мы надеемся...»

Солдаты, топоча, бежали за Лазо до самых дверей кабинета.

— Товарищи, товарищи, без паники. Отправляйтесь к себе в казармы. Постараемся сделать все возможное.

— Время уходит, товарищ Лазо. Сейчас день год кормит. Чего мы здесь прохлаждаемся? Какой толк?

— Из какой роты, товарищи? Из десятой никого нет?

— Десятая рота в карауле.

— А где Бовкун? Никто его не видел?

— Бовкун с бородатым к железнодорожникам поехал. Начальник гарнизона всячески затягивал переговоры.

У Лазо создалось впечатление, что за спиной этого офицера кто-то стоит и незримо им руководит. Он поделился своими подозрениями с Перенсоном.

— Без всякого сомнения! — заявил Борода. — Он всего лишь пешка. Главарей пока не видно...

Солдатской секции в конце концов удалось добиться того, чтобы часть солдат отправилась домой, на полевые работы. В полку возликовали. Однако Ада Лебедева в демобилизации солдат увидела большой просчет.

— Зачем отпустили Бовкуна? Другого такого мы найдем не скоро. А он тут очень будет нужен!

Уже не составляло секрета, что озлобленное офицерство в Красноярске вынашивает планы, как одним ударом ликвидировать «хамское засилье» и стать хозяевами положения в городе. Пошли слухи, что Красноярск разбит на боевые участки, офицерам потихоньку раздают патроны и ручные гранаты.

Последнюю новость принес Григорий. У него лихорадочно горели глаза. Он узнал, что в Иркутске образован какой-то «Комитет спасения революции», оттуда в Красноярск направлены две роты пехоты и взвод артиллерии.

«Вот оно, начинается!» — подумал Лазо.

До сих пор борьба шла на митингах, словесно. Теперь надвигалась настоящая война. Неужели солдаты примутся стрелять друг в друга? Следовало любой ценой предотвратить кровопролитие.

Лазо нашел Перенсона в железнодорожных мастерских. Он уже знал о военной экспедиции из Иркутска. Рабочие готовились к встрече. На залитом мазутом дворе проходило обучение штыковому бою. С подводы выгружали ящики с патронами. Перенсон посоветовал солдатской секции Совета взять инициативу в свои руки.

— Иркутян надо встретить. Мы, конечно, должны быть готовы ко всему, однако уверен, солдат с солдатом всегда договорится. Зачем стрелять? Из-за чего? Глупость! Мало было пролито крови на фронте?

Договорились, что к тому часу, когда прибудет эшелон из Иркутска, на вокзал отправятся уполномоченные Совета.

— Я пойду сам, — заявил Лазо.

— Возьмите с собой еще кого-нибудь.

— Эх, жаль, нет Бовкуна! — вырвалось у Лазо.

— Неужели у вас больше никого не осталось? — удивился Борода.

— Найдем.

В полковом комитете Лазо неожиданно встретил Григория. Горячо обсуждалась новость об иркутской экспедиции. Здесь ее откровенно называли карательной. Члены комитета были настроены по-боевому. Григорий пытался их остудить.

— В будущем стрелять придется предостаточно. Сейчас этого лучше избежать.

Он настаивал на том же самом, что предложил Перенсон: послать на вокзал уполномоченных.

— Вот, кстати, и сам Лазо, — говорил он комитетчикам. — Солдаты относятся к нему по-братски. Если позволите, с ним могу отправиться и я. Уверен, мы сумеем договориться с ними.

Наступило тягостное раздумье. Терять времени не следовало. Утром эшелон прибывал в Красноярск. По всем приметам, кто-то торопил его, торопил! Удастся ли мирная инициатива красноярцев?

Полковой комитет решил принять предложение Григория.

— На всякий случай мы по тревоге поднимем десятую роту.

Там ребята боевые.

Рано утром Лазо шагал к знакомому домику, где квартировали Григорий и Ада. В окошечках уже теплился свет. Григорий наспех допивал кружку горячего чая. Он вскочил, стал собираться. Ада, кутаясь в платок, молча проводила их на крыльцо.

По дороге Григорий оживленно толковал о том, почему он вызвался идти с Лазо парламентаром. Он опасался, как бы полковой комитет не послал на вокзал одних большевиков. В Иркутске идет бешеная пропаганда против большевиков, их называют немецкими шпионами.

— А нам с вами эти обвинения пока что не грозят.

По перрону станции прохаживались несколько офицеров, Они сдержанно ответили на приветствие Лазо, а его спутника окинули презрительным взглядом.

— Уже пожаловали, — проворчал: Григорий. — Как только подойдет эшелон, вы займитесь этими господами. Хорошо? А я постараюсь, повидаться с солдатами.

К станционному колоколу побежал дежурный. Его успели перехватить офицеры, запретили подавать звонки. Все головы повернулись к семафору. И вот наконец показался густой султан дыма, затем черная грудь мощного паровоза. Замелькали теплушки, в распахнутые двери высовывались головы солдат. Залязгали буфера.

Офицеры направились к классному вагону. Сергей Лазо присоединился к ним.

На перрон соскочили несколько человек. Старший из них первым делом поинтересовался, нет ли среди встречающих эсеровского представителя Красноярского Совета. Выступив вперед, Сергей Лазо приложил к козырьку руку.

— Так точно. Прапорщик Лазо, председатель солдатской секции.

— Отлично. Сейчас начнем выгрузку. Как настроение в городе? У нас небольшая неприятность: в пути взбунтовалась артиллерийская прислуга. Не скрою, мы рассчитываем на вашу помощь.

Оттирая Лазо, в разговор вмешался представитель начальника гарнизона.

— Простите, но я предложил бы срочно отправиться в город. Комиссар Временного правительства заинтересован именно в артиллерии.

— Но я же говорю: здесь нам необходима ваша помощь!

— Повторяю: разговор об этом лучше всего провести в городе.

Движением бровей, выражением лица говоривший дал понять о нежелательности присутствия прапорщика Лазо. Разговор обрезало. Лица офицеров окаменели. Неприятную заминку прервал запыхавшийся фельдфебель. Он подбежал, кинул к папахе руку и лихорадочно доложил, что выгрузка задерживается: у артиллеристов началось какое-то совещание, солдаты ждут оттуда распоряжений.

— Хорошенькое дело! — проговорил старший из приехавших.

Он был смущен и старался не смотреть на встречающих.

«Молодец Григорий!» — подумал Лазо. Вежливо козырнув, он пошел вдоль состава в поисках артиллеристов. Спинай он чувствовал, что вся группа офицеров не сводит с него злых глаз. Но теперь на их злость можно было наплевать. Солдат он нашел столпившимися у вагона. Лазо представился. Его быстро окружили. Разговор вышел недолгим: артиллеристы не желали выступать против революционного Совета. «Выгружаться не будем! Обратно, в Иркутск!» — решили они.

Исторический выстрел крейсера «Авроры» докатился до берегов Енисея через двое суток. В ночь на 29 октября в Красноярске не утихало возбуждение. Солдатская секция Совета заседала с самого вечера. От едкого дыма самокруток резало глаза. Кто-то догадался распахнуть окно, и в помещение ворвался сырой холодный воздух. Все прислушались: как будто в отдалении треснул винтовочный выстрел... Чернота за окнами грозила самыми непредвиденными событиями.

Мнения всех ораторов сводились к тому, что время дорого. Стали намечать объекты, куда в первую очередь требовалось послать вооруженную силу.

Поздней ночью Сергей Лазо прямо с заседания отправился в свой полк. В карауле находилась его четвертая рота. Лазо узнали, обрадовались. Он попросил разбудить и собрать членов комитета десятой роты. Караульный фельдфебель распорядился и, беседуя с Лазо, с довольным видом теребил свои усы.

— С иркутскими-то драться так и не пришлось! Обойдется и теперь. К чему стрелять?

Этой же ночью революционные солдаты заняли все городские учреждения, поставили свои караулы. На телеграфе успели перехватить паническое сообщение комиссара Временного правительства Крутовского: «Большевики заняли солдатами казначейство, банки, все правительственные учреждения. Гарнизон в руках прапорщика Лазо...»

Захват власти в Красноярске произошел без единой капли крови.

Однако все громче слышались раскаты гражданской войны: вспыхнул мятеж в Иркутске — против Советов выступили офицерство, юнкера, казачьи части. В полный голос заговорило оружие. На улицах сибирской столицы начались настоящие сражения. В них с ходу, выгрузившись из теплушек, принял участие и отряд красноярских революционных солдат под командованием прапорщика Лазо.

Отряд прибыл на помощь иркутским большевикам.

Путь от Красноярска на восток занял почти неделю. По обе стороны железной дороги тянулась нескончаемая тайга. Огромные пространства страны невольно волновали бесхитростные души солдат. Многие из них не отходили от дверей. Вечерами, когда на железном листе посреди теплушки разжигали костер и вешали чайник, начинались неторопливые дорожные разговоры.

— Товарищ Лазо, а приходилось вам бывать в Иркутске?

Сергей Лазо принимался рассказывать о недавнем, в октябре, съезде Советов в Иркутске. На съезд приехали делегаты не только Сибири, но и Дальнего Востока, почти все приехавшие были настроены решительно: «Вся власть Советам!», «Долой правительство Керенского!» Лазо особенно отметил, что делегаты требовали мира и отдачи земли крестьянам. Делегаты создали свое, сибирское правительство — Центросибирь, членом этого правительства был избран и Лазо.

Солдаты слушали внимательно. Они прикидывали, когда же правительство отпустит их по домам.

— Товарищ Лазо, неуж офицерье против правительства? Но тогда их миром не унять. Стрелять придется!

Об этом думал и Лазо. Еще во время работы съезда бросалось в глаза обилие военных в Иркутске. Зачем? Зачем они там собирались? И теперь Лазо считал, что успокаивать солдат не следует, лучше заранее предупредить их, что избежать боев на этот раз, пожалуй, не удастся.

Дорогие мои! Милая мама и милый мой Степа. Лишу 10 декабря утром со станции Иркутск, куда я только что приехал. В городе один за другим время от времени громяют артиллерийские выстрелы. Сейчас иду в девятый полк и, конечно, сразу попаду на работу, тем более что меня здесь немного знают. Думал написать тебе отсюда открытку, но боюсь до поры до времени тебя

беспокоить, пересылаю это письмо в падежные руки в Красноярск, оттуда его тебе перешлют, если что случится... С вещами я уже распорядился. Все личные бумаги, дневники и т. д. перешлют вам по почте. Я их всецело посвящаю Степе и все дневники, которые лежат в письменном столе в Кишиневе; чужие письма постарайся по возможности отослать адресатам или уничтожить. Передайте мой братский поцелуй Боре. Думаю, Степа, ты так же будешь революционером, как и твой брат. Крепко целую. Сергей Лазо.

В уличных боях в Иркутске Сергей Лазо получил первое боевое крещение. Он стрелял, бросал гранаты, видел, как падают сраженные враги, и хоронил друзей.

Пламя войны охватило всю территорию Сибири. Глубокий тыл, каким всегда была зауральская часть России, превратился в арену ожесточенных сражений. Сибирское правительство, Центросибирь, во главе с Н. Н. Яковлевым едва успевало поспевать за событиями. Положение его осложнялось тем, что регулярными войсками оно, по существу, не располагало. Крестьянин сохранял наивную веру в «Учредилку» и надеялся без большой беды переждать смутное время. С фронтов возвращались воинские части, и приходилось гадать, за кого они. Каждая политическая партия старалась перетянуть солдат на свою сторону, бросая на бесконечные митинги своих самых боевых, самых задиристых ораторов.

Молодая республика рабочих и крестьян, едва ее правительство во главе с В. И. Лениным объявило мир со всеми народами, вызвала бешеную ненависть врагов. Уже через три месяца после выстрела «Авроры» мощное наступление предприняли немцы. Почти одновременно с ними англичане напали на Россию с севера, высадив десант в Мурманске. А в следующем месяце не упустила своего шанса и Япония. После грубой провокации с нападением на контору «Исидо» японские крейсеры ворвались во Владивостокский порт.

Из Владивостока в Москву Владимиру Ильичу Ленину полетела срочная телеграмма:

«...подробности десанта: был совершен самолично японским консулом и адмиралом Като без всякого предупреждения не только Совдепа, но даже городской управы и земства, которые до сих пор считались представителями власти Российской республики. Десант высажен без согласия английского, американского и других консулов. Земство заявляет энергичный

протест во внутренние дела. Исполком кончил сейчас заседание, выпустил воззвание к гражданам о спокойствии и не поддаваться провокации, кроме этого заявил протест против нарушения прав нашего государства, послал их всему консульскому корпусу. Отправлены представители японскому консулу, который согласился принять как частных лиц. Английский примет сегодня 4 часа как представителей Совета, а американский — тоже, французский отказался принять как частных лиц и как советских представителей, мотивируя незнанием. Сейчас получили сведения... что англичане предлагают также высадку. Мотивы — отсутствие твердой охраны с утра в районах, где живет много японцев. Циркулируют японские патрули от трех до десяти человек. В конце Китайской улицы в ограде японского храма разбиваются палатки, привозятся продовольственные и военные припасы, причем самое деятельное участие принимают японские грузчики, работающие в русском профессиональном союзе больше года. Отношение населения двоякое. Масса народа на улице, особенно много рабочих, настроение которых протестующее, но угнетенная буржуазия и все темные силы страшно довольны вводом, видя в этом свое освобождение от Советской власти...»

Никаких сомнений не было: высадка десанта готовилась планомерно, тщательно, вплоть до засылки агентов под видом японских грузчиков. Некоторая несогласованность в действиях иностранных консулов являлась камуфляжем: международные хищники, собираясь вонзить зубы в дальневосточный русский пирог, конечно же обо всем договорились.

Через два дня после того, как башмак японского солдата ступил на русскую землю, Владивостокский Совет получил директиву В. И. Ленина:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел. — дор. материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье».

Глубокий анализ обстановки, предвидение дальнейших событий, четкие и конкретные распоряжения... Впоследствии Сергей Лазо как наяву вспомнил свои впечатления, когда он

впервые увидел и услышал вождя революции.

Владивостокский Совет возглавлял Константин Суханов. В Москву полетела ответная телеграмма:

«Товарищи, вашу записку мы получили. Считаю, что положение безусловно серьезное, но не безнадежное, так как, видимо, существуют громадные разногласия в действиях, особенно Америки и Японии. Правда, Япония всеми силами старается ускорить события в свою пользу — первое — приход судов во Владивосток без согласия союзников, второе — высадка вооруженных сил также без согласия местных союзных консулов, но союзники дают японцам почетный выход, приводят свои суда, высаживая свой десант, пока английский, в противном случае должен быть открытый конфликт, от чего они воздерживаются... Открытой оккупации имеются разногласия среди японского купечества Владивостока, что существует в самой Японии. Повторяю, наши соображения подтверждаются пятидневной задержкой неполучения инструкции правительств консулами по поводу десанта. Будем производить работу, иллюзии не питаю, вашу фразу „не задавайтесь неосуществимыми целями“ просим разъяснить, вызывает разногласия...»

Человеку военному быть свидетелем такой полемики невыносимо. Главное свершилось: захватчики на нашем берегу. А если уж войска высадились, то подобру-поздорову они не уйдут. Со стороны великого океана на всю громадную страну потянуло пороховым запахом, знакомым каждому фронтовику.

В тот день, когда японская солдатня топала по владивостокским улицам, государственный секретарь США Лансинг послал своему послу в России успокоительную телеграмму: все действия японской военщины полностью согласованы с американским правительством.

В довершение к разбойничьим нападениям извне в самой России вспыхнул мятеж белочехов. Их воинские эшелоны протянулись через всю страну от Волги до Тихого океана, повсюду восстанавливая старые порядки.

Война, таким образом, нашла Сергея Лазо далеко от линии фронта. Он стал свидетелем того, как веками дремавшая Сибирь озарилась невиданно кровавым заревом.

Сибирский крестьянин никогда не знал помещичьего гнета. Мириться с диким произволом, с насилием Колчака, Семенова, Калмыкова и прочих атаманов и атаманчиков он не захотел. В таежных деревнях издавна существовал охотничий промысел. В редкой избе не висело на стене ружья. Даже женщины, собираясь на сенокос и опасаясь нападения хунхузов,^[3] опоясывали себя патронташами и вешали на плечи дробовики. Поэтому так велика

была стихийная сила красных отрядов, громивших прекрасно организованные и вооруженные войска белогвардейцев.

Свергнув власть Советов во всех крупных городах от Сызрани до Владивостока, враги революции столкнулись с яростью народной. В Сибири полыхали фронты Даурский, Забайкальский, Уссурийский, Гродековский. Разрозненные, плохо вооруженные отряды красногвардейцев и революционно настроенных солдат в ходе боев формировались в крупные соединения и выдвигали из своей среды талантливых командиров.

Прапорщик Лазо в феврале восемнадцатого принял командование Забайкальским фронтом. Его войска сражались на территории, равной Италии. Противником Лазо был атаман Семенов, бешено завидовавший Колчаку. С самого начала он сделал ставку на японцев. Но японцы до поры до времени осторожничали, не рискуя демонстрировать открытую поддержку откровенного бандита. Семенов злился, проклиная дипломатию и природное коварство «желтых обезьян». Он подозревал, что на крутом повороте судьбы может оказаться без поддержки. Свою злобу он вымещал на жителях захваченных с налету деревень. В его блиндированном поезде имелся специальный вагон, в котором помещалась пытошная камера. Еще в двух вагонах он возил запас награбленного золота и свой гарем.

Спустя три дня после высадки японских войск во Владивостоке атаман Семенов ночью, воровски, перешел из Маньчжурии границу и, легко сбивая рабочие заслоны, двинулся вдоль железной дороги на Читу. В приграничных станицах его с молебнами встречали попы и кулачье. Армия Семенова росла. Атаман швырял в толпу пачки награбленных папирос, хвастаясь, что это подарки ему от японской императрицы.

Красногвардейские отряды с боями отходили назад. Удалось взорвать железнодорожный мост через бурную реку Онон. Это задержало продвижение Семенова. Читинский Совет объявил в городе осадное положение. Во все концы полетели телеграммы о помощи.

Военный совет Забайкальского фронта спешно формировал свежие части. Новый командующий Сергей Лазо получил последнюю военную сводку: белоказаки заняли станцию Оловянная. В солдатских обмотках, в длинной измызганной шинели, перетянутой ремнем, Лазо прибыл на станцию Адриановна, где находился штаб фронта. Никакого оружия на нем не было, только через плечо на ремешке висел полевой бинокль.

Несмотря на угрожающее положение, паники в штабе не ощущалось. Первым делом командующему показали воззвание

Семенова: «Считаю долгом совести предупредить, что с движением моим по Забайкалью буду предавать смертной казни всех тех, кто будет оказывать противодействие моему отряду». За атаманом, едва он перешел границу, потянулся густой кровавый след. В отряде Семенова подвизался знаменитый хунхуз Ли Хунчен со своими головорезами, китайские солдаты-дезертиры и около восьми сотен монгольских бандитов, надеявшихся хорошо пограбить на русской земле.

С одного взгляда на карту Лазо понял смертельную опасность для Читы. Семеновские части занимали фронт от станции Даурия до маньчжурской границы. Надежным тылом им служила территория Маньчжурии. Белоказики рассчитывали на полный успех и не хотели допустить, чтобы спасся хоть один из защитников города. Пути отступления будут мгновенно перерезаны. Нетрудно представить, какой погром учинят они в рабочих кварталах города.

Положение обороняющихся осложнялось хронической нехваткой снарядов и патронов. Сражаться приходилось в основном штыком. В железнодорожных мастерских спешно заканчивалось снаряжение двух примитивных бронепоездов. Но в основном все надежды связывались с подкреплениями из Владивостока, Благовещенска, Иркутска, Томска и других городов.

Чита, став прифронтовым городом, жила в тревожном напряжении. Жестокий враг, семеновцы, находился совсем рядом, в Оловянной. Однако, заняв Оловянную, банды атамана ударились в разгул: наступила пасха. Неожиданная передышка в боях оказалась на руку обороняющимся. Вышли на линию бронепоезда, сколачивались отряды интернационалистов из пленных австрийцев и венгров. Рабочие железнодорожных мастерских поголовно записывались в Красную гвардию. Пришлось бросать жребий: кому оставаться, а кому идти на фронт.

Лазо, привыкший обходиться почти без сна, днем объезжал свежие части, а ночами напролет, подливая керосину в лампу, просиживал над картой. Атаман Семенов уверен, нагл — это ясно. За его спиной явно просматриваются японские штыки. Наши войска удручены первыми поражениями: отступление всегда угнетающе действует на психику. Следовало решительно переломить сложившуюся обстановку. А для этого существует лишь один способ: ударить по врагу, смять его и погнать. Над этим командующий фронтом и размышлял.

Празднование семеновцами пасхи позволило подготовиться, но только не к обороне, как были настроены в штабе, а к

наступлению. Дерзко? Безусловно. Но это был единственный выход. Внезапного удара, хорошо подготовленного, наглый враг может не выдержать.

В тылу атамана Семенова находилась река Онон. Бандиты были так уверены в успехе, что не торопились с починкой моста. Они считали, что у них достаточно сил. Сергей Лазо уже успел узнать нехитрую тактику атамана: казачьи части, хватив для храбрости самогона, разворачивались в лаву и, крутя клинками, пластались в бешеной атаке, стремясь дорваться до бегущих и утолить ярость кровью «краснопузых». Не дать им развернуться в лаву вообще не позволить наступать! Удар необходимо наносить самим...

Занять Оловянную надо неожиданным броском. Но дальше река Онон. Возле реки опасные высоты, и самая опасная — Тавын-Тологой. Вот там может завязаться жестокий бой. Командующий в наброшенной на плечи шинели сидел за кухонным столом, на котором расстелена карта, однако видел и бурную реку, и взорванный мост и заречную станцию Борзя, после которой атаману Семенову уже не за что будет зацепиться. Конечно, он удерет в свое логово — в Маньчжурию. Следовало бы не давать бегущим бандитам передышки, преследовать, однако здесь вступала в действие дипломатия. Молодая республика Советов всячески избегала международных конфликтов. И прохвост Семенов это знает, он на это и рассчитывает. Стоит ему пересечь границу, он поступает под защиту китайцев... Секретная шифровка Центросибири предостерегала командующего Забайкальским фронтом от перехода государственной границы. Военных сил для международного конфликта у нас не хватало.

Но до захвата Борзи сначала следовало взять Оловянную...

Чадила лампа. На старенькую, потертую на сгибах карту лежали аккуратные линии, квадратики. Стирались резинкой и рисовались снова. В окошке постепенно серело. Начинался новый день.

Из далекого Томска прибыл 1-й боевой отряд. Его встречали с музыкой. Бойцы, выпрыгивая из теплушек, читали кумачовый лозунг, протянутый по всему фронту вокзального здания: «Все под ружье! Все, кто способен, вставайте в ряды бойцов за Советскую власть против атамана Семенова!» Пополнение из Томска оказалось особенно ценным тем, что в отряде был необычайно высокий процент членов большевистской партии. Часть прибывших немедленно направили политбойцами в свежесформированные части.

— Товарищ командующий!

Сергей Георгиевич оглянулся и вдруг почувствовал, как горячо стало щекам. К нему подходила статная белокурая девушка с венцом волос, уложенных вокруг головы. Что-то знакомое показалось в ее энергичном молодом лице. Где он мог ее видеть? Однако копаться в памяти было некогда. Девушка направлялась к нему с самым решительным видом.

— Товарищ командующий, у меня неотложное дело.

Ну, разумеется. Иначе она не окликнула бы, не подошла... Но как ему управлять своим лицом, своими глазами? Проклятое смущение! Он сознавал, что выглядит глуповато, однако не в силах был согнать с лица улыбки. Нет, не походил он сейчас на командующего фронтом!

Впоследствии он ей признается, что всегда считал: даже при первом взгляде на человека, которому суждено стать твоей судьбой, сердце, словно предупреждая, непременно екает.

Ольга Грабенко, томская студентка, приехала с отрядом. Ее направляют политбойцом в Аргунский казачий полк. Говорят, это распоряжение самого командующего фронтом.

Перекинув бинокль с одного плеча на другое, Сергей Георгиевич уступил девушке узкую полоску дощатого тротуара, а сам пошел рядом, по растоптанной грязи. Он поглядывал себе под ноги и только сейчас обратил внимание, как грязны его ботинки и обтрепаны полы шинели. От шинели исходил устойчивый запах дыма, словно он ночевал в ней возле таежных костров. От вагонных «буржук», что ли?

Аргунцы, объяснил он девушке, наиболее боеспособная наша часть на всем Забайкальском фронте. С германской войны полк вернулся в родные края в полном составе и при всем вооружении. У казаков необычайно крепка станичная спайка, в основном все земляки: кумовья, сваты. Но, к сожалению, иногда они и удирают от противника тоже довольно дружно. (Сергей рассмеялся, но тотчас стал серьезным. Девушка даже не улыбнулась.) Сейчас Военный совет фронта укрепляет в полку партийную прослойку. Например, недавно туда направлен Борис Кларк, рабочий читинских железнодорожных мастерских.

— Я знаю этот полк, — сказала Ольга. — Нас посылали его разоружать. На станции Тайга. Но сведения оказались неправильными. Полк боевой и за Советскую власть. Меня поразила их дисциплина.

— Как же они вас встретили? — поинтересовался Лазо.

— Представьте, смехом. «Казак, говорят, никогда не расстается с оружием!» Но знаете, какая у них дисциплина? Они безжалостно наказывают даже за плохой уход за лошадьё. У них там довольно сильные партийцы: Бронников, Зверев, Чижик.

- Вас куда направили?
- Как раз к Бронникову, в третью сотню.
- Почему же не хотите?

Девушка замялась.

- Не то чтобы не хочу... Просто жалко покидать товарищей.

— Это необходимо. Поверьте! Нам предстоит не только обить наступление Семенова, но и самим погнать его... Но может быть, вам подыскать работу в городе, в тылу? У нас и здесь дела неважные. Наверное, слышали?

Ольга утвердительно кивнула. В Чите зреет заговор переодетых офицеров, бывших черносотенцев и старорежимных чиновников. С ними и духовенство...

Озабоченное выражение на лице командующего сменилось откровенным раздражением.

— Семенов нас здорово потеснил. Мне жалко Оловянную. Но пришлось оставить. Наши части отступают. Враг пока сильнее нас. А тут еще и анархисты подводят. Мерзавцы! Удирают при первых же выстрелах и мародерствуют в тылу. Вы знаете, я приказал арестовать их главарей — Лаврова, Пережогина. Так что вы думаете? Вместо того чтобы расстрелять этих предателей, их отпустили!

После недолгого молчания Лазо спросил:

— Вы сейчас куда? А то пойдемте со мной. Я всегда останавливаюсь у Кларка. Чудесная семья!

Ольга поблагодарила и отказалась.

— Я все-таки отправлюсь в третью сотню. Казаки мне сразу поправились. Боевой парод!

На прощание Лазо заметил:

— Аргунцам скоро предстоят тяжелые дела.

— Тогда тем более! — усмехнулась Ольга. И они расстались.

Семья Бориса Кларка занимала в железнодорожном бараке две небольшие комнатки. Под окнами оживали от зимней спячки голые прутья сирени. Весь куст кишел сварливыми воробьями. От лужи, стоявшей у самого порога, постреливали солнечные зайчики. Уже взявшись за скобу, Лазо не выдержал и обернулся. Ольга на цыпочках перебиралась через разъезженную грязную дорогу. Она по-женски держала руку на отлете. Вдруг она оступилась, Сергеем почудился испуганный вскрик. В то же мгновение Ольга оглянулась, увидела, что он за нею наблюдает, и пошла по грязи, не разбирая дороги. Ему стало неловко, он поспешил нырнуть в низенькую дверь барака, но улыбка не отпускала его лица до тех пор, пока навстречу ему не вылетела ликующая стая детворы с пронзительными воплями:

— Дядя Сережа! Руки вверх!

Как обычно, с-самого порога начиналась игра: детишки «брали его в плен», он изо всех сил сопротивлялся. Нюта, жена Кларка, смотрела на начавшееся светопреставление и не могла сдерживать улыбки. Командующий фронтом походил на увальня-медведя, барахтающегося со сворой щенков. Ребятишки захлебывались от восторга. Наконец им удавалось растянуть дядю Сережу на полу, сесть на руки и на ноги. Он объявлял, что сдается, и принимался выплачивать контрибуцию: вытаскивал из карманов леденцы и кусочки сахара.

За стол он уселся, обвешанный детворой.

Когда детей уложили спать, Сергей сказал Нюте:

— Бориса мы, наверное, сегодня не дождемся. Я заночую, мне завтра надо рано в штаб. Приезжает отряд из Владивостока.

Свет из комнатки, где было гостю постелено, Нюта видела всю ночь. На рассвете она осторожно заглянула.

Перед Лазо лежала карта, он сосредоточенно писал. Она подумала, что на этом человеке лежит громадная ответственность — командовать тысячами бойцов, сведенных в отряды и полки. Ей приходилось слышать разговоры Лазо с мужем. Сергей Георгиевич отдавал должное мужеству наших бойцов, но сожалел, что они слабо вооружены, недостаточно обучены, сильно влияние анархистов. А враг, если исключить хунхузов, способных только грабить, располагает прекрасными соединениями, прошедшими боевую выучку. Одолеть такого врага неимоверно трудно... И вот он не спит всю ночь, думает, набрасывает планы. Нюта прикрыла дверь и принялась растапливать печку.

Провожая его на вокзал, она призналась, что ночь напролет думала о них с Борисом, и попросила забрать ее на фронт. Он удивился:

— А детей с кем оставишь?

Она помолчала, лицо ее сделалось страдальческим.

— Не дай бог, случится что-нибудь с Борисом. Куда я со своей шестеркой?

— Не сходи с ума. А я на что? А Вася Бронников? Даже пусть нас убьют, останутся товарищи. Они тебе помогут поднять на ноги малышей.

Натянул шинель, туго подпоясался, разогнал за спину складки.

— Послушай, Нюта. Увидишь Васю Бронникова, скажи: к нему в сотню политбойца направили. Пусть он с ним немножечко... того... — Хотел что-то еще сказать и окончательно смутился. — В общем, он там сам увидит!

Отряд из Владивостока прибыл со своей артиллерией, с

пулеметами. Большинство бойцов — настоящая «рабочая косточка»: железнодорожники, грузчики порта. Командный состав — исключительно большевики. Комиссаром отряда назначен старый большевик, политкаторжанин Губельман (партийная кличка Дядя Володя). Свой каторжный срок Губельман отбывал с земляком Лазо, легендарным Котовским. Он был свидетелем дерзкого побега Котовского с каторги.

Эшелон с отрядом разгрузился на станции Адриановка. Командир отряда Бородавкин и Губельман явились в штаб Забайкальского фронта. Сергей Лазо искренне обрадовался пополнению.

— Мы тут решили объединить ваш отряд с хабаровцами и амурцами. Создается ударная группа войск. Ей предстоит главная задача: наступать на Оловянную через станцию Булак.

Несколько дней командующий фронтом провел в частях ударной группы. Это был его метод: самому знакомиться с настроением и состоянием бойцов. Напоследок он заглянул к аргунцам. Командир третьей сотни Василий Бронников принялся расхваливать нового политбойца. С первого же дня Ольга сумела так себя поставить, что казаки буквально смотрят ей в рот. А если еще в бою себя покажет, такому политбойцу цены не будет.

— А верхом? — спросил Лазо. — Умеет?

— Научим, — заверил Бронников. — Это дело плевое. Главное — лошади не боится. Да и лошадь ее чувствует... Идем, у ней сейчас как раз занятия. Послушаем.

Сергей Георгиевич издала узнал корону белокурых волос. Вокруг политбойца прямо на земле сидели казаки. Ольга, рассказывала о жульнической проделке атамана Семенова. Чтобы создать видимость, будто японцы не жалеют для него своих солдат, он передел в японскую форму свой небольшой отряд и устроил ему пышную встречу на станции Мациевская. Ночью этот отряд отправился обратно в Маньчжурию, а утром снова прибыл на Мациевскую. Так продолжалось несколько дней. Видимость непрерывного пополнения японскими войсками... Семенов ненавидит Колчака. В Забайкалье он хочет чувствовать себя полным хозяином. Атаман хвалится своим знакомством с высокопоставленными японскими генералами, всячески создает себе репутацию человека, для которого японцы не пожалеют никаких средств. Он постоянно намекает на благосклонное отношение к нему самой императорской семьи. Недавно нанял какого-то тщедушного японца, нарядил в мундир и всюду выдает его за сына генерала Куроки.

Заметив командиров, Ольга закончила занятие. Казаки с шутками направились к коновязи. Бронников сказал, что ему

нужно в кузницу, но Сергей Георгиевич его задержал. Не на свидание же он заехал! Ему было достаточно, что он увидел Ольгу. Однако уехать, не сказав ей ни слова, было неудобно. Пусть Бронников будет рядом.

Они дожидались, когда Ольга подойдет. Ее провожали двое казаков. Один из них, с громадным чубом из-под козырька, блеснул глазами и доказывал:

— Этого золота у атаманишки — целый вагон. За ним, рассказывают, свои же офицеры следят во все глаза, чтобы не убежал без дележа. Попомните мои слова: в случ чего, свои же ему голову и оторвут!

Она приостановилась, сказав казакам, что ее ждут. Они только сейчас заметили Лазо и командира сотни, смешались и со всех ног пустились догонять товарищей. Она, конечно, догадывалась, отчего он задержался. Черт знает, как неловко! Выручил Василий Бронников, начав рассуждать о том, что взять Оловянную будет нетрудно, самое трудное ждет потом: впереди сильно укрепленная семеновцами высота Тавыш-Тологой и бурная весенняя Онон. Мост-то через речку сами взорвали!

— Есть кое-какие соображения, — сказал Лазо, показывая Ольге, чтобы она шла рядом, — как воспользоваться именно взорванным мостом. Ты обратил внимание, на что похож свалившийся пролет?

Бронников пожал плечами.

— Никогда не задумывался об этом! — чистосердечно признался он. — Висит себе и висит.

— А ты сходи, погляди и подумай, — предложил Лазо, Больше он не прибавил ни слова.

Ольга с интересом прислушивалась к разговору мужчин. Ей нравился мягкий южный говор командующего. Легкая, едва заметная картавость Лазо словно ласкала слух, придавала ему какую-то совсем не подходящую к суровому моменту домашность. Своими манерами, врожденной интеллигентностью он напоминал молодых людей — студентов Томского университета.

Сергей Георгиевич заверил Бронникова, что у нас неплохо с артиллерией: целый артдивизион, двадцать орудий. Да и такая боевая единица, как Аргунский полк в тысячу сабель...

— Товарищ командующий, — неожиданно спросила Ольга, — почему вы до сих пор не состоите в партии?

Сама она вступила в партию в 1914 году. Василий Бронников чуть приотстал, придерживая шашку. Сергей Лазо смотрел себе под ноги.

— Видите ли... главное, по-моему, не состоять, а быть! Я еще в Красноярске полностью разделял программу большевиков. А уж

сейчас-то!.. Вы, кстати, с Кларком познакомились? Правда, замечательный человек? А вот — тоже, как и я. Мы с ним договорились так: отвоюем и оформимся.

— Нет уж, давайте лучше сделаем по-другому. От Кларка я заявление уже взяла. Пишите и вы. На днях мне надо быть в Чите, я зайду в горком партии...

— На днях! Мы послезавтра начинаем наступление.

— Значит, я поеду после наступления!

Сказано было с напором, исключаящим всяческие возражения. Он с интересом взглянул ей в лицо и лишь теперь определил, что глаза у девушки орехового цвета. Признаться, необыкновенный цвет!

— Так вы пишете заявление, Сергей Георгиевич, а я заберу его с собой.

— Хорошо, хорошо... Разумеется...

В Читу ей удалось вырваться во время передышки между боями. Оловянная, как и предсказывал Василий Бронников, была взята одним нажимом, предстоял штурм укреплений, чтобы переправиться через Онон. В городском комитете Ольга застала секретаря, положила перед ним два листочка с заявлениями.

— Этих товарищей надо оформить поскорее.

— Ручаешься, выходит? — усмехнулся секретарь. — А знаешь хорошо?

— А ты посмотри сам, — посоветовала Ольга, кивнув на бумаги.

Увидев на заявлениях фамилии Лазо и Кларка, секретарь воскликнул:

— Утвердим на первом же заседании!

Передовые части, ворвавшись на станцию Оловянная, стремительно рассыпались по улочкам. Последними отголосками короткого боя бухали винтовочные выстрелы. Длинной трескучей трелью залился пулемет и смолк. Белогвардейцы улепетывали без оглядки. Несколько конных бойцов подскакали к большому вместительному дому с железной крышей. Рамы в доме высажены, в комнате виден накрытый стол. Возле ворот стоял приземистый автомобиль с открытым верхом. На кожаном сиденье автомобиля валялось несколько винтовок.

Соскочив с коня, боец обошел вокруг автомобиля.

— Богатая штука, буржуйская. Одна кожа чего стоит! Я соображаю так: ездило на ней офицерье, теперь пускай наше командирство ездит. Скачи, ребята, в штаб, а я покараулю. А то наша братва всю кожу на голенища обдерет.

Борис Кларк, человек мастеровой, с первого взгляда

определил марку трофейного автомобиля: «чандлер».

— Тебе, как командующему, положен автомобиль, — сказал он Сергею.

— Я предпочитаю бронепоезд, — улыбнулся Сергей. В мягких сиденьях машины пассажир утопал так, что трудно было подниматься. Лазо казалось, что кожаная обшивка роскошного трофея навек пропиталась дорогим сигарным дымом. Водителя машины захватить не удалось, однако пленные уверяли, что на «чандлере» носился сам Семенов.

Лазо вместе с Кларком и Губельманом направлялись в штаб Аргунского полка, когда дорогу перегородила ожесточенная толпа бойцов. Губельман тронул шофера за плечо и поднялся во весь рост. Машину окружили возбужденные бойцы. Они подтащили двух человек с узлами. Лазо сразу догадался: мародеры. Из одного узла виднелся угол швейной машины, в другом — самовар.

— Какая часть? — громко спросил Губельман, брезгливо оглядывая мародеров.

Задержанные испуганно молчали.

— Это пережогинские, — сказал кто-то из бойцов. — По харям видно. Постой, мы вам сейчас покажем!

Губельман опустился на место. Глаза всех обратились на командующего. Смуглое лицо Лаза исказилось гримасой. На мародеров он старался не смотреть.

— Расстрелять! — приказал он и мотнул головой шоферу. Машина тронулась.

Некоторое время ехали молча, в угнетенном состоянии.

— Ах, черт их побери! — вырвалось у Кларка.

— Да все правильно! — пробасил Дядя Володя. — Ну а как еще поступать с такими? Много нам еще придется вымести всякой нечисти.

Лазо стукнул кулаком по колену.

— До сих пор жалею, что не расстрелял Лаврова! Типичный хунхуз. Я нисколько не сомневаюсь, что кого-то из таких вот и нашли японцы для налета на контору «Исидо». Они все работают на руку японцам. Помню, в Иркутске, во время мятежа, консулы из кожи лезли, чтобы мы не разоружали эту сволочь. Они их спасали, как только могли. Нашего японцы встретят — сразу штык к груди: «Бурсевика?» И если только большевик — конец. А эти!.. — он едва не выругался и махнул рукой.

Губельман, насупившись, барабанил пальцами, нависли густые брови и усы.

— Анархизм — зло, ржавчина. Они сейчас хуже хунхузов. «Борцы за народ!» Лавров и Пережогин бесчинствуют, грабят

население. Нашему делу они наносят вред.

Возле штаба Аргунского полка Губельман и Кларк высадились из машины, а Лазо поехал дальше.

Взяв Оловянную, красные части овладели левым берегом реки Онон. На правом берегу укреплялись семеновцы. Высокий железнодорожный мост был разломлен пополам, средний пролет одним концом свисал в воду.

В штабе Лазо родилась мысль об обходном маневре. Возглавить отряд аргунцев поручалось Кларку. В этот отряд входила и сотня Бронникова.

В сумерках на обеих сторонах задымили костры. Изредка постреливали патрули. Громадное зарево заката окрасило землю в зловещий багровый цвет. В отряде, сформированном из двух сотен Аргунского полка, сыграли боевую тревогу. Борис Кларк и Василий Бронников объехали строй и приказали трогаться. Сотни взяли с места рысью. О том, куда направляются, не знал никто, кроме командира. Из штаба фронта Кларк вернулся перед самым вечером.

Отъехав от берега, отряд взял круто вправо и поскакал вниз по течению реки. Ольге досталась косматая монгольская лошаденка с коротким шагом. Приноравливаясь к неуклюжему спотыкливому аллюру, она, как ее учили казаки, привставала на стременах. Иногда сотни переходили на шаг, и тогда Ольга чувствовала, как ноют непривычные к верховой езде ноги.

На сегодняшнем совещании в штабе фронта командующий поставил перед отрядом Кларка задачу скрытно передвинуться на пятнадцать километров ниже по течению, вплавь переправиться через Онон и ударить по семеновцам с тыла. Чтобы отвлечь внимание противника, артиллерия откроет огонь. Кроме того, под прикрытием этого огня отряд матросов, пользуясь свесившимся пролетом моста, словно лестницей, постарается перебраться на правый берег. Разрабатывая план боя, Сергей Лазо полностью отдавал себе отчет, что успех будет зависеть от четкости и слаженности всех исполнителей. Малейший сбой — и все пойдет насмарку. Поэтому-то в кавалерийский рейд он послал своего друга Кларка, а с отрядом матросов решил идти сам.

В кромешной тьме Кларк начал переправу. Кони, пофыркивая, осторожно входили в воду. Борис Кларк нашел минуту и посоветовал Ольге:

— Не бойся, ничего страшного. Держись поближе к ребятам.

Бойкий казакишка помог Ольге завязать стремяна поверх седла. Он не отходил от нее ни на шаг и негромко наставлял:

— Конь, он умный. Ты держись ему за гриву или за хвост —

вывезет. Но когда переплывем и будем выходить на берег, тут, девка, гляди строго: как бы не зашиб копытом.

Все-таки было страшновато. Быстрое течение, невидимое в темноте, сильно било по ногам. Лошадь вдруг оступилась и, задрав голову, поплыла. С гривы Ольга сорвалась и успела ухватиться за конский хвост. Лошадь сильно работала ногами, всем телом устремляясь поперек течения. У Ольги зашлое сердце: плавать она совершенно не умела. Но она предпочитала утонуть, но не сознаться в этом. Справа и слева плыли конские и человеческие головы. Ольге иногда удавалось взмахивать левой рукой. Правой она намертво вцепилась в конский хвост.

Внезапно захрустела галька, конь рывком вынес на берег. Ольга не побереглась и получила удар копытом по ноге. Она оглянулась на страшную реку. Перебралась!

Где-то впереди слышались негромкие команды Кларка. Конь дожидался Ольгу, поглядывая на нее. Она распутала стремяна и с трудом взобралась в седло.

Черное небо внезапно прорезала кривая дуга красном ракеты. Кларк давал знать, что переправа благополучно завершена.

В это время бойцы матросского отряда скапливались возле взорванного моста. С вражеского берега постреливали, пули цокали в бетонные опоры, а попав в кусок рельса, пронзительно взывали и рикошетили в небо. Сергей Лазо подошел с двумя бойцами, катившими пулемет. Его сразу узнали. От одного бойца к другому зашелестело: «Командующий здесь... Командующий...» Полоща клешами неимоверной ширины, к нему подошел командир отряда в лихо надвинутой бескозырке.

— Товарищ командующий, братва не сомневается. Первые сейчас поднимутся и втащут пулемет. Много народу переправить не удастся. Но нам и не надо много!

Высоко вверх уходил изуродованный мостовой пролет. Внизу под ногами беспрерывно журчала неугомонная вода. От речки несло сыростью.

Командир отряда сдвинул назад кобуру с наганом, ухватился за свисавший кусок искореженного рельса, ловко подтянулся и полез вверх, цепляясь за куски поломанных шпал. Кто-то шепотом произнес: «Давай следующий». Лазо отстранил приготовившегося матроса, примерился и с наслаждением подтягиваясь на руках, ловко послал тело вверх. Руками он нащупывал колючие обломки шпал. Свисавший конец пролета покачивался. Лезть оказалось высоко, метров пятнадцать.

— Товарищ командующий, вы? — встретил его командир отряда. — Надо бы пулемет.

Следующий матрос поднял с собой конец крепкой веревки.

Встроим они с предосторожностями втянули наверх пулемет.

— А беляки дрыхнут! — засмеялся командир. — Сейчас мы их благословим!

Один за другим матросы вскарабкались наверх. Впереди до самого берега тянулся ровный и целехонький настил моста.

Далеко в стороне возникла красная точка и, скатываясь книзу, медленно погасла. Ракета! Лазо вытащил наган.

— Больше ждать нельзя, — сказал он командиру матросского отряда.

По вражескому берегу ударили орудия. Белогвардейцы, всполошившись, принялись беспорядочно отвечать.

— Братишки! — вдруг загорланил командир, потрясая над головой наганом. — Штык покажи подтвержде... Пошли, братва!

Двое матросов, катя за собою пулемет, побежали по мосту и, обогнав атакующих, окопались на берегу. Железный голос пулемета слился с ликующим ревом аргунцев, налетевших с тыла.

Стремительного удара ночью семеновцы не ожидали. Ворвавшись на станцию Борзя, аргунцы застали в избах следы офицерских кутежей. Победителям достался громаднейший обоз. Сам атаман Семенов успел удрать на бронепоезде.

При свете занимающегося утра Сергей Лазо, не вылезая из автомобиля, развернул свою потрепанную карту. По плану, составленному в штабе, семеновцам ни в коем случае не следовало давать передышки. Сейчас на правом фланге аргунцы должны были подходить к станции Даурия. С левого фланга на Даурию наступал партизанский отряд Петрова-Тетерина. Лазо вызвал вестовых и послал их к Кларку и Бронникову. Сам он, устало повалившись на мягкое сиденье, сказал шоферу ехать на левый фланг. Его мучило предчувствие: как бы фронт не оголился. Тогда беды не оберешься!

Предчувствие не обмануло: отряд Петрова-Тетерина митинговал. Партизаны, стаскивая ораторов с поставленной на попа бочки, спорили — наступать или не наступать? Командир отряда выглядел растерянным.

— Я ничего не могу с ними поделать. Они, черти, откуда-то узнали, что Семенов уже оставляет Даурию. Беляки драпают где-то за Мациевской...

У Лазо отлегло от сердца.

— Ну, ваше счастье, — сказал он Петрову-Тетерину.

Станция Мациевская была последним крупным населенным пунктом между Читой и Маньчжурией, дальше до самой границы семеновцы могли цепляться только за небольшие разъезды.

*командующему Забайкальским фронтом товарищу
Лазо*

Примите и передайте революционным войскам фронта наш товарищеский привет. Их усилиями семеновские банды изгнаны из пределов Российской Советской республики, они теперь позорно укрываются в пределах Китая, власти которого принуждены иностранными империалистский приютить этого грязного бандита и слугу капиталистов. Набравши новых хунхузов, он может прийти вновь и разорять пограничные местности, но Революционная Россия найдет силы и средства справиться с ним окончательно...

Председатель Центросибири Яковлев.

Тщательно спланированная операция по разгрому банд Семенова где-то дала осечку: полностью уничтожить озверелых налетчиков не удалось, остатки атаманского сброда уходили под прикрытия китайской границы.

Наступившая летняя ночь озарилась пламенем костров. Усталые бойцы, питавшиеся всухомятку, варили горячее, стирали бельишко, перевязывали подживающие раны. Едва погасла поздняя вечерняя заря, стала заниматься утренняя. С маньчжурской стороны, согнувшись под прямыми коромыслами, семенили сотни торговцев. Они тащили тяжеленные плетеные корзины с разнообразными припасами. Бойцы накнулись на горячие китайские пампушки и на сладковатое печенье.

Взошло раннее солнце, и на железнодорожном полотне пыхнул паровозный дымок. Мерно постукивая на стыках рельс, прокатил коротенький состав из классных вагонов. Это прибыла китайская делегация для переговоров. Гостей встретили и провели в салон-вагон командующего Забайкальским фронтом.

Борис Кларк, прошедший несколько лет в эмиграции, свободно изъяснялся по-английски. Он попросил китайских офицеров подождать и один поднялся в салон.

После недавнего ночного боя Сергей Лазо выглядел измученным, гимнастерка в дырах.

— Делегация! — изумился он. — Как же я их в таком виде буду принимать? Неловко. Надо хоть привести себя в порядок.

— Часа тебе хватит? — спросил Борис. — Ничего, подождут.

Я их займу.

— Они, конечно, будут выгораживать Семенова.

— Это уж как дважды два, — согласился Борис.

— Гм... Но их, чертей, надо же хоть чаем напоить! Сахар у нас есть?

Борис задумался.

— В общем, ты собирайся. Я что-нибудь придумаю.

Смертельно хотелось спать, слипались глаза. Скинув изодранную гимнастерку, Сергей Георгиевич подошел к рукомойнику и долго фыркал, разбрызгивая воду. Голова должна быть ясной. С китайцами надо держаться с достоинством. Несколько месяцев назад, в Иркутске, когда революционные солдаты и рабочие подавили мятеж офицеров, консулы Франции, Англии и Японии вот так же заявили в штаб и нагло потребовали, чтобы юнкерам и офицерам, укрывшимся на территории консульств, оставили оружие для самообороны. На дураков они рассчитывали, что ли? С консулами разговаривал Лазо. На превосходном французском языке, приятно грассируя, он с достоинством подчеркнул, что местные органы Советской власти никак не могут допустить вмешательства иностранцев во внутренние дела России, и потребовал немедленной выдачи укрывшихся в консульствах мятежников... От китайцев сейчас следует добиться, чтобы они утихомирили бандита Семенова и не позволяли ему больше соваться к нам через границу. У нас и без него забот достаточно.

Сергей Георгиевич заканчивал бриться, когда в салон вошел Кларк. Его распирало от смеха.

— Ну и гостей бог дал! Представляешь, привезли нам в подарок мешок сахарного песка. Ребята глянули, а сахар весь подмочен. Каково? Может, его и подать на стол?

— Ни в коем случае. Надо найти хоть несколько кусочков рафинада.

— Нашли...

— Ну и прекрасно.

Помявшись, Кларк смущенно попросил выручить из семеновского застенка старика железнодорожника, отца своего товарища по читинским мастерским. Если как следует нажать на китайцев, они цыкнут на Семенова. Атаман сейчас полностью в их руках.

— Постараюсь, — пообещал Лазо, в последний раз бросив взгляд в зеркало. — Ну, идем.

Сервировка стола изумила Лазо. Борис Кларк постарался на славу. Красные командиры, слушая беглую французскую речь своего командующего, старались не смотреть на рафинад и

прочие яства на столе. Сам же Сергей Георгиевич, играя роль любезного хозяина, настойчиво придвигал к гостям вазочку с белоснежными кусочками рафинада и уверял, что русские люди обожают пить чай с кусковым сахаром и терпеть не могут сахарного песка, особенно подмоченного. Китайские офицеры любезно улыбались и приглашали командующего вместе со штабом в гости, отдохнуть. Освободить арестованного старика железнодорожника они обещали незамедлительно.

Деловые переговоры заняли немного времени. Китайская сторона дала гарантию, что граница будет закрыта для Семенова. Командующий фронтом потребовал указать срок такой гарантии. Китайцы, помявшись, заявили — пять недель. Лазо едва сдержал усмешку: недолго же! Однако спорить не приходилось. Все-таки передышка!

«Не делайте себе иллюзий, — телеграфировал В. И. Ленин, вождь революции, Константину Суханову, — японцы наверное будут наступать».

Положение в Приморье ухудшалось с каждым днем, и скоро даже у самых наивных оптимистов не осталось ни малейшего следа от имевшихся иллюзий. Напрасно Суханов рассчитывал, что международные хищники, накинувшись на лакомый кусок, немедленно перегрызутся между собой. Грызня была, но тайная. Практически же как союзники, так и противники по недавно гремевшей мировой войне объединились с завидным единодушием. Ненависть к молодой республике Советов, к первому в мире государству рабочих и крестьян заставила их выступать единым фронтом.

Разгром атамана Семенова в Забайкалье, мощный отпор белогвардейским войскам наглядно показали, что ставка на силы внутренней реакции напрасна. И тогда заработали межконтинентальные телеграфные линии, заскрипели бронированные двери сейфов с золотыми запасами, и по пароходным трапам, отправляясь в далекую Россию, полезли солдаты самых разных национальностей. Владивостокский порт заволокло дымом. Катера и шлюпки свозили на берег все новые полки «защитников свободы и прогресса». К октябрю 1918 года на Дальнем Востоке находилось несколько японских дивизий, целый экспедиционный корпус Соединенных Штатов Америки, а помимо них войска французские, британские, чехословацкие. Имея громадное преимущество в вооруженных силах, интервенты заняли Хабаровск, Благовещенск. На роль диктатора спешно доставили из-за границы адмирала Колчака. Он обосновался в Омске, объявив его своей столицей. Офицеры иностранных

миссий, стоя у вагонных окон, немало изумлялись: вместо путевых вех вдоль дорог стояли замороженные трупы замученных мужиков. Азиатская фантазия адмирала имела целью доказать, что союзники, понадеявшись на его властную руку, нисколько не ошиблись.

Как и предполагал Сергей Лазо, банды атамана Семенова вновь перешли границу. Чита пала. Так возникла знаменитая «Читинская пробка». Забайкалье и Приморье оказались начисто отрезанными от центральных районов России.

Красногвардейские отряды, разбитые, голодные, оставшиеся без боеприпасов, ушли в тайгу. Их укрыл необозримый зеленый полог леса. Положение казалось безвыходным. Чем драться? Одним штыком? К тому же приближалась жестокая сибирская зима.

По таежным тропам к станции Урульга (восточнее Читы) пробирались одинокие фигуры. У каждого за плечами тощий мешочек с продуктами, за пазухой наган с семью патронами. Это были партийные и военные работники Дальнего Востока. Они торопились на конференцию. Необходимо было собраться и решить, как действовать дальше. Измученных в дороге товарищей встречал Сергей Лазо. Кусок хлеба, кружка кипятка, короткие расспросы... Повсюду унылая, безрадостная картина поражения.

Работа конференции была недолгой. Доклад о текущем моменте сделал Сергей Лазо. Накануне они вечер напролет проговорили с Ольгой. Она рассказала о гибели Бориса Кларка, о горе Нюты. Ребятишки остались сиротами. Борис погиб в самое тревожное время, когда в Чите подняла голову контрреволюция. Он нарвался на засаду и был застрелен в упор. Вдове друга Сергей набросал коротенькую записку: «Мерзавцы убили Борю, но я жив, Вася жив и тысячи товарищей живы — отомстим за его смерть. О детях не беспокойся, вырастим». Ольга трезво оценивала сложившуюся обстановку. Белочехи быстро наступали со стороны Иркутска, уже был сдан Верхнеудинск. Сюда, в Урульгу, обещали прибыть работники Центросибири во главе с Яковлевым, однако вчера от них пришла телеграмма из Благовещенска: приехать вовремя нет никакой возможности. Яковлев советовал переходить на нелегальное положение, разворачивать партизанскую войну. Он назначил Сергею местом встречи Якутск. Туда из Благовещенска перебирался весь аппарат Центросибири.

Лазо, задумчиво глядя на мигавший огонек коптилки, сказал Ольге:

— Время сейчас такое, лучше всего держаться вместе. Ты

пойдешь со мной.

Она опустила голову. Совсем не так представляла она себе самый важный поворот в жизни каждой девушки. Но — время, обстановка... Что она знала об этом человеке, который так просто и уверенно решил сейчас судьбу обоих? Очень мало. Но она уже несколько раз ловила себя на ощущении, что ей было радостно находиться рядом с ним. Сердце подсказывало: отныне жизнь ее связана с Сергеем Лазо навсегда.

Назавтра, выступая с докладом, Лазо упирал на всемерное развертывание партизанского движения. Следовало портить железнодорожные пути, валить телеграфные столбы, взрывать мосты. Тут же Лазо сделал оговорку: портить следовало с таким расчетом, чтобы в скором времени все можно было легко отремонтировать. Он верил, что вынужденное отступление надолго не затянется.

Конференция приняла решение: «Борьбу с врагами организованным фронтом ликвидировать». Распуская отряды Красной Армии и Красной гвардии, следовало обеспечить бойцов оружием, деньгами, продовольствием. Война с наглыми захватчиками отнюдь не прекращалась, просто она принимала совсем иные формы.

В ночь после конференции станция Урульга опустела. Часть людей двинулась на восток, рассеиваясь по Амурской и Приморской областям, часть пошла на запад, надеясь пробраться в Советскую Россию. Уже в пути Сергей Лазо и Ольга получили известие, что Якутск занят белогвардейцами. Идти туда не имело смысла. Что делать?

Лазо уговорил Ольгу пробраться в Читу. Там имелось несколько надежных адресов, там обосновалась Нюта Кларк с ребяташками. Сам он решил остаться в тайге.

В последний вечер Ольга снаряжала его для тяжелой таежной жизни. Она орудовала иглой, пришивая суровой ниткой лямки к заплечному мешку. В мешок поместилось все нехитрое имущество, необходимое таежнику: палатка, топорик, котелок, моток веревки, немного крупы и сухарей. Она с беспокойством поглядывала на отеки под его глазами. Сергей никогда не жаловался на здоровье, но от товарищей Ольга знала, что у него застужены почки. Кочевая жизнь в тайге на зиму глядя могла свалить его с ног. Найдет ли он там необходимую помощь?

Решения Урульгинской конференции быстро проникли в самые отдаленные уголки Приморья. Уже в конце октября в Сучанской долине начал действовать «Комитет сопротивления». Следом за Сучаном поднялись крестьяне Майхинской и

Цемухинской долин. В те дни возшла звезда партизанского организатора и командира Николая Ильюхова, бывшего учителя, затем прапорщика военного выпуска. Отряды Ильюхова громили гарнизоны на крупных станциях, на рудниках и шахтах. Силу этих ударов узнали японцы и американцы. Народная борьба крепла день ото дня. В окрестностях озера Ханко, в отрогах Сихотэ-Алиня, на побережье появились и действовали отряды доблестного Гавриила Шевченко, Сосиновича, Петрова-Тетерина. Оказавшись на чужой земле, захватчики не знали ни минуты покоя. Зримого фронта, обозначенного на штабных картах, не существовало. Пуля, удар топора или дубины грозили иностранному солдату ночью и днем, в дозоре и на постое, на сельской околице и на таежной тропе. Вооруженный народ провозгласил свободолюбивый лозунг: «За власть Советов!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из Воронежской губернии до Батахезы, небольшой речушки, убегаящей к невидимому за хребтом океану, Данила Паршин ехал на возах и, пересекая всю страну, убил почти три года. Семья измучилась настолько, что не рада была жизни. Зато позднее труды переселенцев вознаградились полной мерой. Земля здесь оказалась настолько жирной, хоть намазывай на хлеб. Первопоселенцам сразу отводилось по сто десятин. Это после России-то, после воронежской тесноты, где весь надел величиною был с крылечко!

Радуюсь привольному житью, Данила сам работал до упаду и гонял семью. Радовал его Семен, сынище, лютостью хозяйской превосходивший самого отца. Так что умирал Данила без боязни — налаженное хозяйство он сдавал в надежные сыновьи руки.

Слухи о раздолье и достатках Дальнего Востока какими-то путями просачивались в центральные губернии, и год от года из России народ подваливал обозами в сотни телег, Однако поздним поселенцам земельные наделы нарезались уже гораздо меньше: только по пятнадцать десятин. Этих опоздавших к первому разбору называли «долевиками». Они, проделавшие через всю страну такой же долгий и опасный путь, считали себя обиженными и откровенно враждовали с богатыми «стодесятинниками».

В деревне Светлый яр рядом с вместительным домищем Семена Паршина поставили хибарку «долевики» Сивухины, большое работающее семейство. Тоже принялись тянуть из себя жилы, но, конечно, до паршинских достатков им было, как до звезды. Семен Данилыч Паршин к тому времени заматерел и, показывая себя человеком оборотистым, нанимал корейцев валить лес и выворачивать пни, отвоеывая у тайги лишние сажени пашни. Сваленный лес он ухитрялся продавать, сплавляя по Батахезе.

Стать ровень с Паршиным не мог никто из светлоярцев, и Семен Данилыч, поглядывая на соседей свысока, водился лишь с такими же зажиточными и уважаемыми людьми из деревень Казанки, Гордеевки, Фроловки. Крепкие хозяева, они и задавали тон в округе.

День в паршинском дворе начинался рано. В полной темноте батрак Егорша, громадный глуховатый парень, таскал вилами пласты навоза, кидал в углу двора на кучу. Еще один батрак, кореец Пак, поил скотину, метал коровам сено. Задавать корм лошадям появлялся сам хозяин. К атому часу в доме топились

печи и работник Кирьяк, мордастый, нахальный, подтаскивал на кухню воду, помогал стряпухе готовить свиньям месиво.

Хозяин подбирал валявшуюся жердь и ругал корейца:

— Ты куда глазами смотришь, азиат? Этой орысиной да по горбу тебя!

Тщедушный Пак съеживался, втягивал голову в плечи. Корейцев в деревне не считали за людей. В работники их нанимали за копейки. Топорами и пилами они валили вековой лес, вязали плоты. Корейские фанзы стояли верстах в трех от деревни: ближе им селиться не разрешалось.

Отругав корейца, Семен Данилыч замечал оброненный пласт навоза.

— А это кого рылом тыкать? Эй, глухая тетеря, я кому говорю?

Егорша, ничего не замечая, с натугой тащил громаднейший навильник и очнулся лишь от тычка хозяина. Как всегда, забитость, бессловесность батрака еще больше злили Паршина. Так и зудел кулак заехать в зубы! Но нынче из-за битья недолго до греха. В деревне образовался какой-то Совет, занял пустующую школу, сидят там голодранцы и день-деньской чешут языками, нахально посматривая на зажиточных хозяев. Ходят слухи, что «стодесятинников» хотят равнять с «долевиками». Паршин беспокоился. Не съездить ли к надежным людям хотя бы во Фроловку, повыспросить, посоветоваться? С этих голодранцев станет! А кого им бояться? Всякий страх потеряли. У них, рассказывают, в главной песне так и утверждается: кто был совсем ничем, тот станет всем. А, спрашивается, с каких доходов? Ясно, за чужой счет хотят разжиться, на чужое рот разевают!

Хозяйский тычок Егорша снес безропотно. Сам виноват, промашку дал. А хозяин... на то он и хозяин, чтобы глаз иметь да руку твердую.

Своею глухотою Егорша был обязан как раз руке хозяина. Позапрошлым летом они метали сено. Егорша старался, поддевал едва не по копне — треснул держак вил, сломался пополам. Семен Данилыч в сердцах так хватил работника по уху, что в голове Егорши зазвенело. Ухо сразу заложило, теплой струйкой щекотала шею кровь. Кореец Пак, принимавший сено на стогу, опустил вилы и со страхом смотрел, как Егорша прикладывает к уху рукав и мажет кровью щеку.

Когда совсем стемнело, хозяин с сыном Мишкой ушли в дом. Егорша, не дождавшись ужина, пошел в конюшню, там у него была лежанка.

Деревня постепенно затихала. Погас огонь в хозяйском доме. В дверях конюшни замаячила фигурка Пака. Еще днем, съехав с

верхушки уложенного стога, кореец заглянул в разбитое ухо Егорши и горько покачал головой. Сейчас он явно собирался подойти и посочувствовать. Егорша презрительно промолчал. Как и Кирьяку, ему водиться с корейцами было зазорно. Потоптавшись у двери, Пак поплелся домой, к матери в фанзу.

Егорше не спалось — болела голова. Он видел, как Кирьяк вернулся с вечеров. Парень гладкий, сытый, ему бы лишь гулять... Кирьяк повозился и скоро запустил храп на всю конюшню. А Егорша все лежал, моргал глазами в темноте.

Вырос он в доме Паршина, и вся его жизнь была привычно заключена в ограде хозяйского двора. Каждый вечер Семен Данилыч придиричиво оглядывал батраков, как бы на глаз определяя, не осталось ли в них неизрасходованных за день сил. Если оставалось, значит, они не всю ее выложили на хозяина, значит, получалось, что украли. Поэтому к концу дня у Егорши хватало сил ровно настолько, чтобы добраться до конюшни и ткнуться головой в дерюжку. Существование его определялось количеством исполненной работы за день и тем, что предстояло сделать завтра. Вся остальная жизнь, все, что происходило в деревне, его нисколько не затрагивало. Событиями в большом мире он привык не интересоваться и узнавал о них лишь по тому, как они отзывались на хозяевах, на соседях за забором, на батраках в паршинском дворе. Так началась война с германцем, и пьяно заревели парни, уезжая на станцию, потом заголосили бабы, получая вести с фронта, хуже стал кормить хозяин. Несколько раз Егоршу свидетельствовали в комиссии, чтобы забрать в солдаты, но браковали по причине глухоты. Появлялся раза два Кирьяк, уезжавший работать на Сучанских коях, с батраками на дворе не говорил ни слова, а поднимался прямо в дом, и там его усаживали за самовар, что-то выпрашивали и горестно всплескивали руками. Проходило время, и Кирьяк снова исчезал...

Незаметно, как бы само по себе, подошло время: скинули царя. На «стодесятинников» нашло оцепенение: всего ждали, любой беды, но не такой. В тот день Семен Данилыч шел по улице, вышагивал степенно, как и полагалось уважаемому человеку, а Костька Кавалеров, парнишка допризывных лет, совсем еще щенок, дерзко прошел мимо и даже к шапке не притронулся. Паршин не вытерпел, остановился и поглядел нахалу вслед. Это что же делается? Это к чему же мы теперь придем? Паршин решил пожаловаться деду Кавалерову, старику уже немалых лет, уважаемому в деревне за ясный и спокойный ум. Пусть приструнит мальчика, пока не поздно!

А события тем временем накатывали, как на бешеных

колесах. Сонную одурь из деревни словно сдуло резким сквозным ветром. Тишайший и смиреннейший Светлый яр стало не узнать. В деревне как будто сразу прибавилось народу и каждый уже не отсиживался дома, а непременно лез на улицу, на люди. Появились солдаты, к ним присоединился дерзкий и озлобленный народ с Сучанских копей и с Тетюхинских рудников. Кирьак вернулся и больше уже не уезжал, остался. Как ни крепок был паршинский забор, до сознания Егорши и маленького Пака стало понемногу доходить, что в прежней жизни что-то переломилось... У Сивухиных вернулся с рудников сын Петр, а немного погодя они взяли в дом зятя Власа, из солдат, выдав за него дочь Клаву. «Приспичило!» — ворчал Семен Данилыч, ругаясь на народ, льнувший к окнам сивухинской избы, чтобы поглазеть на бедное веселье. Хозяин, Семен Данилыч, сразу сдал, как будто постарел. Он теперь ходил, не поднимая глаз. По слухам, в деревнях Фроловке, Бархатной, Хмельницкой солдаты и шахтеры создали какие-то не то советы, не то комитеты и подбивают недовольных расправиться с зажиточными мужиками. Возле школы каждый день шумели сходки. Хозяйский Мишка приходил оттуда чернее тучи и запирался с отцом в горнице. Иногда они звали в дом Кирьака. Возвращаясь пьяненьким, Кирьак кому-то все грозил и приговаривал: «Ну, ничего, ничего... Ишь ты!»

У маленького Пака в эти дни стряслась беда. Ночью из тайги вышел отряд хунхузов, сунуться в деревню побоялся, но фанзы корейцев ограбил дочиста. Хунхузы, вооруженные до зубов китайские отряды, были настоящим бедствием тайги. Жаловаться на бандитов было некому. Даже при царе власти считали, что это дело инородцев, сами разберутся.

Поздней осенью деревню стало лихорадить слухами. В далеком Петрограде произошли громадные события. В деревенской школе крик стоял немыслимый. Солдаты величали имя Ленина. «Он многим ума вложит, вы скоро увидите! Это вам не Керенский!» Мужики стеснительно помалкивали, но все надежды связывали с Учредительным собранием. «Выбирать-то кто будет? Мы зке и будем! Вот своих и выберем!»

Зимой война пришла в Сибирь. Выходило не по-мужички, а по-солдатски. В Забайкалье объявился атаман Семенов и так принялся лютовать, что поднимались дыбом волосы. Вконец обнаглели неуловимые коварные хунхузы. Этим было все равно, кому кровь пускать. В Хабаровске вдруг выскочил гродековский есаулишко Калмыков, объявил себя атаманом и тоже взялся лить кровь, как воду. Такого ожесточения не помнили даже самые древние старики.

Неужели и до нас дойдет, думали светлорыцари. Окошки из поблескивали из-под нависших снежных шапок, словно тревожные глазенки. Теперь даже самые миролюбивые и смиренные поняли, что отсидеться не удастся. Придет весна, уйдут полнейшей водой обильные снега — и что-то начнется...

Днем в школе гомонили мужики, толклись ребята, по вечерам туда сползались старики. Зима для старых людей — мертвое время. На завалинке не соберешься, а в любой избе старик — лишний человек, обуза. В школе же благодать: и просторно, и тепло, и никто не гонит, не орет, сиди хоть до утра. Дед Кавалеров, поплевав на пальцы и сняв нагар со свечки, раскрывал древнюю книгу. Он приносил ее завернутой в платок. Корявый ноготь старика полз по строчкам, голос бубнил глухо, монотонно: «...пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их... Хлеб, подкрепляющий человека, истреблю у вас, десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи, и будут отдавать хлеб ваш весом, вы будете есть и не будете сыты...»

— Правда, правда... — старики испуганно крестились.

Толкуя прочитанное, Кавалеров внушительно доказывал, что Каин потому и убил Авеля, что был по занятиям своим земледелец, иначе сказать — «стодесятичник», кулак. Абель же нас скот, пастух, значит, неимущий был мужик. Вот «стодесятичник» и свел его со света! И снова все было правильно, похоже, снова все, что говорил старик, сходилось...

Семен Данилыч Партии, узнав о пророчествах деда Кавалерова, плевался:

— Змеиная семейка! Совсем хотят из мужика душу вышибить. Ничего, достукуются. Придет время, за все спросим. Потом пускай не жалуется, не плачет.

И точно. По слухам, дела богатеньких как будто стали поправляться. В больших городах власть снова взяли генералы с атаманами, отрядам голытьбы пришлось спасаться в лесу, в тайге. И сразу стало беспокойно в деревнях возле «железки» — так мужики называли большую магистраль, по которой бежали поезда от Владивостока до Петрограда. Там появлялись измученные люди, их прятали, обогревали и кормили и потихонечку выпрашивали. к чему теперь готовиться, на что надеяться. Те в один голос говорили о решениях какой-то Урульгипской конференции и с надеждой произносили фамилию Лазо. С этим человеком связывались самые сокровенные и решительные планы на близкое улучшение. Лазо был где-то в талге, скрывался до поры до времени, однако к первому теплу

должен появиться и одним продуманным ударом исправить положение. Атаман Семенов уже знал, как может воевать Лазо. Если бы не китайцы, Лазо словил бы атамана еще год назад. Китайцы спасли тогда Семенова, взяли под защиту, пообещав, что больше он воевать не станет.

Обманули!

О загадочном командире ушедших под покров тайги отрядов, о Лазо, рассказывали всякое. Своими глазами увидеть его пока не удавалось никому. Сивухинский зять Влас, ссылаясь на рассказы старослужащих солдат, воевавших недавно на Забайкальском фронте, уверял, будто этот самый Лазо росту великаньего, бородачи во всю грудь, с голосом, как колокол, и породы, между прочим, чуть ли не царской, во всяком случае, по-иностранному может свободно толковать со всякой разной нацией.

Власа слушали внимательно, верили и не верили. Дед Кавалеров высказался в том смысле, что, значит, бог услышал народные молитвы, если послал в тайгу такого человека. Один раз Лазо уже наклал по шее атаману Семенову, дай срок — свернет ему вязы окончательно.

Медленно, в тревожном ожидании истекали глухие зимние месяцы.

С теплых дней, когда потемнела дорога и обтаяли избы, по деревням и заимкам поползли слухи один страшней другого. На побережье, во Владивостоке, высадились японцы, от Байкала наступали белочехи. «Вавилон!» — зловеще изрекал дед Кавалеров, Потеряв всякую надежду, он уже не ждал спасения и от Лазо. Слишком велика рать иноземцев, навалившихся на Россию! Против них да против озлобленных генералов не выстоять и божьему избраннику...

Однако народ ожесточался и не думал покоряться. В тайге объявились партизанские отряды. Сколачивали их отчаянные люди. Самым лихим партизанским командиром прослыл Гавриил Шевченко. О подвигах его рассказывали легенды. Его боялись все: и казачье, и американцы, и японцы. Отряд налетал на гарнизоны в деревнях и на станциях, забирал богатую добычу и снова уходил в тайгу. Отряды помельче действовали возле своих деревень, больше всего они заботились об обороне против хунхузов. Кое-где стали создаваться отряды из корейцев.

События неумолимо приближались к Светлому яру.

В один из мартовских дней, еще по хорошей санной дороге, вдовая Лукерья возила на Тетюхинский рудник к фельдшеру заболевшего ребенка и привезла оттуда постояльца, тощего ласкового человечка с длинными прямыми волосами, постоянно

падавшими на очки. Постояльца звали Тимошей, очки придавали Тимоше ученый вид, держался он строго, с достоинством, выражался витиевато, зачастую даже непонятно.

Тимоша поселился у вдовы и на первых порах взялся исполнять обязанности участкового фельдшера, сгоревшего позапрошлым летом от вина. Врачевание Тимоши было простым: всем, кто к нему обращался, он сразу пристраивал под мышку единственный уцелевший градусник, затем совал его себе, — всякий раз оказывалось, что температура у самого Тимоши гораздо выше, чем у кого-либо другого. Пациенты уходили успокоенные.

На щеках Тимоши проступал неяркий, как бы от постоянной застенчивости, румянец, он часто покашливал, прижимая к груди худую руку. Лукерья, баба молодая, крепкая, страдала от жалости, и, если бы не ее преклонение перед ученостью сожителя, она излила бы на него весь неизрасходованный запас своей любви и нежности. Однако Тимоша держал ее в строгости, хотя наедине и называл Офелией. Боясь насмешек, Лукерья робко просила не срамить ее перед деревней.

К Тимоше, свежему человеку, сразу потянулись любопытные. Тимоша важничал. Тычком пальца в переносицу он поправлял очки и поминутно откидывал волосы со лба. Мужики, разинув рты, слушали его рассказ о высадке японцев во Владивостоке, о маленьком и тщедушном генерале Оой, японском главнокомандующем, которого Тимоша сподобился несколько раз видеть собственными глазами.

— А Лазо не приходилось видеть? — нетерпеливо перебил его Фалалеев, мужик злой и непримиримый. С наступлением теплых дней Фалалеев потерял всякий покой и грозил, что пойдет искать какой-нибудь отряд. Ему очень хотелось пробраться к самому Лазо. «Уж я бы с ним поговорил, уж он бы мне раскрыл глаза!»

Вопрос Фалалеева заставил Тимошу задуматься.

— Слышать я о Лазо слышал, а видеть — нет. Врать не буду... Но вот кого еще я видел — господина Медведева, председателя Приморской земской управы. Достаточный господин! Хотя, если глянуть на него с точки зрения...

— А Семенова, атамана? — допытывался Фалалеев. Этот вопрос Тимошу позабыл.

— Все они на одну колодку. Лампасы нацепил, взял в руки плетку — и атаман!

Фалалеев сразу потерял всякий интерес к Тимоше. Гиганту Курмышкину, смирному покладистому мужику, он заявил с тоской:

— Уйду я от вас к черту. Лазо не найду, прибьюсь к Шевченко. А вы тут как хотите!

Подбивая Курмышкина составить ему компанию, он издевался над Тимошей.

— Грамотный он, спору нет. И головастый, всякое дело может рассудить. Но вот беда — видимости нету! Тощий, как таракан. Голодом его Лукерья морит, что ли? Против Лазо он — козявка.

Однако Фалалеев ошибался. Неказистый вид Тимоши помешал ему распознать душу этого человека. События в большом грохочущем мире волновали Тимошу, ему хотелось поспевать за ними, не отставать, его одолевала жажда деятельности. Он от всей души поддержал предложение Власа образовать Совет в деревне и стал его председателем. К удивлению Фалалеева, характер у Тимоши оказался самый председательский.

Свесив волосы, он написал воззвание к «стодесятинникам», стыдя их за бессовестную эксплуатацию корейцев. В этом же воззвании он обращался к совести богатых, предлагая им «всецело откаться от своего класса» и добровольно разделить свои достатки между неимущими. В деревне снова стало беспокойно.

— Знаю я, откель у нас эта зараза, — заявил Семен Даншхыч. — Не будет этого, покуда я живой!

Несколько раз он приказывал Егорше запрягать в кошевку пару серых, уезжал один, без кучера и возвращался поздно ночью. Егорша, принимая лошадей у хозяина, улавливал запах вина и чувствовал, что тот ободрен, уверен в себе больше, чем перед отъездом. Значит, не напрасно съездил, не зря гонял коней.

Но однажды Семен Данилыч вернулся трезвый и сердитый. Утром, чего не случалось никогда, не появился задать корму лошадям. Егорша недоумевал: не заболел ли?

Выпустив коров к колодцу, Пак оперся на вилы и задумался. Хозяин из окна увидел, что коровы разбрелись. Он выскочил во двор, ударом кулака свалил Пака на землю и принялся пинать его йогами.

Из-за забора, с соседского двора, раздался крик:

— Это ты что же, душегуб, творишь?

Не прибеги сивухинские Петро и Влас, корейцу пришлось бы худо. Влас в расстегнутой шинели с разбегу саданул старика Паршина в плечо. Глаза Семена Данилыча застилала муть бешенства. Бросив корейца, он зверем попер на неожиданно явившихся заступников.

— А ну геть с моего двора, рваньё!

— Э, как он заговорил! — искренно изумился Петро и

во время придержал Власа, уже поддернувшего рукава шинели.

Из дома выскочил хозяйский Мишка, обнял отца за плечи и увел, глумливо приговаривая:

— Что вы, папаш, нашли с кем связаться...

Вечером в хозяйском Доме долго светились окна, по горнице металась большая тень самого Семена Данилыча, он что-то выговаривал сыну, размахивал руками, — сердился. Егорша наставил здоровое ухо, но ничего, конечно, не расслышал. Он подумал: с какой это стати хозяева допоздна жгут свет? Керосина-то сейчас не достанешь!

Ночью Егорша несколько раз вставал, выходил к колодцу и жадно припадал к холодному ведру. Зачерпнув воды, прикладывал к горевшей голове. Состояние было такое, будто хозяин избил его, а не корейца. Утром он с трудом разлепил глаза. Над ним стоял хозяйский Мишка, наспех одетый, с вилами в руках — таскал скотине сено.

— Вылеживаешься? А я за тебя работай?

Потом в конюшне появился сам Семен Данилыч, пригляделся к Егорше и выругался. Сыну он сказал:

— Сдохнет, черт, еще отвечай за него!

Вдвоем с Мишкой они подняли больного и спровадили его за ворота. Егорша помнил, как лязгнул сзади засов, он сделал несколько шагов, придерживаясь рукой за доски забора, внезапно ему стало так тепло, будто он забрался на горячую печь и с головой накрылся полушубком.

Теплым ясным днем, когда ливня лило с таявших крыш, в паршинский двор пришел кореец Пак с винтовкой. Тимоша назначил его уполномоченным Совета среди самого беднейшего населения деревни — корейцев. С винтовкой Пак теперь не расставался. На крыльчке, греясь на солнышке, сидел щеголь Мишка Паршин. На голове его начесан роскошный чуб, на ногах сапоги с новыми калошами.

— Твоя ходи за мной, — строго приказал ему кореец.

Мишка долго изучал посланца.

— Дурак, тебе батю надо. Он хозяин.

Пак повел в Совет самого Семена Данилыча.

В кабинете председателя стояла кадка с чахлой пальмой. Об ее мохнатый ствол мужики с наслаждением гасили окурки.

Тимоша встретил Паршина сурово.

— Гражданин, имейте в виду, я смотрю на вас с точки зрения. На каком таком основании смеее изгаляться над трудящимся населением?

В Совете находилось много мужиков: Прокопьев, Старченко,

Фалалеев, гигант Курмышкин, два или три корейца. Все ждали, что скажет Паршин. У того, как бы в недоумении, полезли плечи вверх. Тогда Тимоша пояснил, что речь идет о батраке Егорше. Заболевшего парня Паршин взашей прогнал со своего двора, и, если бы не Пак, приютивший его в своей фанзе, человек замерз бы под забором.

— Сперва я скажу так: никто его не выгонял. А второе мое слово: у меня не богадельня.

— Та-ак... А вот стоит товарищ Пак. Он тоже есть обиженный и угнетенный.

Паршин отмахнулся.

— Не болтай. На черта он мне сдался, угнетать его.

Мужики переглянулись. Помолчав, Тимоша задал вопрос им:

— Ну, что с ним делать? Сказать прямо — паразит. Ну и враг, конечно.

Паршину он приказал:

— Выйди за дверь и подожди, пока да позовем.

Стали думать.

— Расстрел? — неожиданно предложил решительный Фалалеев.

На него в испуге замахали руками.

— Тогда из дома выселить! — настаивал Фалалеев.

— Замерзнет. Кто его пустит?

Опять задумались.

— А, язва! — выругался Старченко и выхватил кисет. — Может, выпороть его, да и обойдемся? А?

— Человек немолодой, нельзя, — возразил тихоня Прокопьев. — Будь бы помоложе, тогда — да.

— Петель много, а конец, как ни петляй, все равно один, — доказывал Фалалеев. — Надо прижать гада. Он — враг. Ему наша власть, как нож козлу.

Выход предложил Курмышкин:

— Ладно, рук об него марать не будем. Но контрибуцию на него наложим! У него добра побольше, чем у всех у нас. Давай-ка, Тимофей, садись, пиши. Тряхнем его маленько! Не обеднеет!

Тимоша задумался:

— Если по закону, то это как же — налог, что ли?

— Налог, налог. Пиши! — сердился Фалалеев. — И насчет Егорши надо бы распорядиться. Человек на него всю жизнь ломал хребет! Кому он теперь нужен? Кто ему рад? У чужих людей обретається.

— Глухого мы к себе приблизим, — заявил Тимоша. — Ну, то есть к Совету. С нами не пропадет. Я у него был, смотрел. Парень крепкий. Поправится, вот Пак возьмет его и приведет... А теперь

давайте дальше думать. Весна подходит. Какое ваше мнение: воевать будем или пахать?

— Сказал! — изумился Фалалеев. — Не вспашешь — не повоюешь.

— Новости нехорошие имею, — сообщил Тимоша. — Советам нашим везде конец приходит. Вот тут и думай! Нашу границу, говорят, по городу Чите проложат. Там — они, тут — мы. Своим государством станем жить!

— А главным кого посадишь? — любопытствовал Фалалеев. — Все дело в главном!

— Сообразим.

— Сейчас давай соображай!

— Сейчас... Сейчас я предлагаю умственную штуку. Ни мы в ихние дела не лезем, ни они — в наши. Называется ней-тра-литет. Слыхали?

Фалалеев недоверчиво покрутил головой.

— Эдак ты только от своих отстанешь. А как, к примеру, товарищ Ленин посмотрит на этот твой нейтралитет? А как Лазо? А как Шевченко? Да они нам голову сорвут за это! Столько крови пролито — и вдруг! Нет, не дело ты, Тимофей, городишь. Не подходит нам твой нейтралитет.

— Ленин далеко от нас, — вслух размышлял Тимоша. — Про Лазо пока что одни разговоры...

— А ты что думал? — разозлился Фалалеев. — Вот покажем себя, он и объявится. А так... Что ему с тобой тут делать?

Тимоша вынужден был согласиться, что громких дел от Светлоярского Совета пока что на самом деле не видать.

— Но я соображаю так: а пойдет к нам сюда Лазо? Большому кораблю тут мелко.

Тихоня Прокопьев неожиданно выругался.

— А мой сказ такой; отгородиться бы нам от всех городов забором. Там пусть они живут, тут — мы. И ни они к нам, ни мы к ним...

— Абсурд мышления! — изрек Тимоша, снисходя к человеческой необразованности. — Наоборот, надо, все заборы к черту посвалить, разгородиться и жить одной семьей.

Фалалеев усмехнулся.

— Сказанул! Это кто же нас с тобой в одну семью возьмет? Уж не Паршин ли? Эва чего захотел!

Но Тимоша распалился.

— Паршина мы доведем до уровня. Мало одного налога, еще подкинем. Эй, кто там? — крикнул Тимоша в сени. — Скажи старику, пусть пока домой идет. Но ты глянь, ради бога, с точки зрения! — вдохновенно продолжал Тимоша. — Работать станем

вместе, урожай ссыпать в общее место, деньги класть в один карман. Кому что надо — бери. Машин побольше, скот хороший заведем, дома хорошие, никто не надрывается, все с удовольствием работают, ни пьянства, ни битья, ни ругани. Детишки все румяные...

В тот вечер свет в Совете горел до позднего часа, Тимоша вдруг размяк и рассказывал мужикам удивительные истории.

В Светлый яр Тимоша перебрался из Владивостока. Одно время учился в гимназии Сибирцевой («чудодейственная женщина, прямо мать родная!»), играл в спектаклях в Народном доме, потом работал в отеле «Версаль», научился обхождению с иностранцами и был свидетелем, как этих иностранцев тряхнули матросы-анархисты, заявившиеся вдруг в гостиницу с ночным повальным обыском.

— Нагляделся я на этих анархистов. Хуже всякой чумы! Только о себе у них душа болит. Не то воры, не то артисты, а прямей сказать — разбойники. Жадности непомерной. Колечки, шубы всякие — это все по им. А для бедного народа их будто и нету.

На глазах Тимоши во Владивостоке произошла высадка японского десанта. Потом к японцам присоединились «иностранцы всех сортов оружия, со всех Европ, целый Вавилон».

Тихий Прокопьев с сожалением вздохнул:

— Ни разу этих самых иностранцев я не видел. А хочется!

Фалалеев злорадно хмыкнул:

— Погоди, увидишь.

— Думаешь, сюда придут?

— Обязательно. Столько их нагнали! Думаешь, для чего? С бабами прохлаждаться? Вот увидишь, припожалуют.

Рассудительный Курмышкин не согласился.

— Для иностранца завлекательнее богатые места. У нас им нечем поживиться. Вся статья им в городе геройствовать.

— Тогда, выходит, им на рудниках и вовсе делать нечего. А пришли же! За них, брат, не решай. У них свои планы. Тебя не спросят.

Бедность рудничных рабочих была мужикам известна. На Тетюхинские рудники или в Сучан, на шахты, шли наниматься от последней нищеты. Сивухин Петр, проработавший на шахтах два с лишним года, ушел оттуда, едва представилась возможность.

До самого рассвета просидели в школе мужики: мечтали, спорили, доказывали, сомневались, не подозревая, что беда не за горами...

Свалившись возле паршинских ворот, Егорша очнулся в

тепле, чья-то рука придерживала его голову, в рот вливалось горькое питье. Перед глазами маячило крохотное сморщенное личико. Мужской голос что-то произнес на незнакомом языке. Егорша сделал усилие: ему показалось, что голос он сейчас узнает. Мужчина тоже наклонился над больным, и Егорша не поверил своим глазам: Пак. Он лежал в корейской фанзе.

Выздоровление шло медленно. Часто приходил какой-то человек и первым делом совал ему под мышку скользкую холодную палочку. Егорша вздрагивал. Человек бодро заявлял: «Прогресс налицо!» — и принимался с кем-то спорить, совершенно забыв о больном. Поминались какой-то атаман Семенов, адмирал Колчак, Забайкальский и Уссурийский фронты, чехи, десант японцев и американцев. Егорша ничего не понимал. Вроде бы по-русски говорят, а не разобрешь!

— Пойми ты, — горячился тенорок, — японцам уголь нужен и тоннели, а не ты. Плевать они хотели на тебя. Они дальше Сучана, дальше копей не пойдут.

— Значит, офицерье пожалует! — возражал чей-то прокуренный суровый голос. — Думаешь, с ними слаще будет?

— Никто этого не говорит. Но по приказу самого товарища Ленина...

— ...и товарища Лазо! — строптиво добавлял суровый голос. Раздавалось хлопанье руками по бокам.

— Лазо! Ты мне его сначала покажи.

— А вот погоди. Пожалует — он тебе покажет! Он с тобой не будет цацкаться, как мы. Он — сразу. У него брат, не пикнешь!

— Нет, нету ему смысла появляться тут! Пойми, ловят его, ищут, большие тыщи предлагают.

— Да хоть мильён!

— Ну, знаешь!..

— В общем, нечего нам ждать. Смотри, дождемся! Ну вот чего ты тянешь, на что надеешься?

— Самолично не имею никакого права. Для чего у нас Совет? Чтобы советоваться!

— Смотри, досоветуемся!..

Доругиваясь, эти люди уходили, голоса их затихали на улице. В фанзе наступала тишина, лишь изредка прошелестят робкие шаги — это пройдет по циновкам старенькая корейка.

День-деньской Егорша оставался с глазу на глаз с бессловесной старушкой. Даже в крохотной фанзе она ухитрялась быть незаметной. Вечером заявлялся Пак и, словно хозяйка ухват, ставил в угол винтовку. Это был совсем не тот Пак, которого столько лет знал Егорша. Каждое утро кореец отправлялся в Совет, помещавшийся в деревенской школе.

— Твоя вставай, твоя тоже ходи! — уверенно сказал он Егорше.

Нет, Пак изменился неузнаваемо! Что же произошло?

Снаружи послышались голоса, в фанзу вошли сивухинский зять Влас в потрепанной шинели и незнакомый человек в очках.

— Альён хасимника (здравствуйте)! — громко произнес очкастый.

Он ткнул пальцем в переносицу, поправляя очки, и склонил голову набок, разглядывая выздоравливающего.

— Тэ-эк-с, прогресс явно налицо!

Ага, вот кто совал ему под мышку холодную скользкую палочку! Егорша слабо улыбнулся.

Очкастый сел, уперся кулаками в колени. Глаза его смотрели строго.

— Егорша, Егор... следовательно, Георгий. Имя-то у тебя, а? Героическое имя! Георгий-победоносец... слышал? А то — Егорша. Кончилось то время, забудь и выкинь. И гляди на жизнь с точки зрения. Хозяином гляди! Ты кто? Трудовой элемент! Значит, откачнуться от нас не имеешь никакого права. Вот как он, — показал очкастый на улыбающегося Пака. — Мы корейскую нацию освободим поголовно. Теперь наше время!

Мало что понял Егорша из слов очкастого, но главное было ясно — жить следовало совсем иначе, чем прежде. Тот же Пак... не узнать стало человека!

Влас, такой же молчаливый, как и его тесть старик Сивухин, терпеливо слушал своего товарища. Затем он напомнил, что время уходить. Влас называл очкастого Тимошей. Они поднялись, Пак вышел их проводить и долго не возвращался. В фанзе было слышно, как приходившие с кем-то встретились у ворот, заговорили, стали спорить — голоса ожесточились.

— Про высадку японцев ты, как понимаю, слышал. Очень хорошо! А знаешь, что они первым делом сделали? А-а, молчишь! А они взяли и арестовали весь Совет.

— Японцы? Не имели никакого права!

— Ну, может, не сами, а науськали кого-то. Тех же генералов с офицерами и науськали. А тем что? Только дай душу отвести. Суханова, председателя, убили. Был человек, вот как ты сейчас передо мной, и нету. Вот они как действуют-то! А ты говоришь. Соображать надо, не маленький уже... Сейчас такое дело заварилось; или они нас, или мы их.

Через несколько дней Пак одел Егоршу потеплее и повел в школу. От свежего воздуха потемнело в глазах. Пришлось остановиться, подождать. Сияло солнце, снегу оставалось мало. Просыхающая тропинка вела через поле к деревне. Пока одолели

эти километры, Егорша с Паком несколько раз останавливались и переводили дух. Пак ласково улыбался и поправлял на плече ремень винтовки.

В школе, длинном бревенчатом доме без ограды, дни напролет толпился народ, накурено было так, что свежий человек в изумлении останавливался на пороге и делал усилие, чтобы разглядеть, кто здесь находится. В дверях Егорша и Пак столкнулись с величественным дедом Кавалеровым, старик степенно ответил на поклон и, щупая дорогу костылем, стал спускаться по затоптанным ступеням. Следом за ним стремительно скатился солдат в папахе и шинели и, кидая сапогов комья грязи, куда-то побежал.

В угловой комнате было синё от дыма. В кадке, заваленной окурками, никла умирающая пальма. Тимоша бегал от окна к столу и в отчаянии вздымал над головой руки. Он уже охрип от спора. Ему ядовито возражали Влас, Петро и еще двое незнакомых.

— Абсурд мышления! — вскрикивал Тимоша. — Китайцы показали себя натуральными сволочами. У них с Лазо был мирный договор. С какой стати они выпустили Семенова? Мало он дел натворил?!

Влас и бывшие солдаты, а с ними и Петро настаивали на том, чтобы на всякий случай создать в деревне боевую дружину. У соседей — во Фроловке, в Казанке, в Хмельницкой — мужики уже вооружались и хотят договориться о взаимопомощи. Время по всем приметам наступало грозное. На побережье уже скопилось несколько японских дивизий. А тут еще приказ Колчака о мобилизации в белую армию. Тимоша протестовал:

— Колчак нам не указ. Не дадим ему ни одного мужика. Японцы и американцы? Пускай. Культурнейшие нации. Да и, повторяю, к нам они не сунутся. А если сунутся, мы им быстро утрем нос. «Мы, скажем, сами по себе, а вы — сами по себе». Они и уберутся.

— И Колчак, думаешь, тоже уберется? — теряя терпение, спросил Петро.

— Колчак далеко, за Уралом. Ему не до нас.

— Пошлет кого-нибудь.

— А вот пошлет, тогда и будем думать. Все, товарищи, дискуссию прекращаю. Перехожу к другим вопросам. — И Тимоша показал, чтобы Пак и Егорша подошли к столу.

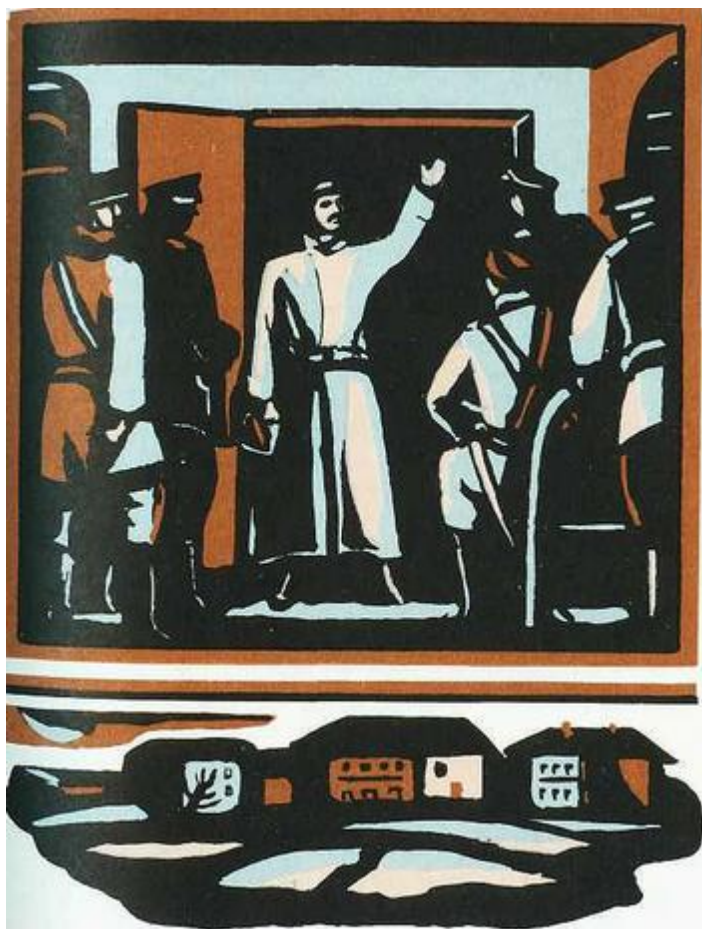
Во все глаза смотрел Егорша на этого необычайного человека. Как он разговаривает! И с кем? С самими солдатами! А поглядишь — щелчком можно прибить.

— Так, — произнес Тимоша, изучая застенчиво жмущегося

батрака поверх очков. — Экой ты, брат, верзила! А все пугаешься. Кого? Я ж говорю: смотри на жизнь с точки зрения. В общем, вот товарищ Пак тебе все объяснит. Он у нас теперь уполномоченный Совета...

В первую ночь, оставшись один в большом школьном доме, Егорша связал веник и вымел всю грязь из комнат и коридора. «Тут лопатой надо, а не веником», — бормотал он. Из кадки с пальмой он выгреб, наверное, ведро окурков. Ему показалось, что земля в кадке вздохнула с облегчением, а заморенная пальма сразу ожила. Утром Тимоша пришел и не узнал помещения.

— Это ты хозяйничал, Егорий? Ну-у, брат! Но только ведь опять... И куда, черти, смолят!

«Подметим, рук не жалко», — хотел сказать Егорша, но промолчал. За ласковое слово, за участие Егорша готов был в лепешку расшибиться.

Мужики, собираясь по привычке в школу, пожимали руку председателю, затем Егорше. На первых порах это было мученье. Украдкой Егорша стал разглядывать свою корявую, разбитую работой ладонь, словно надеясь найти на ней хоть какой-то след дружеского рукопожатия. Этого он еще не пробовал ни разу в жизни. Не научиться ли ему тоже курить? Или хотя бы завести кисет с табаком? Сам он пускай и не курил бы, но кисет подставлял: подходи кто хочешь, бери, не жалко! Мужики закуривали бы, садились рядом, и он сидел бы с ними вместе, слушал бы, вникал, что делается на белом свете.

Обживаясь в новом окружении, Егорша понемногу выпрямлялся и смелел. Ядренные шутки окопных солдат веселили и его, и под дружный хохот он улыбался тоже, робко, неумело растягивая губы, почти не знавшие улыбки. Его здесь считали равным, не прогоняли, при нем велись любые разговоры. Раньше у хозяина от него тоже редко в чем таились, но там было совсем другое: сама хозяйка, рыжая бабища, не стеснялась при нем, задрав юбку, сбежать с крылечка и присесть. Смотрели на нее, переставая хрумкать сено, лошади, смотрели коровы, курицы, петух, смотрел и Егорша. Но глуховатый батрак был для нее наподобие скота или колодезного журавля.

По вечерам Тимоша стал часто засиживаться в школе, что-то лихорадочно писал, отбрасывая с глаз плоские безжизненные волосы. Глаза его делались шальные, он что-то бормотал и ожесточенно грыз карандаш. Егорша в такие минуты ходил на цыпочках.

— Эх, Егорий, — иногда вдруг жаловался Тимоша, — тошнота берет, как поглядишь вокруг. А ведь какую жизнь можно сделать!

Бывший батрак сочувственно вздыхал. Сам он знал слишком мало, прошел только суровую науку у хозяина. Наука эта была простой. Работать и уважать хозяина — хорошо, пить водку и водиться с шантрапой вроде сивухинских Петра и Власа — плохо, ходить в церковь — хорошо, играть с парнями в орлянку — плохо. И такая жизнь навечно, до самой гробовой доски: ломи, надсаживайся, пока не ляжешь под холстинку. Смерть приходила к батраку как желанный, не пробованный при жизни отдых.

Тимоша, подумав над своей бумагой, что-то решительно перечеркнул и расстроился.

— Ладно, потом, — сказал он и стал собираться. — Егорий, ну что ты все веником стараешься? За грамоту бы надо браться помаленьку. Буквы понимать умеешь? Плохо, брат. Но я тебе вот что скажу. Голова у тебя на плечах содержится, начинай о политике соображать. Важнейшая штука, брат! Лучше науки

всякой. Наука, она все про далекое, про что в земле, что в небе, а политика в самый корень лезет, отчего какая кому жизнь и как нам эту жизнь переменить. Понял?

По лицу бывшего батрака блуждала младенческая улыбка. Одно он понял из речи председателя: хорошо к нему относится Тимоша и желает ему всяческого добра.

Тимоша потрепал парня по плечу и ушел.

В одиночестве Егорше мечталось без помех. Все, чего наслушался он за день, требовалось переварить своим умом. Мужики постоянно спорили, горячились и ждали разрешения всех трудностей от какого-то Лазо. Слыша об этом человеке каждый день, Егорша иначе и не представлял его, как богатыря. Гаркнет такой во весь голос — тайга трещит! Ум — что? Умней деда Кавалерова все равно не будешь. А сила — все! Сильного боятся... И своим бесхитростным умом Егорша представлял себе Лазо как боженьку с иконы: сидит богатырь на коне и побивает копьём всех гадов. Нет никому спасения от его справедливого копья!

Хоть одним глазком взглянуть бы на такого!

Рано утром, еще не рассвело, с размаху бухнула школьная дверь, влетел сивухинский Петро. Он задышался.

— Тимофея еще нету? Ч-черт! Побегу к нему домой.

Егорша почувствовал неладное и выскочил вслед за Петром.

В Лукерьюну избушку они вломились вместе. Петро, не отрываясь, выдул ковш воды.

— Сидишь? — закричал он председателю. — А что вокруг-то делается, знаешь?

Тимоша сидел, растопырив локти, и что-то писал. Лукерья, стиравшая в корыте у порога, прятала лицо и украдкой утиралась щекой о кофточку. «С утра лаются», — догадался Егорша. Вместе с табуреткой Тимоша отъехал от стола. Лихорадочного состояния Петра он не замечал.

— Слушай, Петр. И ты, Егорий, — тоже. Интересно, понимаете, что вы скажете. Вот, сочинял, всю ночь не спал.

Он откинул с глаз длинные волосы и отнес вбок исписанный листок.

Нет друга у бедняка
Надежней большевика...

— Тимофей, ну что ты за человек? — с терпеливой мукой прервал его Петро. — Вон уж макушка светится, а ты все как титешный ребенок. Разуи глаза! Каратели идут!

— Хунхузы, что ли? Или японцы?

— Русские. С генералом. Близко уже.

— У нас нейтралитет. Забыл?

— Вот они тебе покажут «нейтралитет»! — вышел из себя Петро. — Давай скорее народ в школу.

— А за что? Мы им покамест ничего не сделали.

— А вот снимут с тебя штаны, да разложат, да всыплют хорошенько, потом спросишь: за что?

— Абсурд мышления!

— Пошли, пошли, — торопил его Петро. — Я забыл сказать: к нам сегодня гости нагрянут. Кто такие? Соседи, из Фроловки. Представители. Надо подготовиться.

— То говорил — каратели, а то — соседи, — ворчал Тимоша, собираясь.

— Если с соседями договоримся, то, может, карателей и пронесет. Но если нет!.. — не договорив, Петро сокрушенно покачал головой. — Кончилось наше спокойное житье, вот что я скажу. Теперь начнется! Паршин уже радуется, черт. Зря мы ему вязы не свернули...

Задиристое настроение Петра позабавило Тимошу.

— Боевой ты мужик, как погляжу! И откуда это в тебе? Отец, вроде, смирней овечки, мать — тоже, а Клавдия ваша — так та вообще...

Петро рассердился.

— Погоняли бы тебя на шахтах! Как царя сместили, я стал будто цепной. Ни одного богатого видеть не могу! Если победим, не пожалеем никаких денег, а найму себе буржуя чистить сапоги. Пусть тоже знают!

— Где же ты найдешь его, буржуя? — спросил Тимоша. — Его после победы днем с огнем не сыщешь.

— Найду! — уверенно пообещал Петро. — Одно-то для себя я обязательно живым оставлю.

Он принялся распоряжаться.

— Значит, так. Тимофей, ты давай сразу в Совет. Егорша, дуй по деревне, колоти тревогу. Перво дело — к Кавалеровым. Пусть Костька обежит своих парней. Он знает... Дальше — к Фалалееву. Он мужик злой, мы с ним уже толковали. По дороге заверни к Курмышкину. Этот хоть и смирный, но, если его как следует раскочегарить, не уймешь. Всем прямо так и говори: бросайте все дела и — в школу. Понял? Время будет, сбегал бы еще к корейцам. Хотя нет, но надо. К корейцам пошлем Пака. Я думаю, он сейчас уже в школе дожидается. Ну а сам я тут кое к кому тоже забегу...

Тимоша усомнился:

— Народу шибко много соберется. Не подерутся? Я, понимаешь, хочу постановление писать: «Драки твердыми

предметами категорически воспретить!»

— Ты, Тимофей, теперь не драки бойся, — заявил ему Петро с какой-то сумасшедшею веселостью. — Сейчас такое начинается... слов не подберешь. Из тяжелого орудия крыть примутся!

Склонив голову набок, Тимоша полюбовался кипятившимся Петром со снисходительной усмешкой.

— За что, интересно мне узнать?

— Заладил: нейтралитет, нейтралитет! — В расстройстве Петро не договорил. — Ладно, побежали. А то бары да растабары, а время идет.

— погоди, — удержал его Тимоша, и лицо председателя стало грустным. — Я знаю, ты на меня, как на блажного, смотришь. И ты, и все... Но я тут как-то не спал и думал. Если уж генерал с нахальством к нам поперет, мы же можем и не пустить его.

— А я тебе о чем? Но ты же слова не даешь сказать!

— Пстой, — тихо перебил его Тимоша. — Ты смотри на генерала с точки зрения. Где он пойдет на нас? Ну, ясно дело — по дороге. А дорога где идет? По «Дарданеллу». А там посади одного мужика с дубиной, и никого он не пропустит. А если туда с ружьями мужиков?

Остального он объяснять не захотел, показав одними глазами: дескать, сам сообрази.

«Дарданеллом» у светоярцев назывались два крутых берега речушки Батахезы, сходящихся чрезвычайно близко. Там, под самым скалистым уступом, проходила единственная дорога в деревню. На труднопроходимость дороги, а вернее, на засаду в этом месте Тимоша и намекал.

От спокойной укоризненной рассудительности председателя у Петра разом пропал весь обличительный запал. С запозданием он спохватился: и чего ради считают Тимошу за блаженного? Ну, придурь иногда находит, это есть маленько, но вообще-то...

— Тимофей Иванович, а если их черт понесет не по дороге, а горами?

— Ну, не дурней же они нас с тобой! Но ты на этот счет лучше с Власом поговори. Он — человек военный.

— Так побегу я, Тимофей Иванович. А ты шагай прямо в Совет. Там твое место. Поставили тебя руководить, ты и руководи. Только перцу, перцу не жале! Это мой тебе последний совет. Понимай, какое время подпирает.

В полдень к битком набитой школе подкатали две упряжки. Из телег спрыгнули восемь человек с винтовками. Кое-кого из них узнали. С фроловскими жители Светлого яра много лет враждовали из-за пустоши за болотом. Приезжих встретили с

почетом. В самой большой комнате стояло два составленных стола без скатерти. Пожухлые листья пальмы Егорша вытер мокрой тряпкой. Впереди перед столами на принесенных табуретках сидели старики. Величественный дед Кавалеров тихо переговаривался с тщедушным старичком Симой, знаменитым в округе охотником. Иногда он поворачивал голову и с укором взглядывал на шумевших парней. Там, с парнями, стоял его сын Костя. Старик Паршин на собрание не явился, а послал своего Мишку и Кирьяка. Эти стояли отдельно от всех, у самых дверей. Кирьяк, пьяненький, то и дело наклонял ухо к Мишке, слушал и кивал.

Возглавлял приехавших сухощавый человек с острыми серыми глазами — учитель Ильюхов. Опытный взгляд бывших солдат сразу отметил в нем военную выправку. Перед тем как начинать собрание, Ильюхов поделился с сельсоветчиками новостями. После Урульгинской конференции, как известно, центр тяжести борьбы с захватчиками переносится в таежные районы, методами партизанства. Недавно подпольный центр во главе с Лазо...

Ему не дали договорить.

— А где он? — лихорадочно спросил Фалалеев. — Слышим, слышим, а поглядеть бы!

Ильюхов улыбнулся. Как видно, такое состояние человека было ему знакомо.

— Увидите еще... Но один Лазо ни вас, ни нас не спасет.

— А кто же тогда, интересно?

— Мы. Сами, — просто ответил Ильюхов. — Для этого мы к вам и приехали.

Словно укладывая эти слова в свое сознание, мужики молчали. Организоваться всем миром... куда же лучше! Это справедливо.

Курмышкин поинтересовался, на чем едут каратели. Узнав, что на санях, успокоился. Он почему-то боялся бронепоезда.

Влас деловито осведомился, можно ли рассчитывать в борьбе на помощь городов. Ильюхов ответил:

— Города помогут. Но центр, повторяю, тут, у вас. Вы знаете приказ Колчака о мобилизации в белую армию. И знаете, что народ не хочет к Колчаку! С Сучанских копей, например, вся молодежь уходит в партизаны.

— А как с оружием? — поинтересовался Фалалеев.

— Будет оружие, помогут, — после небольшой заминки пообещал Ильюхов. — Но пока придется обходиться тем, что на руках.

— Плоховато, — вздохнул Петро.

— О налоге на богатых вы не думали? — спросил Ильюхов. — Есть решение: войну против богатых вести за счет самих богатых.

— Как это не думали? — обиделся Петро. — Голова, слава богу, варит. Паршина мы уже тряхнули. А надо — и еще тряхнем.

— У вас не только Паршин, — напомнил Ильюхов. — А Лавочкин? А Тятков? А Шашкин?

Сельсоветчики переглянулись. Как видно, Ильюхов хорошо подготовился к поездке в Светлый яр.

— Надо будет, прижмем и этих, — пообещал Фалалеев. — Ты мне пока вот что скажи: кто такой Гаврила Шевченко? Слух дошел: бьет он Калмыкова, и здорово бьет!

Ответил Ильюхов не сразу. Отряд Шевченко дерется храбро, даже отчаянно. Одна беда — сам командир не признает никакой дисциплины, от него сильно несет самым махровым анархизмом...

Пока сельсоветчики рассаживались за столами, Ильюхов уважительно поклонился старикам. Это понравилось. На какой-то миг внимание Ильюхова отвлекла пальма в кадке. Он потрогал глянцево-листья, сунул палец в обгорелые места на мохнатом стволе, вдруг с улыбкой что-то сказал Петру — и тот рассмеялся. Оба, впрочем, тут же сделались серьезными и обратились к дожидавшемуся народу.

Постучав карандашом в стол, Тимоша призвал к тишине. Затем он повесил голову и помолчал, как бы давая понять, что разговор пойдет нелегкий. Подействовало — затаились.

— Тут такой, понимаете, стаж определился, — похоронным тоном произнес Тимоша, — придется, видно, воевать...

Тревожно переглянулись Ильюхов с Петром.

— погоди, Тимофей, — вмешался Петро. — Ты как-то уж совсем... Дай людям по-человечески сказать.

Расстроенный председатель махнул рукой и сел.

Ильюхов начал степенно: сказал, что привез поклон от соседних деревень, и показал на своих товарищей, приехавших с ним. Собрание одобрительно загудело.

— Давно бы так, — раздался голос из сеней. — Хватит ребрато считать друг дружке!

Усмехнулись даже старики, кивая бородами.

Умелый оратор, Ильюхов уловил перемену настроения и повел речь о том, что во Владивостоке день и ночь выгружаются иностранные войска. В порту уже тесно от военных кораблей. Интервенты называют себя союзниками. Но с кем они в союзе? Только с Колчаком! А Колчак — это озлобленное белое офицерство, это расправы с рабочими и крестьянами, это плети и виселицы для трудящегося народа.

— Мы призываем вас, товарищи, встать на защиту своих домов, своих семей, своей земли. Мы призываем вас к восстанию!

Гробовая тишина повисла в школе. Ощущение у всех было такое: вот это завернул! Ильюхов добавил:

— Мы особо обращаемся к молодежи и к бывшим солдатам. Вступайте, товарищи, в партизанские отряды!

Старики, оставив бороды в грудь, сидели хмуро. Блестел высокий лоб деда Кавалерова. Тщедушный Сима озабоченно поглядывал по сторонам. Парни, стоявшие кучкой, негромко переговаривались и сердито поглядывали на отцов.

— Ну что, товарищи, — задорно спросил Петро, — так и будем молчать? Давайте, давайте высказывайтесь!

Он понимал, что раскачать народ сегодня будет нелегко. Шуточное ли дело: восстание! Он ждал помощи от «долевилов» с дальнего конца деревни: Старченко, Фалалеева, Курмышкина.

— Да какое нам восстание, мужики? — крикнул пьяненький Кирьяк. — Перебьют всех, как куропаток. У них и генералы, и оружие. Толкают вас на верную гибель. Пусть воюют сами, если есть охота, а наше дело — сторона.

Поверх голов Ильюхов зорко глянул на кричавшего. Петро сделал кому-то знак. К Кирьяку и Мишке пробрался Влас, затем Курмышкин.

— А ну пошли отсюда. И ты, и ты...

Наблюдая, как крикунов выпихивали в двери, Тимоша вздохнул:

— Полный оборот хаоса!

Костя, сын деда Кавалерова, стеснительно поглядывая на отца, помаячил Петру, что хочет говорить. Это был непорядок: первое слово на сходках всегда принадлежало старикам. Но если они как в рот воды набрали! Петро кивнул: давай!

— Правильно соседи нас зовут. Надо восставать, но только подниматься всем. Мы, например, уже готовы и призываем всех.

Медленно поворотилась патриаршья голова деда Кавалерова. Он с гневом уставился на своего шустрого сына.

— Это кто же такие — «мы»?

Костя смешался:

— Ну... которые помоложе.

Грудь деда Кавалерова поднялась и опустилась. Опираясь на костыль, он стал вставать.

— Раз помоложе, значит, должны первым делом — что? — стариков уважать. И — слушать! Такой порядок. — Он помолчал и наставил палец на Ильюхова и Петра. — Значит, так. Пишите: своего сына я отдаю на войну. Костя! — позвал он. — Бери с собой рыжего коня. Он бойчей на рысь.

Поднялся шум. Счастливого Костю парни пихали под бока. Дед Кавалеров поднял руку: он еще не все сказал.

— Но тут вот такое дело получается. Ну, объявим мы восстание, ну, отдадим парней, пускай воюют. Но как с хозяйством быть? Кого-кого, а офицерье мы знаем. Придут — все порешат. Вот тут как быть? Ума не приложу.

Он степенно опустил на табуретку и, выставив бороду, стал ждать. Ильюхов и Петро переглянулись. А ведь толковое слово сказал старик!

— А что, если я скажу? — спросил охотник Сима. — Нам не надо допускать сюда ни офицеров, ни япошек. Конечно, если мы каждый у своего двора будем стоять, они придут. Но мы же им войну должны устроить! А раз так, всем миром и подняться. Пишите меня тоже в партизаны!

За столом с пальмой Ильюхов совал Тимоше лист бумаги и тыкал в него пальцем.

— Тихо, товарищи! Запись по порядку. Пусть каждый называет громко.

Дед Кавалеров, не вставая с места, поднял костыль.

— Тимофей, пиши тогда от меня еще одного коня. Больше нечего.

Свесив волосы, Тимоша ловко вертел карандашом по бумаге. К нему лезли со всех сторон.

— От меня записывай двух коней. Одного под верх, другого в обоз.

— И от меня одного...

— А хлебом берете? Тогда пиши...

— А где богатые? Куда они все заховались? Позвать! Пускай тоже пороются в амбарах.

— Ти-ше!.. С богатыми, товарищи, особь статья. С ними будет разговор другой. Указом!

— Вот это правильно!

Приехавшие с Ильюховым отозвали Петра в сторону. По всей округе запись в дружины прошла так же дружно, как и здесь. Настала пора бросить призыв и в другие районы Приморья. У Ильюхова был набросан текст обращения.

— Тимофей тебе сейчас объявит слово, ты прочитай-ка все народу. Пускай послушает.

— Может, назовемся так: «Комитет сопротивления»? — предложил Ильюхов.

— А что? Подходит, — согласился Петро. — В самую точку!

Ильюхов, расправив лист бумаги, приготовился читать воззвание.

«Империалисты напали на нашу Родину... Они нарушили

наш мирный труд и начали войну против народа. Мы принимаем вызов... и поднимаемся на вооруженную борьбу... Мы будем биться с врагами нашими не на жизнь, а на смерть, до победного конца. Призываем всех последовать нашему примеру! Смерть контрреволюции! К оружию, товарищи!»

Огонь восстания, затеплившийся в нескольких деревнях, стал подобен таежному пожару. Во все концы Приморья поскакали нарочные с призывом. Старые солдаты доставали припрятанное до поры до времени оружие, привезенное прошедшим летом с Даурского, Уссурийского и Гродековского фронтов. Командующим партизанскими силами стал Ильюхов.

Человек военный, Ильюхов прекрасно понимал, какая длительная и ожесточенная предстоит борьба. Против восставших уже в самые ближайшие дни двинутся силы Колчака и интервентов. Недаром в мятежных деревнях стали появляться разъезды колчаковской милиции, пытаясь арестовать активистов.

В декабре Ильюхов провел в деревне Фроловке совещание командиров боевых дружин. Удалось договориться о самом главном. Поскольку силы восставших разрозненны (каждый держится за свою деревню), нападать на врага только мелкими группами, избегая открытого боя. Но, действуя методами партизанства, во всех без исключения дружинах соблюдать порядки Красной Армии. Анархистские замашки следовало вырывать с корнем.

Район восстания, где зародился «Комитет сопротивления», готовился к затяжной войне. Спешно организовывалось снабжение, создавалась санитарная служба. Богатые хозяйства облагались налогом. На семью оставлялось по две лошади, остальные конфисковывались. На прокорм бойцы дружин распределялись по избам. Зажиточным дворам доставалось вдвое больше постояльцев. Первыми же декретами запрещалась сдача земли в аренду. «Те, кто сдают землю, объявляются эксплуататорами и будут караться». Корейское население русских деревень впервые в истории наделялось землей бесплатно.

О «Комитете сопротивления» узнали во Владивостоке. На нелегальном собрании партактива города разгорелась ожесточенная дискуссия. Большевики решительно высказались за всемерную поддержку народного восстания. Им возражали эсеры, меньшевики. Все же большевики одержали верх и постановили создать при комитете военный отдел. Тогда те тайно отправили во Фроловку своего представителя. Он встретился с Николаем Ильюховым и удивил его с первых же слов, принявшись доказывать, что вооруженное восстание заведомо обречено на

сокрушительный разгром. Он советовал дожидаться момента, когда обострятся противоречия между интервентами. Боевые дружины он рекомендовал распустить, оружие спрятать. Слушая его, Ильюхов вспоминал радостную атмосферу сходок в деревне, запись добровольцев, пожертвования хлебом и лошадьми и потихоньку закипал. И это говорит представитель пролетарского города! Хорошенькую же помощь он принес! Что же, если город отказывается поддержать восставших — плевать, справимся сами. Он так и высказался. Представитель, обидевшись, уехал.

В Светлоярском Совете, узнав о разговоре Ильюхова с владивостокским гостем, пришли в уныние.

— Нейтралитет, — продолжал настаивать Тимоша. — Я говорил и говорю: поголовный нейтралитет! А если что, мы смело обратимся к консулам. Цивилизованные нации. Пускай только посмеют! На веки вечные покроют себя позором презрения. От них отворотится весь культурный мир.

— Испугаешь их позором! — поддел председателя Петро. — На станции Кангауз, говорят, трех стариков выпороли шомполами. Чуешь: стариков! Где это видано?

Повисло тяжелое молчание.

— Своей головой нам не рассудить, — высказался Влас. — Надо пробиваться к Лазо. Предлагаю послать вот Фалалеева. Пускай что хочет делает, а пробьется...

— Я, например, согласный, — произнес Фалалеев.

— Обсказать ему надо все до капельки, — принялся наставлять Влас. — Пускай он кому надо мозги как следует прочистит. Не в бирюльки ведь играем — за оружие схватились!

Проводив Фалалеева, светлоярцы стали ждать. Вскоре подтвердился слух о карателях. Отряд во главе с генералом Смирновым неторопливо двигался по деревням и наводил расправу. Что было делать? От Фалалеева не было ни слуху ни духу. Неужели он так и не нашел Лазо? Решили времени не терять и снарядить гонцов в деревню Казанку — договориться о совместных действиях. Может быть, каратели, узнав о приготовлениях мятежных деревень, не осмелятся забираться в такую глушь. Отряд генерала Смирнова действовал в основном поблизости от линии железной дороги. Ну а если все же сунутся, приготовить им засаду в «Дарданеллах» и проучить, дав настоящий бой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Одряхлевший паровозишко пыхтел, пуская в обе стороны по земле длинные усы белесого пара. Изнемогая, он подтащил к вокзалу длинный разнокалиберный состав и утомленно замер и утих. Несколько классных вагонов оказались как раз напротив дверей ресторана. Пассажиры, ежась от мороза, расслабленными от долгого сидения ногами спешили, в тепло и уют, за столики с белыми скатертями. В оживленной группе калмыковских офицеров кто-то плотоядно крикнул и потер ладони. Все засмеялись и ускорили шаги. Швейцар в позументах уже гостеприимно распахивал навстречу двери.

За классными вагонами тянулся хвост теплушек. Самые последние остановились за пределами вокзала. Поехали вбок двери величиною в полстены, на снег посыпался народ с узлами и котомками, женщины сверху подавали мужьям детишек, увреченных так, что не видно и носов.

Завизжав по желобу, тронулась дверь в хвостовой теплушке. В щель пыхнуло спертое тепло, наружу высунулась голова китайца и быстро скрылась. Гомоня и переталкиваясь, стали брякаться на снег китайские переселенцы. Свалив в большую кучу свое убогое добришко, они сбились овечьим стадом и оглядывались по сторонам.

Спрыгнув из теплушки, Сергей повернулся и принял на руки Ольгу. Она с наслаждением набрала полную грудь воздуха. Какая сладость! Пока она понемногу приходила в себя, Сергей незаметно осматривался. Ну вот, до Хабаровска удалось добраться вполне благополучно. А дальше как? Они с Ольгой пробирались во Владивосток. Там пролетарский центр, там сильная организация, там товарищи. Оба не сомневались, что пути к подпольщикам найдутся. Главное добраться.

— Может быть, пойдём? — тихонько предложил Сергей.

Не выпуская руки мужа, Ольга оглядела приземистое здание вокзала, осыпанные снегом деревья, белесое небо над головой. Солнце светило сбоку, бросая длинные тени деревьев на перрон. Китайские переселенцы, кутаясь в тряпье, посматривали на двоих русских и о чем-то негромко переговаривались. Глаза их блестели нестерпимым любопытством. За всю дорогу они так и не могли понять, с какой стати этим русским понадобилось мучиться в битком набитой теплушке, а не ехать в нормальном классном вагоне... С открытой улыбкой Ольга покивала своим попутчикам. Жаль, не знает ни слова по-китайски. Их следовало поблагодарить за помощь, за спасение. Не возьми их китайцы в

свою теплушку, пришлось бы худо. А с ними доехали отлично, без всяких приключений. На станциях колчаковские офицеры, едва лишь отодвигали дверь, плевались от чесночного духа и спешили отойти подальше.

Расставшись осенью, они долго не имели друг о друге никаких вестей. Потом Сергею сообщили, что Ольга арестована, в тюрьме. Он заволновался. Ольга ждала ребенка, и вдруг тюрьма, гнусная камера, допросы, может быть, даже пытки. Затем в самую душу ударило известие, что Ольгу вместе с группой арестованных партизан расстреляли. Он почернел, осунулся, пропал его обычно ровный и веселый нрав. И вдруг на станции Рухлово неожиданная-негаданная встреча. Жива! От радости он даже онемел. Но в тюрьме Ольге все же побывать пришлось. Попалась глупо: зашла на маленький таежный прииск, и там ее узнал кто-то из старателей. В Рухловской тюрьме ее с группой арестованных партизан должны были передать японцам. К счастью, накануне передачи арестованных японцам дурак-следователь поверил сохранившейся справке, что она является вольнослушателем Томского университета. На следующий же день начальство хватилось, ее принялись искать, но она поспешила скрыться, замести следы... Кочевая жизнь измучила ее, она решила устроиться в городе. Но в Хабаровске, рассказывали, уж очень строг режим. Хватают по малейшему подозрению. Оставались Благовещенск, Никольск-Уссурийский, Владивосток... И вот неожиданная встреча с мужем! Теперь уж они будут вместе. Владивостокская организация как будто понемногу оправляется от поражения, вызванного арестом чуть ли не всего состава Совета.

Приехав в многолюдный Владивосток, они убедились, что выбор сделан правильный. На руках у них имелись надежно сделанные документы безработных железнодорожников. Все же из предосторожности они, покинув вокзал, избегали центральных улиц. Устроиться на жилье удалось в Голубиной пади, сначала в какой-то сараюшке, а затем и в небольшой комнатке у врача. Хозяин квартиры, озлобленный человек, когда-то был владельцем доходного имения на Урале. «Сочувствуя» его потере, Сергей рассказал об имени матери в Бессарабии и полностью завоевал его доверие.

Связь с подпольем удалось установить через Меркулова, живущего на Первой речке. Первой к молодым супругам пришла Мария Сахьянова. Эту девушку Сергей встретил осенью 1917 года в Иркутске на I Общесибирском съезде Советов. Это было еще до знаменитого иркутского мятежа белогвардейцев.

Мария Сахьянова с первого взгляда поняла состояние Ольги и Сергея. Ее лицо осветилось сочувственной улыбкой. Она утешила их, сказав, что подпольная организация жива и действует, многие товарищи спаслись, большая группа сейчас живет на зимовье в Лузинском ущелье. На днях туда отправится доверенный человек, он передаст, что Лазо жив и объявился во Владивостоке. Отпускать гостью не хотелось, хотя час был уже поздний. Сергей поинтересовался, хороши ли в городе библиотеки. У него заготовлен целый список книг, которые хотелось бы достать. Сидеть без дела невозможно! Мария заявила, что библиотеки здесь отличные. Правда, чтобы записаться туда, требуется документ с места работы.

— Но я поговорю с тетей Марусей, Она все устроит.

Тетей Марусей владивостокские подпольщики называли Марию Владимировну Сибирцеву, мать Всеволода и Игоря. Эта мужественная женщина вместе с сыновьями давно работала в большевистской организации, выполняла ответственные задания по связи.

На прощание Мария о чем-то потихоньку переговорила с Ольгой, вдруг прыснула со смеху, смутилась и ушла.

— Славная, — так определила ее Ольга.

С помощью Марии Сахьяновой Ольге удалось устроиться работать на таможенную клеить бандероли на папиросные коробки.

При всей надежности квартиры, приходилось быть предельно осторожным. За поимку бывшего командующего Забайкальским фронтом в газетах обещалась большая награда. Прожив несколько месяцев в тайге, Сергей сбил контрразведчиков со следа. Но они, видимо, догадывались, что рано или поздно Лазо должен появиться в городе. Где? В каком обличье? Ищейки, конечно, понимали, что имеют дело с опытным и осторожным конспиратором.

Утром Ольга уходила на таможенную, Сергей садился за стол, обкладывался книгами. На улице он совсем не появлялся. Чтобы не вызвать подозрения хозяина квартиры, он объяснил, что не может найти подходящей должности и вынужден помогать жене, выполняя частные заказы на чертежные работы.

Через проверенных людей он держал связь с товарищами по подполью, узнавая от них обо всем, что происходит на территории Приморья.

Сучанская долина задавала тон народной борьбе за Советы. Богатые деревни Осиновка, Кремово, Виноградовка, Анучино объявили нейтралитет, однако беднота ломала их сопротивление и раздувала пламя восстания. Следом за сучанцами поднималось население Майхинской и Цемухинской долин. На сходках в

деревнях старики называли врагов супостатами и по древнему обычаю благословляли сыновей на священную войну. Во Владивосток передали листочек, исписанный корявым почерком: клятву партизан.

«Перед лицом народа, во имя Советской Родины клянемся на верность власти Советов, обязуемся драться за дело народа, не щадя своей жизни, до полной победы над внешним и внутренним врагом. Клянемся хранить воинскую революционную дисциплину как зеницу своего ока. Да здравствует мировая пролетарская революция!»

Интервенты спланировали гигантскую операцию по разгрому партизан Сучанской долины. В бухту Находка отправился целый караван из 14 американских, английских и японских судов с десантом. Сергей Лазо оценил замысел врага: пока белогвардейские каратели орудуют вдоль линии железной дороги, войска интервентов высадятся на побережье и ворвутся в верховья Сучанской долины. Партизанские отряды мятежного района окажутся в мешке.

О нависшей опасности в Сучанскую долину было отправлено шифрованное сообщение. Партизанское командование получило возможность подготовиться к встрече интервентов.

Предупреждение о вражеском десанте пришло к партизанскому командованию вовремя. Связь между Владивостоком и районами Сучанской долины работала надежно. В бухте Находка, на побережье, грянул настоящий бой. Партизаны, оставив обозы и даже вещевые мешки, налегке совершили быстрый марш-бросок и загодя заняли выгодные позиции. Едва шлюпки с солдатней приблизились к берегу, раздалась команда: «Огонь!» Шлюпки в панике повернули обратно. И тут партизанское командование снова показало свою зрелость: ожидая ожесточенного обстрела корабельной артиллерии, оно отвело своих бойцов с позиций. Враг обрушил на опустевший берег бешеный огонь орудий главного калибра. Взлетали камни скал, валились сосны. Наконец шлюпки снова стали приближаться. И снова их встретил плотный и убийственный огонь потомственных охотников.

Конечно, силы были неравны, и десанту в конце концов удалось закрепиться на отвоеванном плацдарме. Но каких жертв это ему стоило!

Следующее сражение партизаны дали интервентам под деревушкой Перетино. Узнавая детали этого боя, Сергей Георгиевич приходил в восхищение. Не просто толково и грамотно — по всем правилам военного искусства. И действовал не генерал и даже не старший офицер, а всего лишь бывший

школьный учитель, прапорщик ускоренного выпуска Николай Ильюхов. Молодец!

Колчаковский генерал Иванов-Ринов направил в восставшие районы несколько карательных отрядов. Началась свирепая расправа с мирным населением.

Мария Сахьянова однажды пришла в домик врача взволнованная. Сергей Лазо такой ее еще не видел.

— Маша, на вас лица нет. Что случилось?

Из Ольгинского уезда во Владивосток, сквозь оцепление карателей, удалось пробраться представителям разгромленных деревень. Они хотят встретиться с кем-нибудь из консулов и вручить протест. Пусть весь мир узнает, что творят озверелые каратели!

От рассказов очевидцев дыбом вставали волосы.

Каратели, узнав об успехе интервентов на побережье, отважились вступить в самые глухие районы. В деревне Светлый яр сельсоветчики объявили осадное положение и послали гонцов в Казанку. Объединив силы, можно было задержать белогвардейцев на дальних подходах. Казанцы сообщили, что дружина у них уже готова. В ночь для соединения со светлоярцами выступит несколько подвод. До наступления рассвета необходимо занять перевал. Позиция прекрасная, обоз карателей попадет под перекрестный огонь.

Рано опустились сумерки, дым из труб потянулся в чистое, безоблачное небо. Долго тлела полоска зимнего заката. Мороз словно осатанел. До самой полночи деревня гомонила, снаряжала партизан. Наконец лошади тронулись, завизжали полозья. Отряд потянулся за околицу. Через два часа пути должны были встретиться с казанскими — так договорились.

Недолго висела над лесной дорогой узкая краюшка молодого месяца. Фыркали лошади, иногда звякало оружие. Время от времени люди соскакивали с саней и, согреваясь, припускали наперегонки.

В том месте, где ожидалась встреча с казанскою дружиной, обоз остановили двое верховых. Они ошарашили, светлоярцев новостью: казанские, испугавшись, что каратели сожгут дома, решили не воевать, а послать к генералу Смирнову делегатов — попробовать договориться миром. Влас мрачно выругался. У казанских всегда было семь пятниц на неделе! За каким чертом тогда затевали? Он всей горстью взял себя за подбородок и задумался. Положеньице! Ни в какие мирные переговоры с карательным отрядом он не верил. Подошел расстроенный Петр.

— Чего-то мы, значит, недодумали, если они — на попятный.

Что делать будем? Деревню оставлять нельзя. Но и дожидаться — тоже, знаешь...

— Одна надежда остается — «Дарданелл». Маловато нас, правда, но... Надо послать кого-то к Ильяхову. Пусть знает.

Курмышкин топтался рядом, неповоротливый, в теплейшей меховой дохе. Громадная шапка вровень с плечами, рукавицы — каждая по собаке.

— А может, замирился? — предложил он. На него накинута Фалалеев.

— Ступай назад! Говорил же отдай ружье глухому. У нас каждый человек на счету... Иди, скажи там Тимофею: если что, пусть нашим бабам помогает. Ребятишки же у каждого!

Отправившись разыскивать Лазо, Фалалеев вскоре вернулся в деревню в самом мрачном настроении. «Нашел?» — спросили его. В ответ Фалалеев разразился бранью. Самого Лазо ему повидать так и не удалось: опоздал. По рассказам знающих людей, Лазо сейчас находился во Владивостоке. Но не только неудача встревожила Фалалеева. Он узнал, как свирепствуют в деревнях каратели. Никаких переговоров они не признают, спрашивают плату только кровью. «Нам не бронепоезда надо бояться, — заявил Фалалеев в Совете. — Колчаки, если придут, пострашней любого бронепоезда!»

Еще затемно светлорыццы приготовили засаду в «Дарданелле», Фалалеев не переставал пушить казанцев. Надо же, как подвели! На рассвете из Казанки показалась целая процессия. Охотник Сима пригляделся и доложил: бабы, посланцами. Уговаривая соседей не затевать войны, они передали листок с письмом: «Братья, русские люди! Вы подняли оружие против богом узаконенной власти...» Фалалеев, ругаясь, принялся топтать письмо, а охотник Сима, шмыгая покрасневшим на морозе носиком, заявил:

— Вы, бабоньки, больше к нам с такими молитвами не ходите. Оборони бог! Вы бы лучше нам по обоймочке патронов принесли.

Утренняя заря багровым заревом окрасила половину небосклона. Сосны, подпирая небо, стояли не шелохнувшись. Время от времени с веток, отягченных снегом, сыпалась белая кисея. В деревне, слышно было, начинался день.

— Ах ты язва! — вдруг выругался Сима и лихорадочно передернул затвор берданки.

Зоркий глаз охотника засек двоих человек, пробирающихся берегом реки. В тишине зимнего леса треснул выстрел. Один опрокинулся и замер на снегу, другой брякнулся на живот, уполз за камень. Сима настороженно вел ствол, карауля момент. Снова

пыхнул дымок, видно было, как пуля ударила в валун и высекла искру. Мимо! Человек юркнул за выступ скалы и исчез с глаз.

Подобрав убитого, партизаны удивились: Кирьяк, работник Паршиных.

— Другой-то Мишка был, — объяснил Сима. — Ушел, варнак! Это они к генералу пробирались, предупредить. Плохо, мужики, Мишка теперь все расскажет.

Предупрежденные каратели избежали засады. После короткого боя, завязавшегося на околице, отряд Смирнова вступил в деревню. В школу, где последнее время помещался Совет, согнали всех жителей, оставшихся в деревне. Генерал Смирнов, похлопывая стеком по голенищу, потребовал немедленной выдачи уцелевших членов боевой дружины. Крестьяне молчали. К генералу сунулся было Паршин, но тот сделал ему знак молчать. Всмотрев в угрюмо стоявшей толпе величественного старика Кавалерова, генерал поманил его стеком.

— Ближе, ближе... Ну-с, теперь отвечай. За какую власть стоишь?

И дед Кавалеров с достоинством ответил:

— Как народ, так и я. Против народа я не ходок.

— Ах ты, старая сволочь! — генерал наотмашь хлестнул старика по лицу. — Расстрелять!

Толпа обмерла. Неужели? Солдаты подхватили старика и поволокли из школы. Упал костыль. Дед едва успел сказать: «Прощайте, мужики». Возле крылечка грохнул залп.

— Тэ-эк-с, — с удовлетворением проговорил генерал, довольный неожиданным эффектом. — А теперь подайте-ка нам того негодяя. Капитан, где вы там?

Невысокого роста капитан с двумя солдатами втащили из сеней раненого партизана. Это был Влас, зять Сивухиных. Он с трудом держался на ногах. Голова его была обмотана окровавленной тряпкой.

— Партизан? — крикнул генерал.

Смерив генерала с головы до ног, Влас вдруг усмехнулся.

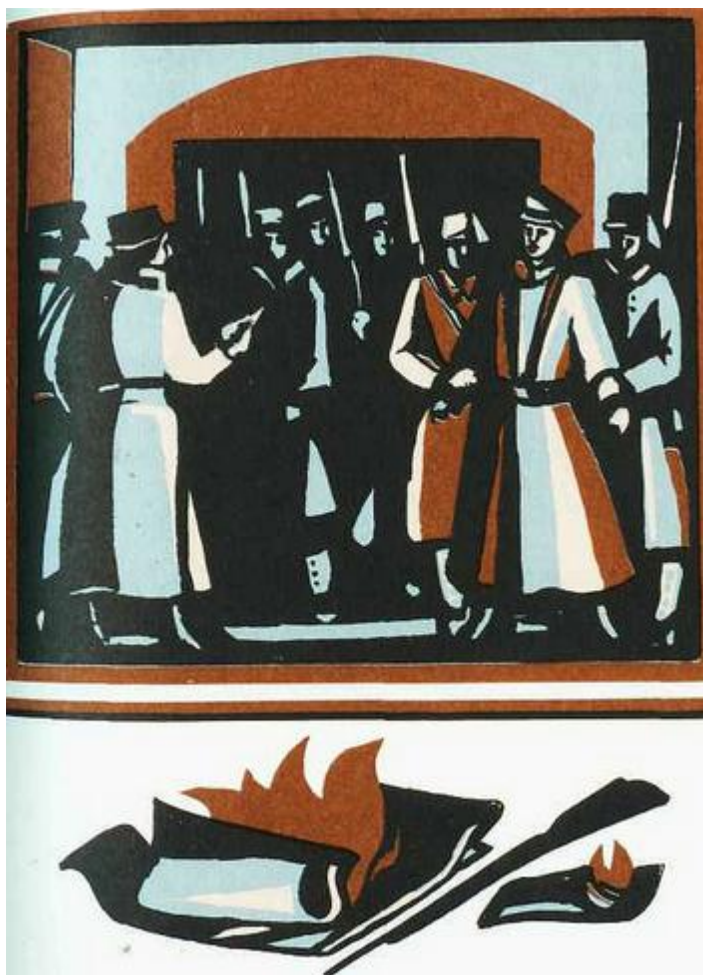
— Не совсем так, ваше превосходительство. Сначала я большевик, а уж потом партизан. Так будет точнее.

Дерзкий ответ бывшего солдата привел генерала в бешенство. Но он сдержал себя и слащаво, издеваясь, проговорил:

— Тогда сделаем так, голубчик. Сначала из тебя выбьют партизанство шомполами, а потом... Впрочем, сначала шомпола. Капитан, а ну-ка!

Раненого бросили на лавку, двое казаков сели ему на голову

и на ноги, а двое принялись орудовать шомполами. Палачи действовали остервенело. Брызгала кровь, кожа летела клочьями. Бедная Клава, жена Власа, свалилась на пол без памяти.

— Тэк-с, довольно. Жив еще? Прекрасно. За партизанство он получил. А вот за большевизм... Капитан, вы меня поняли? Приступайте.

На лице капитана выражалась повседневная скука. Он вытащил шашку из ножен и равнодушно попробовал острие пальцем. Через минуту человек лежал в луже крови.

В толпе раздались взвизги, какая-то женщина, закрывая глаза ребенку, выбралась из школы и побежала прочь.

— Следующего! — распорядился генерал. Втолкнули Тимошу со связанными за спиной руками.

Генерал, закуривая, насмешливо глянул на него.

— А, нейтралитет!

Образовалось и не спешило растекаться облако душистого дыма. Генерал, покуривая, наслаждался обреченностью жертвы.

У Паршиных, отца и сына, были бледные, обморочные лица. Ни тот ни другой такой свирепости не ждали. Ну, арестуй, ну, пострадай, ну, выпори как следует в конце концов, а ведь это же страх божий! На кровь, на изрубленного Власа они старались не глядеть.

Поколебавшись, Мишка Паршин униженно обратился к капитану, проговорил что-то ему на ухо. Тот сначала не понял, потом равнодушно кивнул на дверь в сени. Мишка обрадованно выскочил и скоро вернулся, вытирая губы и хрустя огурцом. У конвойных солдат ему удалось разжиться стаканом самогона. Глаза Мишки заблестели, он ободрился, боязнь и тошнота пропали.

Без очков Тимоша близоруко щурился на Паршиных и с поздним сожалением покачивал своей ученой головой. Сколько раз Петро Сивухин предлагал «прижать паразитов к ногтю»! Не слушал, никого не слушал. Одним только налогом и допек. Дрянью людишки оказались, об таких неохота и сапог вытирать... И еще вспомнился Тимоше пророческий страх Лукерьи. Узнав о карательном отряде, она схватилась за щеки и помертвела. Ох, недаром всю неделю собака ямы рыла да самовар шумел на разные голоса!

Мишка Паршин снова принялся что-то шептать вытиравшему клинок капитану, тот его с недовольным видом отстранил. Он следил за генералом, ожидая приказаний.

— Ну-с, — произнес генерал, играя голосом, — служить верой и правдой намерен?

Тимоша выпрямился, расправил плечи.

— А сколько времени служить?

Усмехнувшись, генерал пустил густой клуб дыма.

— А тебе что — некогда?

И тогда Тимоша, сознавая, что ему представился последний случай как-то загладить свою вину перед убитыми в бою и зарубленными, замученными мужиками, громко и отчетливо проговорил:

— Боюсь, твое благородие или там превосходительство, что не успею послужить. Придут наши и живо вам дух вышибут!

Не дожидаясь приказаний, капитан деловито отстранил Мишку и подступил к арестованному. Достав нож, он неторопливо разобрал на его лице свесившиеся волосы. Лоб Тимоши оказался необыкновенно белым, чистым. Несколькими взмахами возка капитан начертил на лбу председателя небрежную пятиугольную звезду. Кровь полилась Тимоше на

глаза.

Весь день, едва его связали, он испытывал постоянную боль и все силы употреблял на то, чтобы не показать своих мучений. Его терпение разозлило истязателей, и в этом Тимоша нашел неожиданное удовлетворение. С того момента, когда он догадался об исходе своей судьбы, он неузнаваемо преобразился.

— Ты зверь зоологический, а не человек! Зверь! — из последних сил выкрикнул Тимоша кутившему генералу.

Пьяненький Мишка Паршин возмущенно всплеснул руками от такого нахальства. Ну не блажной? Не понимает, что ли, на кого он горло-то дерет?

Не переставая курить, заволакиваясь клубами дыма, генерал прикрыл глаза.

После удара капитана Тимоша упал и стал с усилием приподниматься на руках, обильно поливая кровью грязный затоптанный пол.

— Вот гад, живучий какой! — удивился Мишка. Капитан прикончил умирающего коротким уверенным ударом.

Ночь карательный отряд провел в Светлом яре, а утром выступил на Гордеевку.

Кровавый след оставили каратели в деревнях Казанке, Хмельницкой, Фроловке. пытки, расстрелы, шомпола... В Хмельницкой в довершение всего солдаты облили керосином всю муку в амбарах.

Имя генерала Смирнова наводило ужас на деревенских жителей. Его именем матери стали пугать детей.

Протест трудящихся Сучанской долины против действий карателей дошел до консулов. Американцы, для отвода глаз, создали специальную комиссию во главе с офицером. Комиссия записала показания свидетелей, сфотографировала жертвы расправы. Американский офицер, вернувшись во Владивосток, заявил генералу Грэвсу, что в дальнейшем отказывается от подобных поручений: картины зверств настолько ужасны для цивилизованного человека, что не исключено, будь на его месте другой офицер, он там же, в Сучанской долине, перешел бы на сторону восставших.

Напрасно карательные экспедиции, устрашая население мятежных деревень, надеялись, что оцепенение от страха останется надолго, навсегда. Однако кровавые расправы убили даже в самых мирных и благонамеренных всякую надежду на «Учредиловку», на справедливость. Ждать от генералов справедливости было напрасно. За справедливость следовало бороться.

В начале марта девятнадцатого года во Фроловке состоялся съезд партизанских командиров. Собралось человек сорок. Забота у собравшихся была одна — наладить организованную борьбу, создать против захватчиков единый фронт. Временный военно-революционный штаб (Ревштаб) Ольгинского уезда был назван партизанским правительством. В нем были отделы: военно-оперативный, связи, снабжения, следственный, финансовый, национальный, печати, административный. Были организованы также госпиталь и трибунал. Командующим партизанскими войсками назначен Николай Ильюхов.

Вскоре после съезда вышел первый номер газеты «Партизанский клич». Пять страничек плохой серой бумаги были отпечатаны на машинке. Стала выходить корейская газета «Наша жизнь».

Забот у партизанского правительства с первого же дня оказалось выше головы. Помимо боевой подготовки войск Ревштаб решил наладить торговлю с Маньчжурией и конечно же подготовиться к весеннему севу. Весна в том году выдалась ранняя, дружная. Снег сошел не только в долинах, но и в тайге, в глубоких падах, на берегах рек. Рабочих рук не хватало, мужское население ушло в отряды. Создалась угроза сокращения посевных площадей. Этого не следовало допускать. Организацией весеннего сева занялась чрезвычайная тройка, назначенная правительством.

«Весна 1919 года — это первая весна нашего восстания за дело Советов. Пусть эта весна будет и первой весной борьбы за партизанский хлеб. Засеем все поля. Создадим запасы хлеба в зоне восстания».

На поля вышли женщины, дети, старики. Чрезвычайная тройка распорядилась отпустить на время сева часть партизан.

Как-то днем, оставшись один, Сергей Георгиевич сидел за столом и штудировал книгу Ичикавы «Этика японцев». Время от времени он открывал записную книжку и вносил туда три-четыре строчки. Сбоку под рукой лежала целая стопка книг — вчера Ольга принесла из библиотеки. Неожиданно стукнула входная дверь. Сергей вскинул голову и обернулся. Кто бы это мог быть? Хозяин? Рановато. Ольга? Тем более рано... Дверь приоткрылась, заглянуло знакомое лицо. Меркулов! Что-то, видимо, случилось. Этот человек зря не придет.

— К вам гости, — объявил Меркулов и быстро огляделся. — Можно?

— Кто?

— Сейчас увидите, — загадочно ответил Меркулов и вышел.

Сергей бросился к окну. Через двор устало шел грузный человек с пышной шевелюрой. По походке, по беспорядочной прическе, по густым усам вразлет Сергей узнал Губельмана. Прошлой весной они встречались на станции Адриановка, перед наступлением на Оловянную.

Губельман приехал комиссаром Владивостокского отряда. С тех пор они не виделись.

Сергей обрадовано бросился навстречу.

— Дядя Володя! Какими судьбами?

Утомленный дорогой, Губельман плюхнулся на табуретку. По его словам, контроль по всей железной дороге немыслимый, документы разглядывают чуть ли не на свет, вжуются к любому пустяку.

— Ты знаешь, что придумали японцы? Установили вдоль железной дороги нейтральную полосу. Но полоса эта только против нас. Белогвардейская сволочь чувствует себя на этой полосе отлично. Им же обеспечено покровительство японцев! Ну не свинство ли? Придется с ними говорить по-нашему. Не хотят понимать человеческих отношений — пускай пеняют на себя!

У Сергея Лазо от удовольствия морщились губы: Дядя Володя несколько не изменился, оставался таким же бурным, деятельным, непримиримым.

Неожиданно Губельман оборвал рассказ и хлопнул себя по коленке.

— Собирайся, — заявил он. — Мы тебя забираем к себе, на зимовье. Выедем вечером дачным поездом. Сойдем на двадцать шестой версте, а дальше, к сожалению, придется идти на своих двоих. Мне надо немного отдохнуть. Что-то стали побаливать нога, черт бы их подрал!

Из стопки книг он взял в руки верхнюю и хмыкнул: «Курс артиллерии» Будаевского. Под ней лежали «Воспоминания офицера генерального штаба и командира полка о русско-японской войне».

— Я вижу, ты время не теряешь, — заметил он.

На взгляд Губельмана, бывший командующий изменился неузнаваемо. Ну, прежде всего густая окладистая борода, совсем скрывшая крепкие юношеские щеки. За несколько месяцев после Урульги Сергей Лазо постарел лет на десять. Все ли у него в порядке со здоровьем? До Лузинского ущелья, на зимовье, доходили слухи о простуде, о болезни почек. Судя по глазам Лазо, он не совсем здоров. Но все равно, необходимо забирать его отсюда.

Остаток дня они проговорили о делах. У себя на зимовье они были хорошо осведомлены о положении в крае. Губельман

сердился: во Владивостокском подпольном центре споры, бесконечные дебаты...

— Все делается сейчас там! — широким жестом он указал куда-то за окно. — Ты слышал о Майхинском рейде партизан? А о сражении у Перетино? Правда замечательно? — Ну, я рад, что ты тоже так настроен! наших болтунов надо совать носом. Совать и совать! Ты знаешь, что они втихомолку посылали во Фроловку своих эмиссаров? Ну как же! Хотели уговорить народ отказаться от борьбы. Ну не свинство? Мне стыдно. Понимаешь: стыдно! Люди воюют, а мы... Вот увидишь, мы досидимся до того, что партизаны без нас, без нашей помощи придут с оружием в руках сюда, во Владивосток. С какими глазами Мы выйдем к ним навстречу?

Помолчав, он вдруг вспомнил о самом важном.

— Ты знаешь, они создали настоящее правительство. Так ведь додумались же, черти, объявить войну всем государствам-интервентам! Возьми Шевченко... Лев! Орел! Но — вольница! А чем это может кончиться, сам знаешь. Как только в тайге подсохнет, японцы и американцы обрушатся всей мощью. И это будут уже не карательные отрядики, это будут настоящие войска. Нет, нам надо торопиться. Кое-что еще можно успеть поправить. Они сами просят нас прислать им народу потолковее. Я уж тут прикинул. У нас есть замечательные ребята, молодежь. Саша Булыга, Игорь Сибирцев... Есть группа девушек. Всех надо бросить на политрабату. Самое больное место у партизан — политработа.

Лазо заметил:

— Но с корейцами-то это правительство... толково! Землей бесплатно наделило!

— Это — да, — подтвердил Губельман. — Корейское население сейчас на нашей стороне. Создано несколько рот, и воюют, надо признаться, превосходно. Однако имей в виду вот что...

И Губельман рассказал, что совсем недавно в Шанхае объявилось какое-то эмигрантское корейское правительство во главе с неким Ли Сын-маном. Этот шустрый Ли объявил, что намерен создать Великую Корею, включив в ее состав русские Приморье и Приамурье.

— Ничего масштабик? — усмехнулся Губельман. — Как сам догадываешься, хорохорится он не в одиночку. Кто-то обязательно за спиной.

Затем он снова вспомнил о пресловутой нейтральной полосе вдоль линии железной дороги. Охрана «нейтралки» осуществлялась в основном американскими войсками. Однако, не

подпуская, к «нейтральной зоне» партизан, интервенты разрешали бесперебойно перевозить белогвардейские войска и боеприпасы. Ревштаб потребовал распространить запрет и на колчаковцев. Иначе нейтралитет «союзников» выглядел фальшивым. От американцев пришел уклончивый ответ: они-де всего лишь партнеры в межсоюзнической комиссии по транспорту и самостоятельное решение по такому важному вопросу принять не могут. «Что ж, тогда придется принять решение самим!» И отряд Петрова-Тетерина, устроив засаду, обстрелял эшелон с колчаковскими войсками, подходивший к крупной станции Шкотово. Американские солдаты, охранявшие эшелон, рассыпались в цепь и открыли огонь. В завязавшемся бою был убит начальник шкотовского гарнизона полковник Москвин. Разумеется, жертвы были и у американцев — в бою пуля не смотрит, кого бьет... Отношения партизан с «союзниками», таким образом, окончательно испортились.

В сенцах кто-то затопал. Это пришел с работы хозяин. Губельман беспокойно глянул на Сергея.

— Так, мне, значит, уходить? Жалко, черт! Хотелось с Ольгой повидаться. Как она? Ничего? — Он помялся. — Кого ждете? Желаю сына!

— Нет, я хочу девочку, — застенчиво признался Сергей.

— Ну-у! — протянул Губельман, раскинул руки и больше ничего не добавил.

Взяв под мышку рулончик бумаги (заказчик приходил за чертежами), он ушел. Встретиться они договорились вечером на вокзале.

В середине апреля девятнадцатого года во Владивостоке собралась нелегальная партийная конференция Дальнего Востока. Готовились к ней тщательно. В Лузинском ущелье, на зимовье, решили так: дать последний бой тем, кто по-прежнему продолжает запугивать неминуемым поражением.

Уже четыре месяца население Сучанской, Цемухинской и Майхинской долин самоотверженно бьется с интервентами и белогвардейцами. Силы восставшего народа настолько возросли, что колчаковцы уже не рискуют вступать в открытые бои с партизанскими отрядами, они прячутся за спинами интервентов и блокированы в больших городах.

В большой землянке на зимовье, в «таежном дворце», как называл свое убежище Сергей Лазо, получили копию последнего приказа Николая Ильюхова.

«Банды Колчака, разбитые доблестными партизанскими частями, ушли восвояси, потеряв надежду на уничтожение наших

отрядов. Ольгинский уезд совершенно очищен от разбойничьих отрядов. Теперь некому вас, товарищи крестьяне, отрывать от ваших хозяйственных работ. Никого здесь нет, в ваших деревнях, поэтому предлагаю быть спокойными и приняться снова за свои работы, памятуя, что мы не разойдемся до тех нор, пока не завоюем окончательно свободу, и будем охранять вас.

Честные борцы за идеалы свободы, ваши сыновья, до конца будут стоять на страже завоеваний революции».

Ночью Губельман проснулся от света коптилки. Топилась печка, Сергей Лазо в накинута на плечи полушубке согнулся с книжкой к самому огню. Под рукой у него лежал блокнот с записями. Губельман знал, что это за книга: В. И. Ленин. «Удержат ли большевики государственную власть?» Перелистывая страницу, Сергей покосился на спящих товарищей и увидел спокойные серьезные глаза Дяди Володи. Он обрадовался собеседнику и, отложив книгу, крепко потянулся.

— Поразительно, как далеко умеет видеть Ленин!

— Ты бы уснул, — посоветовал Губельман. — Завтра иди.

Присев на корточки, Сергей принялся мешать угли в печке.

— Хорошая печка, — сказал он. — Даже жалко бросать.

Обитатели зимовья решили уже не возвращаться в свою землянку. Независимо от решения конференции все они отправятся в район восстания. Сейчас их место там.

Губельман и Лазо стали вполголоса совещаться. Самый короткий путь из Владивостока во Фроловку вел через Шкотовскую долину. Но там проходит железнодорожная ветка, и от станции Угольной до самого Сучана стоят войска. Появляться в тех местах опасно. Оставался путь кружной, но более надежный: через Уссурийский залив, на шаланде. Пристать к берегу лучше всего в деревне Петровке. Там находится штаб Петровского партизанского отряда. Оттуда до Фроловки останется не так уж далеко.

Конференция во Владивостоке получилась на удивление многолюдной: в город удалось пробраться представителям Приморья, Амура, Забайкалья, Приамурья и КВЖД. Люди не даром проделали сотни верст, не считаясь ни с какими опасностями. В последний день, перед самым началом конференции, связные доставили еще одного человека. Он предъявил мандат уполномоченного Центрального Комитета РКП (б). На него уставились во все глаза: из самой Москвы! Интересно, с какими указаниями он прибыл?

Московский гость попросил слова. Установилась гробовая тишина. Человек, с большим трудом пробравшийся через

колчаковский фронт, принялся рассказывать, что делается в Советской России. Республика переживала тяжелые дни. Окреп Колчак, еще не разбит Юденич, полон сил Деникин. Над Республикой Советов нависла смертельная опасность. Наибольшую угрозу представляет Восточный фронт. В первую очередь надо во что бы то ни стало разбить Колчака. Несмотря на тяжелейшее положение, страна продолжает жить боевой, напряженной жизнью. В условиях полной блокады и бесчисленных фронтов создается двухмиллионная регулярная армия во главе с опытными командирами. Однако со счетов не сбрасывается и партизанское движение. Врага нужно бить любыми средствами. Поэтому едва ли требуется доказывать, какое значение приобретает в такой борьбе Приморье, являющееся тылом Колчака. Ни о каком свертывании партизанского движения не может быть и речи. Наоборот, активнейшая поддержка, помощь восставшим районам всеми имеющимися средствами.

С горячей речью на этой конференции выступил Лазо:

— Надо разрушать колчаковский тыл, отвлекать силы белогвардейцев и интервентов на себя. Белобандиты будут разгромлены! Мы сделаем Дальний Восток неприступным для врагов!

Сразу после конференции в Сучанскую долину отправилось несколько групп молодых подпольщиков. Именно об этих ребятах недавно говорил Губельман. Следом за ними тронулись в путь партийные и военные работники: Сергей Лазо, Шумятский, Раев, Губельман, Певзнер.

Раздвинув ветки боярышника, Сергей Георгиевич глянул вниз, на реку. По спокойной блистающей поверхности воды бесшумно скользила узенькая лодочка. На носу оморочки стоял рыбак в меховой тужурке, с непокрытой головой. Взмахнув рукой, он изо всей силы пустил острогу в воду. Древко исчезло, но гольд обеими руками ухватился за тонкий шнур. Рыба могла сорвать трезубец с древка, но крепкая бечевка все равно не позволит ей уйти. Спасения рыбе нет. Неторопливо выбирая шнур, гольд подвел добычу к своей оморочке и оглушил ее ударом колотушки по голове.

— Значит, близко стойбище, — проговорил за спиной Лазо внимательно смотревший Губельман. — Зайдем?

— Пожалуй, не стоит. Зачем лишние глаза? Я не сомневаюсь, что нас уже и без того заметили.

Плавание через Уссурийский залив едва не закончилось трагически. Шаланда неожиданно чуть не наскочила на японский

миноносец. Помог густой туман: отчаянно работая веслами, подпольщики погнали шаланду к берегу и отстоялись в непроглядном тумане... Самая опасная часть путешествия сошла, таким образом, благополучно. Теперь оставалось добраться до Фроловки. И все же Сергей Лазо не забывал об осторожности.

В тайге, казалось бы совершенно безлюдной, человек все равно не мог исчезнуть без следа. Примятая трава, сломанная веточка, небрежно брошенный окурок, пепелище потухшего костра рассказывали опытному таежнику красноречивей всяких слов. Товарищи Лазо, вместе с ним пробиравшиеся из Владивостока в район восстания, понимали это так же хорошо и поэтому согласились обойти стойбище гольдов стороной. А так хотелось поесть свежей рыбы и выспаться без комаров в дымной глиняной фанзе!

Располагаясь на ночлег, огня не разводили и поужинали всухомятку. Певзнер, хорошо знавший здешние места, уверял, что идти оставалось совсем мало, завтра вечером они должны добраться до Фроловки. Там их уже наверняка ждут. Двумя днями раньше туда из Владивостока отправилась группа молодежи: Игорь Сибирцев и Саша Фадеев с товарищами. Они предупредят. Лазо и Губельман хотели, не теряя времени, встретиться с Николаем Ильуховым. Разговор предстоял деликатный. По существу, партийный центр посылал Лазо военным руководителем. Ему обязаны подчиняться командиры всех партизанских отрядов. Такой решительный шаг диктовался жизненной необходимостью. В борьбе с врагом наступал новый этап. Впервые за все время гражданской войны в Приморье командующий назначался, а не выбирался. Во Владивостоке знали, что изжить до конца элементы партизанской вольницы пока не удавалось. Один Гавриил Шевченко чего стоил! Отважный и искусный командир, беззаветно преданный боец, а ничьего постороннего вмешательства в дела своего отряда не выносит. Сергей Георгиевич не сомневался, что на первых порах трудно будет подчинить, а вернее, убедить, перевоспитать таких, как лихой, бесстрашный Шевченко.

Опытный каторжный «зубр», Губельман умел ценить каждую мелочь. Он быстро спустился к речке, простирнул портянки и развесил их сушить. Ходить по тайге неимоверно трудно. Дорог нет, чаща, завалы, знойный воздух не колыхнется. Вдобавок у каждого за плечами по тяжелому мешку. Таежному мешку Лазо завидовали все товарищи, и он с нежностью вспоминал Ольгу, накрепко пришившую удобные лямки.

Из глубины леса послышался отрывистый собачий лай. Никто из отдохавших не повернул головы. Все знали, что это

заливается гуран — горный козел. Дурачок, докричится — попадет в лапы хозяину тайги, тигру... Пощупав портянки, Губельман снял их с ветки и принялся наворачивать на тело. Старый тюремный способ — сушить портянки на себе. Шумятский, ковырясь в сапоге, по обыкновению негромко напевал, а Певзнер, маленький, с огромной рыжей бородой, продолжал спорить с Раевым. Спор они затеяли, едва покинули Владивосток. VIII съезд партии, состоявшийся в марте, много внимания уделил созданию регулярной Красной Армии. Певзнер считал, что идеальным решением вопроса является такая постановка дела, когда армия как бы сольется с нацией. Раев возражал — партизанщина не надоела?

— Вот мы сейчас придем во Фроловку и ты увидишь, увидишь! Это, брат, такая вольница...

Внезапно прекратилось мурлыканье Шумятского, и Певзнер замер на полуслове и в изумлении поворотил огромный веник своей бороды. На поляну, не замечая притихших людей, шумно опустилось несколько пар грациозных птиц — японских журавлей. Сложив крылья, они выстроились кругом и некоторое время о чем то толковали, затем принялись шуметь, подскакивать, взмахивать крыльями. Угомонившись, птицы очистили площадку, и туда вышли два журавля. Парочка прошлась, остановилась один против другого и закивала, изгибая шеи, головами, тот и другой стали приседать, подскакивать, взмахивать крыльями. Остальные одобрительно следили за этим танцем и как будто переговаривались между собой. Уставшую парочку тут же сменила другая. Танцы продолжались долго, до глубоких сумерек. В наступившей темноте птицы: вдруг резко закричали и взлетели шумной беспокойной стаей. Очарованные трогательной картиной бесхитростного птичьего счастья. люди долго молчали. Наконец Раев тихо произнес:

— Весна...

Задумавшись, Сергей Георгиевич смотрел вслед улетевшей стае, туда, где меркло, потухало небо между соснами. Губельман, покосившись на него, негромко произнес:

— Всю жизнь завидовал семейным людям. Помнишь Кларка? — Он помолчал и добавил: — Но твоя Ольга тоже молодец.

На днях она должна была рожать и, конечно, волновалась, однако проводила их в дорогу бодро, просила мужа напрасно не беспокоиться. Если что, она тут не одна, товарищи помогут.

В сгущавшейся тьме в тайге начиналась своя ночная жизнь. Равномерно поскрипывал козодой, из-за реки, как видно с болота, доносился дребезжащий, похожий на барабанную трель голос

водяной курочки, звонко посвистывала камышовка...

Поздно ночью спящих людей разбудил густой утробный рык, стелющийся по земле. Это вышел на охоту тигр. Роса уже щедро обдала траву, деревья. Губельман поднял голову и посмотрел на звезды. Один ус у него смялся и смешно торчал. Он поглядел на скорчившихся от холода товарищей и зычным голосом старосты тюремной камеры политкаторжан скомандовал:

— Подъ-ем! Кон-чай ночевать!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— А теперь угостите-ка, братцы, кто табачком богатый, — попросил увешанный оружием детина, оборвав рассказ на самом интересном месте. Он приехал утром из-за хребта вместе со знаменитым Гавриилом Шевченко, — как видно, ординарец. Сам Шевченко, не задерживаясь, прошел в школу, в штаб, детина огляделся и подсел к партизанам, греющимся на раннем солнышке. Слово за слово — разговорились.

Угощать рассказчика не торопились. Табаку у партизан была хроническая нехватка. Подмешивали высушенные листья, сухой навоз. Известно, без хлеба еще можно потерпеть, без курева же — никак.

Появившись, слушатели полезли за кисетами.

Кинув взгляд на тощие крестьянские кисеты, детина презрительно фыркнул:

— Бедно живете. Мои будем курить.

Щегольским жестом он вынул из кармана нарядную коробку городских папирос. Партизаны обомлели, не поверили глазам. Настоящие! Забыли уж, как и выглядят... Наслаждаясь произведенным эффектом, детина не спеша обнес всех. Последним робко взял папиросу мужичонка в собачьей шапке. Закурив, он от наслаждения закрыл глаза, сморщил личико и с чувством произнес:

— Совсем другой вкус!

— М-да-а... — протянул детина, весь заволакиваясь дымом. — Так вот я, значит, вам не договорил. Подходим мы. Домище огромный, до окошек не достать рукой. Света — ни в одном. Гаврила наш мигает мне: «А ну-ка, Митрий!» Дело понятное. Я сразу — маузер и — рукояткой в двери. Наши все сзади. Ждем... Слышу, наконец того, кто-то скребется. Открывают дверь — старушка, свечку держит. «Вам кого?» И загоразливает. Ах ты, зараза! Спихнули мы ее культурненько, идем. Ага, тут столовая, тут кабинет... наконец того, спальня. Глядим, лежит почтенный господин, в жилетке, одна нога разутая, другая в сапоге. Нюхнули мы его — пьяным-пьянехонек. Ну, наш Гаврила не дурак: сразу ему к носу маузер. Чуешь, мол, чем пахнет!

— Гы-ы! — радостно взвыли двое или трое слушателей.

— Сразу протрезвел! Сел, жилетку на себе одернул. Гаврила приступает. «Хозяин?» — «Самый он». — «А денег, спрашивает, почему рабочим не даешь?» — Молчит, моргает. Гаврила огляделся. «Сейфа эта ваша? Ключи, пожалуйста». Порылся, достает. Открыли мы, братцы-ы, а там... — рассказчик выдержал

торжественную паузу, — видимо-невидимо. Тыща на тыще лежит! Понятное дело, покидали все в мешок. Знал, сволочь, что с нашим Гаврилой лучше не связываться. Наш Гаврила самого атамана Калмыкова чуть не достал. Еще бы малость, и валялся бы атаманишка без головы...

Слушатели, бережно докуривая папиросы, с усмешкой прятали глаза. Отчаянность Шевченко была известна всем. Но в то же время за знаменитым командиром водились и грешки. Зря ординарец так уж распинался, нахваливая доблесть своего Шевченко!

— Что говорить! Гаврила — человек известный, — согласился партизан с подвязанной щекой. — Но только кому это в прошлом месяце под Шкотовом наклали в хвост и в гриву?

Порхнул смешок, слушатели замерли в ехидном ожидании. Самонадеянный Шевченко рискнул недавно совершить налет на сильный гарнизон станции Шкотово, нарвался на такой отпор, что вынужден был в беспорядке отступить.

Небрежным щелчком детина отшвырнул недокуренную папиросу.

— Наклали! Еще не родился человек, который накладет Гавриле. Болтаешь сам не знаешь что.

Дымящийся окурок папиросы так и притягивал. Добром швырнется, форсит!

— Так Шкотово вы взяли или нет? — с коварным простодушием осведомился партизан.

Нож в душу, вот чем был такой вопрос для ординарца!

— Ты это брось! Хаханьки строить? А где вы были. Почему не помогли?

В притворном ужасе партизан хлопнул себя по коленям.

— Помочь? Кому? Гавриле? Ты это о чем болтаешь парень? Смотри, услышит сам — греха не оберешься. Ты своего Гаврилу знаешь!

Ординарца словно дернуло — с таким испугом оглянулся он на окна школы, Партизаны прыснули. Ну, вышколил же их Гаврила!

Детина стал вызывающе оглядывать обидчика с головы до ног. Тот дружелюбно рассмеялся.

— Не кипятись, не кипятись. Но только я тебе вот что скажу. Богатеньких трясти большого ума не требуется. Воевать-то когда приметесь по-настоящему?

— Чья бы корова мычала! — возмутился ординарец. — Позакопались тут, отъелись. Гладкие, как боровы какие! А мы...

Пальцем в грудь партизан спокойно остановил взбеленившегося ординарца.

— А кто на побережье не пришел? Ждали вас, ждали. Нас там колошматят, а вы старух пугаете.

— У нас свой план. Понятно? Указчиков не надо! А то, я гляжу, у вас тут много расплодилось всяких... Всех не переслушаешь!

— Вот я и говорю: теперь маленько сократитесь. Из Владивостока вон народ прислали. Специально для таких, как вы. Лазо тут. Понял?

Детина усмехнулся.

— Погоди пужать. Ты еще нашего Гаврилу не знаешь.

На школьное крылечко вышла кореянка с гладко причесанной, как будто лакированной, головкой. Несколько корейцев, сидевших на корточках возле забора, разом поднялись. Кореянка принялась раздавать им пачечки бумаг — самодельную газету «Наша жизнь». Пряча бумаги глубоко за пазуху, корейцы отправились по своим деревням.

Детина небрежно продолжал:

— Ну, слышали мы про него, слыхали... Только верно ли про него говорят, вот о чем сказ...

Партизан с подвязанной щекой кряхтя поднялся и подобрал окурок папиросы. Оглядел его, раскурил и, как бы прислушиваясь к вкусовым ощущениям, с мечтательной улыбкой помолчал.

— Ты еще темный про Лазо судить. Я понимаю — тебе обидно. Вон ты какой герой! Но... лучше не надо. Ты знаешь, как мы брали Оловянную, а потом через Онон переправлялись? Э-э, а говоришь! Положение такое, что и Наполеон в башке начешется. А наш только глянул — и все сразу ясно. Но главное не это. Главное другое. Ты слушай, слушай! Бои-то какие шли... А сколько, думаешь, убитых? Ну, два, ну, три. И — все! А это, брат, надо суметь. Это тебе не старух трясти.

Детина фыркнул:

— У нас вообще убитых нету!

— Откуда же им взяться? Старуха свечкой забодает?

Грохнул дружный смех. Ординарец вскочил, стал растерянно озираться. Партизан с подвязанной щекой потянул его за полу, посадил.

— Ах, Еруслан ты, как я погляжу! Сядь, закури теперь нашего, самодельного. Мужики, дайте кто-нибудь ему. Не обеднеем... Егор, — позвал он вдруг. — Эй, Егор-ша! Иди-ка сюда, друг! Сюда, говорю, иди! — крикнул партизан и пояснил детине: — Он у нас маленько недослышит. Одно ухо вроде ничего, а другое — ну никак. Вот и приходится орать.

Шаркая лаптями, подошел длинный нескладный парень и застенчиво уставился на партизана с подвязанной щекой.

— Егор, ну-ка покажись вот человеку... Покажись, покажись, — прибавил он, заметив, что парень засмутился. — Пускай посмотрит!

Здрав рубаху, Егорша показал чудовищно изодранную спину, всю в кровавых запекшихся рубцах. Дитина отшатнулся и присвистнул.

— Мас-тера! Дайте, мужики, еще. Хоть затянуться на разок!.. И кто же это у вас тут геройствовал? Не генерал Смирнов?

— Он самый.

— Был и у нас слух про него, имелся... Ну, гнида, пусть лучше не попадается! — дитина сжал пудовый кулачище и погрозил.

— Это еще милость, — невесело заметил партизан в кожаной тужурке. В таких тужурках, на зависть всей деревне, щеголяли недавние шахтеры, вернувшиеся с Сучанских копей. — Ну, что только выпороли и отпустили. Других вон свежевали прямо на глазах.

Лихорадочно затягиваясь табаком, ординарец словно глушил в себе какую-то затаенную боль.

— Ну хорошо, — сказал внезапно он. — А кто-нибудь из вас этого самого Лазо в глаза видел?

Партизаны изумленно загудели.

— И не только видал, а и разговаривал, — заявил партизан с подвязанной щекой. — Да и ты еще увидишь. А может, даже и поговоришь.

— Какой он из себя? Парнишка, говорят, совсем. Из офицеров, что ли?

— Сам ты офицер! Встречали мы его. Сам мешок тащит, с палочкой. За руку с каждым. Со мной вот, с ним...

Мужичок в собачьей шапке радостно подтвердил:

— Вот этой самой что ни на есть рукой!

Ординарец скептически оглядел его, даже шапку с глаз приподнял.

— Не веришь? — смеялся тот, и маленькое личико его веселилось всеми мелкими морщинами. — Я тебе сейчас больше скажу. Егор! — позвал он. — Иди скорей сюда. Чего ты прячешься? Ходи гордо. Егор, а ну-ка Расскажи, о чем с тобой Лазо поговорил!

Вконец смутившись, Егорша что-то пробормотал и спрятался за спинами.

— Он у нас не говорок, — разливался мужичок в собачьей шапке. — В год если скажет слово — хорошо. А Лазо его спросил: ты, говорит; наверно, к детям хорошо относишься? Правда, правда! Только глянул на него — и сразу: ты, говорит, наверно, к

детям хорошо относишься? Егор, а ты-то что ему сказал?

— Да ничего он ему не сказал, — оборвал мужичка партизан с подвязанной щекой, недовольный, что тот влез и перебил его рассказ.

— Не-ет! — ликовал мужичок и грозил грязным пальцем. — Егор тоже ему сказал. Он, брат, у нас... Ты не смотри, что он такой. Он, брат...

— Не балабонь, дай досказать-то! — оборвал ординарец. — Хорошо бы, братцы, с этим Лазо поговорить. К себе он, говорят, как камень, а к товарищу навроде няньки, мягонький. Себе ничего, а другим последнее с себя отдаст. Для людей всю землю исходил... И слова у него, говорят, самые простые. Что ни слово, то про самое нужное. Он, сказывают, любого дурака за один раз умным делает. Кто его разок послушает, тот прямо не узнать становится. Просто новый человек делается!

— Это ты правильно заговорил, а то — «слышали мы про него...» — одобрил партизан в тужурке. — У Лазо и товарищи хорошие при нем. Один еще ту революцию делал, что после японской была. Ну и другие тоже. Которые по книжкам, а которые по людям обучались революцию делать. Польза от них большая.

— Так разве одному управиться! — ввернул мужичок в собачьей шапке. — Разве хватит одного на всех?

Ординарец продолжал:

— Говорят, у него от самого Ленина похвальный лист.

— Именно, — подтвердил партизан с подвязанной щекой. — Нам таких вождей и надо! Духу чтоб простого, но с образованием. Пусть сидит и думает, как дело повернуть.

— Молодой вот только. Постарше бы не мешало, — высказался ординарец.

— Это ничего, что молодой. Зато слушаются, как отца. После того как мы их встретили и поздоровались, Лазо свалил мешок с плеча и с мужиками сел. Ну, с нашими, с деревенскими. Вот тут же на завалинке и сели, где мы сидим. И так это он, знаешь, обходительно со всеми! По имени, по отчеству... Про пчел начался разговор. А у нас нынче липа цвела... ну прямо диво дивное! Меду будет хоть залейся. Так он вроде как пасечник какой: и про маток, и про взятки... всю ихнюю музыку назубок. Потом про скотину, про хозяйство разговор пошел — тоже! Наши, кто с ним толковал, души не чают. «Это, говорят, свой!»

— Скотина-то скотиной, — с сомнением высказался ординарец, — но тут ведь воевать придется. Гаврила сам мне говорил: японцы вскорости полезут, американцы, сволочь всякая. Прямо скажу: хороший офицер нам сейчас не помешал бы. Там же планы, карты всякие надо понимать! А что мы с вами? Даже

Гаврила наш. Карт мы этих натрофейничали много, а толку? Сядет он за карту, голову руками обхватит. Сидит, сидит...

— Ну, сравнил! Лазо любую карту подавай. Да я тебя, к примеру, так опрошу: вот если тебя случайным делом на базар свести, какая тебе цена будет?

Саженные плечи ординарца сами собой полезли вверх.

— При чем здесь я?

— Ну все-таки, если продать тебя?

— Болтаешь! Да нисколько. Кому я нужен?

— О! А за Лазо, за одну голову — миллион. Есть разница?

С недоверием детина посмотрел на партизана, на других соседей.

— Это кто ж такие цены устанавливал?

— Японцы, вон кто. А они зря денежки платить не станут.

Поколебавшись, ординарец снова полез за папиросами, достал коробку и предложил:

— Разбирайте, что ли. Больше нету. Это нам всего по коробке на брата и досталось.

Потянулось долгое молчание. Курили, смаковали, наслаждались. Внезапно из-за угла вынесся всадник, осадил коня возле самого крыльца, махом слетел с седла и исчез в штабе. Партизаны переглянулись.

— Срочный. Чей это, интересно? Не из глазковского отряда? У них там вечно колгота.

— Коня-то как загнал, — посочувствовал детина. — И куда гнал?

— Видать, приперло. Плачешь, а летишь.

Сбегая со ступенек школы, боец что-то прятал под подкладку фуражки. Ловко кинулся в седло, пригнулся, гикнул и снова безжалостно погнал коня.

— Ох, не глянется мне, когда начинают так летать! — проговорил мужичок в собачьей шапке.

— Пропал конишко, — вздохнул ординарец, глядя в ту сторону, куда умчался бешеный гонец.

Все выше поднималось солнце, пригревало, становилось жарко. Партизан с подвязанной щекой сказал детине:

— Твой-то, я гляжу, что-то не в духе прискакал. Видать, без охоты ехал?

Отвечать ординарцу не хотелось, но партизаны издали, смотрели на него во все глаза.

— Да ведь... само собой. Но с другой стороны — тоже интерес берет. Все уши прожужжали: Лазо, Лазо! А что за Лазо такой, толком и сказать никто не может. «Седлай, говорит, Митрий, съездим, поглядим. От нас, говорит, не убудет». Но

только я вам что хочу сказать? Он у нас карактерный. На горло — боже упаси! Перестреляются! А по-человечески — как воск.

— Что ж, — с удовлетворением заметил партизан, — тогда, видать, хороший человек.

Прихрамывая, опираясь на палочку, появился Сергей Лазо. Его заметили, уважительно замолкли, поднялись. Партизан с подвязанной щекой притушил окурок. Вместе с Лазо в школу направлялись два подростка: Саша Фадеев, белесый, веснушчатый, с большими оттопыренными ушами, и крепенький, похожий на бычка Игорь Сибирцев. Сергей Георгиевич вдруг остановился и заинтересованно повел носом.

— Что это вы курите, товарищи? — картавя, спросил он. — Аромат... даже забыть успел!

Держа руки по швам, ординарец польщенно усмехнулся:

— Трофей, товарищ Лазо. Американцев малость пощипали.

Смерив взглядом огромную фигуру ординарца, Лазо спросил:

— Как они в бою, американцы? Бить можно?

— Нормально можно, товарищ Лазо. Хорохориться вообще-то мастера, но, как только смерть в глаза глянет, мякнут сразу. Против наших им не устоять!

Кивнув на прощание, Сергей Георгиевич стал подниматься на крыльцо.

Ординарец тяжело задумался.

— А глаза у вашего Лазо... Боюсь я за Гаврилу, ох, боязно мне за него! А ну схлестнутся с Лазо? Карактерный же он у нас! Уж лучше бы нам не приезжать сегодня...

В школьном помещении торжественная обстановка: чисто, прибрано, впереди, у самых окон, для гостей составлены столы. Там уже рассаживались приехавшие из Владивостока. Эти столы сразу не поправились Лазо. Невольно получалось разделение: городские за столами, местные в зале. Походило на судилище, тем более что Ильюхов начнет совещание своим отчетом. Сегодня утром, благодаря хозяев за сердечную встречу, Сергей Георгиевич нарочно подчеркнул: «Мы прибыли в распоряжение Ревштаба». Поэтому рассаживаться следовало так, чтобы первый разговор получился доверительным, товарищеским.

Взяв табуретку, он сел перед столом, колени в колени с высоким человеком, державшим в руках выгоревшую артиллерийскую фуражку. Умница Губельман мгновенно догадался, вылез из-за стола и поместился на подоконнике раскрытого окна, как бы наслаждаясь свежим воздухом.

В настроении собравшихся чувствовалась робость перемежку с любопытством. Каждого из приехавших здесь знали

по фамилии, по подпольной кличке. Люди эти прошли суровую школу революционной борьбы. Они появились здесь как бы из другого, большого мира. Местные подмечали в гостях все: как сядет, как повернется и что скажет. Внимание привлекала личность Губельмана, поседевшего в тюрьмах и на каторге, вступившего в революцию еще в те годы, когда никто из местных и не помышлял брать в руки оружие. На Дальнем Востоке Дядя Володя считался старожилом. С владивостокским отрядом он выезжал на Забайкальский фронт громить Семенова, дрался на Гродековском фронте, чуть не погиб вместе с Сухановым. И вот этот легендарный человек сидит себе на подоконнике, ногой качает...

Присматриваясь к плотно набившимся в классную комнату партизанским командирам, Сергей Георгиевич безошибочно выделил Шевченко. Знаменитый партизан не стал вылезать в первый ряд, а поместился сзади всех, за спинами. На голове Шевченко брезентовая шляпа канадского стрелка с загнутыми полями, на руках перчатки. Нервничая, Шевченко то стаскивал их, то снова натягивал и громко щелкал кнопками. В нем заметно нарастало раздражение, вызванное тем, что с приехавшими, еще ничем себя здесь не проявившими, так «носятся» местные работники. Даже Ильухов, которого он в общем-то уважал за спокойную и осмотрительную смелость. Опытный фронтовик, Шевченко знал цену настоящей храбрости, не показной, и он не понимал, с какой стати Ильухов волнуется, словно молоденький прапорщик перед генеральским смотром. Подумаешь, городские! Ну, приехали, ну, поговорим...

Ильухову, спросившему, каким временем он располагает для доклада, Шевченко бросил, не утерпев:

— Покороче. Чего болтать? Воду толочь — вода и будет.

— Нет, нет, — живо вмешался Лазо. — Наоборот, я попрошу подробнее. Как можно больше подробностей, деталей.

— Нас интересует, — добавил с подоконника Губельман, — бой под Перетино.

— А бой на побережье? — выкрикнул с места Саша Фадеев и тотчас смутился, покраснел. Игорь Сибирцев что-то сердито ему выговаривал.

Маленький Певзнер, перебиравший пальцами в своей роскошной бороде, насмешливо скосил на юношей глаза.

— А что? — проговорил Лазо, кивнув в сторону Фадеева. — Товарищ Булыга прав. В самом деле, прекрасный бой. И вообще, очень, очень грамотно воюете, товарищи!

Среди собравшихся возникло оживление. На Фадеева уже поглядывали с одобрением. Возникшая заминка помогла

Ильюхову справиться с волнением, в начале он несколько раз заглянул в свои листочки, а затем разговорился и позабыл о записях.

Позицию для боя под Перетино продиктовала сама природа. После весеннего разлива Сучана осталось несколько стариц. Обмелевшие, а затем и высохшие, эти старицы выглядели, как окопы полного профиля. Фланги партизан надежно прикрывались грядой сопки и рекой Сучан. Опасаться обхода не приходилось.

— Не забудьте о резерве, — заинтересованно подсказал Лазо.

В резерве у партизан был оставлен корейский отряд. Он потом сыграл свою роль. Кроме того, на всякий случай в засаду в сопках засел отряд Глазкова.

— Вот, вот! — проговорил Лазо. Он слушал доклад с таким выражением, словно присутствовал на публичном экзамене своего любимого ученика.

Положение партизан осложнялось слабостью вооружения. Сражаться приходилось в основном винтовками и охотничьими ружьями. Противник же располагал двумя четырехорудийными батареями и шестью пулеметами.

— Нашу помощь вы успели получить? — спросил из-за стола Раев.

— Да, гранаты и патроны, — подтвердил Ильюхов. — Но мало, очень мало у нас, товарищи, винтовок! Если отвлечься, то скажу, мы сейчас можем создать целый корейский полк, тысячу добровольцев. Но беда — нет ни одной винтовки!

Со своего места Лазо поймал взгляд Саши Фадеева в оживленно зажестичулировал, показывая ему, чтобы он все записывал, ничего не пропускал.

К деревне Перетино противник приближался осторожно, опасаясь партизанских засад. Впереди ехала группа солдат верхом на лошадях. Партизанам удалось подпустить конных метров на сто. После первых же залпов почти в упор враг повернул коней. И тут в бой вступили главные силы белых. Вот когда пригодился резерв. Удар корейского отряда был настолько неожиданным и сильным, что враг не выдержал, побежал. Из окопов видно было, как панически носился на коне какой-то офицер, потрясая шашкой. От окончательного разгрома белогвардейцев спасли наступившая темнота и начавшийся проливной дождь.

На взгляд Ильюхова, удачные сражения на побережье и под Перетино, несколько рейдов партизанских отрядов по тыловым районам противника, вроде Майхинского, принесли выгоды скорее не военного характера, а политического. Как замечено, первые успехи партизанской борьбы с врагом сразу же сказались

на настроении середняка. Если раньше, размещая отряд в деревне, приходилось давать разверстку по дворам, то сейчас бойцов разбирают добровольно и обязательно снабдят продуктами на дорогу. А недавно деревенские обратились к бастующим шахтерам Сучанских копей с предложением прислать к ним свои семьи: каждый будет ухожен и накормлен. Это ли не боевая смычка трудящегося крестьянства и пролетариата! Короче, заключил Ильюхов, середняк окончательно потерял былую веру в «Учредиловку». Крестьянство, как и шахтеры, готово бороться насмерть.

Не скрывая торжества, Лазо и Губельман переглянулись.

— С этой поры, товарищи, — объявил Лазо, — мы непобедимы! Поражения еще будут, будет... много всякого, но победы мы уже не упустим. Не можем упустить! — поправился он тут же.

— Что-то я не понял, — раздался голос Шевченко. — К чему же нам готовиться-то: к победам или к поражениям? Или уж мы так японцев запугали, что они сидят и трясутся от страха?..

Собравшиеся начали переглядываться: ох уж этот Гаврила!

Отставив палку, Сергей Георгиевич поднялся. Он и не думал обижаться на Шевченко. Наоборот, в словах Шевченко, как это ни странно, большая доля истины.

— Я думаю, в победе никто из нас не сомневается. В окончательной победе. Но товарищ Шевченко правильно и очень своевременно предостерегает всех нас от успокоенности. Я правильно вас понял, Гавриил Матвеич?

Чувствуя себя неловко, Шевченко вынужденно проговорил:

— Да в общем-то... все так.

— Тем более, что у вас, Гавриил Матвеич, есть горький опыт. Я имею в виду ваш неудачный набег на станцию Шкотово. Вы знаете, почему вас постигла неудача?

— Еще бы! — задиристо откликнулся Шевченко. — Одного бьют, а все смотрят!

— Другими словами: вы остались без поддержки?

— Конечно. Вот они сидят — голубчики, спросите их. Ни стыда, ни совести!

— Нет, — мягко возразил Лазо, — дело не в поддержке. Допустим, вас поддержали бы. Значит, втянулись бы в бой все наши силы. А врагу только этого и надо. Он разбил бы не только вас, но и всех. Всех! Он же гораздо сильнее.

— Ну уж, — неуверенно возразил Шевченко. — Все — не один.

— А я вам докажу, — не теряя дружелюбия, говорил Лазо. — Давайте рассуждать по-военному. Во-первых, численное

превосходство давало ему возможность создать резерв. И что самое важное, имея в своем распоряжении железную дорогу, он мог маневрировать этими резервами. Другими словами, вы были обречены с самого начала.

— И пусть! — заявил запальчиво отчаянный Шевченко, стаскивая перчатки и комкая их в кулаке. — Пусть. И вообще, товарищи наши городские, я вам так скажу. Погибнуть все равно придется рано или поздно. Но я хочу погибнуть с толком! Не как другие: сидят, кого-то дожидаются! На дяденьку надеетесь?

Волевое крупное лицо Шевченко побагровело, глаза его из-под бровей метали молнии. Скандал!

Перехватив взгляд Губельмана, продолжавшего качать ногой, Сергей Георгиевич едва заметно улыбнулся: Шевченко ему нравился.

— Продолжаем, товарищи, — как ни в чем не бывало заявил Лазо. — Гавриил Матвеич прав. Сидеть сложа руки и дожидаться, когда придет Красная Армия, мы не имеем права. Надо действовать! Колчак, как все вы знаете, снабжается через Владивосток, по Уссурийской железной дороге. Сучанские копи дают Владивостокскому порту уголь. Другого угля ни Колчак, ни интервенты не имеют. Нам сейчас, товарищи, предстоит серьезная задача. Надо полностью парализовать Уссурийскую железную дорогу. Колчак не должен получить ни одного куска сучанского угля. Для этого мы должны в первую очередь взорвать подъемники на Сихотэ-Алине, обрушить мосты, испортить стрелки. А между тем положение наше таково, что за исход всей операции приходится сильно сомневаться. Впрочем, давайте по порядку...

Он кивнул ребятам, Игорю Сибирцеву и Саше Фадееву, и на стене появилась самодельная крупномасштабная карта. Взяв со стола палку, как указку, Сергей Георгиевич принялся уточнять расстановку сил. Ревштаб располагал отрядами в Сучанской, Майхинской и Цемухинской долинах. Общее число бойцов — более полутора тысяч. На стороне противника громадное превосходство. На Сучанских копиях стоят американцы и японцы. На станции Сица — японский гарнизон, на станции Фанза — смешанный: американский и японский. Крупные гарнизоны стоят на станциях Бархатной и Кангауз.

— Прошу взглянуть на карту. Вот Сучанские копи. По нашим данным — здесь у противника сосредоточены крупные силы. Обратите внимание, что Сучанские копи по отношению к нашим базам расположены очень выгодно для противника. Поэтому нет никакого сомнения, что в случае нашего выступления противник использует гарнизоны на копиях как свой подвижный боевой

резерв. Отсюда наша первая боевая задача — не дать ему маневрировать своими силами, сковать его... Я пока рисую план в общих чертах. Детальная разработка будет предложена позднее. Мне и моим товарищам необходимо познакомиться с положением дел на местах.

Сугубо военная, профессиональная терминология удивительным образом сказывалась на настроении сидевших перед Лазо людей: каждый из них как бы возвышался в собственных глазах и ощущал себя уже не просто вожаком, а настоящим командиром. Вместо привычных отрядных интересов в расчет пошли соображения высокого порядка — надвигалась настоящая война.

Величие того, что предстояло совершить, неуловимо выпрямляло людей, заставляло иначе сесть, сделало значительными лица.

Ильюхов вдруг одернул гимнастерку, лицо его загорелось.

— Товарищ Лазо, разрешите обратиться? Мне кажется, что руководить всей операцией должны вы. Именно вы!

Тишина. Этого никто не ждал. Губельман, дергая себя за длинный и пушистый ус, исподлобья взглянул на взволнованного Ильюхова, тот ответил ему честным и открытым взглядом.

— Видите ли... — проговорил Лазо. — Повторяю: мы прибыли в распоряжение Ревштаба.

— Я скажу больше, — настойчиво продолжал Ильюхов. — После таких ударов, как мы планируем, противник непременно примет меры. Уже сейчас замечено, что из Владивостока и Никольска-Уссурийского уходят эшелоны на Спасск, Иман и Шкотово. Мне думается, что это перегруппировка сил. Следовательно, нам предстоит сложнейшая операция. Думаю, что руководить ею должен хорошо подготовленный человек.

— Словом, — подытожил Губельман, спрыгивая с подоконника, — надо готовиться к большой войне. Я правильно вас понял?

— Так точно, — по-военному ответил Ильюхов.

Губельман, собираясь с мыслями, прошелся по крошечному пространству перед столом. Высокий артиллерист проворно подобрал ноги. Губельман подошел к Лазо, задумчиво положил ему руку на плечо. Мысли его по-прежнему витали где-то далеко.

— Тут вот еще что нужно иметь в виду, — начал он, не убирая руки с плеча Лазо, — вспомнились мне слова одного человека. Передать дословно трудно, да и незачем, но за точный смысл ручаюсь. Он сказал примерно так: «Для ведения войны по-настоящему необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут

немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены».

Свесив пышные кудри, он замолчал. Слушатели ждали.

— Знаете, что это за человек? Ленин!

Как бы оттолкнувшись от плеча Лазо, старый политкаторжанин пошел к окну.

Сергей Георгиевич восхитился. Молодец Дядя Володя! По обыкновению, он заглядывал дальше всех.

Партизанские командиры, затаив дыхание, не сводили глаз с Губельмана.

— Поймите меня правильно. Одной отваги мало, очень мало.

— Мы не можем быть пушечным мясом для японцев! — воскликнул Лазо. — Мы не имеем права погибать. Мы должны победить, и только победить! Для этого нас и послала партия, для этого мы вас сегодня и собрали...

Командиры сосредоточенно слушали. Лазо согласился с предположением Ильюхова, что противник производит перегруппировку сил.

— Допустим, мы его опередим и первыми нанесем удар. А дальше? У нас нет артиллерии, мало пулеметов. У нас кустарное производство патронов. Наши партизаны раздеты и разуты. Я обратил внимание: большинство в лаптях... Если противник предпримет наступление — а он его обязательно предпримет, в этом не может быть никакого сомнения, — нам потребуется широкий маневр. А как мы сможем маневрировать без баз снабжения!

Из разрозненных отрядов следовало создать войско, быстрое, увертливое, способное внезапно нападать и быстро, не теряя боеспособности, отходить. При такой войне, когда сплошного фронта не существовало и исключалось позиционное сидение в окопах, громадное значение приобретали разведка, помощь населения, знание местности, обеспечение боеприпасами и продовольствием.

Человек в артиллерийской фуражке — как оказалось, командир одного из самых боевых отрядов, Лихоткин-Овчаренко, — рассказал, как удалось наладить кустарное производство ручных гранат. Он называл их бомбами. В пустую консервную банку закладывался динамит и горсть гвоздей или рубленой проволоки, приделывался кончик бикфордова шнура. Так же кустарно изготовлялись и патроны.

— А взрывчатка? — спросил Лазо. — Где вы берете столько взрывчатки?

— Шахтеры вырывают, товарищ командующий. У нас с

Тетюхинского рудника много ребят. У них это налажено. Каждый забойщик обязательно откладывает порцию для партизан.

— Динамит?

— Когда как, товарищ командующий. Когда динамит, когда пироксилин. Но все равно годится. Наши уже наловчились.

Партизаны с побережья доложили, что в последних боях удалось в полной сохранности захватить несколько рыбных и один консервный заводы. Если наладить рыбную ловлю, то консервами можно снабжать и рудники и села.

— Воевать придется, а не рыбалить, — густым голосом заметил кряжистый усач Нетров-Тетерин. — Когда это вы рыбалить-то собираетесь? На мой глаз, надо по старому правилу: налог. У нас тут не Россия, в другой деревне богатеньких чуть не половина дворов. Прокормят!

— Обиды получаются, — негромко вздохнул кто-то в самом углу.

— Закон надо принять, — предложил Петров-Тетерин. — Против закона какие могут быть обиды?

— Съезд нужен, съезд! — внезапно потребовал Губельман. — Там обсудим все. Я предлагаю так: сейчас у нас нет ничего важнее операции, о которой здесь говорил товарищ Лазо. Но потом необходимо сразу же собрать съезд.

Он добавил, что предстоящий съезд — мероприятие не менее важное, чем операция на железной дороге. Съезд закрепит все завоевания народной власти и заодно решит множество накопившихся вопросов: хозяйственных, продовольственных, финансовых.

— Самое важное: нам надо срочно поправить вашу колоссальную ошибку. Зачем вы объявили войну всем государствам-интервентам? Поймите, интервенцию проводят не народы, а заправилы-авантюристы. Нельзя путать божий дар с яичницей. Мы не воюем с народами этих стран. И никогда не станем воевать! Но мы их попросим: пусть войска их стран уйдут с вашей земли. Тут они нам должны помочь и, я думаю, помогут.

Время, необходимое для подготовки операции, должен был определить Ревштаб. Все ждали, что скажет Лазо. Он понимал нетерпение командиров, однако потребовал не менее трех недель. Отвечая на изумленный взгляд Ильюхова, Сергей Георгиевич с озабоченным видом кивнул: так надо. Объяснять он ничего не стал.

Массированный удар по вражеским гарнизонам на железной дороге решили нанести в ночь на 22 июня. А дня через два, через три в деревне Сергеевне соберется первый съезд трудящихся Ольгинского уезда.

— Для чего нам три недели? Поверьте, это не так уж много. Ну, во-первых, я уже говорил о массированном ударе. Во-вторых, разведка. Надо исключить любую неожиданность. В-третьих, мы будем воевать не одни. Нас в эту ночь поддержат забастовкой не только сучанские шахтеры, но и владивостокские рабочие. Согласитесь, все это требует времени. А накопление боеприпасов? Я проверял: у бойцов сейчас в подсумках не больше двадцати патронов. А такие мелочи, как одежда, обувь? Босиком, знаете ли, не воюют! Ну и... — Сергей Георгиевич помялся, — мне в эти дни необходимо встретиться с одним человеком. Он придет издалека. Надо сделать так, чтобы его никто не видел. Ни одна живая душа! Сможем мы это обеспечить?

У Ильюхова едва не сорвался вопрос: а что за человек? Он вовремя удержал себя.

— Ночью разве... Попозднее... — неуверенно проговорил он.

Быстро глянув на Губельмана, по обыкновению теребившего свой ус, Лазо получил в ответ коротенький сосредоточенный кивок.

— Хорошо, вас все равно необходимо посвятить.

Таинственный незнакомец командовал китайским партизанским отрядом в глубоком тылу японцев. Он носил кличку Старик. Об отряде Старика Ильюхов слыхал. Китайские партизаны действовали отчаянно и дерзко, взрывая мосты и водокачки на КВЖД. За Стариком давно охотилась японская контрразведка. Благодаря мерам предосторожности командир китайских патриотов оставался неуловим. Иногда он пробирался во Владивосток, на конспиративной квартире встречался с нужными людьми и той же ночью немедленно исчезал. Старик шел на встречу во Фроловку в самое необходимое время. Китайским партизанам будет поручена «китайка», то есть КВЖД, по которой, пусть и обходным путем, японцы все же подбрасывали грузы во Владивосток. Если удастся вывести из строя и КВЖД, снабжение Владивостока будет парализовано полностью.

— Лишив японцев транспорта, мы заставим их передвигаться по нашей земле только ногами. На своих двоих! А все дороги здесь ведут их к гибели.

С тех пор как пришли владивостокские товарищи, перед Ильюховым все отчетливей вырисовывалась общая картина всенародной борьбы с ненавистными захватчиками. Горизонт как бы раздвигался, глаз видел дальше. Большевицкий центр во Владивостоке смотрел на положение в Приморье гораздо шире, чем Ревштаб. «Закопались мы тут малость», — с сожалением

подумал Ильюхов.

Он сказал, что следует учесть и вот что: в гарнизоне города Никольска-Уссурийского группа революционно настроенных солдат во главе с прапорщиком Чемеркиным готовит восстание. Хватит ли им трех недель? Пожалуй, хватит. Солдаты хотят перебить своих офицеров и перейти к партизанам. Такое событие в крупном городском гарнизоне сильно поддержало бы партизанскую операцию.

— Пока мы готовимся, — сказал Лазо, — следует постоянно тревожить гарнизоны. Враг не должен догадаться!

В тот же день нарочные поскакали в те партизанские отряды, откуда на совещание во Фроловку не смог пробраться ни один человек.

Ильюхов спросил, в какой из отрядов собирается выехать сам Лазо.

— К Шевченко, только к нему, — заявил Сергей Георгиевич.

Он переночевал во Фроловке, а наутро отправился за хребет. Там, в двадцати верстах от Шкотово, в небольшой деревушке Новороссии располагался отряд лихого Гавриила Шевченко.

Ночью прошел обвальнй ливень. На восходе тайгу покрыл густой туман. Лошади шли трудно. Деревья, набрякшие водой, роняли частые увесистые капли. Наконец вверху зарозовело — пробилось солнце.

В середине дня издали слышались беспорядочные выстрелы. Примерно через час раздалось чавканье лошадиных копыт, показалось трое всадников. «Неосторожно едут», — подумал Сергей Георгиевич. Он тронул лошадь и выехал из-за куста... Всадники даже не удивились. Это оказались партизанские разведчики. Они оживленно принялись рассказывать, что возле деревни Светлый яр столкнулись с разездом американцев. Не приняв боя и отстреливаясь, противник отошел.

Появление американского разезда в такой глуши удивило Лазо. Он даже переспросил: точно ли американцы? Разведчики обиделись. Им ли не знать! Спутать американского солдата с белогвардейцем или японцем невозможно... Сергей Георгиевич погрузился в размышления. Скорей всего перегруппировка сил, о которой говорил на совещании Ильюхов, подошла к концу. Иначе американцы не проявляли бы такой смелости. Надо же, как далеко от ближнего жилья забрался разезд! Неужели не удастся опередить противника с ударом?

По дороге разведчики завистливо рассказывали о больших добротных палатках, в которых живут американские солдаты. Противник привык воевать с удобствами. У солдат нет недостатка

ни в оружии, ни в боеприпасах, ни в продовольствии. Изредка партизанам переппадают трофеи: консервы, шоколад, сгущенное молоко, галеты.

— Правду, нет, товарищ Лазо, будто у них эти самые консервы из обезьян? Наши пробовали — не похоже.

— А вы что — обезьян тоже пробовали? — улыбнулся Лазо.

Разведчики захохотали.

— Я у нашего доктора спрашивал. Он мне то же самое сказал. Точь-в-точь!

Сергей Георгиевич удивился:

— А что, Сенкевич здесь?

— А где же ему быть? Лазаретом заправляет. Наш Гаврила его на руках носит!

Доктору Сенкевичу следовало немедленно показаться. В последнее время обострялась почечная болезнь, появились отеки. Сергей Георгиевич опасался, как бы не слечь до начала операции.

Конные разведчики со смехом рассказывали, как в соседнем отряде, в Николаевке, удалось обмануть колчаковскую охрану. Небольшой паром через речку белогвардейцы постоянно держали на своей стороне. Несколько партизан переоделись в женское платье и с корзинками в руках появились на берегу, стали махать руками. Решив ограбить женщин, солдаты погнали паром через речку. В корзинках у партизан были припрятаны гранаты. Ни один из колчаковцев не вернулся на свой берег.

Залаяли собаки, показались деревенские избы. Сергей Георгиевич обратил внимание, что их никто не окликнул, не остановил. А где же заставы? Удивительная беспечность.

Возле штабной избы первым, кого он встретил, был доктор Сенкевич. Обнялись. От доктора не укрылось, как осторожно он слезал с седла.

— Опять? Вот наказание! Но у нас теперь вполне приличный лазарет.

Сенкевич пожаловался на недостаток йода и перевязочных материалов. В городских аптеках установлен строжайший контроль за продажей бинтов и марли.

— Используем подручный материал. Достали партию мешков. Да, да, самых обыкновенных мешков. Рвем на ленты и дезинфицируем. Вместо ваты — пакля. А что делать?

«Медицина» уже готовилась к большим сражениям. Где выстрелы, там и кровь, раненые, покалеченные. Война.

Доктор спросил, как удалось перейти «нейтральную зону». После недавних ударов партизан по гарнизонам американские солдаты открывают стрельбу по любому человеку: напуганы.

В штабной избе Сергей Георгиевич застал самого Шевченко и

начальника штаба отряда Мелехина. Неожиданное появление командующего изумило Шевченко. Поднявшись из-за стола, он машинально принялся приглаживать непокорные вихры.

— О! — проговорил Лазо, разглядев на столе настоящую штабную карту. — У вас пятиверстка? Давно не видел. Такие бы карты каждому отряду!

Самодовольным жестом Шевченко закрутил усы.

— На каждого не напасешься. У беляков этого добра полно. Пускай добудут!

Устало опустившись на табурет, Сергей Георгиевич потянул к себе карту. Мелехин рукавом смел крошки со стола.

— Кстати, товарищи, у вас вокруг деревни нет застав: мы никого не встретили. Это может плохо кончиться.

С выражением терпеливой муки Мелехин устался в стол и не поднимал головы. Лицо Шевченко стало наливаться кровью.

— А вот я сейчас сам проверю! — зловеще выговорил он. — Ну, если только... — и выскочил из штаба.

— Безобразие! — стал жаловаться Мелехин. — Бьюсь, бьюсь... никакого толку. Когда-нибудь, говорю, нас сонными возьмут. «Кому мы, говорит, с тобой нужны? Пятака не стоим».

— Командный состав надежный?

— Со всячиной, если честно говорить. А тронуть никого не смей! «Я, говорит, своих орлов знаю. Не подведут».

— Анархистов много?

Мелехин расстроено махнул рукой.

— Всяких полно. Недавно несколько человек из колчаковской милиции перебежали. Я — к Гавриле: «С этим поосторожней надо. В милицию идут по доброй воле, не по мобилизации». Слушать ничего не захотел! Чуть не в обнимку с ними. «Герои, патриоты»! А через день этих героев местные признали. Из смирновского отряда...

Внезапно Мелехин оборвал рассказ и вскинул голову. Отчетливо прогремела длинная пулеметная очередь. Стреляли, судя по всему, далеко за околицей.

— Ну вот, доигрались!

В деревне поднялась суматоха. Захлопали ружейные выстрелы, снова настойчиво и длинно прострочил пулемет. Чей-то отчаянный голос завопил: «Коня!» Отмахнулась дверь, заглянула всклокоченная голова.

— Японцы!

Бледный, натянутый как струна смотрел Мелехин на Лазо.

Наматывая на руку ремешок полевой сумки, Сергей Георгиевич поднялся.

— Распорядитесь собрать бойцов. Где командиры взводов?

Без паники!

Острая пронзительная боль в спине заставила его остановиться. Он с беспокойством глянул на Мелехина: заметил? Но тот рванулся в дверь и принялся распоряжаться на дворе.

Как выяснилось, японская разведка подошла почти к самой околице. Поднялась пальба. По деревенским улицам перебегали вооруженные бойцы.

— Вон он! — закричал Мелехин, показывая рукой. — Видите? Шевченко...

Командир отряда, отчаянно ругаясь, останавливал бегущих партизан. Он бежал по склону и приказывал бойцам залечь. Сергей Георгиевич понял, что Шевченко намеревается занять позицию именно на склоне сопки, поросшей лесом. «Грамотно», — одобрил он.

Показались зеленые фигурки японских солдат. Разглядев их, Лазо удивился. Откуда здесь японцы? Не должно быть здесь японцев! Видимо, недавнее пополнение... Да, стягивают, стягивают «союзнички» свои силы. Скоро начнется... Японские солдаты наступали неохотно, часто падали на землю и вели беспорядочную пальбу.

Он нашел Шевченко в цепи залегших партизан. Мелехин, перебегая среди сосен, наклонялся к каждому бойцу и что-то втолковывал, указывал в сторону японцев. Шевченко избегал смотреть в глаза Лазо. Надо же было так опростоволоситься! Бойцов заставы он нашел в избе. Партизаны, бросив ружья как попало, сидели за столом и уплетали молоко с медом. «Перестреляю всех, как цуциков! — взревел Шевченко. — Позорить меня, сволочи! Оголодали... трах-тарарах?» Навести расправу он не успел.

Кто-то из бойцов заметил японскую разведку и выстрелил из ружья. В ответ раскатилась пулеметная очередь, которую и услышал Мелехин.

— Гавриил Матвеич, вы прекрасно выбрали позицию, — мягко картавя, похвалил Лазо.

Признательный Шевченко готов был провалиться. Он ждал справедливого разноса, однако командующий делал вид, что ничего страшного не произошло.

— Как думаете, Гавриил Матвеич, пойдут они в деревню?

— Да что они, дурные? Немного популяют и уйдут. Сейчас начнут пятиться. — Подбежал Мелехин.

— Я послал ребят к реке. Если японцы полезут, их там встретят.

Самостоятельность начальника штаба не понравилась Шевченко.

— А меня ты спросил? — крикнул и тут же устыдился. — Советоваться надо, а... не так.

Никак не удавалось ему взять верный тон. Проклятая застава! Нашли же время набивать утробу. Без ножа зарезали...

Перестрелка стала затихать, японцы, получив удар, отступили туда, откуда пришли — к Шкотово.

— Митька, — распорядился Шевченко, подозвав ординарца, — с этой секунды ты мне отвечаешь за порядок. Чтоб на заставах уши торчком держали! Понял?

Появление американских разведов, затем японцев, первые стычки с ними говорили о том, что враг стоит накануне выступления. Следовало заранее подумать об отпоре.

— Ну, курочка еще в гнезде, — небрежно отмахнулся Шевченко. — Пусть только сунутся... Так прижмем, что кисло станет!

В предстоящей операции отряду Шевченко ставилась ответственная задача: вывести из строя сооружения на станциях Романовна и Нежино. Лазо объявил, что берет на себя командование отрядом, которому предстоит совершить налет на станцию. У самолюбивого Шевченко едва не сорвалось: «А я?» Потом он рассудил, что не мешает убедиться, как молодой командующий выглядит в настоящем, трудном ночном бою!

Перед операцией Лазо должен был еще объехать партизанские отряды.

В период подготовки операции партизанские отряды, по плану Ревштаба, нанесли противнику несколько ощутимых ударов. На станции Кролевец гарнизон из канадских солдат был захвачен врасплох, в палатках, едва вырвался из окружения, потерял много оружия и боеприпасов. На станции Ипполитовна партизаны уничтожили японский гарнизон, на станции Евгеньевна сожгли мост и разрушили железнодорожное полотно, на разъезде Кнорринг взорвали путевые стрелки и два моста.

Беспрерывно тревожа вражеские гарнизоны, партизаны всячески старались скрыть подготовку к главной операции. Заодно велась и тщательная разведка укреплений и оборонительных сооружений.

Изредка появляясь во Фроловке, Сергей Лазо знакомился с обстановкой, давал указания и снова отправлялся в путь. За две недели он побывал у партизан в трех долинах. На побережье, в Петровке, ему понравился командир отряда Сосинович: грамотен, собран, требователен. Полнее открылся ему Лихоткин-Овчаренко: нигде так высоко не стояла дисциплина, как у него в отряде.

Во Фроловке, в Ревштабе, кипела напряженная работа.

Каждый раз, появляясь там, Сергей Лазо раскидывал карту. Он всматривался в оборонительные рубежи, изучал расположение огневых точек и артиллерийских позиций. Николай Ильюхов докладывал, что он сам несколько раз выезжал на рекогносцировку. За оставшиеся дни партизанские разведчики досконально изучат все скрытые подходы к противнику. Ильюхов гарантировал, что удар по врагу получится сильный и внезапный.

Однажды ночью, когда Фроловка спала глубоким сном, двое связных провели к зданию штаба невысокого человека в изодранной одежде. В одном окошке теплился свет. Оставив связных на улице, человек поднялся на крыльцо и скрылся в школе. Его встретил Сергей Лазо. Он жадно всматривался в лицо ночного гостя. Да, Старик был уже немолод, за пятьдесят, тонкое интеллигентное лицо носило следы многодневной усталости. Тихим твердым голосом Старик отказался от отдыха. Через час он должен отправиться в обратный путь, чтобы в самую глухую пору миновать опаснейший участок таежного маршрута: нейтральную полосу железной дороги.

Сергей Георгиевич сам вскипятил чайник. Наблюдая, как он заваривает чай, Старик улыбнулся. Как знаток, он отхлебнул из кружки и прикрыл глаза. Разобравшись во вкусовых ощущениях, он с удовлетворением кивнул.

Как видно, отряд Старика располагал хорошо поставленной разведкой. Ночной гость сообщил Лазо о провале подпольщиков в городе Никольске-Уссурийском. Восстание в гарнизоне сорвалось в самый последний момент: выдал провокатор. Прапорщик Чемеркин, руководитель восстания, арестован и сейчас находится в контрразведке. Чудовищными пытками Чемеркина хотят заставить выдать всех своих сообщников.

Допив кружку, Старик не отказался от второй. Усталость его проходила, лицо разгладилось и посветлело.

Вдыхая ароматный пар из кружки, он задумчиво молчал.

Наконец, словно очнувшись, он посмотрел в окно. Время уже перевалило далеко за полночь.

Китайский отряд «сидел» на участке КВЖД от станции Пограничная до самого Харбина. Старик уточнил, что удар планируется нанести через несколько дней, в ночь на 22 июня, Основным оружием подрывников его отряда служат мины замедленного действия. Изобретение это старинное, немецкое, Старик уважительно отзывался о немецком инженере, придумавшем это средство. Он уверял, что немецкие мины огромной разрушительной силы, оставленные захватчиками во Франции, периодически взрывались вплоть до весны нынешнего года.

Речь Старика была скупой, но точной, он тщательно подбирал русские слова. Однако когда заговорили о боевом обеспечении, Старик разволновался и стал жаловаться на хроническую нехватку боеприпасов и обмундирования. Своей одеждой он словно демонстрировал положение бойцов его отряда. У всех одни и те же беды! Сергей Георгиевич пообещал, что съезд, который соберется в конце месяца, обязательно обсудит вопрос о помощи китайским товарищам.

Проводив ночного гостя, Сергей Георгиевич подпер рукою щеку и устался на хилый огонек коптилки. Провал Чемеркина... Кто же проник, кто же орудует? Сомнений не оставалось: провокатор находился где-то рядом, он знает много, и враг с его помощью всякий раз наносит неожиданные, а потому болезненные удары. Вспомнился рассказ молодых ребят, Саши Фадеева и Игоря Сибирцева, о том, как им чудом удалось избежать ареста перед самым уходом сюда, в тайгу. Задержись они в квартире минут на десять, арест был бы неминуем. В контрразведке узнали, что они отправляются в партизанские районы с заданием партийного центра, несут с собой инструкции... Кто же выдает? Положение гнуснейшее: приходится подозревать чуть ли не каждого...

Этой же ночью Сергей Георгиевич написал письмо Ольге. Он советовал ей оставить Владивосток и перебраться в какую-нибудь деревню. Находиться в городе, под самым боком контрразведки, становилось опасно. Кроме того, он втайне надеялся на встречу. Ребенка, дочери Ады, родившейся недавно, он еще не видел...

Длинные бечевки свежего лыка окрашивали пальцы зеленью. Старый охотник Сима, снисходительно покуривая, наблюдал, как неумело возится Лазо, и приговаривал:

— Лапти в тайге — первое дело. Идешь, как тигра, сам себя не слышишь. Ну и ногам опять же удовольствие.

Самодельные лапти старик называл по-сибирски: «баретки в сорок четыре клетки». Помощь его Сергей Георгиевич отклонил с самого начала — хотелось сплести самому, своими руками. Сима лишь указал подходящее ореховое дерево и показал, как аккуратно драть лыко.

— Пятку-то выплетай, выплетай! — не утерпел старик и кинулся показывать. — Тяни, не бойся. Лыка, она крепкая.

Рассматривая первый лапоть, охотник долго почесывал затылок и не произнес ни слова. Зато второй он похвалил от всей души.

— Сам видишь, дело нехитрое. Теперь недели две никакого горя не будешь знать. А там — опять. Только запомни: орешину

выбирай не шибко старую, но и не молодую.

Из тайги цепочкой по тропинке брели усталые разведчики. Сегодня, в последний день перед началом операции, партизаны не спускали глаз с намеченных объектов. После обеда вместе со старым охотником Сергей Георгиевич отправился к реке: своими глазами глянуть на вражескую сторону.

Лагерь партизан жил будничной жизнью. Дымили костры, варилась пища. Лазо и охотник Сима поминутно здоровались, прикасаясь к шапкам. Возле одного костра шел разговор о том, что предстояло делать сегодняшней ночью.

— Нет ничего хуже, чем рвать мосты, — признавался чернявый парень, пробуя ложной из кипевшего котелка. — Рвешь, а сам думаешь: свое добро губим. Взорвать его — минута, а ну-ка почини потом! Строить их — уметь надо. Ему бы до скончания века стоять, а рвешь. До того это не по-хозяйски, ей богу, аж заплакал бы!

Костры остались позади, охотник Сима показывал дорогу. Сергей Георгиевич с трудом поспевал за сухопарым стариком, удивительно легким на ногу. Пробравшись к берегу, он долго рассматривал американский лагерь. Поместительные палатки окружали окопы полного профиля. Для пулеметов и орудий оборудованы специальные укрытия. В стороне от солдатских палаток белели длинные строения. Там помещались вещевые и продовольственные склады.

По дорожке вдоль палаток мерно расхаживал часовой с карабином. Лазо дождался смены караула и отправился обратно в лагерь.

От Ильюхова прискакал нарочный. В коротенькой записке Ильюхов сообщал, что с наступлением темноты партизанские отряды выступают на исходные позиции.

Долго горел и никак не мог погаснуть пышный летний закат. Монотонно журчала быстрая речка. Небо постепенно бледнело и становилось выше. В прохладном вечернем воздухе засновали бесшумные летучие мыши.

На крыльце школы сидели двое почтенных партизан.

— Живут, понимаешь, эти самые элементы по городам, в енотовых шубах, бородки козликом...

Возле пылавшего костра раздавались взрывы хохота. Слышался тенорок нарочного, прискакавшего от Ильюхова.

Не обращая внимания на молодежь, старый охотник Сима пристроился поближе к огню и придирчиво проверял свою берданку, перебирал патроны. Несколько штук он заново перезарядил. К ночному бою старик готовился, словно к большой и опасной охоте.

В полночь раздалась команда потушить костры. Сергей Лазо двигался с передовым дозором. Вышли к реке. Разговоры и курение были запрещены. До противника оставалось метров триста.

Медленно тянулись минуты ожидания. Внезапно командующий замер: он учуял табачный дым.

— Кто там курит, черт возьми? Безобразие!

Курил верзила Митька.

— Да я незаметненько, в рукав... Никакого, понимаешь, терпежу!

— Сдай оружие! — свистящим шепотом приказал Мелехин. — Ну, быстро. Я кому говорю? Распустились... И — марш назад. Чтоб я тебя больше не видел. Потом разберемся.

— Ну, ну, ты не шибко-то... — заартачился Митька. — Ты тут не самый главный.

Мелехин взвел курок.

— Я кому сказал?!

Наконец справа послышалась беспорядочная пальба. Небольшая группа партизан начала отвлекающий бой. Этот бой по плану должен был убедить противника, что партизаны намерены занять Зыбунные копи и продвинуться дальше на Шкотово.

Шумливая речка неслась по камням, скрадывая шум переправы. На вражеском берегу Лазо распорядился залечь, а сам с несколькими разведчиками пополз вперед. Впереди забелели громадные палатки. Где же часовой? Заломило от напряжения глаза. А, вот он... Лазо молча тронул разведчика, и тот, бесшумно извиваясь, исчез в кромешной тьме.

По вершинам деревьев пролетел ветер, дружный шум листвы заставил часового остановиться и задрать голову.

Внезапно силуэт солдата с карабином на плече исчез. Сергей Георгиевич от неожиданности вздрогнул. Ни шороха, ни вскрика, — стоял человек и вдруг не стало его. Теперь не медлить!

Вскочив на ноги, Лазо поднял руку с револьвером.

— За мной, товарищи!

Ночь огласилась выстрелами, разрывами гранат. Из палаток выскакивали раздетые солдаты. Старый охотник Сима не торопясь выбрал цель, его берданка бухала отрывисто и гулко. Сергей Лазо в упор свалил американского офицера, что-то яростно кричавшего своим солдатам.

Короткий ночной бой как будто подходил к концу, когда из темноты по партизанам уверенно застучал пулемет. Лазо почувствовал невольное замешательство нападавших. Рядом с

ним на землю брякнулся Мелехин и длинно выругался.

— Нет, это надо же! Смотрели, смотрели, а не заметили. Вон там за кустиками еще две палатки. Оттуда и поливают.

Пули зло секли листву над головами, сочно впивались в мякоть деревьев. Стрелял человек опытный, он бил непрерывными очередями, заставляя нападавших вжиматься в землю и не поднимать головы, в то время как свои понемногу осматривались и обретали уверенность. Терялся порыв, уходило время. Сейчас все решали мгновения. Только бы бойцами не овладела паника!

И Сергей Георгиевич вдруг ощутил во всем теле поразительную легкость. Так с ним было два раза в жизни: в Иркутске во время боя с юнкерами и когда брали Оловяннуу.

— Вперед... броском! Не ложиться!

Споткнувшись, Лазо упал, но тотчас же вскочил и увидел перед собой огненную пульсирующую точку. Вот он где! Как же он днем не разглядел этих проклятых палаток?

Два огненных всплеска — кто-то на бегу кинул гранаты — оборвали пулеметную очередь. Коротко и мстительно застучали партизанские выстрелы. С последним очагом сопротивления было покончено.

Помахивая испачканным в грязи револьвером, Лазо направился на станцию. После леса здесь показалось просторно и светло. На востоке уже рассасывалась тьма, близился рассвет. Шлепая по маслянистым лужам, бегали подрывники. Торопясь управиться до света, они закладывали фугасы под выходные стрелки, под водокачку и водонапорную башню.

Потянулись в лес подводы с захваченными трофеями. На последней телеге везли охотника Симу. Старика скосила последняя пулеметная очередь.

Тяжко ахнул плотный взрыв, в небо взметнулся смерч огня и битых кирпичей. От водонапорной башни осталась только круговина пепелища. Мелехин, бегая по станции, поторапливал подрывников. По земле, шипя злым нетерпеливым огоньком, извивался длинный бикфордов шнур. Мелехин и подрывники кинулись наутек. Светящийся огонек скрылся под водокачкой, тотчас здание словно вспухло и развалилось на глазах.

Вся операция, заметил Сергей Георгиевич, заняла не больше трех часов.

В деревне, куда вернулись партизаны, царило оживление. Штаб светился всеми окнами. Там грохотал ликующий голос возбужденного боем Шевченко.

Ночной бой, на взгляд Лазо, прошел успешно. Удалось сделать все, что было намечено. «Почти все», — поправился он,

вспомнив о двух палатках за кустами. Если бы не эта оплошность, отряд не понес бы ни одной потери.

Шевченко вел себя со сдержанным достоинством. Ему уже сказали, что в критическую минуту боя командующий сам пошел на пулемет. В глазах Шевченко это было высшей аттестацией.

— И все-таки самое трудное у нас впереди, — подвел итог Лазо, вызвав изумление Шевченко. — Я сейчас поясню... Мы не можем закрепить успех, потому что не имеем сил. Если бы мы могли развить наступление, заставив противника отступить! К сожалению, приходится признать, что противник повсюду сохранил ключевые позиции. Нет никакого сомнения, что он примется немедленно очищать свой тыл. Следовательно, наступление последует в самые ближайшие дни. Нам нужно торопиться, чтобы успеть провести съезд...

В тот же день, ближе к вечеру, он выехал в Казанку. Туда, как передал последний нарочный от Ильюхова, перебрался из Фроловки весь Ревштаб. Лазо ехал всю ночь, рано утром, до смерти усталый, был на месте.

Ночная операция парализовала всю железную дорогу от Сучанских копей до Озерных ключей. Серьезного сопротивления противник нигде не оказал. На станциях Фанза и Кангауз удалось захватить и взорвать подъемники. Мощные фугасы превратили машинные отделения в груды искореженного металла. Теперь Владивосток на долгое время лишился местного угля.

Из владивостокских газет партизаны узнали о диверсиях на КВЖД. Это действовал, в соответствии с планом Ревштаба, отряд китайских партизан под командованием Старика.

Выбирая Сергеевну для проведения съезда, Лазо брал в расчет неминуемое наступление противника. Казанка может слишком быстро оказаться в зоне боев.

По сведениям, которыми располагал Ревштаб, командование интервентов усилило гарнизоны на станциях, в бухте Находка бросила якорь целая эскадра боевых кораблей, для инспекции воинских частей приезжали высшие офицеры. Как ожидалось, враг готов начать наступление на широком фронте от Тетюхе до Имана. Закрыть такую брешь у партизан явно не хватит сил. Оставалось одно: искусно маневрировать, всячески избегать открытого боя.

Последним приказом Ревштаба все силы партизан стягивались в Сучанский район. Каждый отряд получил задание сдерживать наступление интервентов до тех пор, пока не закончит работу Ольгинский съезд трудящихся. Проведение съезда Ревштаб рассматривал как самую важную боевую задачу.

С открытием съезда замешкались на два дня. Лишь к 27 июня собрались все делегаты. Они пробрались в Сергеевну из самых глухих таежных районов, даже из волостей, занятых врагом.

На окраине деревни сколотили длинные лавки, для президиума притащили два стола.

Председательствовал на съезде Губельман. Секретарем выбрали Сашу Фадеева. Плечистый, рослый, с роскошным чубом и пушистыми усами, Губельман, открывая съезд, волновался. Перед ним сидели люди, увешанные оружием. Многие из них, чтобы попасть в Сергеевку, прошли по тайге сотни верст. Они собирались строить советскую государственность на отвоеванной у врага территории. Однако вокруг, на расстоянии дневного перехода, изготовились для броска огромнейшие силы интервентов. Поневоле приходилось торопиться, решать только самое необходимое, самое важное.

Почетным председателем съезда Губельман предложил выбрать Владимира Ильича Ленина. Зажав винтовки в коленях, делегаты высвободили руки — затрещали жесткие аплодисменты заскорузлых мозолистых рук. Саша Фадеев насмешливо покосился на недовольную физиономию представителя эсеров. Только что Саша был свидетелем короткого разговора Лазо с Губельманом. Они решили, что слова эсеру предоставлять не стоит, — некогда. И без того приходилось экономить каждую минуту.

Быстро договорились о том, чтобы покончить с многолетней дискриминацией корейцев. На всей территории Ольгинского уезда корейцы объявлялись полноправными гражданами Советской республики. В будущем исполкоме Совета им предназначалось несколько мест. Увлеченно, совсем забыв о постоянно грозящей опасности вражеского наступления, занялись хозяйственным устройством. Надо было установить твердые цены на продукты, принять закон о борьбе с опиокурением, назначить пенсии инвалидам и детям-сиротам. И в это время поступило сообщение: началось! Делегаты возбужденно вскочили на ноги. Губельман поднялся во весь рост и вскинул руку:

— Спокойно. Съезд продолжает работу!

Сергей Георгиевич выбрался из-за стола и потребовал карту. Судя по первым сведениям, враг действовал по тщательно разработанному плану. Ранним утром в наступление пошли американские части. Они двигались на Казанку двумя колоннами: через хутор Буланов и по дороге на деревню Нововеселую. Лазо сразу увидел серьезную угрозу правому флангу партизан. Он приказал выдвинуть к хутору наиболее боеспособную роту под

командованием Владивостокова, придав ей конную группу.

Нарочные прибывали один за другим. В бухте Находка высадился крупный японский десант. С боем заняв Владимиро-Александровское, японцы двинулись на Перетяно и Унаши. Соединенными силами интервенты наступали от Кангауза. Партизанские отряды начали с боями отходить.

Сводная рота Владивостокова завязала ожесточенное сражение. Сам Владивостоков получил ранение, однако остался в строю. За его спиной была Казанка. Встретив сопротивление, американские солдаты залегли у самого хутора Буланова. Первый натиск врага был отражен, съезд мог продолжать свою работу.

Делегаты обсуждали денежный вопрос: предполагалось выпустить в уезде боны. О настоящих деньгах давно уже забыли, их никто не принимал.

— Про хлеб и рыбу! — крикнул кто-то из делегатов. Лазо и Губельман сблизили головы. Как ни подпирало время, а этот вопрос нельзя было комкать. Население уезда делилось на рыбаков и хлебопашцев. Но если крестьяне могли обходиться без рыбы, то рыбакам без хлеба не обойтись. При ничтожной цене на рыбу цены на хлеб в уезде держались непомерно высокие.

Представитель эсеров, проворный, юркий, о чем-то горячо нашептывал соседям. Работа съезда вдруг застопорилась, разбушевались страсти. О снижении цен на хлеб крестьяне не хотели и слышать. Губельман выразительно вытянул за цепочку карманные часы. Драгоценное время уходило на бесполезные пререкания.

Топот копыт заставил делегатов оглянуться на дорогу. Подскакавший всадник, соскочив с седла, стал поспешно пробираться к столу президиума. Установилась тревожная тишина. И словно подтверждая догадки делегатов, издали донесся гул орудийного выстрела. Для опытного уха эта грозная музыка сказала многое.

Забыв об обязанностях секретаря, Саша Фадеев вскочил и гневно выкинул руку в сторону тех, кто горланил о ценах на хлеб.

— Кулаки! Только себя соблюдаете, а остальные, по-вашему, хоть пропади... Вы всю революцию за горло держите! Хватит болтовни, предлагаю голосовать...

Со своего места Сергей Лазо укоризненно посмотрел на Сашу и еле заметно покачал головой. Лицо паренька вспыхнуло огнем. Неужели он что-то не так сказал?

Прискакавший всадник пробрался к Губельману и протянул ему записку. Тот развернул листок, глянул и тут же передал его Лазо. Читая, Сергей Георгиевич допустил невольный жест: удрученно запустил пальцы в волосы и так замер. Среди

делегатов прекратилось всякое шевеление. Записку прислал Ильюхов. Бой шел уже в самой Казанке. Американские солдаты поджигали крестьянские дома и расстреливали уцелевших жителей. Ильюхов предупреждал, что намерен отходить на Фроловку, однако боится за свои фланги.

«Надо сворачиваться», — подумал Лазо.

Что же еще оставалось решить на съезде? Установили цены какие наметили. Остались: военный вопрос, выборы исполкома и декларация консульскому корпусу во Владивостоке.

На обороте ильюховского листка Лазо, разрывая карандашом бумагу, быстро написал: «Прошу продержаться еще часок». Верховой, пряча записку за пазуху, побежал к коню.

ИЗ ДЕКЛАРАЦИЙ КОНСУЛЬСКОМУ КОРПУСУ

«...До тех пор, пока вы находитесь на нашей территории, пока вы поддерживаете врагов, мы будем вести борьбу до последней капли крови».

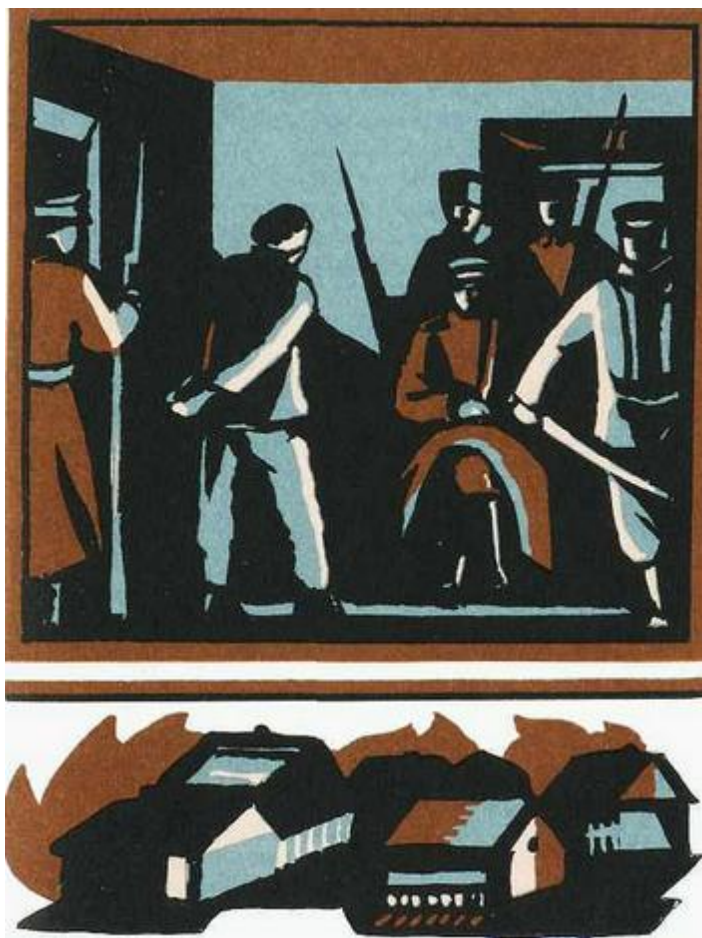
ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА

Всероссийское правительство (омское) считать врагом народа и беспощадно бороться с ним. Единственной властью в России признать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Совет Народных Комиссаров — власть, служащую интересам трудящихся всего мира и находящуюся в Москве.

Когда начались выборы исполкома, Сергей Лазо покинул съезд и поскакал в Казанку.

Война, думал он, состоит из неожиданностей. Готовясь к операции, он ждал контрнаступления и собирался остановить противника между деревнями Хмельницкая и Бровничи. Однако врагу удалось на первых порах приблизиться к месту проведения съезда. И очень, кстати, досадно, что впросак попал Шевченко, готовивший засаду в самом узком месте единственной дороги. Словно издеваясь над бесхитростным замыслом Шевченко, противник лишь обозначил движение по дороге, а главными силами обошел позицию партизан горами. И весь план обороны смешался. Ах, Шевченко, Шевченко! Никогда нельзя считать

противника глупей себя. Засада в «Дарданеллах» — слишком уж примитивный прием. Не удалась она светоярцам, и они горько расплатились за это, не попался на эту уловку враг и теперь... Предстояло отступление, причем тяжелое. Противник планомерно занимает подтаежные деревни, оттесняя партизан в тайгу. А там не только дорог, там пешеходных троп не существовало никогда. А у партизан обозы, с мест снимутся жители со всем скарбом...

Приближаясь к Казанке, Сергей Георгиевич услышал звуки близкого боя. Оправдались его самые тревожные предчувствия: партизаны оставили не только Казанку, но и Фроловку. Над покинутыми деревнями стояла туча дыма. Ильухов, встретив командующего, приказал увести лошадь и стал докладывать обстановку. После плотного артиллерийского огня Казанка запылала, как огромный костер. Женщины подхватывали ребятешек и убегали в лес. Американские солдаты, озлобленные

потерями, ворвались в чадающие развалины деревни. Навстречу им, спотыкаясь о головешки, брел слепой старик, босиком, в распушенной рубахе. Из всего населения Казанки он остался один, остальные отступили с партизанами. Кто-то из солдат сбил старика прикладом, затем его поволокли к офицеру на расправу. Пленный недоуменно слышал диковинную речь солдат, приехавших в его края из-за океана. Раздраженно дрыгая коленкой, офицер брезгливо оглядел неопрятного туземца и приказал его повесить.

Партизаны, отступив от Фроловки на четыре километра, заняли позицию вдоль берега реки Сучан. Ильюхов уверял, что здесь можно остановить противника. Ничего не отвечая, Сергей Георгиевич наблюдал за боем. Он без бинокля, невооруженным глазом увидел в неприятельской цепи солдат в зеленой форме с белыми ремнями. Сомнений быть не могло: японцы. Они вовремя пришли на помощь своим союзникам, американцам.

О длительном сопротивлении, конечно, не могло быть речи. Это счастье, что Ильюхов не позволил противнику совершить обход и отрезать партизан от леса. Полного окружения не вышло. Отряды могут выйти из боя, отступить, оторваться. Тайга спасет, тайга укроет... Однако какое-то время еще оставалось, и Сергей Лазо распорядился созвать командиров на совещание.

В крохотной корейской фанзе собрались командиры отрядов и члены недавно избранного исполкома Совета. Обстановка безвыходная. В районе Ольги и Тетюхе высадился сильный японский десант и занял все побережье. Под Иманом и Спасском партизаны были оттеснены в тайгу. В тяжелом положении оказался отряд Певзнера. С большим трудом ему удалось вырваться из окружения.

В темной тесной фанзе стоял устойчивый запах чеснока. Горела плошка с жиром. И не глядя на карту, Сергей Лазо знал, что единственный путь для отступления лежал через труднопроходимую тайгу к перевалам Сихотэ-Алиньского хребта. Последним населенным пунктом на еле заметной тропе будет крохотная деревушка Молчановка. Хорошо, что стояло лето и люди могут ночевать под открытым небом. Но провиант! Но боеприпасы!

— Прошу помнить об одном, — чеканным голосом выговаривал Лазо, — отступление — это не разгром. Война есть война, и без отступлений не обойтись. Мы сейчас вынуждены отступить, потому что противник лучше нас вооружен и имеет численное преимущество. Но наша беда еще и в том, что мы слишком переоценили свои силы и совершенно не подготовились к такой военной необходимости, как отступление...

Снаружи треснул револьверный выстрел. Сергей Георгиевич замолк, все повернули головы и прислушались. Наклонив в низких дверях голову, в фанзу вошел председатель ревтрибунала Глубоков. Лицо его исказила судорога, в руке он держал наган.

— Мне пришлось сейчас пристрелить паникера. Негодяй! Распустил язык, болтал черт знает что... Предлагаю немедленно принять решение: трусы и паникеры приравняются к предателям.

Он увидел, что помешал. С глубоким вздохом вернул самообладание и, пробормотав извинение, сел, сжал виски. Прошла тягостная минута.

— Наша задача, — стал продолжать Лазо, — остается прежней; помогать Красной Армии. Она уже близко. Вместе мы непременно победим. А сейчас приказываю начать отход. Первыми уходят раненые и больные. Я отхожу с арьергардом...

Несколько дней к Молчановке стягивались остатки уцелевших отрядов. В узкой лесистой пади скопилось около двух тысяч человек. Два десятка крестьянских избышек не могли ни вместить, ни накормить такую прорву народа. Продовольствия у партизан осталось всего на три дня. Возле костров в открытую раздавались голоса, что незачем было браться за оружие. А интервенты продолжали планомерное окружение, заняв Сергеевку, Короленку, Монакино. Надо было спешно искать выход из положения.

Властью командующего Сергей Лазо распорядился распылить отряды и выбираться из «молчановского тупика». В создавшейся обстановке самым важным было сохранить силы для будущих боев. Отряд Петрова-Тетерина обоснуется в районе Анучино, Мелехину с группой партизан предстояло действовать в Иманекой долине, Николай Ильюхов будет возглавлять борьбу в своем Сучанском районе.

Прощаясь с товарищами, Сергей Лазо с трудом держался на ногах. Сказалось чудовищное напряжение последних дней. Не проходила боль в спине, на ногах на месте отеков появились зловещие раны. Когда из молчановской пади ушел последний партизан, Сергей Георгиевич собрал свой старый таежный мешок, вырезал палку и побрел в верховья реки Сучан, там, в непроходимой глухомани, вдали от человеческого жилья, доктор Сенкевич раскинул партизанский лазарет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Письмо от мужа, где Сергей Георгиевич советовал поскорее выбираться из Владивостока, Ольга показала Сахьяновой. Стали думать вместе, куда уехать. С грудным ребенком на руках рискованно пускаться в дальнюю дорогу. Мария посоветовала небольшую деревушку Гордеевку, в окрестностях Анучино. Там второй год стояла заколоченной школа — не было учительницы. При школе имелась квартирка. За летние месяцы, до начала учебного года, можно сделать ремонт, заготовить дров. Мария добавила, что и с пропитанием в деревне будет легче. Для Адочки, например, свежее молоко...

— Нужен пропуск. Иначе арестуют при первой же проверке.

— Достанем, — пообещала Сахьянова. — Что-нибудь придумаем.

Они поговорили о последних новостях из тайги. После удачной «рельсовой войны» партизанам пришлось вынести мощное наступление озверелых интервентов. Полного окружения удалось избежать ценою громадных жертв. Мелкими группами партизаны рассеялись по всей территории Южного Приморья.

В одном из последних боев, прикрывая отход своих товарищей, погиб председатель ревтрибунала Глубокой.

Вытеснив партизан в глухие таежные районы, интервенты возвратились на свои базы. В подтаежных деревнях остались небольшие гарнизоны белогвардейцев.

Ольга, помнившая бои на Забайкальском фронте, легко представила себе положение партизан, вынужденных скучиться на последнем рубеже, в Молчановке. Однако Борис Кларк любил говорить, что безвыходные положения заставляют нас собрать все силы и увидеть, на что мы способны. И судя по сообщениям из Амурской области, куда прорвалась часть партизан из Сучанской долины, интервентам не удалось сломить дух сопротивления. В Амурской области тоже началась «рельсовая война». Амурская железная дорога подверглась разгрому на протяжении от станции Ерофей Павлович до самой Волочаевки. Народная борьба не затихала ни на один день.

Ольгу тревожило отсутствие вестей о Сергее. Утешало одно: если бы с ним что случилось, об этом сразу стало бы известно. Значит, жив. Может быть, ранен? Или заболел настолько тяжело, что свалился с ног? Больные почки донимали его постоянно. А беречься он не умеет. Не умеет болеть!

Долгими вечерами, искупав ребенка и уложив его спать, обе женщины располагались за столом и за чаепитием вели

нескончаемые разговоры.

Потрескивала лампа, ребенок сладко спал. Под завывание ветра женщины вполголоса разговаривали о самом сокровенном. В разговорах они не замечали времени.

Если было слишком поздно, Мария оставалась ночевать. Забравшись под одеяло, она дожидалась, когда Ольга погасит лампу, и принималась рассуждать о том, что полоса временных неудач уже как будто позади. Доказательства? Повальное разложение в колчаковской армии. Офицеры поголовно пьянствуют. Ожесточенная грызня идет в самой верхушке. Поговаривают, что атаманы Семенов и Калмыков уже открыто не выполняют распоряжений самого «верховного», адмирала Колчака. Но самое главное — настроение солдатской массы. Воевать осточертело всем. Частичный успех в июле голову не вскружил. Борьба с народом теряла всякую перспективу и подходила к логическому концу. Это понимал сейчас даже самый забитый солдатишка.

— Если солдат еще тянется перед офицером, это ничего не значит. Он стоит, вылупил глаза, а что у него на уме — начальству не видеть.

Первыми признаками окончательного краха, считала Мария, будет постепенное освобождение от солдатского постоя подтаежных деревень. Там, в гарнизонах, солдаты уже переходят на сторону партизан. Генералы остаются без армии. И недалеко время, когда партизаны снова выйдут из тайги.

Ольга призналась:

— Даже не верится, что можно жить мирно и спокойно. Представляешь, на улицах ни одного японца. Идешь, никого не боишься.

Внезапно послышалось хныканье ребенка, Ольга вскочила и стала зажигать лампу. Нет, все спокойно. Девочка спала, выбросив поверх одеяла теплую пухлую ручку. И Ольгу вдруг пронзила невыразимая жалость к этой безмятежной маленькой девочке. Она приложила руку к глазам, затем спохватилась и глянула на гостью. Но Сахьянова ничего не видела, спала...

Достав пропуск, Мария проводила Ольгу на вокзал, помогла устроиться в вагоне. По перрону расхаживали японские солдаты, повесив винтовки на плечо. Вдали сивел залив; неподвижными громадами, вросшими в зеркальную гладь рейда, стояли броненосцы под самыми различными флагами.

— Мне страшно, — призналась Ольга. — Вдруг приедет Сережа, а нас нет?

— Ему нельзя здесь появляться. Они только и ждут! Наоборот, там вы скорее встретитесь.

В словах подруги Ольге почудился неясный намек.

— Маша, ты что-нибудь знаешь?

— Он где-то там, — твердо ответила Мария.

Узнав о тяжелом заболевании Лазо, она не хотела добавлять преждевременного беспокойства Ольге. Настанет время, сама узнает...

Сегодняшнее состояние подруги показалось Ольге странным, необычным. Сахьянова старалась скрыть волнение, несколько раз ответила невпопад, глаза ее блестели.

— Маша, что с тобой? Что-нибудь случилось?

— Езжай спокойно. Ничего страшного.

— Но все-таки? Я же вижу. Сахьянова нервно рассмеялась.

— Ты невозможный человек! Ну, хорошо, порадуйся вместе с нами: Всеволод бежал. Наконец-то удалось. Большая удача!

Побег Всеволода Сибирцева конечно же был тщательно подготовлен. Почему же Мария об этом не обмолвилась ни словом? Вот скрытная! Ольга восхитилась выдержкой подруги. Сама она на месте Сахьяновой поступила бы точно так же. Чего нельзя, того нельзя!

— Где он сейчас? Я имею в виду: в безопасности? После побега Всеволод скрылся в надежном месте на Первой речке. Вскоре, вероятно, переберется на 26-ю версту. Там помещается типография подпольной газеты «Коммунист» (вместо прежней газеты «Красное знамя»). Мария пожаловалась, что выпускать газету невероятно трудно. Работы много, а людей нет. Выходит газета нерегулярно... Всеволод Сибирцев уже введен в состав редколлегии.

— Он великолепно пишет. Даже стихи! Да, да, представь себе, я читала, он нам присылал из лагеря. Сейчас такой работник нам особенно необходим.

Обычный деловой разговор двух подпольщиц... Однако Ольге показалось, что с тех пор, как появилась Адочка, повседневные боевые заботы подпольной организации стали обходить ее стороной. Неужели она превратилась только в мать со своими заботами о здоровье ребенка? Досадно, если товарищи так считают! Однако высказать свои обиды ей не удалось: ударил колокол на перроне. Через несколько минут, успокоившись, она с благодарностью подумала о спасительном звонке. Никто из товарищей не собирался списывать ее в архив. Наоборот, Сахьянова намекнула, что в Гордеевке ее ждут какие-то обязанности, там она не будет сидеть сложа руки и заниматься лишь своим ребенком. Уезжает она от назревающего провала и для работы.

На рассвете Ольга сошла с поезда и огляделась. От обильной росы потемнели крыши, безжизненно повисла начинавшая желтеть листва. Поезд, не подавая сигнала, закрипел и тронулся. Скоро вдали погасли красные огни последнего вагона. Ольга осталась на перроне одна. Она держала на руках спящего ребенка.

Дежурный, поживаясь от сырости, посоветовал ей дожидаться утра. Бывает, на станцию приезжают мужики из деревень. Но только деньги им предлагать бесполезно, берут они продуктами или вещами.

— Консервов у вас, случайно, нету? А галет? Это они любят...

Утром к ней, дремавшей на скамеечке, подошел сонный человек с дремучей бородой, в расстегнутой жилетке. Его послал дежурный. Ольга достала из узелка платье. Человек долго его встряхивал, разглядывал.

— Ладно, подожди маленько, бабочка. Сначала поедешь с нами вместе, а потом мой малый тебя докинёт.

Ничего не поняв, Ольга осталась ждать. Платье человек унес с собой.

Часа через два возле станции остановилась подвода. Правил парнишка лет пятнадцати.

Покатили быстро, с громом. Парнишка лихо взмахивал кнутом. Дорога шла лесом. На изволок, когда колеса телеги вязли в песке, парнишка спрыгивал и, посвистывая на лошадь, потряхивал вожжами.

День тянулся нудно, бесконечно. Слепни носились над лошадьё, телегу трясло на корневищах, пересекавших дорогу, словно чудовищные змеи. На обе стороны, куда хватало глаз, раскинулось пространство, блаженное по изобилию и дикости. Могучие травы возносились выше человеческого роста и валились набок.

В Гордеевку добрались к вечеру. Недалеко от дороги высился небольшой деревянный обелиск. Парнишка указал на него кнутом.

— Пострелянных захоронили. Здесь, в этой Гордеевне самой, ни одного мужика целого не осталось, всех порешили.

Десятка три избушек были разбросаны среди чахлых огородов. Ни души на улице, ни проблеска света в окошках. Длинное здание школы покосилось, окна и двери крест-накрест заколочены досками.

— Живые-то кто-нибудь есть? — спросила Ольга.

— Бабы одни остались. Но пугливые. Сейчас кого-нибудь найдем.

Подвода остановилась возле избы с распахнутой дверью.

Выбежала собачонка, но не залаяла, а стала подозрительно присматриваться к приехавшим. Парнишка рассмеялся:

— Во напугали!.. Эй, кто есть живой?

Из-за косяка выглянула женщина, всмотрелась и несмело вышла на крыльцо. Парнишка успокоил ее, сказав, что привез учительницу.

— А мы-то уж думали! — и женщина спустилась, стала помогать Ольге. — У нас, если что, весь народ в тайгу бежит...

Сначала появились ребяташки, затем показались женщины. Ни одного мужчины Ольга не заметила. Парнишка-возчик оказался прав: всех деревенских мужиков каратели расстреляли. Женщины плакали, рассказывая, как хозяйничали в Гордеевке каратели генерала Смирнова. С тех пор напуганные жители по вечерам не зажигали в избах света.

Ольга объявила, что переберется жить в школу, как только наведет там порядок. Хозяйка, Марья Никитишна, стала уговаривать ее оставаться.

— Легки, угла не пролежишь. А вдвоем веселее.

Весь вечер она рассказывала о деревенском житье-бытье. Сначала в Гордеевку наведались бандиты.

— Охальники, не приведи господь. Крови нанюхаются, дыму, да в спирт с головой. Скотину сразу режут, а котов с собаками вешают на веревках. Уйдут — одни собаки и висят... Атаман у них ну чистый антихрист! Ввалится и аж дымится от самогона. И сразу к девкам: «Айда со мной в баню!» И мода у него — в потолок стрелять. «Чтоб грому, говорит, на все Европы произвесть, аж до Америки до самой!»

Самая большая беда пришла в Гордеевку, когда по уезду тронулся карательный отряд генерала Смирнова.

— Сгонят нас, — рассказывала Марья Никитишна, — генерал стоит и плеточкой по голенищу щелк да щелк. «Баб, говорит, отдельно, мужиков отдельно». Потом главному казнителю махнет, тот и принимается. Глаз в нем от дикости не видно, вроде цепного кобеля. Учителка у нас жила, уже преклонных лет. Спрашивает ее: «Учила? Ага, так значит и коммунистов здешних обучила? Вот тебе пенсия за это!» И через все лицо — хлобысь. Раздели ее, ободрали догола и ну полосовать. Ребятишки, бабы в крик, а убежать не смей, стой и смотри-любуйся. А за сараями в это время наших мужиков пулеметами наказывают... Такого страха, милая, набрались, что и не пересказать всего!

На следующее утро Ольга сходила к заключенной школе, осмотрела комнатку учительницы и решила все же перебраться. Марья Никитишна расстроилась.

— Не поглянулось у меня? Ну, тогда поживи хоть недельку.

Мне одной неведомо. А ты, случаем, по фершальской части не знаешь? Нету у нас фершала, а ребяташки валяются. Сегодня принесет тебе одна, уж погляди... Ну, не вылечишь, так хоть слово скажешь, и на том спасибо.

Никаких отговорок она не хотела слышать.

Деревенская ребятня страдала от простуд и нарывов. Но чем помочь? Ни капли йоду, ни таблетки аспирина. Ольга советовала матерям лечить детишек баней и чаем с малиной. Покуда она делала осмотр, Марья Никитишна приготавливала угощение. Скоро Ольга поняла, что деревенским пуще всякого лекарства хотелось порасспросить городскую о новостях. Но что она могла им сообщить? Обещала скорое улучшение. Не век же бедовать!

Дня через два поздно вечером в дверь избушки тихо постучали. Хозяйка обмерла.

— Ох, кто-то чужой!

Она выглянула, тотчас дернулась назад, захлопнула дверь.

— Не нашинский какой-то... Не иначе, «колчак».

Так деревенские называли солдат-белогвардейцев. Послышался стук палки, в избушку ввалился человек с огромным мешком на спине. Лицо его до самых глаз заросло бородой, на ногах лапти. Ольга в изумлении тихо ахнула: перед ней стоял до смерти усталый Сергей Лазо.

Чтобы не выдать своей радости, Ольга быстро отвернулась. Хозяйка не сводила с ночного гостя испуганных глаз. Сергей Георгиевич свалил с плеч мешок, опустился на табурет. Он слышал, что в Гордеевке появился свежий человек, и пришел осведомиться, нет ли городских газет.

Ольга понимала, что его тянет в другую комнату, где на кровати, болтая ножками, гулякала маленькая Адочка, но он не мог, не имел права выдавать себя. Ольга тут же приняла игру, сказав, что одну газету она случайно захватила, сейчас вынесет.

Свернув газетный лист, она сунула внутрь фотографическую карточку Ады.

— Вот. Больше нет ничего.

Попросив напиться, Сергей Георгиевич отдохнул и стал собираться. С мешком на спине он с трудом пролез в низенькую дверь. Простучала палка на крыльчке, и все затихло. Ольга накинула платок и выскочила из избы. Невдалеке вспыхивал и гас какой-то огонек. Сергей зажигал спички, чтобы как следует разглядеть фотографию дочери.

— На кого она у нас похожа? — Он снова взгляделся. — Не пойму. Но как будто на меня. Ты не находишь?

— Постой... Ты где сейчас? Откуда? Я же ничего не знаю!

Он рассказал о лазарете. О побеге Всеволода Сибирцева из

лагеря он уже знал. Ольга удивилась скорости, с какой сообщение из Владивостока достигло таежного лазарета. Работала хорошо налаженная система связи. И она вновь, как и при прощании с Сахьяновой на владивостокском вокзале, ощутила себя оторванной от больших дел, которыми живет подпольная организация Приморья.

— Оля, я понимаю, тебе сейчас тяжело. Но скоро мы будем вместе. Осталось ждать немного. И потом уже не будем расставаться.

— Я скоро переберусь в школу. Наша школа во-он там. Если все будет спокойно, я зажгу свет. Наблюдай за окнами.

Через два дня Ольга перебралась в комнату при школе, и в первый же вечер к ней явились Сергей и доктор Сенкевич. В мешках они принесли продукты и небольшую аптечку. Доктор сделал Адочке прививку оспы и завалился спать.

Часа полтора Сергей забавлялся с Адочкой, не спуская ее с рук. Потом Ольга покормила дочь и уложила ее спать. На полу возле стены всхрапывал Сенкевич.

— Знаешь, он меня поставил на ноги, — сказал Сергей, с нежностью посмотрев на безмятежно спящего доктора.

— Замечательный человек, — подтвердила Ольга. На нее доктор с первой же минуты произвел самое отрадное впечатление.

— Пусть спит, — сказал Сергей. — Он так устает!

Низенький крепыш Сенкевич чем-то напомнил ему доктора, жившего по соседству с Пятрами и приезжавшего лечить отца. То же самое жизнелюбие, готовность к участию, безграничное добродушие. Иногда Сергею думалось, что эти душевные качества являются профессиональной принадлежностью людей, занятых человеческим здоровьем. Но Сенкевич, в отличие от доктора из Пятр, умел и прекрасно воевать: одно время он был комиссаром партизанского отряда. Ревштаб убедил его, что для него сейчас важнее всего не убивать врагов, а возвращать в строй раненых и заболевших товарищей. Сенкевич оборудовал в тайге прекрасный госпиталь.

— Тебе так не идет эта борода! — неожиданно заявила Ольга. Сергей рассмеялся.

— Таежное украшение. Скоро сбрую.

Он сказал, что ему придется перебраться во Владивосток.

— А мы?

— Вам пока лучше остаться здесь. Но ты не беспокойся, тебя не оставят. Здесь Дядя Володя, здесь Ильюхов, Владивостоков...

Сергей и Ольга проговорили до самого рассвета.

Они разговаривали, как два партийных работника, два

опытных подпольщика. Сергей пожаловался, что исполком, избранный на Ольгинском съезде, после июльского отступления перебрался в Улахинскую долину. Это, безусловно, ошибка. Партизанское движение осталось, по существу, без руководства. Губельман пытается что-то сделать. Недавно ему удалось создать в Чугуевке «Центральное информационное бюро партизанских отрядов Приморья» для координации действий. Однако самое большое, что удалось этому бюро, — наладить более или менее регулярную связь с областным комитетом партии. Получается неприглядная картина: события в крае как бы обгоняют тех, на кого была возложена обязанность руководить. В Иманском уезде, например, отряд Мелехина вырос до 250 человек. Недавно он соединился с другим партизанским отрядом и превратился в крупное соединение. Партизаны настолько обрели уверенность, что совершили нападение на станцию Муравьево-Амурская, взорвали мост и захватили много оружия, боеприпасов. Под Спасском действуют отряды Борисова и Певзнера, возле Чугуевки — отряд Владивостокова.

— Народ сражается, а мы, признаться, немного отстаем...

Рано утром гости напились чаю и стали собираться в путь. Доктор Сенкевич возвращался в лазарет, Сергей Лазо направлялся в деревню Серебряную. Там находился штаб одного из партизанских отрядов. Сергей Георгиевич предупредил Ольгу, что в Серебряной он не задержится и на обратном пути обязательно зайдет в Гордеевку. Он намеревался превратить гордеевскую школу в одно из звеньев цепочки, по которой пойдет связь подпольного обкома партии с партизанскими районами. Ближайшим информатором Ольги станет Владивостоков, не только командир боевого отряда, но и член Ревштаба...

Ольга рассчитывала, что из Серебряной Сергей вернется к концу следующего дня. Дождавшись сумерек, она зажгла лампу и поставила ее на подоконник. Сергей издали увидит свет в ее окошке. Она прибрала в комнатке, принарядила Адошку и поставила варить картошку. Аптечка доктора Сенкевича помогла ей в лечении детишек, женщины расплачивались с ней продуктами: картошкой, луком, молоком. В двух избах имелись швейные машинки. Из обрывков старой кофты удалось скроить нарядненькое платьице для Адошки.

Медленно тянулся вечер. Ольга уже привыкла не бояться, когда в ночном лесу вдруг раздавался резкий крик козлов-гуранов. В первые дни она каждый раз вздрагивала. Ближе к полночи тайга затихла, и стал слышен только ровный слитный шум качающихся сосен.

Раздев и уложив ребенка, Ольга аккуратно свернула

платице-обнову и приготовилась ждать. Заснуть она была не в состоянии. Она надеялась, что Сергей все равно придет. И лишь перед рассветом убрала с окна лампу. Утром ему входить в деревню слишком опасно: много любопытных глаз.

Что же могло случиться?

Днем кто-то из соседок принес известие, что по дороге на Казанку прошел большой отряд солдат. Ольгу охватило беспокойство. Она знала, что солдат отводят из притаенных деревень. А тут — наоборот! В самых тревожных предчувствиях она связывала задержку мужа с неизвестными событиями в Казанке, куда так спешно были брошены солдаты.

Снова весь вечер допоздна горела лампа на ее окне и снова напрасно — Сергей не появился.

Рано утром к ней прибежала перепуганная Марья Никитишна. На ней не было лица.

— Пошли скорей!

— Что у вас стряслось?

— Пошли, говорю. Не копайся!

Она потащила ее к себе. По дороге Ольга попыталась расспросить ее, — бесполезно. Марья Никитишна, путаясь в длинной юбке, проворно бежала к дому.

В знакомой кухне на полу лежал рослый нескладный парень, он был весь в крови. Ольга испугалась. Она же не врач и даже не фельдшер. Чем она может помочь? У парня оказалась ножевая рана в боку и сильно изрезанные руки. Он потерял много крови.

Марья Никитишна прикрикнула на Ольгу и принялась хлопотать. Вдвоем они обмыли парню руки и перевязали, на рану в боку положили капустный лист. «Жар оттянет», — пояснила соседка.

— Кто он такой? Откуда? — недоумевала Ольга.

— Приполз откуда-то. Утром собралась доить корову — лежит. Не иначе, из Казанки. Очухается, сам расскажет.

Пока парня следовало спрятать. Ольга предложила поместить его в школе, Марья Никитишна запротестовала.

— С ума сошла! У тебя и без того...

Она не договорила, но Ольга насторожилась. Намек? На что? Неужели заметили Сергея?

На все расспросы Марья Никитишна отмахивалась с притворной досадой. Однако в глаза не смотрела и усмехалась загадочно. Выходит, остаться незамеченным Сергеем не удалось... Плохие же они конспираторы!

Но что же произошло в Казанке? Марья Никитишна пересказала, что говорят в деревне. Будто не в самой Казанке, а в деревушке Светлый яр «пущали кровь без всякого разбора».

Карательный отряд для начала расстрелял несколько солдат из гарнизона, затем принялся за местных жителей. Будто бы открылась какая-то измена. Двух женщин, старуху и ее дочь, долго пытали раскаленными шомполами, потом завели на высокую скалу и сбросили вниз на камни.

Ольга догадалась, что в деревенском гарнизоне кто-то выдал заговор солдат. Рассвирепевшие каратели навели там суд и расправу. Но этот изрезанный парень? Придется подождать, пока он придет в себя...

Вечером она выставила лампу на окно и прилегла возле Адочки. «Неужели и сегодня...» В голову лезли самые нелепые подозрения. В прошлый раз Сергей с тревогой говорил, что в организации подпольщиков действует ловкий провокатор. Похоже, он проник давно и хорошо замаскировался. Противник успевает наносить удары в самую последнюю минуту. Так было уже несколько раз.

Условный стук в окно заставил ее опрометью броситься на улицу. Он! Наконец-то... Сергей оставил палку в сених и первым делом спросил:

— Что, уже спит? Не успел!

И он долго смотрел на спящего ребенка.

О причине задержки мужа Ольга догадывалась правильно: в небольшом гарнизоне, оставленном в деревне, Николаю Ильюхову удалось найти несколько недовольных солдат. Вернее, солдаты сами стали искать встречи с партизанами. С помощью старухи Сивухиной и ее дочери они связались с Ильюховым. Задумано было перебить или связать ненавистных офицеров и с оружием в руках перейти на сторону партизан. И сорвалось! Кто-то выдал... Расправа карателей была ужасной. Старуха Сивухина и ее дочь вынесли страшные мучения. Их действительно сбросили со скалы. Когда каратели ушли, старик Сивухин подобрал истерзанные тела жены и дочери, сложил их в один мешок и так, в мешке, похоронил.

Сергей был расстроен неожиданным провалом. Он повторял:

— Никто не ждал. Так все было хорошо и — вдруг! Еще бы один день всего. Нет же!

Подперев щеку, он погрузился в мрачные раздумья. Ловкий провокатор до сих пор не выявлен и продолжает свою страшную деятельность. Кто же? Сколько можно? Хоть бы небольшую ниточку в руки!

Ольга стала кормить мужа: подала холодную картошку, свежий хлеб, кислое молоко.

Снимая картофельную кожуру, Сергей складывал ее аккуратной кучкой. Он не макал картофелину в солонку, как это

делал бы каждый изголодавшийся, а набирал соли кончиком ножа и стряхивал ее постукиванием пальца. Ольга молчала и с любовью смотрела на него. Он не жадничал, неторопливо разламывал хлеб и отправлял его в рот маленькими кусочками, и когда ей показалось, что он ищет чем вытереть руки, она сорвалась с места и подала ему полотенце. С тех пор, как им довелось узнать друг друга, Ольга впервые с такою остротой испытала счастье любящей женщины, которой радостно хоть чем-то выразить эту любовь.

— Хочешь, я принесу свежего молока? У меня оставлено для Адочки. Но мне еще принесут, ее беспокойся! С молоком здесь хорошо...

Кажется, он правильно понял ее порыв, его большие черные глаза как бы растаяли и осветились изнутри. Он опустил руку с надкушенной картошкой.

— Сядь, пожалуйста, поближе. Ты вообще как-то странно сидишь. Будто я гость, а ты...

Она покраснела и замахала на него руками.

— Ешь, ешь и ничего не выдумывай!.. Тебе же скоро уходить.

Он с удрученным видом уставился в стол.

— Понимаешь... Я тебе уже говорил, что скоро отправлюсь во Владивосток. Так надо. Вызывают. Я осмотрюсь там, погляжу. Если что, вы тут же приедете. Но пока ты нужна здесь. Владивостоков уже знает, проинструктирован. Я его видел.

Внезапно он раззевался, затряс головой и, смеясь, пожаловался, что не спит вторую ночь. У него совсем слипались глаза.

— Не отдохнешь?

— Некогда. В дороге разойдусь. Я сейчас здорово приноровился: пока шагаю, все передумаю о чем угодно. Приду на место, остается только сесть и записать.

Ольга улыбнулась.

— Ну, ты же у нас, как Наполеон. Помнишь, Вася Бронников завидовал, что ты можешь по несколько ночей не спать? Да и Борис...

Но он уже не слышал ее: он спал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

До нынешнего лета весь мир Егорши ограничивался деревней Светлый яр. Жилось ему под суровой рукой хозяина трудно. Семен Данилыч Паршин спуску не давал и взыскивал свирепо. Но лишь наскок смирновского карательного отряда показал Егорше всю меру человеческой злобы и жестокости. Такой крови Егорша не видел никогда в жизни.

Сам он уцелел в этом свирепстве совершенно случайно. Мишка Паршин, уже угарно пьяный, с остекленелыми глазами, едва узнав Егоршу, с размаху ахнул его в ухо и неистово заорал: «А, прихвостень. Ложись!» Не уложи он спяну своего бывшего батрака под шомпола, Егорше не сносить бы головы.

Избитый до беспамятства Егорша пришел в себя, когда каратели праздновали свою победу над усмирённой деревней. Отовсюду неслись песни. Разор и поругание продолжались, кипело срамное, непотребное веселье палачей.

За остаток ночи Егорша отлежался, а утром помог Сивухиным, старикам и Клавдии, похоронить Петра и Власа. Как внезапно закончилось земное существование этих хороших и душевных мужиков! Еще вчера сидели, дымили самосадом и беспечно похохатывали, а вот закрылись навек глаза и не видать им больше белого света... Примерно так рассуждал Егорша, со страхом поглядывая на обезображенных мертвецов. Страшна, загадочна смерть! А ведь и сам он тоже мог бы сейчас укладываться рядом с ними в наспех отрытую могилу. Случай спас, удача. Ох, напрасно мужики вечерами напролет только изводили табачище и зубоскалили. Пока было время, перебрать бы весь народ по зернышку, как перебирают семя, чтобы не кинуть в борозду дурного. Чего ждали, на что надеялись? Паршины-то, Паршины... и показали же себя! Наука... Нет, видно, у богатых голова хоть и может иногда по-нашему всякие слова произносить, да сердце их волчиное все равно по жирному куску тоскует. И эту разницу никакими уговорами не переменишь. Придуманно еще древними царями: кому в жизни привалило, тот сел на всех других и уж местом своим с босотой и голью ни за что не поменяется. Поднять бы сейчас Тимошу да посадить напротив. Правильно учил очкастый председатель батрака: наука из наук — политика. Не о богатстве должен думать человек, не о наживе, а только о справедливости... Жалко было Петра, Власа, всех мужиков. Даже тихоню Прокопьева не пощадили! Из всех деревенских где-то затерялся лишь маленький Пак со своим отрядом да вечно недовольный Фалалеев. А остальные сгинули в

одночасье.

Похоронив убитых и растерзанных, деревня затаилась. Ликовали одни Паршины. Остальные «стодесятинники» — Лавочкин, Титов, Шашкин — оказались поумнее и радости своей не выдавали. Словно чуяли, что торжество по нынешним временам долго не протянется. Так оно вскорости и оказалось... Наблюдая безудержное ликование своего недавнего хозяина, Егорша все больше проникался сознанием той политики, которой учил его незабвенный Тимоша. После такой кровищи ответ один: сбить скорей всю эту сволочь в море да под водой схватить за ворот крепче и держать до самой смерти, пока не успокоится. И больше никаких не надо слов.

По обыкновению, Егорша жил молчком, однако взгляд его выдавал напряженную работу мысли, и старик Сивухин, к которому он прилепился после похорон Петра и Власа, однажды был изумлен, когда бывший бессловесный батрак, желая утешить горевавшую Клавдию, вдруг заговорил корявыми нескладными словами. Егорша не знал, что его подслушивают, он горел желанием сказать несчастной Клавдии самые пронзительные слова. И старик, тоже жалевший терявшую рассудок дочь, понял из речи неуклюжего парня, что нам, русским, и от беды бывает большая польза, если только подойти ко всему с умом, что паразиты позапихали под себя по сто десятин да в придачу дерут пух-перья с корейцев, они не считают остальных ну даже за полено, скотину больше почитают, чем нашего брата: встретит, например, теленка — обойдет, а человека, словно щепку, скинет и не оглянется.

Дошли до Клавдии бесхитростные слова парня, не дошли, но старик знал, что горе, как вода, уйдет со временем и, глядишь, снова заживет запекшееся лицо дочери, снова осветится оно прежней улыбкой, которую так любил покойник Влас.

Сам старик своего горя старался не показывать. Однако потеря сына и зятя заметно его подкосили. За ним стали замечать одну необъяснимую странность: посреди работы он вдруг опустит руки и замрет столбом и стоит, покуда не окликнут. Однажды старуха долго глядела на него, подошла и тронула:

— Ты что это, отец?

Он вздрогнул, глаза его как будто ожили, и вдруг рыдания потрясли все его сухонькое обессиленное тело.

Егорша, прижившись в сивухинской семье, старался заменить обоих погибших мужиков. Работы навалилось много, и он трудился изо всех сил, раздумывая о том, что для хорошего человека работаешь, как для себя, усталости не знаешь, а вот для врага и перышко поднять с земли в большую тягость.

События шли своим чередом. Во Фроловке объявились городские люди, потом стало известно, что в воскресенье там состоится митинг. Народ принарядился спозаранку. Егорша отправился во Фроловку и все увидел собственными глазами. Рыжеватый худенький парнишка возвышался над морем человеческих голов и, вздымая над собою руки, бросал удивительные слова:

— Здравствуйте, герои, отцы наши, братья наши, воины пролетарской революции! Здравствуй, непокорная, прославленная подвигами, мятежная Сучанская долина! Мы пришли к вам с мечтой отдать наши скромные силы восстанию, вместе с вами до последнего дыхания драться с оружием в руках, с пламенем в сердце за власть Советов и победить врага... Пройдут годы, десятилетия, и о ваших подвигах народ сложит красивые песни. Ваши деяния легендарны...

Грозя кому-то костлявым кулачком, он вдруг заговорил настолько складно, что народ на лугу замер, затаил дыхание.

Пусть знают белые бандиты,
Что мы из сопок не уйдем.
Мечты свободы не забыты,
Октябрь горит в сердцах огнем!

Парнишку качали, высоко подбрасывая в небо. Он держался за козырек кепчонки и верещал. Рубаха на нем надувалась пузырями.

После него место на трибуне стало браться с бою. Многих ораторов, послушав минутку-другую, стаскивали за полы, и они, взмахнув руками, опрокидывались и исчезали в людском море, словно в бездонной воде.

Вернувшись из Фроловки, Егорша с нетерпением хотел увидеть Клавдию. Так много хотелось ему сказать! Перед глазами продолжало качаться безбрежное море митинга. Какие слова там говорились! Вот она где, настоящая-то грамота... Но поговорить ему в этот вечер с Клавдией так и не удалось. А наутро в Светлый яр пришли партизаны.

И для бывшего батрака началась совсем другая жизнь.

Партизан встретили пышно, с радостью. Сивухин вынес хлеб и соль и плакал, не скрывая слез. В школе снова закипела жизнь. Егорша, пропадая на школьном дворе, подружился с молодыми комсомольцами Игорем Сибирцевым и Сашей Фадеевым. Ребята, совсем сосунки на глаз Егорши, держались с уверенностью взрослых. Саша Фадеев запомнился ему с митинга, где он заставил пропасть отчаянного народу раскрыв рты замереть и

слушать. Такое надо было суметь!.. Игорь, ласковый, улыбочивый, стал сразу звать Егоршу тезкой. Благодаря ему Егорша познакомился с самим Лазо. Он как-то стоял и разговаривал с комсомольцами, вдруг оба, Игорь и Саша, заулыбались и подтянулись: к ним, опираясь на палочку, подходил темноволосый человек с аккуратной молодой бородкой на припухшем нездоровом лице.

Лазо остановился и немного поговорил с ребятами. Мягкая речь с картавинкой звучала не по-здешнему. Егорша вслушивался в его голос, словно в музыку. Он с подозрением посматривал на Игоря и Сашу. Лица комсомольцев сияли. Нет, эти ребята притворяться не умели. Да и зачем? Так неужели это и есть Лазо? Но как же он не походил на того богатыря, каким рисовался Егорше и мужикам! Фалалеев, например, ни за что бы не поверил...

Лазо ушел, а партизаны принялись со смехом донимать Егоршу. Командир к нему с душой, с вопросами, а он остолбенел, ни одного путного слова не произнес! Ну не пень ли? Егорша готов был провалиться... В конце концов Игорь сжалился над ним и прекратил потеху. Егоршу он убедил, что слушать шутников не стоит. Наоборот, Сергей Георгиевич остался очень доволен ответами Егорши, особенно выделив его непримиримое убеждение: кто деревенской работе помеха, тот и враг.

Посиживая на штабной завалинке, прислушиваясь к разговорам, к спорам, наблюдая бешеную жизнь партизанского штаба, Егорша получал первое политическое образование. Теперь глядел Егорша на партийных — по большей части правильные люди. Командиры у них самогон не позволяют, вещи запретили, баб чужих нельзя. От них и остальные набираются. А Игорю Сибирцеву, партийному парнишке, в ноги поклонился бы: голова, как у министра. Протер он кой-кому глаза в деревне. Правильно: надо всю Россию по справедливости устроить. К старому народ теперь и паровозом не заворотишь: дотерпелись до точки...

Говорить Егорша был не мастер, а говорить хотелось — так нагорело на измученной душе, которой вдруг открылся свет. В Клавдии, переживавшей свое горе, он нашел молчаливого, но благодарного слушателя. И бывший батрак принялся расстилать перед убитой горем вдовой нарядный плат своего бесхитростного красноречия. Теперь наш ход, доказывал он Клавдии, вся ихняя жизнь у нас под ногами, как былинка. Ломили мы на них, двужильничали — хватит. Потяни-ка воздух-то! Ну? Чем потягивает? Волей! Высказываясь таким образом, Егорша смелел, плечи его расправлялись, он чувствовал себя уже не забитый батраком, которому собака-хозяин показывал ногой, а человеком

почти что государственным, имеющим мысли не только о своей утробе. Вспоминая приветливых ребят-комсомольцев, он сознавал и свою важность. Ого, затронь-ка кто его сегодня, тиранничать больше не позволит никому!

И замечал он — Клавдия уже сама искала встреч с ним, ждала его речей. Эх, вид бы еще подходящий ему! Егорша завидовал партизанским разведчикам. Вот кто одевался, как картинка! Все на них трофейное: сапоги, папахи, маузеры. Поговорить разве с ребятами, упросить своего тезку: пусть определяют его в разведчики.

Но жизнь в деревне неожиданно переменилась быстро, враз. После того многолюдного митинга во Фроловке все партизанское начальство уехало в Сергеевку, на съезд. Но в это время уже определенно говорили, что каратели снова близко, идут с великой силой и что партизанам приходится несладко: бьют их, загоняют в глухомань, откуда путь один — в болота. Последние известия были из Молчановки — и после этого как замерло. Неужели же конец всему?

В эти смутные дни, когда надвигалась новая беда, Егорша не находил себе места. Наверное, он зря поддался уговорам стариков и Клавдии. Они, узнав, что парень собирается уйти в отряд, так и вцепились в него: на кого же он их бросает? Пришлось остаться. Егорша понимал, что на старика уже плоха надежда. Похоронив Петра и Власа, он совсем поник и собрался умирать.

В деревне недолгое время постоял японский отряд. Зверств на этот раз почему-то не было, однако живность со дворов исчезла вся, до последнего куренка. Японский офицер, желтый, узкоглазый, с очками, въехавшимися в толстенные щеки, постоянно добивался:

— Снай, где партисана? Не снай? Оцен харасо.

Рослый, нескладный Егорша показался ему подозрительным. Он отпустил его, но с сомнением проговорил:

— Русскэ сордату бурсевик...

Японский отряд вскоре ушел, и его сменил белогвардейский гарнизон. В избу Сивухиных зачастили двое веселых разбитных солдат: Кучеренко и Максимов. Удивительно, что бойкие солдаты сами за стол не лезли, а ждали, когда позовут. За столом они не жадничали, не рвали куски наперегонки... Старики Сивухины постепенно перестали их бояться, жаловались на жизнь, на здоровье. Солдаты советовали свозить хворавшую Мироновну в Гордеевку, там вроде бы появилась докторица из города, лечит детей, но, может быть, и старому человеку пропишет какое-нибудь лекарство... Егорша замечал, что Клавдия поглаживает на

пригожего собой Кучеренко. А солдаты засиживались за столом, чай тянули чашку за чашкой и балагурили, веселя хозяев. Кучеренко без конца задирает Максимова, служившего когда-то на корабле.

— Корабли ваши... Если бы они еще стеклянные были! А то рыб ее видать, воздух дурной, железо кругом. А ну ворча какая? Могила это подводная, а не корабль. Нет, мне на земле веселее.

И не переставал посматривать на Клавдию.

На лице Клавдии появлялся какой-то лучик, подобие улыбки. Веселые парни!

Иногда солдаты принимались рассуждать об офицерах.

— Ничего хорошего про них не скажешь. Если не злодей, так лодырь, дармоед. Некоторых, правда, хвалят, но... не знаю, не знаю. Хоть на том спасибо, что по зубам не хлещет!

— А у меня примета есть, — застенчиво улыбался Максимов. — Идешь не козыряешь — ничего. Не сворачиваешь с дороги — тоже не орет. Яблоки из кулька просыпал — сам и подбирает. Вот увидишь — скоро им конец. Они уже сами это чувствуют.

Солдаты приносили обнадеживающие вести: партизаны не сгинули насовсем, а рассосались по тайге, в подтаежных деревнях становится беспокойно, гарнизоны ненадежны.

Однажды в деревню со стороны леса вошел человек, неслышно перелез через плетень и, стараясь не шелестеть картофельной ботвой, направился к избе. Час был еще не поздний, но в деревне не светилося ни одно окно. Безлюдие, заброшенность, уныние, даже собаки не брехали. Бесшумной тенью человек из леса приник к окну, вгляделся, приложив с боков ладошки, затем негромко стукнул. В темной избе как привидение проплыла белая фигура, стукнула в сенях входная дверь.

— Кто там?

С крылечка старик вгляделся в подошедшего ночного гостя и вдруг всплеснул руками:

— Господи, Николай!

Обхватил обеими руками, прижался и заколотился в сухих прорвавшихся рыданиях. Ильухов не произносил ни слова, успокоительно похлопывал по худой трясущейся спине.

— Почему не запираетесь? — спросил он. — Мало ли...

Вместо ответа старик Сивухин горько махнул рукой и повел гостя в избу.

— Погоди, — остановил его Ильухов, — поговорим здесь. А лучше — вон в подсолнухи пошли.

Старик Сивухин рассказал Ильухову, что в деревне стоит

небольшой гарнизон, солдаты бездельничают и занимаются поборами.

— Ты сам-то где? В лесу? — спросил он Ильюхова.

— Дедушка, там много наших... Ты мне лучше вот что скажи: с солдатами говорить не приходилось? Как они — довольны всем?

Старик задумался.

— Приходят двое. То-се... Знают про Петрушу, про Власа. Бабы мои, известно, в слезы... А недавно они про партизан. Я понял так: хотят кого-нибудь увидеть.

— Ага, ага... Интересно. А как думаешь, надежные?

— Так ведь разве в душу-то заглянешь им, сынок!

Через два дня старая Мироновна погнала в лес корову. Это был условный знак. За Мироновной, стараясь оставаться незамеченными, выбрались из деревни Кучеренко и Максимов. В лесу их уже поджидали... Так начался заговор среди солдат. Связавшись с партизанами, солдатский комитет разработал план восстания: в назначенный день солдаты перебьют офицеров и с оружием в руках уйдут в тайгу. К радости Егорши, пригожий Кучеренко почти перестал появляться у Сивухиных — некогда. Пользуясь любым случаем, он старался улизнуть из деревни. Как видно, он стал своим человеком у партизан... Заговорщиков кто-то выдал в самый последний день. В деревенском гарнизоне поднялась суматоха, раздались выстрелы. Кучеренко был ранен, Максимов убит при аресте. К Сивухиным ворвались солдаты, вывели из дому, толкая прикладами, Клавдию и Мироновну, потащили со двора.

В этот же день из города нагрянуло начальство. Началось следствие, затем расправа. Клавдию с матерью пытали огнем, добиваясь выдачи солдат-зачинщиков. Ни старуха, ни Клавдия не произнесли ни слова. Ту и другую, изломанных пытками, втащили на скалу возле речки и сбросили вниз на камни. Ночью старик Сивухин взял мешок и подобрал окровавленные останки жены и дочери.

Последнюю родню Егоршину развеяло по ветру. Теперь и посидел бы рядом с кем-нибудь, да с кем? Воевать остается, вывоевывать себе долю. Своя шкура ноет, своя глотка воет!

Егорше вспоминался капитан с тусклыми глазами, и в голову ударяла тяжелая густая кровь, в глазах темнело. Этот каратель, замучив Клавдию со старухой, лишил его последней радости в жизни. Нет, не жить на белом свете этому капитану! Егорша теперь положит всю свою жизнь на то, чтобы найти его, этого бездушного убийцу.

Пробираясь из деревни, Егорша слышал человеческие голоса

и стремглав соскочил с тропы в кусты. Бешено заколотилось сердце. Глупость чертова, ведь едва не напоролся! Мягким звериным шагом он сделал большой крюк, раздвинул ветки и увидел двух солдат. По погонам и кокардам Егорша сразу определил: колчаки. Солдаты, положив винтовки на траву, сидели на берегу, покуривали и сплевывали в воду. Неслышно ступая, Егорша стал удаляться от опасного места. Как хорошо, что он вовремя насторожился! Голоса мирно беседующих солдат затихли, и вдруг Егорша остановился. Ему вспомнилась замученная Клавдия. Дышать стало трудно, он оглянулся, с усилием втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Что он станет делать, Егорша еще не сознавал, однако ноги сами понесли его назад. Солдаты, задрав колени, сидели молча и глядели на текущую воду. Лица их выглядели равнодушными, усталыми. Винтовки валялись рядом.

Подобрав два камня, Егорша спрятал их в карман и стал медленно подходить. Солдаты встрепнулись, вскочили на ноги и проворно схватили свои винтовки. Блеснули плоские японские штыки.

— Стой! — крикнул один из них.

В голосе солдата Егорше послышался испуг. Плохо сознавая, что он делает, Егорша, словно глухонемой, стал тыкать себе пальцем в рот. Солдаты недоверчиво ощупывали его глазами.

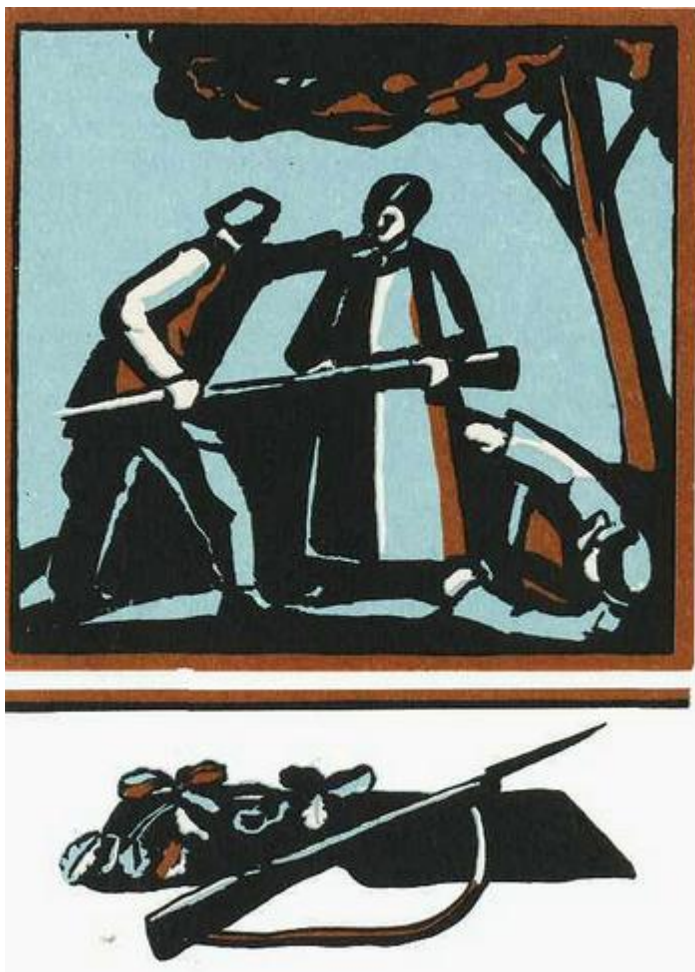
— Курить просит.

— Дай ему, черту. Пусть уж...

Сморщив погон, солдат полез за кисетом. Винтовку он переложил в левую руку.

Больше всего Егорша боялся выдать себя блеском глаз. Размахнувшись, он со страшной силой ударил солдата камнем в голову. В тот же миг его пронзила нестерпимая боль. Другой солдат сбоку ловко ткнул его в бок штыком.

Намертво свалив одного противника, Егорша схватился врукопашную с другим. Солдат резво отскакивал и беспрестанно совал штыком. С большим трудом Егорше удалось вырвать у него винтовку. Из последних сил он свалил его на землю и, заливая своей кровью, задушил.

Трофеями Егорше достались две винтовки — настоящее богатство. Он спихнул тела солдат в речку и опустил в ледяную воду свои изрезанные руки. Потянулась красная густая полоса. Чтобы унять кровь, он догадался сорвать два громадных лопуха и замотал в них руки. Повесив по винтовке на каждое плечо, Егорша по еле заметной тропе побрел в Гордеевну, где, по слухам, появилась добрая докторша из Владивостока.

Так судьба свела его с Ольгой Лазо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Командующему 14-й дивизией.

Хабаровск.

Наши литературные — секретные агенты Панов и Юрьев работают в желательном направлении. Никакого опасения против больших расходов для достижения наших целей не должно быть. Просимую помощь мы можем всегда оказывать, только не открыто. Оой.

Против коммунистов (большевиков) приказываю постоянное наблюдение и осторожность. Коммунисты имеют очень хорошие организации, через которые они все наши шаги наблюдают. Все наши планы становятся известными. Коммунисты имеют о наших планах документы. Оой.

Обе шифровки на этот раз доставил не сам Владивостоков, а посланный курьер с заранее условленным паролем. Ольга сразу поняла, что новости чрезвычайной важности, следовало поскорее переправить их в город. На беду, другое «плечо» подпольной связи с Владивостоком работало ненадежно, с частыми перерывами, — на железной дороге свирепствовал контроль, контрразведка хватала пассажиров по малейшему подозрению.

Подождав день-другой, Ольга забеспокоилась. Хоть самой отправляйся! Она посмотрела на Адочку, и сердце сжалось. В вагонах сейчас народище, грязь, теснота. Оставить ее здесь с Марьей Никитишной? Изведешься от беспокойства. А если не доедешь, арестуют? Ольга представила девочку одну, с чужими людьми, в полной заброшенности... Нет, только вместе!

Со двора донесся счастливый смех Адочки. Усадив ее на разостланное рядом, Егорша изображал пальцами козу. Ольга загляделась, губы ее невольно расползли в улыбке. Этот нескладный глуховатый парень заменил Адочке няньку. Молчаливость Егорши пропадала, едва он начинал возиться с ребенком. Что-то бормоча, он без конца изобретал бесхитростные игры. Ольга, оставляя с ним ребенка, могла спокойно заниматься своими делами.

Стояли последние дни приморской теплой осени. Птицы уже покинули тихие и сонные чащобы. Чище, выше и незаметнее становилось небо, сквозь поредевший лес далеко просматривались горизонты. В праздничном убранстве ждала наступления дождей и холодов тайга.

Ольга прикинула, что поездка во Владивосток займет у нее дня три-четыре. Брать с собой Адочку не хотелось. Оставить ее с Егоршей? А если в дороге неудача, арест? Нет, надо придумать что-то другое.

Запоздалое тепло оборвалось разом. Пошли беспросветные дожди, леса закутались в туман. Разноцветная листва толстым ковром укрыла землю. Потом на этот ковер посыпалась изморось, завернул северный ветер и повалил обильный снег.

После долгих колебаний Ольга решила послать вместо себя Егоршу. Самое трудное для него — пробраться во Владивосток. А дальше просто: найти на Первой речке домишко Меркулова и передать комочек бумаги. Листочки с шифровками Ольга сложила в крохотный пакетик. В случае неудачи его легко разжевать и проглотить.

Слушая наставления в дорогу, Егорша старался не выдать страха. Город представлялся ему чудовищем. Недаром деревенские мужики всегда отправлялись туда, словно во вражеский стан. Правильно рассуждал когда-то тихоня Прокопьев: отгородиться бы от него сплошной стеной, пусть живет по-своему, а мы будем жить по-своему. Однако важность поручения заставила его преодолеть боязнь.

До станции он дошагал по свежему зимнику. Дорога вилась среди подпиравших небо сосен. Тайгу завалило снегом наглухо, до самой весны.

Воздух на станции тяжелый, угольный, земля исполосована железом и залита черной грязью. Прошли, разговаривая, двое офицеров, пробежал солдатик без шинели, держа в руке чайник. Егорша перевел дух. Хоть и храбрился, а страшно. Тем более что Ольга предупредила: тут начнется самое опасное.

— Тао агэро (руки вверх)! — услышал он визгливый голос за спиной.

Обернувшись, Егорша увидел возле своей груди острие плоского штыка. Японский солдат, угарно пьяный, едва держал винтовку. Из-под собачьей шапки торчали жесткие прямые волосы.

Заплетающимся языком солдат спросил, не «бурсевика» ли Егорша, затем обшарил его карманы и махнул рукой, разрешая уйти.

С бьющимся сердцем Егорша огляделся. Из небольшой

лавчонки за ним наблюдали какие-то люди. Они держали в руках чашки с едой.

Крохотное окошко лавки было заклеено промасленной бумагой. Над дверью висел красный бумажный лоскут с иероглифом — символом счастья. Внутри лавчонки стояло спертое зловоние. За низким столиком на продранной циновке сидели, поджав ноги, люди.

Лавочник с пухлыми щеками плаксиво пожаловался Егорше:

— Японца шибко плохо есть, настоящая хунхуза. Лавка чего-чего бери, деньга не плати совсем...

«У тебя своя беда, у меня — своя, — подумал Егорша. — Моя-то пострашней».

Он пригляделся к жующим людям. Старый озябший китаец лениво ковырялся в чашке. Он закрывал глаза и покачивался, словно боролся со сном. Напротив него сидел скуластый парень с ловко подвернутыми под себя ногами, он живо управлялся с едой и, прожевывая, успевал насмешливо выговаривать товарищу, долговязому, с длинным унылым носом.

— Нет, не спорь, расстрелянные люди оживают. У нас одного не попад расстреляла, вместо головы в плечо попали... так что ты думаешь? Червем уполз. А вот повешенные, те уж на всю жизнь делаются неживыми. Тем каюк.

Скуластый заметил интерес Егорши и, вытирая губы, проговорил:

— Чего тебе? Признал, что ли? Э, да ты немой! Ну, садись тогда с нами. Садись, садись, говорю! — он показал место рядом с собой на циновке. — Жрать, как видно, хочешь? Эй, ходя, — окликнул он хозяина лавчонки, — дай человеку чашку.

Китаец с пухлыми щеками подал Егорше плошку с горячей лапшой. Присев возле стены на корточки, Егорша поставил чашку на пол и перевел дух. Японский солдат напугал его до смерти. А если пырнул бы спяну? Не дожидаться бы тогда его Ольге... Но как бы она узнала, что он мертвый? Нет, надо как-то выживать и пробираться во Владивосток. На обратном пути пускай в него стреляют, колют — дело сделано. А туда — нельзя.

— Ешь, ешь, немтырь, остынет, — подбодрил скуластый. — Едешь, едешь, говорю, куда? Э, вот беда-то, не с кем и поговорить как следует.

Из лавчонки они вышли вместе. Пьяный японский солдат вязался к толсто уверченной бабе, дожидавшейся поезда. Баба испуганно озиралась, искала помощи. Скуластый расхохотался.

— А и дуры же весь этот женский пол.

Показался поезд. Скуластый мгновенно превратился в озабоченного человека.

— Значит, так, немтырь. Ты, брат, давай-ка лучше сам собой, к нам не лепись. Нам, брат, самим как бы...

И он потащил долговязого за собой. Оставшись один, Егорша огляделся. В двери вагонов гроздьями высывались люди, много военных. Попробуй-ка сунься туда! «Пропал. Останусь ведь!»

По длинному туловищу поезда прошло какое-то движение, вагоны заскрипели и тронулись с места. Глядя, как поворачиваются массивные колеса, Егорша заметался. А вагоны уже раскатились и, равнодушные к любой чужой беде, один за другим весело бежали мимо. Хоть ложись под них!

Подножка перед запертой дверью последнего вагона была пуста. Господи благослови! Егорша в отчаянии кинулся, руки сильно дернуло, но он вцепился крепко, намертво. Поехал все-таки!

А поезд уже вырвался на волю, испустил победный рев, вокруг Егорши завихрился снег. Черт с ним, с холодом, потерпим!

Поздней ночью на каком-то полустанке Егорша, бегая для согрева вдоль состава, вдруг увидел наотмашь распахнувшуюся дверь, пустынный тамбур. Удача! Из вагона ему в лицо ударило блаженное тепло. В крошечной темноте он пробрался вглубь, чутьем определил свободное местечко на полу под лавкой. Долго он не мог согреться. И прохватило же его! Свернувшись по-собачьи, он понемножечку оттаивал.

Перед рассветом Егорша пришел в себя от сильного пинка. За ногу его вытащили из-под лавки. Ничего не соображая, он протирает глаза. Батюшки, офицер! Потом он разглядел солдат с винтовками и целую стайку задержанных. Поезд стоял. Солдаты, подпихивая задержанных прикладами, повели их из вагона. Серая муть рассвета, безлюдье, холод.

Под солдатскими сапогами сочно похрупывал снег. Неожиданно раздался крик, возникло паническое оживление. Кто-то прыгнул с верхней ступеньки и, пригибаясь, побежал вдоль состава.

— Стой, сволочь!

Один из солдат передернул затвор и бросил винтовку к плечу. Треснул выстрел. Убегавший споткнулся и, остановившись, стал выпрямляться, выпрямляться, наконец, свалился. Солдат, все еще держа винтовку на весу, засмеялся.

— Ишь ты, какой шустрый!

Помня о наказе Ольги, Егорша незаметно положил пакетик в рот. А теперь пусть спрашивают, пусть режут его на куски. Ничего не добьются!

Рассказывая Ольге о своей неудаче, Егорша видел по ее лицу,

что она расстроена сверх всякой меры. Горше всего было сознание, что он не оправдал ее надежд. Но, может быть, попробовать еще разок?

— Георгий, — строго сказала Ольга, — вы здесь останетесь вместо меня. Если придет человек и спросит, вы ему все объясните. Дня через четыре я думаю вернуться.

Она сорвала с веревки постиранную пеленку, расстелила ее на столе и химическим карандашом принялась срисовывать с бумажки текст шифровок. Писала Ольга мелко, сокращая многие слова. Получилась синяя полоска на самом краешке пеленки. Проворно двигаясь по комнате, Ольга собрала узелок и стала завертывать в пеленки Адочку. В последний раз огляделась в комнатке: не забыла ли чего?

— Ну, мама у меня обычно говорила: с богом. Георгий, замка у меня нет. Вы оставайтесь и ночуйте. Если ночью постучат в окно — не пугайтесь... Не сомневаюсь, что три дня мне будет достаточно. Ну, четыре!

Он принял завернутую Адочку на руки, и они вышли. От стыда Егорша готов был провалиться сквозь землю. Пользы от него, как от деревянной сохи. Надо же, в тепло полез, не мог потерпеть на подножке вагона. О себе он больше заботился, а не о деле. А надо так, как Ольга. Подумать только, не жалеет ни себя, ни свое кровное дите!

Вечером он заступил на пост в комнатке учительницы. Ольга предупредила, что кто-то может прийти. Кто же? А вдруг Ильюхов? Этот человек его поймет... Егорша решил не спать. Он дождется, он не сомкнет глаз. Хоть в этом показать себя! Он сидел, уронив в ладони голову. Нет, напрасно хвалил его и ободрял партийный парнишка Игорь Сибирцев. Из него, из такого, настоящего большевика не выйдет. Надо из своей проклятой шкуры выскочить, чтобы не дрожать от страха за нее, надо совершить что-то такое, чтобы самые большие генералы передернулись от страха и стали бы всю оставшуюся жизнь вздрагивать от одного упоминания его имени.

Ночь прошла без происшествий, никто не пришел. Утром он решил, что сидеть в бездействии неважноту. А где сейчас Ольга с ребенком? Отправились-то они в самое пекло!

Не дожидаясь возвращения Ольги, он подпер колышком дверь школьной комнатки и отправился в тайгу на поиски людей, которые жили с оружием в руках и не боялись ни лютых холодов, ни голодного существования, ни самой смерти.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отпуская Лазо из лазарета, доктор Сенкевич не протестовал. Обстановка в Приморье требовала, чтобы командующий незамедлительно вернулся на свой пост.

События нарастали с непостижимой быстротой. Партизанские отряды, выйдя из тайги, возвращали позиции, утраченные в летних боях. В октябре белогвардейцы вместе с интервентами оказались вытесненными с побережья. Партизаны заняли Тетюхинский рудник и город Ольгу. Вскоре противник покинул станции Тигровая и Владимиро-Александровская. В руках белогвардейцев оставались лишь Сучанские копи, Романовна и Шкотово. Партизанский фронт приближался к Владивостоку.

Доктор Сенкевич посетовал, что лечение не удалось довести до конца, и наказывал всячески избегать простуды. «Долечимся после победы», — сказал Лазо, и они обнялись.

Прежде чем отправиться во Владивосток, Сергей Лазо встретился в Белой пади с Николаем Ильюховым. Все время, пока командующий находился в лазарете, его обязанности исполнял вот этот подтянутый стройный человек, которого суровая таежная жизнь, казалось, навсегда разучила улыбаться. Высокий юношеский лоб его разрезала скорбная складка. Лазо уже знал о досадных провалах в Никольске-Уссурийском, в Казанке, в Светлом яре. Сейчас Ильюхов с головой ушел в подготовку восстания среди солдат 34-го пехотного полка, стоявших гарнизоном в Сучане.

О событиях «в России» Сергей Георгиевич знал лишь, что Красная Армия взяла Барнаул и Томск, бои идут под Красноярском.

— Недавно партизаны заняли Минусинск, — добавил Ильюхов. Но у него была и неприятная весть. Из Владивостока поступило сообщение о восстании генерала Гайды. Авантюрист в генеральских погонах сумел использовать накаленную обстановку и спровоцировал ненужное кровопролитие.

Расставаясь, они договорились, что тактика остается прежней: нейтрализация войск интервентов и борьба за каждого солдата в колчаковской армии. Ильюхов сообщил, что во Владивостоке очень активно работает бежавший осенью из лагеря Всеволод Сибирцев. В гарнизоне города большевики полностью завоевали солдат инженерной роты на Первой речке и батальон егерского полка. Надежной опорой генерала Розанова остаются, по существу, лишь офицерская школа и классы гардемарин на Русском острове.

— Когда вы намечаете восстание в сучанском гарнизоне? — спросил Лазо.

— На конец ноября.

Ильюхов добавил, что к назначенному сроку он сам переберется в казармы полка, кроме того, из Улахинской долины к Сучану подтянется партизанский отряд. Неудачи на этот раз как будто не должно быть. Опыт научил, и предусмотрена каждая мелочь.

Из Белой пади Сергей Лазо отправился на Мельники. Маленькие станции остались без охраны, и там легко сесть на поезд. Сходить на вокзале во Владивостоке очень опасно, поэтому он доедет до станции Океанская, там его будет ждать связной.

К Мельникам, он вышел ранним утром. Наступила оттепель, с еловых лап плюхались пласты сырого снега. Станционное здание казалось вымершим. Горбина крыши почернела, обнажилась, ветер рвал из трубы жидкий дым. Поезд подошел, нутно скрипя изношенными вагонами. Станция сразу ожила. Когда паровоз взревел и, отчаянно пыхтя, стронул перегруженный состав, Сергей Лазо вместе с пассажирами влез в переполненный вагон.

Весь день попутчики рассказывали, какие строгости во Владивостоке. Немолодой человек в путевой фуражке уверял, что никаким документам веры нет. Не понравившись проверяющему — и каюк. С верхней полки свешивалась лохматая башка и подтверждала — правда, правда. Старуха, сидевшая, как курица, на двух мешках, обмирала. Ее во Владивостоке должен был встречать зять.

— Это зря, — тоном знатока изрек путеец. — Тебя, по причине старости, могли бы и не тронуть, а с зятем... — и махнул рукой.

В полдень лохматый с верхней полки слез, и они с путейцем расположились закусить. Выпив, путеец сделался угрюм, лохматый же, напротив, распахнулся и затрещал. Ему почему-то понравился сидевший в углу Лазо, он дружески хлопал его по плечу и уверял, что они где-то виделись.

— Атаман у нас был... ну капля в каплю! А знал я всех и видел их, как вот тебя сейчас. Ей-бо, не вру! И Гамова, и Калмыкова самого, об остальных нечего и говорить. Ну что тебе сказать? Фуфыры они все, душонка заячьи. Не веришь? А вот слушай. Займут они деревню, в хороших хатах сами лягут, по бедным лошадей поставят. И давай мужиков терзать! «Вещей нету? Так. А денег тоже нету? Так. Ну, тогда спина имеется, пускай она и расплачивается. Ложись!» А в одной деревне по неосторожности двойняшки на глаза попались. Так атаман из кожи прямо вылез. «Нет, говорит, никак не могу такого

допустить: до того вы, черти, друг на дружку похожие живете. Кидайте жребью, кому из вас жить, кому помирать». И кончил одного, не вытерпел... В хатах всегда грязь и безобразие всякое, баб сразу к начальству волокут, мамаш, которые постарше, мыть полы приставят, а с дитенками, чтоб шуму лишнего не производили, — об печку головой. Ну, и это жизнь? Тут каждый взвоят. И вот смотрел мужик на всю эту музыку, смотрел — подперло. Та война, немецкая, она была без толку. А эта, она со смыслом, заведена не начальством, а самими нами в для жизни. Правильно я говорю?

Клонило в сон, немоготу хотелось спать, и Сергей Георгиевич попросил лохматого уступить ему на часок свою полку.

— Да, браток... Да с нашим удовольствием!

Он помог Лазо улечься и не отставал, досказывал самое сокровенное, что таилось на душе.

— Грамоты я не знаю, не обучен, но про толк какими словами ни говори — сразу раскушу. Требую, конечно, самых простых слов. С вывертом-то и неправду ведь подсунут.

— Атаманы! — загудел путеец. — Знать бы, чему их, паразитов, обучали? Зато приглядишься к этим самым... к большевикам. Живут они без всякой святости, при случае и черным словом не побрезгуют, но уж насчет чего такого — нет. И в чужом барахлишке рук не полощут, и обессиливать людей не позволяют. Что узнали, что заимели — все с тобой пополам. И это правильно, так и надо. И еще просто у них все. Командиры ихние — одна слава только. Босиком который, без коня. Только и отлички, что бинокля на груди. А делают военное, отчаянное дело...

Вечером Лазо слез на станции Океанская и, как было условлено, принялся прогуливаться по чахлому бульварчику. Народ попрятался по домам, над облетевшими деревьями бульвара гомонили, устраиваясь на ночь, вороны. Кто же придет связным? Лазо незаметно посматривал по сторонам. Из переулка показалась женщина, она шла быстро, словно опаздывая на свидание. Сергей Георгиевич невольно замедлил шаг, хотя это запрещено инструкцией: он узнал милое скуластое лицо Маши Сахьяновой.

Поздоровались, пошли рядом.

— Как мы поедем? Снова поездом?

Мария рассмеялась.

— Пока пешком.

Она объяснила, что им придется идти пешком («так безопаснее»), а по пути их подберет товарный поезд. Машинист

паровоза уже предупрежден.

Смеркалось быстро. Они шагали вдоль железнодорожного пути. Мария рассказала, что недавно во Владивостоке побывала Ольга, доставила исключительной важности шифровку. Приезжала она с Адочкой. Ребенок здоров.

Ему хотелось побольше расспросить про Адочку, однако он сдержался.

Мария стала рассказывать о самых неотложных делах. Подпольщики Владивостока сейчас готовятся к городской партконференции. Народу съедется много. Как скрыть такое многолюдство от охраны?

— Документы для вас готовы, Сергей Георгиевич. Придется вам побыть грузчиком с мельницы. Одежду завтра подберем. Тяжеловато с квартирой. Хозяева боятся пускать незнакомых людей. Но что-нибудь найдем.

Из остальных новостей Лазо обрадовало сообщение о хорошо налаженной системе связи с товарищами «с той стороны». Сейчас многие замыслы противника уже не; являются для нас секретом. В этом свидетельство изменившейся ситуации, свидетельство, если хотите, нашей, силы, наших возможностей.

Позади раздался свист паровоза. Мария и Сергей Георгиевич остановились. Два огненных глаза приближались из темноты. Лязг вагонов оповестил, что поезд замедляет ход. Горячая машина поравнялась, обдала маслянистым теплом. Сверху позвал незнакомый голос. Сергей Георгиевич помог взобраться Сахьяновой, затем уцепился за скользкую ручку сам.

— Устали? — спросил у Сахьяновой машинист. — Мы немного с опозданием. Но к Седанке нагоним.

Поезд стал разгоняться, быстрее, говорливее застучали колеса...

Вновь обосновавшись во Владивостоке, Сергей Лазо с первого же дня занялся подготовкой бескровного переворота. Вместо военного отдела при областном комитете партии был создан военно-революционный штаб с шестью отделами: мобилизационно-организационным, снабжения, связи, разведки, оперативным и санитарным. На всех заводах, в мастерских, на Эгершельде и в порту рабочие объединялись в боевые десятки, эти десятки сводились в сотни. Оберегая организацию от провалов, Сергей Лазо разработал правила строжайшей конспирации. Нарушение правил каралось партийным судом.

Выдающимся событием явилась декабрьская городская партконференция, состоявшаяся в обычной рабочей бане. Приближался день восстания, боевые отряды рабочих получали оружие, в колчаковских частях работали агитаторы, к городу

подтягивались из таежных районов партизанские отряды.

От Ильюхова поступило радостное сообщение: гарнизон Сучанского района восстал. В последнюю минуту офицеры попытались обратиться за помощью к японцам, однако было уже поздно: солдаты разобрали оружие и сумели захватить пулеметы. Перебив офицеров, четыре роты двинулись к партизанам. Солдат встретили в деревне хлебом-солью. Соединив партизанский отряд и солдат гарнизона, штаб организовал 1-й Дальневосточный советский полк. Это была прекрасно вооруженная, крепкая дисциплиной воинская часть. Ильюхов сообщал, что полк в любой момент готов выступить во Владивосток.

Во всем Приморье последними островками белогвардейской власти оставалось несколько крупных гарнизонов, да в самом Владивостоке в морозной дымке скованного льдом залива маячил Русский остров. Сельские районы, где хозяйничали партизаны, уже не признавали генерала Розанова.

С Иманом, Спасском и Никольском-Уссурийским бесперебойно работала хорошо налаженная связь. Вишлин несколько раз на дню доставлял Лазо коротенькие шифровки. В гарнизонах этих городов большевистская пропаганда совершала свое неумолимое дело. Солдаты отказывались признавать власть колчаковского наместника.

Японцы... На них оставалась последняя надежда генерала Розанова. Однако на подпольной партийной конференции большевики сделали исключительно тонкий ход: они приняли решение бороться за передачу власти областной земской управе. И японцы, стиснув зубы, вынуждены были сделать вид, что в это верят. В советском Приморье еще находились воинские контингента «союзников», и генералу Оой приходилось, слащаво улыбаясь, играть непривычную роль миротворца.

Между тем события грозили взрывом, обстановка продолжала угрожать великим кровопролитием. Намерения японской военщины не оставляли никаких сомнений. Как только последний американский солдат покинет Дальний Восток, период благопристойного поведения японцев тут же кончится. Оставшись хозяевами положения, они воспользуются любым поводом, чтобы применить вооруженную силу.

После партийной конференции в декабре девятнадцатого года поведение большевиков стало более целеустремленным. В начале января с необыкновенным успехом удалось провести однодневную всеобщую забастовку. Огромный город словно умер. Власти, понимая, что малейшее промедление подобно поражению, лихорадочно искали выход. На солдат надежды больше не было. Оставались лишь японцы. Они, конечно, с

радостью помогут, однако сперва нужно выпроводить из Приморья американцев. А тем временем в частях владивостокского гарнизона солдатское недовольство достигло критической точки. Взрыв мог последовать в любой момент — достаточно неосторожного выстрела из винтовки. Как раз этого и ждет отчаявшийся враг. Большевики из всех сил старались не дать заговорить оружию. Ненавистный режим Колчака, стоивший стольких жертв трудовой России, здесь, на Дальнем Востоке, должен был рухнуть без единой капли крови...

В письме из Никольска-Уссурийского, о котором сообщил Вишлин, «делка на хлеб» намечалась на 24 января, в крайнем случае днем позже. Срок выступления никак не устраивал подпольный областной комитет. Следовало удержать товарищей, выиграть хотя бы несколько дней. Надо выступать всем дружно, а не по частям. Но, с другой стороны, если у них там уже чуть не горит... У Ильюхова в Сучане, в 34-м пехотном полку, офицеры, прознав о готовящемся восстании, едва не сорвали все дело. Средство у них одно — забрать и запереть винтовки, оставить солдат без оружия, с голыми руками. Этого, конечно, допускать не следует, однако, если имеется хоть какая-то возможность оттянуть решительный шаг...

Ответ в Никольск Сергей Лазо сел писать сам.

«...Насчет того, что сделка на хлеб состоится 24-го или 25-го, мы со своей стороны многого сказать не можем — вам виднее. По этому поводу должны сообщить вам следующее: мы будем своевременно извещены о всяком предполагаемом продвижении японцев в сторону Никольска и передадим его немедленно вам. В случае отправления японского эшелона в Никольск мы не допустим этой отправки, либо устроив крушение, либо испортив путь. Так что возможность увеличения японских сил в Никольске со стороны Владивостока пока вас не должна тревожить. Вас также интересует вопрос о том, что должен делать сейчас владивостокский гарнизон. Мы призываем части сохранять спокойствие, не предпринимать никаких сепаратных выступлений, поддерживать тесную связь с Военревштабом и оказывать сопротивление при попытках разоружения. При данных условиях мы не считаем возможным какое бы то ни было выступление воинских частей во Владивостоке... Спешить с выступлением не в наших интересах, и если вас к этому не побудили какие-либо особые причины, то лучше выступление отложить... В понедельник выйдет четвертый номер „Коммуниста“, который мы перешлем вам. По выходе номера мы выпустим листовку по поводу текущих событий...»

Он заканчивал письмо, когда в дощатую дверь раздался

условный стук. Это мог быть только связной. Военревштаб не имел помещения, важные сведения доставлялись сюда, в эту каморку, особо проверенными людьми. Появление связного в такой неурочный час означало только одно: произошло что-то из ряда вон выходящее.

Так и оказалось. Сегодня рано утром в Коммерческом училище, где располагался егерский полк, едва не вспыхнула перестрелка. Группа офицеров решила забрать у солдат винтовки и запереть их в цейхгауз. Полковой комитет воспротивился и приказал солдатам оружия не сдавать, а офицеров арестовать. Командир полка в панике бросился к коменданту Владивостокской крепости генералу Вериге. Бунт, в полку настоящий бунт!

«Вот оно, — первое, что подумал Сергей. Холодок острой опасности коснулся сердца. — Что им стоит теперь обратиться за помощью к японцам? Но какие молодцы егеря: оружия не сдали, а до столкновения не допустили. Дисциплина — великая вещь!»

— Что комендант крепости? — спросил Лазо. — Какие-нибудь меры принял?

Генерал Вериге, узнав о бунте солдат, послал егерям ультиматум: не позднее десяти часов вечера восстановить у себя надлежащий порядок.

«Так... Десять вечера... Время еще есть. Лишь бы солдат не спровоцировали на выступление. А ну случайно выстрелит чья-нибудь винтовка?..»

— Резолюция егерями вынесена? Послана?

Этого связной не знал.

— Подождите немного. Сейчас будет ответ.

Приготовив лист бумаги, Сергей задумался. Бунт в полку — достаточный повод, чтобы японцы применили вооруженную силу. Но для этого к ним должны обратиться за помощью. Неужели снова, как с авантюристом Гайдой? Может быть, генералу Розанову станет совестно соваться к японцам с каждой мелочью? Ему же нужно доказать, что, несмотря на брожение в гарнизоне, он все еще хозяин положения в городе. Генерал Оой при всем своем крохотном росте умеет взглянуть на просителя с непередаваемым превосходством! Нет, с таким пустяком, как бунт солдат в одном из батальонов, Розанов непременно должен справиться сам. Это его последняя возможность восстановить свою шаткую репутацию в глазах японцев... Сергей Георгиевич бросил взгляд на часы.

Именно сейчас, в эти минуты, где-то спешно совещаются. Генерал Вериге, конечно, тут же поехал к генералу Розанову. Конечно, надеются справиться своими силами. Если разобраться,

прямого бунта нет, всего лишь неподчинение приказу... Любопытно, чей это был приказ: отобрать оружие?

Именем Военревштаба полковому комитету егерей приказывалось не теряя ни минуты вынести резолюцию о том, что солдаты признают законной властью в Приморье не атамана Семенова и не генерала Розанова, а областную земскую управу. Резолюция должна быть немедленно послана председателю управы Медведеву (угол Светланской и Алеутской), чтобы он содержание резолюции сообщил представителям «союзников». В дальнейшем егерям предлагалось не предпринимать активных действий и занимать чисто оборонительную позицию.

«Медведев, Медведев... Сообразит, конечно, какой пороховой момент, и примется тянуть, волынить, выторговывать уступки. Старый заслуженный эсер, к большевикам у него непримиримое отношение. Столько лет стычек, самой откровенной вражды! Уж он не упустит возможности посчитаться за прежние поражения.

Переговоры с председателем земской управы лучше всего поручить Роману Цейтлину, человеку мягкому, обходительному, с дипломатической жилкой. У него поразительная способность выслушивать все, что бы ни говорилось, с тихой, вежливой улыбкой, сохраняя ровную доброжелательность. Медведеву его не сломить, не переговорить. Распетушится на первых порах и быстро выдохнется. Тут его Роман и дождет...»

Поручение Военревштаба изумило Цейтлина.

— Сергей Георгиевич, но не такой же уж дурак Медведев! Старый зубр, на политике все зубы съел. Думаете, он не понимает, что попадает между молотом и наковальней? С одной стороны — японцы, с другой — мы. Ему сейчас выгоднее отсидеться в стороне. Двое дерутся, третий не лезь!

— Хватит, посидел! — отрезал Лазо. — Бейте на патриотизм. Розанов — бандит, он это знает лучше нас. Японцы — оголтелые враги России. За что же он боролся до седых волос? Припомните ему все лозунги: Россия, родина, народ. Управе вручается власть в крае. Когда он еще этого дождется?

Цейтлин поежился.

— Власть-то уж больно... того... ненастоящая.

— Убедите его, что все воинские части признают только власть земской управы. У него на руках уже должны быть обращения полковых комитетов. И он получит еще! Насчет этого уже отданы указания. А раз так, то управу вынуждены признать и «союзники».

— Ну, если только так...

— Теперь — самое главное. Как только Медведев согласится, пусть немедленно — слышите? немедленно, связывается с

консулами. Егеря не хотят подчиняться только генералу Розанову, они целиком и полностью за власть управы. Медведев обязан взять их под защиту. И вообще ему следует держать с консульским корпусом постоянную связь. Японцев надо поставить перед лицом всего мира. Кстати, пока вы будете уламывать Медведева, я сяду и набросаю обращение к консулам. Что бы ни происходило у нас в городе — это наше сугубо внутреннее дело. Вмешаться, как вы понимаете, могут только японцы. Так вот пусть «союзники» и придерживают их. Все-таки с ними японцы еще вынуждены считаться...

Разговор с Цейтлиным занял совсем немного времени, но, вернувшись домой, в свою каморку, Сергей Лазо застал нескольких связных и у каждого — экстренное сообщение.

«Какое все-таки неудобство, что нет помещения для штаба! Необходим и телефон... Когда мы сможем наконец работать и не думать об опасности? Столько времени теряется напрасно!»

Из Спасска сообщали, что в городе произошло настоящее сражение. Отряд партизан напал на колчаковский гарнизон. Борисов, командир партизан, разбил отряд на четыре группы. Первая группа, незаметно просочившись в город, перерезала телеграфные провода, другая напала на караульное помещение, третья блокировала японский бронепоезд, чтобы он не пришел на помощь колчаковцам. Сам Борисов возглавил атаку на казармы солдат. Бой вышел коротким, солдат удалось разоружить. Захвачены трофеи: 700 винтовок и 600 ручных гранат, пулемет «максим», много патронов. Японцы, услышав стрельбу, всполошились, но их удалось убедить, что вмешиваться не нужно.

Возле станции Шкотово 2-я рота Дальневосточного полка напала на белогвардейский бронепоезд «Единение России». Команда сухопутного броненосца не оказала ни малейшего сопротивления. Бронепоезду присвоили новое название: «Освободитель». Стальная крепость на колесах под красным флагом двинулась на станцию Угольная, откуда начиналась Сучанская ветка железной дороги.

Вокруг Владивостока бушевало настоящее половодье народной войны. В Никольске-Уссурийском солдаты гарнизона объединились с партизанами и с красными знаменами вступили в город. Без единого выстрела был занят Иман. Сложили оружие белогвардейские гарнизоны в Гродеково, Раздольном, Черниговке.

Ночью, собравшись у Лазо, члены Военревштаба пришли к выводу, что пробил решающий час. Стихийные выступления партизан и воинских частей требовали постоянного руководства. Сейчас дорога была каждая минута. У подпольщиков имелось

помещение, которое удалось уберечь от подозрения контрразведки даже в самые суровые времена. Это была скромная квартирка рабочего на Селенгинской улице, там многие месяцы находилось паспортное бюро. Туда, в две тесные комнатки, и перебрался военный штаб. Топилась печь, горела керосиновая лампа, усталые люди закусывали хлебом с кипятком, на железной коечке спал, засунув под подушку голову, Вишлин, — его, от усталости валившегося с ног, заставил лечь Сергей Лазо. «Отдохни, а то завтра будет слишком горячо. Пригодишься...» Сам Сергей сидел за простым кухонным столом и быстро писал.

ПРИКАЗ № 1

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

КО ВСЕМ ЧАСТЯМ ГАРНИЗОНА

26 января 1920 года.

Крепость Владивосток

§ 1

Объявляется во всеобщее сведение, что в ночь на 26 января образовался объединенный оперативный штаб, составленный из представителей всех военно-революционных организаций г. Владивостока и его окрестностей. Всем воинским частям, комитетам и военным организациям с сего числа подчиняться только приказам, исходящим от объединенного оперативного штаба.

Утром в домишко на Селенгинской улице донеслись раскаты орудийных выстрелов. Вскочили на ноги. Всеволод Сибирцев застыл с непрожеванным куском за оттопыренной щекой. Он только что явился в штаб. Вчерашний день он провел в егерском полку, а всю ночь напролет совещался с товарищами из Центрального бюро профсоюзов. На 31 января пролетариат Владивостока готовил всеобщую забастовку.

Ударило снова, задребезжали в окошках стекла.

— Это в Коммерческом. По егерям...

Треснул винтовочный залп, простучала длинная пулеметная очередь.

— Неужели они не выдержали и отвечают?

— Товарищи, надо срочно разведать, — распорядился Лазо. — Не хватало нам еще!

— Но Медведев уже связался с консулами, — доложил Цейтлин, — «союзники» в курсе всех событий.

В помещение вбежал запыхавшийся Вишлин.

— Все в порядке, — доложил он. — Ничего страшного.

Выяснилось, что раздосадованный отказом егерей на ультиматум коменданта крепости генерал Розанов распорядился двинуть против бунтовщиков отряд гардемаринов и 1-й батальон инструкторской школы с Русского острова. Нападающие повели наступление по всем правилам и сначала открыли пальбу из орудий. То, чего опасались члены Военревштаба, не произошло: егеря проявили выдержку, с их стороны не раздалось ни единого выстрела. Ворвавшись в Коммерческое училище, гардемарини и инструктора разоружили егерей и по льду залива увели их на Русский остров.

Японцы пока не проявляли никакой активности. Роман Цейтлин уверял, что земская управа прямо-таки воодушевлена резолюциями воинских частей и с увлечением налаживает отношения с консульским корпусом. Самому Медведеву неимоверно льстит «всемирное признание» его кабинета, получившего наконец давно желанную власть во всем Приморье.

— Будем считать, — подытожил Лазо, — что генерал Розанов нам помог. Он не стал обращаться к японцам, захотел справиться своими силами. Представляю, как японцы злятся на него!

— Но «союзники»-то! — напомнил Цейтлин.

— Конечно, пока японцы вынуждены с ними считаться. Но надолго ли, вот в чем вопрос?

Принесли свежий номер «Коммуниста», тут же прибежал связной с запиской Медведева: председателю земской управы требовалось срочно увидеться с «большевистским дипломатом» Цейтлиным.

— Что-то у него случилось, — высказал Роман догадку.

Разворачивая газетный лист, Сергей Лазо с удовольствием вдохнул запах типографской краски. На первой странице помещалась его статья «Япония и Дальний Восток». Он быстро пробежал ее глазами. Строчки, которые рождались в одиноком размышлении, при свете коптилки, теперь, набранные шрифтом и оттиснутые на бумаге, уже казались чуточку чужими, не своими. В статье он говорил о том, что японцы явно наращивают военные

силы и собираются оккупировать Приморье, как они это сделали недавно с Кореей. Сопротивление американцев? Нет, вряд ли они будут мешать.

Перечитав последний абзац статьи, Сергей раздумчиво почесал висок. «Дальневосточный областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков) смотрит на себя как на один из отдаленных отрядов, осуществляющих политику Совета Народных Комиссаров в Москве и руководящих борьбой с внешней и внутренней реакцией на Дальнем Востоке...» Признание откровенное! Впрочем, генерал Оой не слеп и сам видит все, все понимает. Зато наши люди, прочитав статью, проникнутся уверенностью: Советская власть в Приморье существует и активно действует. А это — главное...

Они поговорили с Всеволодом Сибирцевым о подготовке к всеобщей забастовке. Парализовав жизнь города, рабочий класс окажет большую помощь партизанам и солдатам. Недавно, в начале января, забастовка прошла блестяще... Сибирцев пожаловался на пестроту в составе Центрального бюро. Во Владивостоке сейчас действовало несколько десятков профессиональных союзов. Имелись такие, о которых он не имел и представления: курьеров, швейцаров, сторожей, домашней прислуги. Но тон, конечно, задают металлисты и портовые грузчики.

Вернулся из областной управы Цейтлин. Он доложил, что Медведев получил решительное заявление японцев. Генерал Оой извещал председателя управы, что командование императорской армии поставлено перед необходимостью принять решительные меры. Если партизаны начнут боевые действия в зоне расположения японских войск (это касается и беспорядков в белогвардейских гарнизонах), то японским частям будет незамедлительно отдан приказ выступить. Грозное заявление! Никто не сомневался, что японцы откликнутся на события в егерском полку. В ожидании новых происшествий они положили палец на курок. Если говорить откровенно, то заявление составлено не столько для управы, сколько для консульского корпуса. Это была дань той зависимости, которую генерал Оой еще испытывал от присутствия в Приморье «союзников», ну и в какой-то мере перед так называемым мировым общественным мнением.

— А нервничают, — заметил Всеволод Сибирцев. Хитровато щурясь, он теребил отросшую бородку. — Представляю, как им хочется поскорее спровадить домой американцев.

— Мне еле удалось успокоить Медведева, — рассказывал Цейтлин. — Но ясно одно: японцам сейчас достаточно любого

шального выстрела. Плевать они хотели на то, что о них скажут! Посмотрели бы вы, что делается в городе. Патрули усилены, отряды движутся к вокзалу, в порт. Это бросается в глаза.

— А на что у нас управа? — возразил Лазо. — Надо потребовать, чтобы Медведев срочно направил протест. Пусть Оой ответит, на каком основании он захватывает город. Причем протест надо составить в сильных выражениях. Нечего с ними миндальничать!

Цейтлин в сомнении покачал головой.

— Не согласится Медведев. Он и без того...

— Это его право — протестовать. Это даже его обязанность! Власть он или не власть? Поезжайте к нему и уговорите. Заставьте, наконец!

В окошках уже серели сумерки. День пролетел незаметно. Кто-то поставил перед Сергеем кружку с кипятком. Отламывая кусочки черствого хлеба, он бросал их в рот и запивал. Вкуса еды он не чувствовал. Голова горела. Всем существом он ощущал, что обстановка накалилась до предела, чаши на весах колеблются, сейчас важно и не тянуть, но в то же время и не допустить оплошности.

Беспрерывно поступали сообщения из Спасска, Сучана, Охотска, Шкотово, Каменки. Солдаты, не встречая сопротивления, арестовывали офицеров, захватывали пулеметы. Переворот пока совершался без капли крови. Оставался один Владивосток.

Гарнизон города был полностью на стороне большевиков. Исключение составляли отряд гардемаринов и 1-й батальон инструкторской школы, которые прибыли с Русского острова для расправы с егерями. Эти части расквартированы в городе. Генерал Розанов оставил их для собственной охраны. Правда, в любую минуту он мог затребовать подкрепления с Русского острова. Только там еще находились части, на которые он мог положиться.

Если Владивосток называли Петроградом Дальнего Востока, то Русский остров был его Кронштадтом, Запирая вход в бухту Золотой рог, он имел важное стратегическое значение. На острове находились офицерская школа, готовящая кадры для колчаковской армии, курсы унтер-офицеров, казармы гардемаринов. Начальник офицерской школы полковник Пешков — ярый монархист, под стать себе он подобрал и преподавательский состав. В гардемариинские классы, как правило, зачислялась только «золотая молодежь». Именно этими силами генерал Розанов быстро и без пощады подавил в прошлом году мятеж авантюриста Гайды.

Гарнизон Русского острова представлял опасную силу. Он мог сыграть и роль провокатора: начать боевые действия и

обратиться за помощью к японцам. А тем только того и надо!

— Надо послать на остров человека, — предложил Лазо. — В конце концов, они же русские люди! Для кого они хотят таскать каштаны из огня?

— Они там разорвут любого, — заметил Вишлин. — Этот народ я знаю. Не дадут и рта раскрыть.

— Я отправлюсь туда сам, — объявил Лазо.

В комнате наступило молчание. Стало слышно, как потрескивает фитиль лампы. Проклятые лавочники подливают в керосиновые бочки воду.

— Че-пу-ха! — отрезал Всеволод Сибирцев. — Кто тебя пустит? Это чистейшее безрассудство.

Сергей усмехнулся.

— В их злость я верю. Но возьмите в расчет и другое. Представьте себя сейчас на Русском острове. Дальше отступать некуда — океан. А за спиной — страна, народ, родные, близкие. Ну? На что же они надеются? На чудо? Глупости. Это народ бывалый и все понимает. Какие уж чудеса!

— Все равно никто тебя не пустит, — заявил Сибирцев. — Ты нужен здесь. Ты представляешь... если вдруг...

— Опасно, да, — согласился Сергей. — Но какой выигрыш! А у японцев, по существу, это сейчас единственная надежда.

— Мальчишество, больше ничего... — продолжал упорствовать Сибирцев.

Их спор прервал вернувшийся Цейтлин. Лицо его сияло. Старик Медведев на удивление легко согласился подать протест японцам. Больше того, он предложил немедленно отправиться к генералу Оой и пригласил с собой Цейтлина. Председатель управы, как видно, вошел во вкус своего «премьерства». Японский командующий поманежил посетителей в приемной, однако при разговоре рассыпался в любезностях и, выслушав протест, предложил создать совместную комиссию для разбора всех спорных вопросов, которые могут возникнуть в дальнейшем. Настроен он был самым миролюбивым образом и старался дать понять, что верит в дружбу и сотрудничество.

Слушая рассказ, Сергей Георгиевич слегка покачивал головой. Странно, странно... Генерал Оой и эдакая покладистость! Что-то тут не так. Естественней выглядели бы раздражение японского генерала, даже гнев, угроза. Но нет — улыбочки... Сомнений не оставалось — японцы что-то замышляют и по своему обыкновению ловчат, отводят подозрения.

— Сладко поет, — заметил Лазо и вспомнил недавно прочитанные шифровки от товарищей с «той стороны». Показное дружелюбие генерала его нисколько не обманывало. Самая

обычная лукавость! — Нам следует помочь Медведеву еще в одном. Как только произойдет переворот, управа выступит с обращением к народу. По сути дела, это наша программа...

Достав листочек с карандашными записями, Сергей Георгиевич изложил самые важные, на его взгляд, требования: освобождение политических заключенных, ликвидация остатков колчаковской власти, восстановление политических и гражданских свобод, установление общественного контроля над торговлей и промышленностью, снабжение населения продовольствием, создание комиссии для нормирования заработной платы.

— А в конце обязательно вклеим о мерах к прекращению интервенции. Это самое важное, — сказал Лазо я с улыбкой обратился к Роману Цейтлину: — Медведев, конечно, заартачится, но тут уж вам его надо дожать.

— Легко сказать! — засмеялся Цейтлин. — Его уламываешь, жмешь, а он носится по кабинету, вскидывает руки и причитает: «Дожил, дожил! Гоняют, как мальчишку на побегушках. И кто?»

— Ссориться с японцами ему не с руки, — вставил Сибирцев. — Под их крылышком ему уютнее. Он же понимает, что мы с ним и часу не проживем.

— С первого же дня мы должны взять в свои руки Военный совет управы, — продолжал Лазо. — Точнее, не упускать. Самому Медведеву с японцами не сладить.

Сибирцев внимательно взгляделся в воспаленные глаза Лазо.

— Ты бы лег, отдохнул. Койка как раз свободна.

— Да нет, я ничего... Тут кое-что еще необходимо сделать. На «Печенге» у нас народ надежный? А на миноносце «Богатырь»? Оттуда надо взять людей, чтобы прикрыть Амурскую батарею... А кто у нас на Русском острове? Абрамов? Но он ведь, кажется, эсер? Гм, гм... Но вот что я сейчас подумал. На Русском острове сейчас егеря. Пусть без оружия, под арестом, но — наши же! Это важно.

— На Русский остров все равно пойдет кто-то другой, не ты! — веско заявил Сибирцев, сразу догадавшийся о том, что исподволь точит военного руководителя переворота.

На этот раз Лазо уклонился от спора.

— Ну, еще обсудим, посмотрим...

Лампа на столе замигала и пустила длинный язык копоти.

— Керосин кончается, — быстрее всех сообразил: Сибирцев. — Сейчас долюю.

Бидончик с мятыми боками оказался пуст. Весь керосин сожгли. Сибирцев почесал бородку.

— Придется у хозяев попросить. Потом рассчитаемся.

Скоро он вернулся и с улыбкой обратился к Лазо.

— Не отдохнешь немного? Хозяйка тебя жалеет. «Здесь ему, говорит, не дадут, пускай у нас ложится. Я, говорит, ему уже постелила».

Сноваправляя лампу, Всеволод дал остыть стеклу и протер его тряпкой. Всем показалось, что комната озарялась, необычайно ярким светом: Лазо живо подвинул к себе кипу бумаг. До утра предстояло составить и разослать инструкции всем военным организациям: конкретные указания о том, кому какой дорогой двигаться к Владивостоку, где могут помешать японцы и как их обойти, чтобы к назначенному часу занять позиции.

Из записной книжки Сергея Лазо

В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала, иногда даже просто было как-то неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно: сделать... Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они, простые обыватели, привыкшие в определенные часы ложиться и вставать, привыкшие к определенным часам работы, не испытывавшие, наверное, того подъема тех сил, которые дает такая работа, подходили и ко мне и к другим с этой обывательской точки зрения...

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

К исходу ночи, когда пузырь лампы снова стал черным от сажи, в сенцах буйно затопали, счищая с ног налипший снег. Лазо поднял голову от бумаг. Сибирцев, прилегший было отдохнуть, тотчас сел и, часто мигая, пытался сообразить, кто бы это мог пожаловать. Неожиданность исключалась: вокруг на улице должны стоять рабочие и солдатские патрули. Топать так уверенно могли только свои.

Распахнув дверь и напустив морозного свежего воздуха, вошли несколько солдат. Усатые лица красны, нахлестаны ветром, в складках шинелей набит снег. Старший с нашивками фельдфебеля ободрал с усов сосульки и, выделив из всех поднявшегося за столом Лазо, кинул к папаше руку:

— По поручению гарнизона Русского острова...

Сдерживая изумление (и чувствуя такое же изумление своих товарищей), Лазо выслушал рапорт и рывком протянул через стол руку. Ему хотелось обнять этого застуженного усача. Фельдфебель смутился и неловко, обеими заолодевшими ладонями, пожал протянутую красным офицером руку. Все, кто находился в штабе, окружили солдат, заставили раздеться, усадили и принялись угощать их кипятком из чайника.

Солдаты вышли с Русского острова поздно вечером, в темноте, — подгоняло время. Всю ночь они шагали по льду залива.

— Ветер, черт, прямо в пику, — пожаловался фельдфебель, с наслаждением вдыхая горячий пар из кружки.

Накануне на Русском острове побывал сам генерал Розанов. Собрав в штабе офицеров, он коротко доложил обстановку. Все солдаты, по его словам, изменники, предатели, надежда сейчас только на офицеров. Он предложил создать ударный офицерский отряд под командованием полковника Зеневича. Тут же началась запись добровольцев. Что касается офицерской школы, то полковнику Пешкову приказывалось подготовить ее к отправке через Корею и Китай в Забайкалье, к атаману Семенову. Уезжая с острова, генерал Розанов распорядился вывести в замерзший залив ледакол и взломать лед, изолировав таким образом гарнизон острова от разлагающего большевистского влияния из Владивостока.

Слух о генеральской затее проник в казармы. В 3-м унтер-офицерском батальоне ударили тревогу. Курсанты быстро разобрали оружие.

Русский остров день и ночь продувается стылмым ветром с

океана. Часто налетают снежные заряды. В офицерском собрании светились все окна. Полковник Пешков с проверенными офицерами готовил эвакуацию школы. Курсантам незаметно удалось блокировать офицерское собрание. Когда полковник Пешков увидел вломившихся во все двери занесенных снегом солдат, он сначала опешил, затем схватился за револьвер, но был обезоружен. Вместе с ним арестовано 60 человек — все, кто находился в офицерском собрании. Этим же вечером к 3-му батальону присоединился весь состав 2-го батальона, а также егеря, потребовавшие возвратить им отнятое оружие. Так что сейчас на Русском острове всего горстка офицеров, бешено озлобленных, не видевших иного выхода, кроме борьбы насмерть.

— Молодые? — спросил Лазо.

Фельдфебель поставил пустую кружку на край стола и переглянулся с товарищами:

— Большим часом не служившие еще. Но есть такие, что кипятки. Особенно которые из гардемарин.

Сергей задумался: «Воспитание... Идеалы... Слепота! А впереди еще вся жизнь...» Он вдруг спохватился и увидел, что глаза всех устремлены на него.

Решительно встав из-за стола, Сергей Георгиевич с сожалением глянул на груды скопившихся бумаг. Ничего, кое-что товарищи сумеют сделать без него. Не допуская, чтобы японцы заподозрили, следовало взять под контроль ключевые позиции города. Сам он отводил значительную роль Амурской батарее. Ее орудия могли достать до любого района Владивостока. Батарею необходимо прикрыть силами пехоты... Мало ли что! Затем надо послать распоряжение команде бронепоезда. Он представил, какой эффект произведет бронированная крепость на колесах, появившись на владивостокском вокзале. Броненосец вооружен орудиями крупного калибра, в его арсеналах достаточный запас снарядов.

Натягивая шинель, Лазо отдавал распоряжения. Бронепоезд должен появиться одновременно с партизанскими отрядами. В последнюю минуту Сергей Георгиевич представил, какое беспокойство у японцев вызовет сухопутный броненосец, и приказал остановиться бронепоезду на Первой речке... Кроме того, следовало немедленно послать надежного человека на ледокол. Генерал Розанов неплохо придумал: взломать лед в заливе. Но теперешний гарнизон Русского острова будет необходим во Владивостоке. Пусть ледокол останется стоять у стенки. Что же касается озлобленных и не видевших никакого выхода офицеров...

— Товарищи, — обратился он к солдатам, — мне нужен

проводимый. Кто?

Заметил, Всеволод Сибирцев поднял глаза к потолку и пожал плечами. Спорить было бесполезно. Впрочем, с учетом последних событий обстановка на Русском острове казалась ему уже не столь опасной.

Фельдфебель и солдаты поднялись.

— Мы все пойдем. Погостевали, поговорили — пора и честь знать. Да и ждут нас... Идемте с вами смело, проведем и назад доставим!

Ветер ободрал береговой откос до камня. В складках земли белели полосы слежавшегося снега, припорошенного пылью. Узкой тропинкой, ступая след в след, Сергей Лазо и солдаты спустились на лед залива. Здесь ветер дул ровно, сильно, мел струями сухого вымороженного снега.

— Эх, понижет вас, товарищ командующий, — сказал фельдфебель. — Ишь ведь задувает! Будто, скажи, нанялся... Мы-то ничего, привычные. Да и по две портянки догадались навертеть.

Пришлось поднять воротник шинели и чуть выставить плечо. Ноги оскальзывались на льду, по сапогам хлестала злая поземка.

С моря Сергей увидел Владивосток впервые. Оглядываясь на разгорающееся зарево городских огней, Лазо не мог отделаться от ощущения, что смотрит на этот чудесный город глазами военного человека. Его сейчас интересовали исключительно стратегические точки. Ведь японцы тоже понимают все значение городских высот и постараются ими овладеть в первую очередь.

Слева потянулись склады и безлюдные причалы Эгершельда, портового района города. Молодыми, зоркими глазами Сергей разглядел копошение каких-то сереньких фигурок. Японские солдаты, что ли? Фельдфебель, вежливо приотстав, высморкался и догнал Сергея:

— Они самые, япоицы. Все подбрасывают и подбрасывают. Все им мало! Как бы стакнуться не пришлось. У нас... ну промеж солдат, такие разговорчики давно идут. А как у вас на это смотрят, товарищ командующий?

— Правильно солдаты чувствуют. Нужно готовиться.

— Эх... — убитым тоном проговорил фельдфебель и замолк.

Сергей прикидывал в уме, что в случае необходимости гарнизон Русского острова пойдет на город по льду. Полк егерей да два унтер-офицерских батальона — сила внушительная. На Эгершельде они займут штаб крепости и станцию... Через Гнилой угол воинские части подойдут к Народному дому, к телеграфу, банку... А телефон? Это очень важно. Телефонную связь следует

прервать до начала событий. Без связи военный руководитель как бы сразу слепнет и начинает беспомощно тыкаться, словно в темноте. На телефонной станции у большевиков давно работали надежные люди. Они по команде лишат Владивосток связи, но снова ее включают, как только связь понадобится уже нам...

Задумавшись, он вздрогнул от зычного окрика фельдфебеля:

— Сорока, ты как ведешь? Заснул? По льду иди, в снег не ступай. Там может полынья быть. Утопить всех хочешь?

— Виноват, господин фельдфебель, — отозвался спереди солдатский голос.

— Нету сейчас господ! Сколько раз тебе твердить? Запомни, и чтоб я этого больше не слышал.

Через минуту фельдфебель доверительно склонился к молча шагавшему Лазо:

— Это ему фамилия такая — Сорока. Видно, сморило его. Туда-сюда шагать — все-таки тридцать верст. А так он ничего... старательный, смысленный.

Слышался однообразный хруст снега под сапогами. Трепало полы шинелей, озноб покалывал колена. Рукой в перчатке Сергей растирал щеку, потерявшую чувствительность. Фельдфебель заботливо держался сбоку, прикрывая своего спутника от ветра.

Солдаты впереди о чем-то переговаривались. Долетали отдельные слова:

— Революции одна другую заменили. Та — ихняя, эта — наша. Напополам разорвались!

— Сорока! — строго окликнул фельдфебель, — а ну кончай болтать: подходим.

И разговор стих.

Наконец впереди замигали огоньке.

Зачернели изломы скалистого берега. Сергей разглядел причудливые деревца, словно нарочно искореженные, чуть ли не завязанные узлом: жалкая растительность острова, способная выжить под свирепым постоянным ветром.

Двухэтажные казармы светились всеми окнами. Солдаты уверенно показывали путь. Фельдфебель приосанился, ударами варежек сбил снег, смерзшийся в складках шинели.

— Пришли, — сказал он, останавливаясь у невысокого крыльца. — Они тут, наверху. Как собрались, так и живут. Ну, злобствуют, конечно. Мы их на всякий случай охраняем.

Услышав, что Сергей собирается идти наверх один, фельдфебель запротестовал:

— Ни, ни, ни! Ни в коем разе! Шутка сказать! А ну... даже дуриком кто. Что с них потом возьмешь? Мы вас не оставим. Там ведь всякие есть.

Нет, в планы Сергея не входило появляться перед офицерами с охраной. Что они подумают? Ему требовалось поговорить с ними с глазу на глаз. Иначе не имело никакого смысла отправляться в этот тяжкий путь по льду залива.

Фельдфебель постепенно уступал.

— Ох, зря вы! Это ж знаете какой народ... Ладно уж, ступайте, но если что... Сорока, стань там внизу у лестницы. Наверх не суйся, но слушай хорошенько!

С мороза тепло ударило волной в лицо. Сапоги застучали, словно ледяные. Пришлось постоять, оттаять, привести себя в порядок. Спрятав носовой платок, Сергей стащил с головы шапку. Натянулась и задрожала внутри какая-то струна. Так всегда бывало в острые моменты жизни. Но не предстоящая опасность заставляла его волноваться, совсем нет! В сущности, он сейчас окажется в своем прежнем мире. Ведь и он мог бы быть среди этих молодых офицеров, обманутых воспитанием, средой, неверным представлением об истории и назначении России.

Сверху через перила свешивались две головы. На плечах блестели погоны. Сергей пригладил волосы, оправил на шинели грубый, туго затянутый ремень и легким танцующим шагом юнкера (словно по парадной лестнице в Алексеевской училище, в Лефортово) стал подниматься наверх. Усталости как не бывало, он чувствовал, что в нем играет каждая жилка. Назойливо лезло в голову нелепое опасение: только бы не шмыгнуть носом. Он еще не отогрелся, не оттаял окончательно...

В большой комнате изнывали от безделья несколько десятков офицеров. Бросалась в глаза вопиющая запущенность: небриты, без сапог и распояской, воротники расстегнуты. «Не хватает карт и водки», — подумал Сергей.

«Как к ним обращаться? Господа? Нелепо. Товарищи?.. Вот положеньице-то!»

Его разглядывали молчаливо, выжидающе. Это еще что за птица? Но, видимо, что-то в нем сказало им, выдало в нем недавнего офицера. Однако — солдатская шинель? Интерес нарастал, уже не было ни одного, кто остался бы равнодушным.

На миг подумалось о том, что сзади, за спиной, — те двое, с лестницы, что разглядывали его, пока он приводил себя в порядок. Впрочем, всякая опасность им исключалась с самого начала!

— Позвольте представиться — Лазо!

И, что случилось с ним чрезвычайно редко, сам ощутил свою неистребимую картавость. Все-таки удивительно, почему белогвардейская контрразведка не обратила внимания на эту характернейшую примету, на этот его изъян? Но теперь уже

поздно!

Оказывается, имя его было известно не только среди своих. Любопытство сменилось изумлением, затем поперла ненависть, — тяжелая, сословная, накопившаяся.

— Мерззавец!.. Жидовский комиссар!.. Пр-редатель!

Внизу, на первом этаже, суматошно хлопнула входная дверь. Не иначе запаниковал Сорока. Зря, абсолютно зря. Хоть удерживай его! Ну поорут, ну выкричатся. А что им еще остается делать?

«А лица есть приятные, интеллигентные. Хотя бы вон тот гардемаринчик. Мальчишка же совсем! Шея тоненькая, смешной хохолок на голове... Где-то, наверняка, ждет мать, не спит ночей, переживает...»

— Послушайте, как вас... — задиристо выкрикнул смешной гардемаринчик, и его юное безусое лицо залилось краской гнева. — Не знаю даже, как вас теперь называть. Офицером мы вас считать не можем... Господин комиссар! А понятие о чести мундира вы еще не забыли? Или съели ее с чесночной колбасой?

Мальчишка пыжился изо всех сил, и Сергей Георгиевич не сводил с него иронического взгляда. Однако он чувствовал, что его ответа ждут все, кто находился в дортуаре.

— Представьте себе, молодой человек, что не забыл. О чести мундира я помню и буду помнить всегда. Но вот вы! Посмотрите на порт. Каких там только флагов нет! Кому из этих иностранцев теперь принадлежит ваша честь? Японцам? Чехам? Американцам? Англичанам? А мы никого из них не звали и никого звать не собираемся. Мы справимся с врагами России своими силами. И мы останемся здесь, в своей стране. А вы? Куда вас увезут? Где вы окажетесь? В Америке? В Японии?

Едва он начал говорить, крики как обрезало. Правильно он сделал, что пришел. Люди в отчаянии, — сидят на самом краешке родной земли, перед обрывом в океан. Где, где спасение?

Снизу застучали бегущие шаги, — множество ног. Напрасно! Ничего страшного не произошло... Не оборачиваясь, Сергей почувствовал изумление возникшего на пороге комнаты фельдфебеля. Тишина, напряженное внимание, боязнь пропустить хоть слово...

— За кого же вы, русские люди, молодежь русская? Вот я пришел к вам один, невооруженный. Можете взять меня заложником, убить можете... Перед вами Владивосток — этот чудесный русский город, последний на вашей дороге. Вам некуда отступать: дальше чужая страна, чужая земля и солнце чужое... Нет, мы, революционеры, русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на заморское золото и

пушки. Мы не наемники, мы собственными руками будем бороться за родину, против иноземного нашествия! Мы грудью защитим нашу землю! Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим никому!

Потухли бешено горевшие глаза, опустились головы. Сергей разворошил на груди застегнутую на все крючки шинель — становилось жарко. Он обратил внимание на плечистого офицера, стоявшего в несвежей нижней рубаше и измятых галифе с лампасами уссурийского казака. Всей горстью офицер раздумчиво взял себя за подбородок, затем повернулся, пошел в глубь комнаты, пропал за спинами товарищей. В глубокой тишине прозвучал недоуменный голос гардемаринчика со смешным хохолком на голове:

— Какой же выход?

Сергей оглянулся. Усатый фельдфебель стоял в дверях один, строго опустив по швам руки. Он дожидался, чтобы проводить гостя, показать дорогу.

— У вас есть знания, у вас есть молодость, — на прощание сказал Лазо. — Не хватает одного: желания помочь своему народу. Подумайте! Мне сейчас некогда. Я должен сегодня же, сейчас вернуться в город... Но здесь, на Русском острове, много людей, которые вам помогут. Прошу вас об одном: одумайтесь, пока не поздно. Народ еще простит вам ваши грехи, но если вы оставите родину в такой трудный час, прощения вам уже не будет. Подумайте!

И, быстро повернувшись, он вышел. Фельдфебель в дверях еле успел уступить ему дорогу.

Они спустились вниз. Сзади царило глубокое молчание. Сергей Георгиевич рванул дверь и содрогнулся от озноба. Какая стужа! И он представил себе обратный путь в город через весь залив.

— А проняло их! — с удовлетворением заметил усач фельдфебель. — Что вы, товарищ командующий, видно же сразу!

Он стал уговаривать остаться и отдохнуть. Сергей ужаснулся: ни за что на свете! Что-то сейчас происходит в городе? Ему казалось, что он потерял счет времени и выключился из событий. Нет, нет, скорей туда, к товарищам!

— Одного вас не отпустим, товарищ командующий, — заявил усач фельдфебель. — Сейчас дадим вам еще одну шинель и вторые портянки. Эдак без ног можно остаться!

Покуда бегали за шинелью, Лазо разговаривал с солдатами. Лицо приземистого ефрейтора показалось ему знакомым. Тот ухмыльнулся:

— А мы с вами в бане вместе были, товарищ командующий.

Помните конференцию?

Не удержавшись, Лазо расхохотался. Разом всплыло в памяти, как он поначалу возражал против передачи власти земской управе и этот вот ефрейтор его поддерживал. Выходит, вместе ошибались!

Стянув сапоги, Сергей Георгиевич ловко навернул вторые портянки. Усач фельдфебель заботливо накиннул ему на плечи еще одну шинель.

— Теперь не продует!

Получив двух провожатых, Лазо отправился в обратный путь. При быстрой ходьбе он рассчитывал к утру быть на месте, в штабе.

ПРИКАЗАНИЕ № 91

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

30 января 1920 года, 20 часов. Кр. Владивосток

В дополнение приказа № 90 о всеобщей забастовке приказывается вам в 6 ч. утра завтра, 31 января, через товарищей электромонтеров прервать телефонное сообщение в городе. Завтра, 31 января, непрерывно поддерживать связь с электромонтерами, чтобы по первому требованию восстановить действие телефонов.

Кажется, предусмотрено все. Забастовка, как и в начале этого месяца, должна парализовать жизнь города. Войска тем временем станут занимать вокзал, штаб крепости, телеграф, банки и Народный дом, где, по последним сведениям разведки, засела личная охрана генерала Розанова. Сопротивления как будто не предвидится. Гарнизон крепости Владивосток полностью на стороне восставшего народа — результат долгих месяцев упорного труда.

Утром, вернувшись с Русского острова, Лазо прежде всего спросил, готово ли обращение земской управы к консульскому корпусу. Оказывается, не только готово, но и отослано, — представители «союзников» сами затребовали его для изучения. Новость была важная и позволяла догадываться о многом. Выходило, что на генерала Розанова махнули рукой, как на обреченного. Поддержки он лишился окончательно. Не собираются пока что выступать и японцы. Вопрос: долго ли они

будут медлить? Однако завтрашний день от их вмешательства как будто гарантирован.

Пока Лазо отогревался, прижимаясь к печке, товарищи рассказывали ему, что гарнизон в Никольске-Уссурийском держится уверенно, а японцы соблюдают нейтралитет. По последним сведениям, наши войска заняли станцию Угольная, обложив таким образом Владивосток со всех сторон.

Появился Всеволод Сибирцев, протирая запотевшие с мороза очки, близоруко тряс головой, посмеивался.

— В городе легкая паника. Вдруг подскочили цены на пароходные билеты. Хочешь попасть на иностранный пароход — выкладывай полторы тысячи иен!

Он вернулся с Первой речки. Там настоящий лагерь революционных войск. Солдаты больше не таятся, открыто расхаживают с красными бантами, выполняют приказы только военных комитетов.

— Мы договорились, что завтра утром им подбросят автомобили. Все-таки у них задача — штаб крепости! Кроме того, мне кажется, целесообразно мобилизовать городской трамвай. В два вагона вполне поместится стрелковая рота...

Во второй половине дня с парохода «Печенга» спустилась на берег рота 35-го полка, построилась и через весь город двинулась для прикрытия 1-й Амурской батареи. На Светланской улице остановился трамвай. Прохожие глазели на грозно шагающих солдат с красными бантами на груди. Ротный запевала вдруг затянул: «Соловей, соловей, пташечка!» Солдаты грянули песню лихо, с присвистом. Над папахами стройно качались острые жала штыков. Японские офицеры, проходившие по улице, делали вид, что ничего особенного не происходит.

Оперативный штаб работал уже совершенно открыто, рассылая последние приказы. Удалось конфисковать несколько мотоциклеток. Посыльные, отчаянно тарахтя, мчались на миноносец «Богатырь», в Военный порт, на Дальзавод, на телефонный узел.

Ночью к станции Первая речка, мягко постукивая на стыках рельсов, подошел бронепоезд «Освободитель». На массивных башнях лежал густой иней. Орудия бронепоезда смотрели на затаившийся в темноте город.

В оперативный штаб, где не затихая хлопали двери и бегали возбужденные люди, пришло известие, что генерал Розанов с несколькими денщиками побросал в пролетку чемоданы и окраинными переулками пробрался к пристани, там его дожидалась шлюпка с парохода «Орел». Незадачливый диктатор еще до рассвета отправился на вечное изгнание в Японию.

После полуночи, в самый глухой час, со стороны Народного дома слышалась стрельба и быстро стихла. Произошло недоразумение. Охрана генерала Розанова, оставшись без хозяина, арестовала своих офицеров и объявила о поддержке восстания. В темноте солдаты приняли наступающие части за карателей... Короткий, но ожесточенный бой произошел в штабе крепости. Там пришлось подавить бешеное сопротивление небольшой группы офицеров.

Медленно занимался поздний зимний рассвет. Над Тигровой горой развевался красный флаг. Сергей Лазо распорядился задержать на телеграфе все неотправленные за границу телеграммы.

Со стороны вокзала, по Суйфунской улице, в город уже вступали первые части партизан. Таежные бойцы, обросшие дремучими бородами, одетые в козьи куртки и дохи из звериных шкур, потрясали винтовками и самодельными бомбами. Светланская улица оказалась запруженной. Остановился переполненный трамвай, из него посыпались солдаты. Вверх полетели шапки. Торжественно и грозно зазвучало: «Это есть наш последний и решительный бой...»

На привокзальной площади на скорую руку соорудили трибуну из багажных ящиков. Взобравшись наверх, Сергей Лазо окинул взглядом бескрайнее море голов, бородатых лиц.

— Товарищи! Сегодня мы сбросили власть — самую кроваждную, самую ненавистную для трудящихся...

ПРИКАЗ № 1

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

31 января 1920 года

Объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций временно, впредь до конструирования власти, берет на себя всю полноту военно-административной власти в районе крепости Владивосток.

ПРИКАЗ № 3

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

31 января 1920 года

Объединенный оперативный штаб приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомств, всем частным предприятиям, мастерским, заводам, железной дороге, почте, телеграфу, телефону немедленно приступить к текущей деловой работе. Всем должностным лицам оставаться на своих местах. Виновные в уклонении и неисполнении настоящего приказа будут преданы суду.

ПРИКАЗ № 4

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

по охране порядка и спокойствия

О. О. шт. приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомств, всем частным предприятиям принять все меры к сохранению общественного порядка и спокойствия.

Начальнику милиции иметь неуклонное наблюдение за сохранением порядка в городе и пресекать всякие попытки нарушения одного. О всех случаях нарушения немедленно сообщать штабу для предания виновных военно-рев. суду.

Всякие попытки к нарушению общего порядка и спокойствия, буйства, грабежи, самочинные обыски, аресты, всякие насилия над гражданскими и военными лицами будут беспощадно подавляться путем применения вооруженных сил. Виновные будут предаваться военно-революционному суду.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Военный совет областной земской управы поместился в реквизированном отеле «Версаль». Первые постояльцы размещались наспех. Новое учреждение еще не обрело собственной солидности, и сотрудники удивленно взирали на остатки старого фешенебельного быта: на ванны, зеркала, на разноцветные обои. Но вот из номеров и коридоров куда-то быстро исчезли ковры, густо поплыл махорочный дым, похозяйски загрохотали по паркету сапожищи. На коменданта, таежного волка, привыкшего пускать под откос эшелоны, обрушилась лавина требований: бумаги! нет чернил! письменных столов! Невозможно работать! Для записок сотрудники рвали со стен куски дорогих обоев. Комендант чумел. Ему легче было раздобыть бронепоезд, нежели разжиться бутылочкой чернил. А без чернил нельзя. Такое время! И комендант, показывая чудеса изворотливости, носился по городу и доставал. На этажи, по номерам, потащили разнообразные столы, кипы бумаги, охапки всяческого канцелярского добра. Назад поплыл поток кроватей. Поминутно раздавался треск: нежная мебель не выносила грубого прикосновения. Комендант, срывая голос, метался по коридорам:

— Несознательность свою показываете, так? А вот я вас к товарищу Лазо!

Подождав, когда комендант убежит на другой этаж, партизаны опускали кровать на пол, усаживались и устраивали перекур.

— Ванны эти... ну их. Лохань и лохань. Квартеры наши военные, известное дело, в лесу. А мороз. Шуб всяких по три на спину надевали. А в землянке костер и день и ночь, дым, копоть. У меня, к примеру, шуба была лисья, а считали за козла — до того черная. И ты теперь меня хочешь отмыть в этой лохани? Меня после тайги надо скрести, как лошадь. Баню настоящую! А тут что? Да нешто меня ихней губкой отскрести? Кожа лупится, словно со змея какого...

— А я зеркал не выношу. Ну что это такое? Как издевательство. Стоит под самый потолок. Глянешь в него и аж страх берет: ну и чучело, ну и зверь!

День и ночь в громадном здании чахло светило электричество. Махорочный дым загустел, его теперь не вытравить отсюда до скончания века. Шурша леями роскошных галифе, проносился старорежимный спец. Это был новый тип работника, невиданный в тайге. Пробор на чисто мытой голове, походка, голос — все, как в старину. Военные специалисты для

штабов сейчас были в цене, они обосновались в кабинетах и стали передвигать отряды и полки, ведать снабжением и разнообразной отчетностью. Спец придержал свой служебный бег и кинул в груду толпившихся бородачей вопрос:

— Товарищи, есть кто из Кипарисово? А из Гродеково?

Молчание было ему ответом. Спец снова срывался в иноходь и скрывался за какой-то дверью. Через минуту в дверь высовывалась его голова и раздавался голос:

— Комендант, я не могу без телефона!

Застучали молотки, по стенам полезли рабочие, протянулись провода, в здании поселился целый выводок кисейных барышень: прозрачные блузки, тоненькие выхоленные пальчики. Запорхали пальчики по клавишам, по коридорам понесся непрерывный треск. Заработала машина!

В вестибюле, хрустя по битому стеклу, грузно прохаживался усатый Губельман. Из-под нависших бровей он замечал каждую мелочь. К нему совались с жалобами, он на ходу выслушивал, кивал. «Коменданта», — приказывал он.

— Столовую для сотрудников... срочно! — диктовал он коменданту, не слушая возражений. — Чем кормить? А хоть чем. Селедки? Отлично. Перловка? Чудно. Рис немного? Еще лучше. Исполняйте!

Партизанская вольница, одетая весьма живописно, вламывалась в помещение Военного совета и разевала рты на обилие однообразных дверей. Снизу, где помещалась столовая для сотрудников, пахло кислой капустой и жареной несвежей рыбой. Посетители мыкались по коридорам, просовывали в двери лохматые головы, пугали барышень. Иные из них напористо требовали «самого», им объясняли, куда пройти, они топтались посередине коридора, мешая деловому бегу занятых людей. Проносился мимо щеголь в великолепных крагах, фронт — загляденье кисейных барышень. Открывалась одна дверь, и слышалось: «Алё, штаб?» Распахивалась соседняя, и оттуда гроыхало: «Надо срочно потребовать от Медведева...» Иногда махорочная муть перешибалась тонким запахом духов. Это барышня пугливо пробиралась по коридору и вгоняла всех в столбняк, словно отражение недавнего старого и слабый росток близкого будущего, нового, куда идем и за что боремся. Не век же, в самом деле, спать, месяцами не снимая сапог и не зная бани! Бородачам, расположившимся в коридоре самым настоящим биваком — только что костров не разводили, — мерещились слякотные поля за Амуром и Уссури, эшелоны и ночевки у таежного костра, колючий ветер и вшивые полшубки...

День час от часу набирал разбег, и в здании уже кипела круговерть. Подлетали к подъезду грузовики и кашляли, чихали, наполняя переулок синим дымом. Тарахтела мотоциклетка, спрыгивал с седла суровый облик юнец и, придерживая сумку, бежал в тот конец, где помещался секретный отдел, сдавал пакет в печатях, получал роспись в книгу и стремглав удирал вниз, ловко перескакивая через вытянутые ноги, через винтовки, ружья, самопалы, валявшиеся на полу.

Тыкаясь, словно слепец, двигался по коридору обвешанный оружием человек, — со свету ничего не видел. Потом глаза его привыкли, он узрел бивачное сборище партизан и приосанился.

— А ну, братва, где здесь отдел формирования?

Ответом ему было недоуменное молчание.

— А комната какая?

Новоприбывший этого не знал. Один из партизан поднялся.

— Пошли-ка, дядя, провожу. Вчерась один тут тоже искал.

В отделе формирования (имелся, оказывается, такой отдел, недавно организовали) с новоприбывшим состоялся короткий и решительный разговор:

— Вы назначаетесь командиром стрелкового полка. С вооружением полка помочь не можем. Но к вам вливаются два партизанских отряда. У них хорошее трофейное вооружение. Ваша задача создать настоящую боевую единицу. Предлагается выехать немедленно. Время не ждет...

Слегка ошарашенный командир полка попытался было добиться хоть обещаний насчет снабжения, его прервали:

— Вы намерены выполнять приказ, товарищ? Вам все понятно? (Ух ты, черт, как тут разговаривают!) Подойдите, пожалуйста, к карте. Вам предстоит...

Вниз, к подъезду, командир полка сбегал стремительным, неудержимо скорым шагом, вызвав уважительное замечание бородачей:

— Наскипидарили, видать!

Разговор возобновлялся.

— Эту войну довоюем, и все. На чужую не пойдем.

— А я, братцы, на этой войне выправился здоровьем. Судьба здесь для всех общая, работа веселая. Эта война — как лекарство для меня. Ей-богу!

Среди разнообразных новостей заставляли настораживаться слухи о недавней стычке в Кипарисово. Японцы не переставали вожаденно роиться возле тоннелей. Наши их оттирала. Случился срыв. Убитые были с обеих сторон. У нас в возникшей перестрелке погиб молодой товарищ Кавалеров, приехавший в Кипарисово с секретными инструкциями...

— Парень боевой был. Помню я его. Со смертью круглые сутки вместе.

Появился скуластый кореец, тоже кого-то искал. Его окликнули, — оказался знакомец. Поговорили, выслушали.

— А у Сибирцева не был? Зря. Сходи. Мужик много не говорит, но-о...

— Лучше к самому Лазо.

— А вон идет товарищ Губельман. У-у, башка! Лови, не проворонь.

Внезапно суета внизу стихала, замирание докатывалось и до этажей: приехал сам главком Лазо. Он шагал быстро, развевая полы шинели. Его провожали глазами, не лезли, хотя многие были с ним знакомы, воевали в Забайкалье, прятались в тайге, мыкались после Молчановки, лежали в лазарете. Едва он проходил, те, кто знал главкома, рассказывали тем, кто впервые его видел. Отчаянностью не красуется, но и не отсиживается за чужой спиной. С народом управляться любит и умеет. Там, где иных ораторов тащили за полы и скидывали с трибуны, главкома слушали с раскрытыми ртами, боялись пропустить хоть слово; мало-помалу загорались тысячи глаз, в груди сам собой вспухал ликующий крик, сотрясая окрестности, многоголосо раскатываясь, в воздух летели шапки, малахаи, вокруг трибуны кипел водоворот, каждый норовил протиснуться поближе, чтобы подхватить главкома на руки и от избытка чувств запустить его повыше вверх, под самое небо: «Ур-ра, Лазо!» Свидетели подтверждали: правда, правда... Сейчас на Лазо забот свалилось сверх головы — вся война, по существу, на нем.

...С приближением тепла в коридорах становилось слякотно. Вывозить грязь оказалось некому. Штабные мятой бумагой вытирали испачканную обувь. Кое-кто начинал брюзжать... А вечерами, когда над заливом вполнеба разливался оранжевый закат, штабные щеголи брали барышень под локоток и везли туда, где можно было отдохнуть издерганному человеку. (Адреса таких подпольных мест передавались по секрету.) Там, в зашторенных наглухо комнатах, при свечах, можно было раскинуться по-довоенному. Старые лакеи узнавали гостей по сохранившимся замашкам. Подавался крюшончик подозрительной крепости, подавались позабытые за военным временем яства, и клиенты, которым надоели комочки каши и чай с сахарином в столовой для сотрудников, завивали горе веревочкой. Блестели глаза барышень, блестели проборы на головах мужчин, поблескивали гигиеничные целлулоидные воротнички «Монополь» — мечта холостяка (оботри утром тряпочкой и надевай), обволакивала, как тряпина, атмосфера

уюта, сытости, тепла, и забывалось унижительное существование, пропадал страх перед тем, что завтра с утра придется прятать под взглядом Луцкого красные глаза и унижительно врать, а он будет каменно молчать, видеть всего насквозь и уж конечно иметь свое мнение о таком сотруднике. Все-таки в следующий раз лучше собираться где-нибудь в квартире, по-семейному... И вот квартира, старорежимный уют, за столом учтивые проверенные люди. Здесь властвовали разговоры о тревожном мире, о событиях в России, за Уралом. Как это ни странно, Америка все-таки уходит с Дальнего Востока (известия совершенно точные), и, вообще, большевики мало-помалу отвоевывают себе место среди мировых держав. Брестский мир, как его не срамили, явился для них спасением... Обсуждали Луцкого, — вроде бы свой, но своих заметно сторонится и все больше забирает влияние и власть. А недавно появился какой-то тип, был на приеме у самого главкома и, представьте, получил сразу полк, выбил себе начальника штаба и помощника по оперативной части, — сам-то едва умеет расписаться... Завидовали двоим специалистам, уехавшим в Благовещенск. Там большевики намерены быстрым порядком пустить патронный завод. И вот поехали, счастливчики, на хорошие оклады, забрали жен, детей... Кто-то по секрету докладывал, что скоро владивостокское житье кончится, всем на колеса. А куда, куда? А неизвестно. Кому в Хабаровск, кому в тот же Благовещенск. Там из партизанских отрядов в срочном порядке, но в глубокой тайне от японцев формируются свежие бригады и даже дивизии. Но японцы-то? Или ослепли, потеряли нюх? Э, батенька, недавно большевики так трепанули их возле Кипарисовского тоннеля, а они хоть бы хны, хоть бы обозлились!

— Вы меня удивляете! — завладевал вниманием вальяжный спец, постукивая довоенной папирсой в выхоленный ноготь на мизинце. — Большевики не так слабы, как можно думать. Японцы имеют самые проверенные сведения обо всех наших приготовлениях. Создается настоящая армия. Да, да, регулярная. И на днях главком с Губельманом отправляются в поездку по краю. Настоящая инспекционная поездка. Спецвагон, как раньше. Прицепляется к поезду. На остановках все системы вагона немедленно включаются в городскую сеть. Настоящий штаб, — замечаете?

От таких новостей становилось беспокойно.

Не скинув шинели, Лазо прошел в кабинет Всеволода Сибирцева. Там он застал приехавших из Спасска Игоря Сибирцева и Сашу Фадеева. Молодые люди вскочили на ноги. Всеволод, договаривая, настойчиво просил младшего брата

съездить на 26-ю версту, к матери. Она там жила на даче.

— Поезжай сегодня же, немедленно. Ты же знаешь, она прихварывает. Надо ее успокоить. Я приеду, как только освобожусь.

Сергей Георгиевич стал расспрашивать ребят о новостях. Спасск ближе к Хабаровску, и там больше слухов о приготовлениях японцев. Вот где скоро начнутся горячие денечки! Японцы ведут себя вызывающе. Во Владивостоке они куда скромнее. Поговаривают, что скоро из Токио прибудет какое-то высокопоставленное лицо. Одни говорят — военный, другие — дипломат. Зачем? Предположения высказывались самые разнообразные. Высокопоставленное лицо будто бы во Владивостоке не задержится и сразу же проследует в Хабаровск...

Неразлучные друзья, Игорь и Саша, обратили на себя внимание Лазо еще во Фроловке. Ребята были настоящими тружениками подполья. Юный Саша, такой смешной в своей ребячьей непосредственности, тайком пописывал стихи. Об этом рассказывал Ильухов.

Всеволод принялся выпроваживать ребят.

— Итак, мы обо всем договорились. Ишка, не забудь о даче. Съезди.

Оставшись одни, Сергей и Всеволод пытливо посмотрели друг другу в глаза. Обстановка тревожила обоих. Лазо проговорил:

— Как ты знаешь, мы послали американским коммунистам информацию об американских солдатах на нашей земле. Я надеюсь, что советский представитель в США товарищ Мартене доведет эту информацию до сведения американского правительства. Думаю, что нам надо быть готовыми к тому, что американцы предпримут какой-то шаг. Но — какой?

— Уйдут они, уходят. У нас совершенно точные сведения.

— Но когда? Почему медлят? Что их задерживает?

— По-моему, японцы. В чем-то они жадничают, не хотят делиться.

— Ты думаешь? Гм... Все может быть, все может быть... Но ведь все равно договорятся!

— Должны. Понимают же, что время на руку не им. Оба задумались. Глубинные процессы, происходящие в мировой политике, оставались скрытыми. Приходилось лишь предполагать, угадывать по целому ряду признаков. Ясно одно: авантюра в Приморье американцам не удалась, но хоть какая-то пожива входит в их планы. Интересно, что за условия поставят им японцы?

Сибирцев ядовито заметил:

— Пока мы судим да рядим, японцы умудрились у нас из-под носа угнать сто вагонов.

— Сведения точные? Безобразия!

Во Владивостоке ко дню «розового» переворота скопилось различных грузов примерно на 50 миллионов пудов. Военный совет намеревался потихоньку от японцев переправить их в Амурскую область. Главные трудности, помимо лукавого сопротивления «союзников», заключались в нехватке подвижного состава. И вот нате вам — слямили вагонов на целых три состава!

— Надо заставить Медведева заявить решительный протест. Что за наглое воровство? Это же наше имущество!

Вместо ответа Всеволод Сибирцев показал свежий номер газеты «Владиво-Ниппо», выходящей на русском языке.

— Читай. «Из-под овечьей шкуры земской управы так и несет собачьим мясом». Так откровенно они еще не высказывались никогда. Это — тревога.

— И все равно нельзя потакать. Медведев должен потребовать вернуть украденное.

Всеволод признался:

— Я рад, что удалось без всяких приключений перевести патронный завод. Вы с Дядей Володией собираетесь в поездку. Интересно, как они там в Благовещенске устроились?

Тем временем в коридоре Игоря и Сашу поймали за полы старые знакомцы.

— Не узнаете, черти?

— О-о! Живые? — и кинулись обниматься.

Ребята подсели к компании, им дали по куску хлеба, освободили место возле банки с консервами. Башковитые парнишки, побольше бы таких! Вместе с ними бедовали в тайге, согревались общим теплом где-нибудь на зимовье, в овине. Горечь поражения разъедала душу, мир окрашивался черным цветом, а ребята как ни в чем не бывало рассуждали о счастье, о будущей жизни, потом Саша тихим голосом принимался читать настолько складное и душевное, что каждый видел свою избенку, стриженные лишайные головенки ребятишек, — за них страдаем, чтоб им жилось по-человечески.

Внизу, в вестибюле, ребята нос к носу столкнулись с человеком, одетым в такую живописную таежную рвань, что на него оглядывались. Человек подкидывал на ремне японскую винтовку, на поясе у него болтался целый набор гранат. Он озирался по сторонам, ошеломленный сохранившимся великолепием отеля. Вглядевшись в партизана, Игорь вскинул

руки и завопил:

— Тезка! Живой?

Всякий раз старые знакомцы почему-то изумлялись, видя Егоршу живым и невредимым. Он сдернул с головы козий малахай и смущенно пригладил вихры.

— Чего стоишь? Откуда? Кого ищешь?

У Егорши едва не сорвалось с языка, что он забрел сюда в надежде порасспросить как раз о них.

Саша Фадеев, поглаживая острый подбородок, с интересом осматривал военное убранство этого верзилы.

Егорша приехал во Владивосток с командой бронепоезда «Освободитель». Где искать ребят, ему растолковал Раев, — они случайно встретились на улице.

— Почему же он тебя не отвел к Ольге Андреевне? — накинулся Игорь. — Они работают в одном здании. Ольга Андреевна сейчас здесь, в горкоме партии.

Об этом-то Егорша знал. Больше того, Раев тащил его к Ольге Лазо, да Егорша застыдился. Он до сих пор переживал, что не смог выполнить задания и заставил отправиться в смертельно опасную поездку женщину с ребенком. С тех пор он воевал так, словно выжигал в себе последние остатки страха. Его отвага поражала товарищей из отряда.

Саша Фадеев отправился в Центральное бюро профсоюзов (помещалось оно в том же здании, что и горком партии), кроме того, ему необходимо было зайти в редакцию газеты. Игорь уговорил Егоршу поехать с ним на 26-ю версту к матери. Мария Владимировна накормила их ужином. Ночевать на даче они отказались — некогда.

— Значит так, — говорил Игорь, пропуская Егоршу впереди себя в махающие двери отеля «Версаль». — Я недавно говорил с товарищем Луцким. Требуются проверенные люди. У меня сначала была мысль устроить тебя в охрану горкома партии, поближе к Ольге Андреевне. Нет, ты пойдешь в другое место: на Полтавскую. Там у нас... ну, да ты увидишь сам. Молчать ты умеешь, а не спать научишься. Обрати внимание: весь город дрыхнет без задних ног, а у нас все на местах. Такое дело, брат... Мы сейчас с тобой напрямик к товарищу Луцкому. Ну а потребуется — и к самому Лазо.

Бивачное житье в просторных коридорах Военного совета скоро прекратилось. Алексей Луцкий, недавно появившийся во Владивостоке, однажды обратил внимание, что по зданию от одной группы партизан к другой бродит и подсаживается вислогубый «браток» в невероятных клешах, в бескозырке, чудом державшейся на лохмах. «Браток», балагуря, щедро подставлял

кисет, а сам что-то высматривал, прикидывал. К вечеру Луцкий встретил его на самом верхнем этаже, в том конце, где помещались секретные комнаты.

— Товарищ, вам кого? — «Браток» взгляделся и панически дал деру. — А ну стойте! Остановитесь, вам говорят! Товарищи, задержите-ка мне этого типа... Давайте его сюда! Где комендант?

Схваченного увели, а коменданту пришлось выслушать немало ядовитых слов. Базар, а не штаб! Может быть, в коридоры Военного совета перебралась владивостокская «Милльонка»?

На следующий день Луцкий гневно выговаривал товарищам:

— Вы напрасно легкомысленно относитесь к японцам.

Они по-прежнему настойчиво ищут возможность обезвредить штаб. Вот вчерашний случай... Мы до сих пор имеем дело с агентурой, которая помогла высадке десанта. Поверьте, у них этим делом занимаются опытные люди. У японцев тут целая наука. Надо быть осторожнее.

Луцкий добился введения пропусков, в дверях внизу встал часовой с винтовкой.

Сам Луцкий занимал изолированное помещение, и мало кто из штабных был посвящен в его занятия. Знакомств он сторонился, держался сдержанно, любителей поболтать, пооткровенничать останавливал его спокойный взгляд сквозь стеклышки пенсне. Сергей Георгиевич с первого дня почувствовал невольное влечение к новому товарищу. Он всю жизнь уважал людей, обладающих внутренней силой чувством собственного достоинства. Зная, что Луцкий сидел в харбинской тюрьме, он представлял, как бесило тюремщиков умение этого человека держать себя. Таких людей ничто не заставит поступиться своими правилами и убеждениями.

Дальним Востоком Алексей Луцкий занимался всю свою жизнь. Накануне войны он окончил во Владивостоке военные курсы при Восточном институте и, блестяще зная японский язык, работал в управлении КВЖД. Он был старше Сергея Лазо на целых одиннадцать лет.

Во Владивостоке Луцкому был знаком каждый уголок. У него имелись свои люди в Корейской слободе и на знаменитой «Милльонке». Там, в этих трущобах портового города по-прежнему продолжали курить опиум и играть в маджонг, пить скверную китайскую водку и драться, однако после падения режима генерала Розанова там появились новые люди, они залезли туда, как тараканы в щели, надеясь пересидеть смутное время и при случае снова появиться на белый свет. Кое-кто из них переберется позднее в зловонные трущобы Шанхая и Гонконга. В первые дни знакомства с Луцким Сергей Лазо испытывал чувство неловкости:

ему обязан был подчиняться человек, гораздо его старше. Так продолжалось до тех пор, пока у них не случился душевный разговор, положивший начало доверительным отношениям, готовым со временем превратиться в настоящую дружбу.

Разговор начал Луцкий, сказав, что в горкоме партии он познакомился с Ольгой Лазо.

— Она у вас что — историк? Нет? Но представьте, мы с ней очень интересно поговорили об истории Сибири и Приморья! Я, конечно, кое-что знал, но понятия не имел, что на Ононе, где она недавно воевала, давным-давно, семь веков назад, был провозглашен великим ханом Темучин. Мы его знаем как Чингисхана.

Лазо невольно улыбнулся. В свое время его тоже поразили недюжинные знания жены. В душной теплушке с китайскими переселенцами, под монотонный стук вагонных колес, она много рассказывала ему о чжурчжэнях, древнем народе, истребленном свирепыми и дикими монголами. Потом на Сучане, недалеко от деревни Сергеевки, где проходил памятный съезд трудящихся Ольгинского уезда, он своими глазами видел развалины старинных крепостей. На их стенах чжурчжэни насмерть бились с ордами Чингисхана. Здесь был их последний оплот... Ольга тогда удивила его, сердечно отозвавшись о просветительской деятельности некоторых сибирских миллионщиков-купцов. Отнюдь не все богачи были завязанными по глаза бездушными мешками с золотом. Например, Сибиряков подарил Иркутской мужской гимназии несколько полотен Айвазовского, скульптуру Антокольского «Иван Грозный», картины западных художников. Тем же Сибиряковым была куплена и подарена Томскому университету библиотека В. А. Жуковского — огромное богатство. Ольга сама пользовалась книгами этой библиотеки. А иркутский городской голова Владимир Сукачев? В его коллекцию входили полотна Репина, Верещагина, Клодта, Маковского. Его собрание было доступно для всех, детей пускали в галерею бесплатно...

Алексей Луцкий рассказал, что недавно он побывал на вечере местных поэтов. Интересно! Он назвал имена Асеева, Третьякова. Молодые поэты наладили печатание сборников, выпускают альманахи, пристально следят за поэтической жизнью в далекой России, поклоняясь Маяковскому.

— Не читали, Сергей Георгиевич? Мне кое-что пришлось. Немного непривычно, но-о... В общем, советую.

Лазо стоило усилий подавить смущение. Успевают же человек!

Плотина неодолимой сдержанности прорвалась, едва кто-то из них упомянул о декабристах. Одному из них Алексей Луцкий

приходился внуком. Сергей Георгиевич оживился и забыл о времени. Вспомнилось детство, Кишинев, юношеское увлечение Пушкиным. Надо же! Словно замкнулся некий круг. И вот он сидит на берегу океана с внуком одного из тех, кто сто лет назад положил свою жизнь, чтобы преобразовать Россию.

Суд приговорил Александра Луцкого к повешению, заменив затем смертную казнь вечной каторгой. По пути в Сибирь, в Тобольске, декабрист пытался избежать неволи, однако неудачно. Из Зерентуйского рудника он совершил побег, пробирался в Россию полтора года и случайно попался где-то за Красноярском. В Нерчинском руднике беглеца наказали кнутом и приковали к тачке. На каторжных работах он находился дольше всех своих товарищей и умер близ Нерчинских горных заводов лишь тридцать восемь лет назад.

— Вы знаете, Сергей Георгиевич, что идея прокладки Кругобайкальской железной дороги, где вам приходилось воевать, принадлежит декабристу?

— Да, Батенькову. Я читал.

— Представьте, он наметил буквально всю трассу.

Кроме того, он вместе со своим товарищем Николаем Басаргиным ратовал за проведение через всю страну великого железнодорожного пути. Какие люди!

Кабинет, обычный гостиничный номер, почти наполовину загромождал массивный канцелярский стол, на столе каланчой торчала треугольная призма со знаменитыми петровскими указами на гранях — «зерцало», необходимая принадлежность всех присутственных мест старой России. «Комендант постарался», — пояснил Луцкий. Сергей Георгиевич прочитал: «Всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти...» Дальше текст закрывал узенький наклеенный листочек. Это было расписание для Лунного. Интересно, сколько он отвел себе на сон? Оказалось, четыре часа тридцать минут. Четко!

Луцкий нашел момент подходящим, чтобы высказать самое болезненное, накипевшее. Давно собирался!

— Сергей Георгиевич, представьте, на «Милльонке» уже болтают, что у нас в штабе настоящее болото. Да я и сам не слепой. Что за хлыщи? Что за барыньки? Какие-то журфиксы по вечерам... Мне просто стыдно!

Этого разговора Сергей Георгиевич ждал. Ему докладывали, что недавно Луцкий грозно распек франта в сверкающих крагах и заставил его переобуться в сапоги. Игорь Сибирцев и Саша Фадеев по юношеской запальчивости называли спецов недобитками. Всеволод Сибирцев, в общем-то защищавший

специалистов, рассуждал о единстве формы и содержания, иными словами, ему тоже не нравилась хлыщеватость некоторых штабных работников. «Позволь, — говорил он Лазо, — ты вот, Луцкий... вы же тоже офицеры. Ну, бывшие, я имею в виду. Но на вас же глаз не спотыкается!» «Терпение, — говорил товарищам Лазо. — Все придет в норму. А как иначе?» Он доказывал, что быт победителей после удачного бескровного переворота понемногу утрясаясь, у кого-то теща уже пекла блины, а кому-то удавалось разжиться несколькими килограммами мяса изюбра и звучало позабытое слово «пельмень». Человек хотел жить, и жизнь брала свое. Что же касается спецов... Помнил же он генерала Таубе, культурнейшего военного, прекрасного специалиста, замученного негодяем Гайдой, а уже здесь узнал и полюбил капитана Саковича, человека, можно сказать, незаменимого. Эти люди приняли революцию без всяких оговорок и работали для победы не покладая рук.

О судьбе военных специалистов в революции говорили много.

В голосе Лазо прозвучало сочувствие:

— Как много им приходится ломать в себе старого, привычного, традиционного...

По губам Луцкого скользнула тонкая усмешка.

— Пусть приживаются!

— Уверен, что приживутся. Вы обратили внимание, как потускнели их наряды?

— Скоро догонят нас?

— Я думаю, мы поднимемся до них. Жить-то становится лучше.

Быстро глянув, Луцкий не нашел что возразить и лишь негромко хмыкнул, лицо его смягчилось, вокруг глаз собрались домашние морщинки. Он снял пенсне и пустил его волчком по столу. Это было признаком хорошего настроения.

— Знаете, мы с Дядей Володи на Дальнем Востоке сторожили...

— Да, он мне рассказывал, — кивнул Лазо.

Внезапно Луцкий прищурился и щелкнул пальцами.

— А как по-вашему: сколько стоила земля вот здесь, во Владивостоке?

— Затрудняюсь, — признался Лазо. — Но, видимо, недорого.

— Смешно сказать: три копейки за квадратную сажень. Представляете? Даром. А потом пошла бешеная спекуляция. Здание нашей областной управы знаете? Так вот, когда город надумал его строить, понадобился участок. А вся земля уже скуплена иностранцами. Пришлось выкупать у них. И за участок, который раньше стоил двадцать рублей, город отвалил

четырнадцать тысяч.

Лазо промолвил удрученно:

— Что и говорить, лакомый кусок для них Дальний Восток. Очень лакомый!

— Еще бы! Гигантские ресурсы. Взять хотя бы сучанский уголь. Он лучше знаменитого английского «кардифа»: плотность, чистота сгорания. И дешевизна. Добывают его почти даром... Да и только ли уголь! Наш Дальний Восток — настоящее золотое дно.

Замолчав, оба задумались об одном и том же: такое сокровище иностранцы без борьбы из рук не выпустят. Впереди ожесточенная борьба.

— Интересно, — проговорил Лазо, — как все-таки понять поведение американцев? Вот последнее сообщение — американцы известили своих союзников, что посылать новые войска на Дальний Восток не собираются. Они это сформулировали так: «Посылка подкреплений не соответствует своему назначению». Но тут же мы получаем сообщение, что американские войска заняли тоннель в Гродеково. Как погашать?

— А вы не допускаете, что они стараются для других?

— Для японцев? — изумился Лазо. — Плохо верится. Не похоже это на них.

— Услуга за услугу. Сейчас они о чем-то упорно торгуются. О чем же? Этого мы пока не знаем. Но я вполне допускаю, что Гродековским тоннелем американцы могут за что-то заплатить японцам. Мы же знаем, как сами японцы точат зубы на Кипарисовский тоннель. Стратегические точки!

При напоминании о тоннелях Лазо помрачнел. Председатель земской управы старик Медведев не желает ссориться с японцами. А они, зная об этом, недвусмысленно угрожают. Сам Лазо считает, что дальше угроз они не пойдут. Но вот Сибирцев смотрит на дело совершенно иначе. Генерал Оой, считает он, не отступит и вполне может использовать выгодный момент.

— Ну насчет использования момента — это еще вопрос, — заметил Луцкий. — Из вопросов вопрос! Но угрожать он будет.

— Пусть. Наша линия должна оставаться твердой.

Не отвечая, Луцкий выбрался из-за стола и принялся расхаживать. Он молчал и теребил бородку. «Наша линия...» Недавно в далекой Москве на сессии ВЦИК Владимир Ильич Ленин дал высокую оценку бескровному перевороту на Дальнем Востоке. Вождь революции поставил эту победу в один ряд с разгромом Деникина и Юденича. Однако борьба еще не закончена. Как вести линию дальше? Сергей Лазо, воодушевленный словами Ленина, считал, что подошла пора уверенно, с сознанием своей силы взглянуть в лукавые узенькие

глазки генерала Оой. Такая решительность Луцкому не нравилась. Он считал ее преждевременной, а значит, и ошибочной. Повторялась история, когда главнокомандующий был настроен против «розового» переворота и передачи власти областной земской управе. Но тогда большинство партийной конференции поддержало мнение Кушнарева. Сейчас до очередной партконференции еще далековато, а между тем обстановка требует определенных действий.

— Сергей Георгиевич, на пути Красной Армии «Читинская пробка».

— Вопрос нескольких месяцев, — уверенно заявил Лазо. — Последнее препятствие. Мы должны подготовиться к встрече Красной Армии.

— Вы считаете, что Красная Армия выбьет «пробку»?

— Уверен! Иначе и быть не может.

Луцкий раздумчиво потирал подбородок. Слишком, слишком оптимистично!

— Мы с вами смотрим со своей кочки. Но из Москвы глазам открывается совсем иная картина. Рискнет ли Красная Армия сейчас сражаться под Читой? Не забывайте, в России существует Южный фронт. В Крыму сидит Врангель.

— Так вы что, считаете, что Красная Армия остановится перед Читой?

Луцкий снял пенсне, протер стекла.

— Судите сами. В район Читы перебрасываются части Четырнадцатой дивизии. Туда же направляются эшелоны с уцелевшими частями генерала Каппеля. Думаю, угадать нетрудно — «пробка» заблаговременно укрепляется. Ну и уж если быть откровенным до конца, то у меня нет никаких сомнений, что нынешний торг японцев со своими друзьями американцами идет с учетом как раз «Читинской пробки». Вы со мной не согласны?

На крепких щеках Лазо выступил крутой румянец.

— Тогда, что же, мы можем остаться за «Читинским барьером»?

— Давайте подождем Кушнарева. Он привезет нам четкие инструкции.

В волнении расхаживая по кабинету, Лазо проговорил:

— Я очень надеюсь на выборы в Совет. Народ за нас. Это будет политическая победа. Японцы поймут... должны понять, что им придется иметь дело со всем населением Приморья.

Решительно замотав головой, Луцкий пристукнул по столу. Тактика нашего поведения с японцами должна оставаться прежней. Пусть генерал Оой считает, что мы убеждены в его миролюбии и не собираемся покушаться на авторитет земской

управы. Наши приготовления? Эвакуация грузов? Создание армии? Конечно, этого не утаить. Но ведь и мы знаем о подозрительной передислокации японских войск. Необходимо сохранять улыбку на лице. Это входит в молчаливо принятые правила игры. А мы в последнее время эти правила стали без особенной нужды нарушать: начальника торгового порта Михайлова и управляющего конторой «Добровольный флот» Кузьменко правление Союза моряков арестовало. Лишние козыри в руки японцев!

Помните Козьму Пруткова? «Если хочешь быть счастливым — будь им!» Если мы решили быть дипломатами с японцами, так надо ими и быть. Вы согласны со мной?

Вроде бы убедительно.

«Кушнарев, Кушнарев... Что-то он нам привезет?»

— Алексей Николаевич, если я вас правильно понял, то нам на всякий случай необходимо готовиться ко второй партизанской войне?

Луцкий улыбнулся:

— Береженного бог бережет, Сергей Георгиевич. А дело нам уже знакомое.

Подумав, Лазо предложил:

— Надо вызвать командира Первого Дальневосточного полка.

— Ильюхова? — уточнил Луцкий. — Что ж, человек вполне подходящий.

...Надо бешено изругать противников буферного государства... погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: «ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию». Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин и поляки ударят. Это будет преступление.

Ленин.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После осенней встречи в Белой Пади Николай Ильюхов виделся с главкомом всего один раз, сразу же после вступления 1-го Дальневосточного во Владивосток. В дальнейшем штаб полка получал только шифровки Военного совета. Прочитывая документы, Ильюхов узнавал руку Лазо.

Отель «Версаль», где разместился Военный совет большевиков, по-довоенному сиял на ярком солнце всеми окнами. О переменах напоминали лишь красный флаг над входом да фанерная заплатка в стеклянной махающей двери.

В косматой козьей куртке и мягких улах, сшитых партизанским сапожником, командир полка ничем не отличался от партизан, толпившихся с самого утра на улицах Владивостока. После долгой таежной жизни люди соскучились по городской сутолоке. Партизаны дружелюбно задирали японских солдат, пихали их под бока, совали кисеты с табаком. Японцы застенчиво улыбались и кланялись. В их лицах появилось что-то робкое.

Громадного роста партизан с целой бахромой гранат на поясе хлопал по спине щедущего солдатика в очках.

— Ты бурсевика?

Тот с застывшей испуганной улыбкой вертел головой, искал товарищей. Партизан нависал над ним косматой страшной глыбой.

— Конечно, бурсевика! — и снова от всей души огрел солдатика по спине. — А нет, так будешь. А ну-ка руки покажи. Руки, руки, говорю, давай сюда... Ну, вот сразу видно. Крестьянин, наверно? Землю, землю, говорю, копаешь? — показал, как копают землю. Солдатик обрадованно закивал. — Значит, обязательно будешь бурсевика. Так надо. Вот, хочешь приколю? — партизан достал из кармана красный бантик.

Подошли двое японских солдат, забрали у партизана бантик и приколотили его на отворот солдатской шинели с обратной стороны, чтобы не было видно.

— Наша нельзя. Сердита начальник...

— Ну, это пока, — заверил их партизан. — Придет и ваш срок. Дождетесь.

Проходившего Ильюхова узнавали, подтягивались, прекращали разговор. Японские солдаты провожали его испуганными взглядами. Они догадывались, что это командир, и ожидали неизбежной офицерской взбучки.

Из переулка показалась кучка изможденных людей в лохмотьях. Они брели, еле переставляя ноги и тупо глядя в

землю. Конвоировали их двое красноармейцев с трофейными японскими винтовками. Ильюхов остановился, пропуская шествие. В одном из конвоиров он узнал Егоршу, бывшего батрака из деревни Светлый яр.

— О, ты здесь! — проговорил он, когда они поздоровались.

Егорша объяснил, что арестованные — ежедневный улов подозрительных людей с «Мильонки». Ведут их на Полтавскую, в следственную комиссию.

В дверях гостиницы партизан в громадной меховой шапке и неподпоясанной гимнастерке ловко подметал веником битое стекло. Он ругал караульного:

— Стоишь, как чучело какое. А под ногами-то что?

Шагая через две ступеньки, Ильюхов взбежал на второй этаж.

Лазо сидел в пустой комнате за небольшим письменным столом. Он рассеянно поднял голову и, будучи мыслями еще где-то далеко, несколько мгновений всматривался в вошедшего. Узнав, уперся руками в стол и с усилием поднялся.

— Приехал? Это хорошо. Где ночевал? У своих? Устроены хорошо? А то сейчас у нас имеются возможности.

На взгляд Ильюхова, glavком осунулся и пожелтел, заметней стали отеки под глазами. Осенью, после лазарета, он выглядел лучше.

— Много работы? — спросил он.

— А что, неважный вид? — сразу догадался Лазо.

— С чего ты взял? — фальшиво удивился Ильюхов и спросил: — Как прошли выборы в Совет? Я слышал, победа наша?

Невеселая улыбка озарила смуглое усталое лицо Лазо.

— В этом не было никакого сомнения. Кто мог с нами тягаться? Эсеры? Меншевики? Смешно! Но вот черт же возьми: нужны ли нам были эти выборы?

Ничего не понимая, Ильюхов принялся расспрашивать. И вот что он узнал. Вопрос об эвакуации американских войск решен окончательно, они отплывут из Владивостока где-то в самом начале апреля. Следовательно, японцы добились своего, у них теперь развязаны руки.

— Откровенно говоря, мы сильно надеялись на Красную Армию. Но она остановилась перед Читой. Войны с японцами не будет.

— А что же будет? — нетерпеливо спросил Ильюхов.

— «Буфер». Мы остаемся как бы прокладкой между японцами и Советской Россией. Это, конечно, временно, однако... — и с удрученным видом развел руками.

— Положеньице, — проговорил Ильюхов.

Лазо сидел за столом, опустив плечи. Он думал о ленинской

телеграмме... Однако многое уже сделано, в частности проведены выборы в Совет, и теперь следовало не казнить попусту, а действовать. Значит, все силы на подготовку!

— Ты где сегодня обедаешь? — спросил Ильюхов. — Может, ко мне?

Взяв себя в руки, главком поднялся, большими пальцами обеих рук согнал складки гимнастерки за спину.

— Потом решим. Пошли.

Они направились в конец коридора, где узкая захламленная лестница вывела их на следующий этаж. По дороге Лазо рассказал, что японцы давно уже не верят в реальную силу земской управы. А после выборов в Совет у них не осталось никаких сомнений относительно влияния большевиков. Если бы знать заранее, что Красная Армия остановится перед «Читинской пробкой»! Теперь же приходится действовать, принимая в соображение создавшуюся обстановку. Время для нас отмерено буквально днями: до того часа, пока за горизонтом не скроется дымок последнего американского корабля, увозящего своих солдат на родину... К слову сказать, японцы сами недавно предложили создать согласительскую комиссию для разбора спорных вопросов. В период, когда все решает время, эта комиссия удобна и для нас, и для японцев: можно сколько угодно тянуть волынку. Скоро из Хабаровска приезжает товарищ Постышев, накопилась пропасть военных дел. Исполдволь создаваемая регулярная армия отнюдь не исключает применение и партизанских отрядов. Это средство уже проверено в борьбе с врагом.

— Будем думать, чтобы убрать отсюда штаб. Слишком уж опасно здесь! Но куда? Хорошо бы, по-моему, в Хабаровск...

В большой комнате над разостланной картой озабоченно стояли двое: оба с бородками, оба в пенсне. В том, что постарше, чувствовалась выправка кадрового военного.

— Товарищи Сибирцев и Луцкий, — представил их Лазо. — А это командир 1-го Дальневосточного... Предлагаю отложить на время споры и заслушать его доклад о состоянии полка.

Теребя бородку, Всеволод Сибирцев ласково покивал Ильюхову и приготовился слушать. Алексей Луцкий быстро просмотрел несколько бумажек, выбрал одну и положил перед собой на стол.

Ильюхов начал с того, что попросил помочь полку одеждой и вооружением. В особенно плачевном состоянии находятся корейский батальон, сформированный недавно в Шкотово, и рота венгров.

— Поможем, — тотчас сказал Лазо. — Этого добра у нас

теперь хватает. Две тысячи комплектов обмундирования тебя устроят? Трофейное, английское...

Выдрав из блокнота лист, он написал распоряжение.

— Там получишь еще и постельные принадлежности, — добавил он. — Разжились у «союзничков»!

— Корейцы хорошо воюют? — спросил Луцкий.

— Если их как следует вооружить, будут лучшие бойцы.

Луцкий задал еще два-три вопроса и постепенно завладел беседой. По точности вопросов в нем чувствовался военный специалист с хорошим образованием.

На карте, раскинутой по столу, Ильюхов узнал условные обозначения частей своего полка. Такими же значками помечены были Тетюхинские рудники, Спасск, Гродеково, Шкотово. Как видно, штаб работал над созданием в Приморье целой армии.

Ильюхов решился задать вопрос:

— Неужели нет никакой надежды?

Все трое переглянулись.

— Видишь ли, — сказал Лазо, — японцы остаются японцами. На словах они за мир, а на деле... Ты же сам говоришь, как они вцепились в Кипарисовский тоннель.

— Значит, что же... война? — ломился напрямик Ильюхов.

— Мы, конечно, пытаемся... Но в интересах дела — готовиться к худшему.

Луцкий добавил:

— Много, слишком много подозрительного.

Перед глазами Ильюхова стояла оживленная толкотня на владивостокских улицах, красные бантики на шинелях японских солдат.

— Я сейчас шел сюда и видел: по-моему, японцы к нашим... того... вообще-то довольно дружелюбно. Язык бы еще знать!

— Ну, солдат с солдатом всегда найдут язык, — заметил Сибирцев. — На пальцах объяснятся.

— Уже объясняются! — заверил Ильюхов.

— У нас сейчас создается политическое управление, — сообщил Луцкий. — Постараемся завоевать японского солдата. Ушли же немцы с Украины после Брестского мира!

— Время, время! — с болью в голосе проговорил Лазо. — Распропагандированных солдат генерал Оой немедленно отправляет в Японию. А свежий контингент... Мне, например, рассказывали: наши взорвали эшелон, японского солдата придавило, так он не о помощи кричит, а разбирает магазинную коробку и разбрасывает части. Зачем? Чтобы его винтовка не досталась партизанам. Представляете? Такие фанатики себя покажут!

В комнате появился высокий пожилой военный с усами вразлет. Мундир со следами споротых погон плотно обтягивал сухощавую фигуру. Это был капитан Сакович, начальник оперативного управления Военного совета. В феврале 1917 года он безоговорочно перешел на сторону народа, работал еще с Сухановым, занимаясь во Владивостокском Совете военными вопросами, затем командовал Уссурийским фронтом. Ильюхов слышал о нем как о прекрасном штабном специалисте.

Пригласив капитана Саковича к столу с разостланной картой, Лазо поднялся и выдержал недолгую паузу.

— Сама обстановка заставляет нас жить на два этажа. Мы сейчас формируем регулярную армию. Это — легально. Нелегально же мы должны не забывать о коварстве японских интервентов и быть готовы к тому, что они могут напасть на нас внезапно. Легальной работой у нас занимается Военный совет. Для нелегальной работы мы создаем специальный центр. Вам, — официальным тоном обратился Лазо к внимательно слушавшему Ильюхову, — придется переключиться на нелегальную работу. Формально вы остаетесь в должности командира 1-го Дальневосточного, но, повторяю, формально. На деле же поскорее сдавайте полк своему заместителю и готовьте Приморье к обороне. Вам и вот капитану Саковичу Военный совет дает три дня, чтобы подготовить свои предложения. Понимаю, что трех дней мало, но, к сожалению, больше дать не можем, — некогда. Положение угрожающее...

Он помедлил, собираясь что-то добавить, и вдруг улыбнулся.

— Ступайте-ка поскорее к коменданту, он вас переоденет, приведет в порядок. Сбрасывайте с себя эти таежные шкуры...

За обеденным столом Сергей Лазо насмешливо глядел на хозяина.

— Значит, вы с Саковичем сразу же законфликтовали? Не успели начать и — уже? А мы-то надеялись!

— Пойми меня правильно. Ваш Сакович судит и рядит, как кадровый военный. Он рассчитывает на обыкновенную позиционную войну, а мое мнение — готовиться к партизанской войне.

Перед тем как увести Лазо к себе обедать, Ильюхов зашел в кабинет усатого капитана. Все стены были увешаны картами. Разноцветные флажки обозначали расположение партизанских частей и японских войск. Вдоль морского побережья твердая рука военного специалиста провела жирную черную линию, обозначив предполагаемый оборонительный рубеж. Сакович ломал голову над тем, каким образом предотвратить высадку крупных военных

десантов противника. С этого и начался спор. На взгляд Ильюхова, в оценке обстановки следовало исходить из того, что у японцев в Приморье уже имеется вполне достаточно военных сил и они могут обойтись без подкреплений.

Сергей Георгиевич невесело размышлял о том, что на этот раз, пожалуй, прав не кадровый военный Сакович, а опытный партизанский организатор и командир Ильюхов. Сил у японцев припасено достаточно. Они не теряли даром времени. Выжидая, лавируя, лукаво затягивая заседания согласительской комиссии, они готовились, готовились, готовились. Лазо вспомнил февральскую поездку по краю вместе с Губельманом. Отправились они в специальном вагоне, прицепленном к поезду, с надежной охраной. Вагон отапливался печкой, немилосердно дымившей.

Часами Сергей не отходил от вагонного окна. Впервые за несколько лет доводилось ехать свободно и открыто, не боясь слежки, шпиков. На станциях не видно ни жандармов, ни офицеров. От острых впечатлений невольной улыбкой растягивались губы: хозяевами едем!

На каждой станции в вагон поднималось несколько человек: начальник гарнизона, партийные работники. Иногда вагон отцепляли от поезда, и Лазо с Губельманом уезжали в город, там собиралось совещание. Со следующим поездом они снова продолжали путь.

На крохотном полустанке после Спасска у вагонной подножки, где стоял бородатый партизан с винтовкой, возник шум. Лазо, строчивший по свежим впечатлениям в блокноте, поднял голову, затем поднялся, вышел в коридор. Навстречу шел Губельман. Пушистые усы не скрывали его довольной улыбки.

— Что там, Дядя Володя?

— Японцы. Дурачками прикидываются: лезут и лезут. Но наши с ними научились разговаривать.

Это был уже не первый случай, когда японские офицеры, как бы не понимая языка, пытались отпихнуть охрану и влезть в вагон.

— А может, все-таки пустить разок? Пускай зайдут, посмотрят. Мы же тут ничего такого не везем.

— Еще чего! Мы же к Коротышке не суемся. Вот и они пускай не лезут. Знаем мы, что все это значит!

Вагон мягко тронулся, заколебалась на окне занавеска. Проплыло казенное приземистое здание, затем ветхий сарай с конной сена на крыше, привязанный теленок, замелькали сосенки, натканные как попало на белом снежном поле. Снова быстро набрали ход.

— Сейчас будет тоннель, — сказал Губельман. — Обрати внимание, какая там охрана у японцев.

Удрученно потирая лоб, Сергей молчал. Везде, где приходилось останавливаться, товарищи рассказывали о подозрительной активности японцев. На словах они поддерживают власть областной управы, на деле же беспрестанно чинят препятствия, не дают вагонов, не подпускают к складам. На все возражения у них ответ один: обращайтесь во Владивосток, там комиссия, там разберутся и укажут.

— Дядя Володя, я с самого начала удивился, что японцы с такой охотой пошли на эту согласительскую комиссию. Может, мы сделали ошибку? Может, нам не стоило? Нет, все-таки мир лучше, чем война.

Губельман, воткнув в усы самокрутку из крепчайшего самосада, задумчиво пускал огромные порции дыма:

— Хотя, признаться, все, что мы сейчас видим...

— Война?

Ответил Губельман не сразу.

— Сдается мне, что существовать нашей комиссии совсем недолго.

Они с Губельманом еще тогда же, в поезде, обсудили перспективу ожидаемой войны. Грузы с вооружением и другим имуществом должны переправляться через 1-й Дальневосточный полк. Японцы, без сомнения, будут всячески этому препятствовать. Сделать это им легко: у них в руках Уссурийская и Сучанская железные дороги, всюду на станциях свой контроль. Во избежание неприятностей придется ночью, не доезжая до Шкотово, перегружать ящики на подводы и проселочными дорогами развозить по деревням. Обозам двигаться только в темное время суток, на дневные часы укрываться в лесу и замирать. Вывозить надо буквально все: обмундирование, патроны, оружие, муку, мануфактуру, сельскохозяйственные машины... Находясь в поезде, получили сообщение, что командой бронепоезда «Освободитель» захвачено восемь французских танков, предназначенных «союзниками» еще для генерала Розанова. Лазо распорядился отправить их в Амурскую область. Скорее всего именно там будет находиться основная база снабжения партизанских войск.

Поездка по краю закончилась в Хабаровске. В город лишь на днях вошли отряды партизан. Хабаровцы пережили свирепый террор бандита Калмыкова: он расстрелял музыкантов духового оркестра, отказавшихся играть царский гимн, зверски убил сотни советских активистов. Видя неизбежность возмездия, он с тридцатью шестью пудами золота бежал к китайцам в Фугдин.

В соседней комнате стенные часы мерно пробили восемь раз. Едва погас последний удар, Лазо посмотрел в темное окно.

— Однако мы засиделись. Пора... Сакович, я думаю, на месте. Сегодня, сейчас же мы проводим заседание Военного совета. Надо решать. Время не ждет.

Тем же вечером после бурных споров Военный совет проголосовал за план партизанской войны против японцев. Сибирцев сначала колебался и поддерживал точку зрения Саковича. На его окончательное решение подействовала горячая речь Луцкого, легко доказавшего, что для позиционной войны у нас нет достаточной материальной базы и стабильного сложившегося тыла.

Нелегальная работа большевиков должна вестись с таким расчетом, чтобы не бросать и тени подозрения на Военный совет. Штаб по подготовке к обороне зашифровали двумя буквами: «ПШ». Возглавил его Ильюхов. Во все районы Приморья — на Сучан, в Никольск-Уссурийский и Спасск, на Иман и в Гродеково — назначались уполномоченные ПШ. Они вооружали население и создавали потайные таежные базы. Намечено было также приступить к эвакуации Владивостока. В первую очередь следовало вывести из-под удара Военный совет. В Хабаровске лучше и безопаснее условия работы.

Переезд в Хабаровск назначили на 10 апреля.

Сердито раздувая щеки и невежливо отвечая на поклоны сотрудников, председатель земской управы Медведев спустился вниз, к подъезду, где дожидалась щегольская коляска. Швейцар, как в старые добрые времена, расторопно отмахнул дверь. В глаза ударило солнце. Перекосив коляску, Медведев влез и, кряхтя, поместил свое немолодое тело на мягких кожаных подушках. Кучер с места взял рысью. Покачивание, шелканье подков, ветерок и солнце, — казалось бы, живи да радуйся. А между тем... Сопнув волосатыми ноздрями, Медведев откинулся в глубь коляски и закрыл глаза, завесился бровями. От возмущения вздрагивала левая рука и сердце двоило неровными ударами. Бросить все к черту, что ли, отказаться от поста, стать частным лицом, тихим обывателем, — пускай они подличают, интригуют, ломают себе головы! Устал он от всей этой жизни, изнемог...

О сегодняшней встрече с японским командующим генералом Оой его предупредили еще вчера, назвали час. Медведев разволновался. Приятного разговора ожидать не приходилось. Скорее всего, Коротышка вновь обидно сунет его носом в какой-нибудь своевольный поступок Военного совета. Господа большевики, забравшие там силу с самого начала, ни в грош не

ставят авторитет председателя управы и не считают нужным получать его одобрение. Ох, господа, трудно вам будет! Генерал Оой — господин решительного свойства, ему осточертела дипломатия, и он с громадным облегчением проводит ее вместе с американскими крейсерами. Японские солдаты застоялись без привычного дела, их только спусти с цепи...

«Что ж, господа, — мысленно обращался Медведев к своим многолетним „противникам-союзникам“ большевикам, — это даже полезно, если японцы, оставшись хозяевами в Приморье, проведут необходимую дезинфекцию. Главное — пусть сорвут надоевшую „розовую“ крышу. А с японцами мы как-нибудь найдем общий язык. Не генералу же Оой звякать в колокольчик, направляя прения в парламенте! Договоримся. Им — свое, нам — свое... Так что проиграли, господа большевики. Пожалуйте теперь за Байкал, туда, в Россию, к своим. Здесь вам места нет».

Перед тем как отправиться в японский штаб, Медведев вызвал в управу представителя Военного совета. Приехал товарищ председателя совета Лазо. У Медведева сразу же испортилось настроение. Он предпочел бы разговаривать с самим председателем, но что он там значил! Всеми делами Военного совета заправлял этот вот неизменно вежливый человек с военной выправкой. «Теневой кабинет» — так называл Медведев Лазо, Сибирцева и Луцкого. Его удивляло, что в этих людях, повелевающих огромной партизанской армией, не было ни грана таежной дикости и неотесанности, — интеллигентные, воспитанные, знающие языки, отнюдь не авантюристы. А уж кого-кого, но авантюристов-то ему довелось повидать на своем веку! Один генерал Гайда чего стоил!

В последнее время, встречаясь, разговаривая с представителями большевиков, Медведев не переставал удивляться их поразительной молодости. Мальчики еще! Ему, старому политическому бойцу, было и завидно и досадно. Своя-то жизнь пусть и прошла в борьбе, по толку-то? А эти излучали такую силу, словно их глаза видели далекие горизонты. Совсем иной размах, совсем иные люди!

Старый эсер Медведев начисто отрицал программу большевиков, но примирялся с тем, что большевики тоже выступали против интервенции, оскорбляющей достоинство страны, попирающей ее еще совсем недавнее величие. На этой почве находились общие слова, притихала вражда. Большевики, надо отдать им должное, справедливо указывали на бандитские замашки всех генералов и атаманов. Адмирал Колчак, генералы Розанов и Гайда, атаманы Семенов, Калмыков, а теперь еще объявился какой-то Бочкарев — все они, если разобраться, мало

чем отличаются от рыцарей «Мильонки». Отпетые личности, и недаром Запад от них отвернулся (в защиту Колчака, когда его расстреливали в Иркутске, никто и пальцем не шевельнул). Но вот японцы, японцы... Ох, проводят они американцев и натравят на демократию тех же Семенова, Калмыкова, Бочкарева. Потому-то земская управа и кооперируется с большевиками. Может быть, генерал Оой раскроет наконец пошире свои глазки и увидит, кого поддерживает большинство русского народа? С кем ему быть — с бандитами или с приличными людьми?

С врожденной деликатностью интеллигента Медведей начал выкладывать Лазо свои обиды на самоуправство Военного совета. Какие-то там перемещения отрядов, назначение и смещение командиров — дело ваше, земство в эти дела не вмешивается (хотя выговоры от японцев получает то и дело). Но что касается прямых прерогатив управы, тут уж, господа, извините! За последние годы общественной смуты и государственной неразберихи в Приморье скопилось огромное количество различных грузов, десятки миллионов тонн. С первого же дня большевики принялись потихоньку прибирать эти сокровища к рукам: грузят в вагоны и отправляют в сторону Хабаровска. Делается это, как удалось узнать Медведеву, по тайному распоряжению Москвы. Выходит, здесь распоряжается, чувствуя себя хозяином, Москва? Тогда на кой, простите, дьявол облекли доверием и всей ответственностью земскую управу? Фикция, да? Хоть бы в известность ставили! А то... объясняться-то с японцами, изворачиваться, лгать... да, да, и лгать! кому приходится?

Не выдержав тона, Медведев вскочил и забежал по кабинету. Щеки его тряслись от негодования. Он угрожал отставкой: «Пусть тогда расхлебывают кашу те господа, которые ее и заварили!»

Упреки председателя управы были справедливы. Военному совету удалось отправить на Амур остатки золотого запаса, сейчас на очереди военные склады. До поры до времени японская охрана на складах не вмешивалась, хотя и проявляла беспокойство. Так продолжаться бесконечно не могло. Японцы опомнились и приняли меры. Не могут они позволить, чтобы у них из-под самого носа уплывали такие богатства!

Успокоить обиженного председателя следовало одним: нельзя же допустить, чтобы народное достояние России досталось ее заклятым врагам. Вон на рейде Владивостока стоит громада японского крейсера «Ивами». Но кто же не знает, что это русский крейсер «Орел», захваченный японцами после Цусимского разгрома! Обидно видеть это русскому человеку. Очень обидно...

— Колчак, удирая из России, вез с собой русское золото. Думаете, кому он его вез? Или атаман Калмыков в Хабаровске:

первым делом кинулся в шведский Красный Крест и забрал полмиллиона. Тоже ясно, что не в казну. Эти бандиты думают о России меньше всего.

Поддействовало! Возбуждение председателя пошло на убыль. Набегавшись, он завалился в кресло и выставил на стол перед собой судорожно сжатые кулаки. Возразить было нечего. И Колчак, и атаманы — им место в арестантских ротах. Не вынести русскому сердцу и наглого хозяйничанья интервентов. Дожили, что во Владивостоке русский был обязан снимать перед японцем шапку, а в трамвае уступать место любому захудалому солдатишке...

— Не вижу, однако, почему бы не ставить нас своевременно в известность о всяких там ваших... эскападах. Что за сепаратизм, за сектантство? Даже я, я, — он ударил себя в грудь, — узнаю о ваших действиях с запозданием и, приходится признать, со стороны. Как это расценить?

— Военный совет работает в полном соответствии с полученными инструкциями. Если вы помните...

— Ничего я не помню, милостивый государь! Вернее, помню все, все, все! Вы же сами уговаривали меня взять на себя этот крест. Не проходит дня, чтобы я не получил замечания японцев. А я уже стар изворачиваться и лгать. Да, стар. Вас, молодой человек, еще не было на свете, когда я...

Словом, из длинной речи разобиженного председателя управы наконец-то выяснилось, что он вызван к японскому командующему. Гадать не приходилось: последует очередной выговор за решительные действия Военного совета.

— У нас имеется согласительская комиссия, — подсказал Лазо. — До сих пор все спорные вопросы разбирались там. И успешно, можно сказать...

Внезапно седой и грузный председатель управы приподнял лохматую бровь, и Лазо поразился молодому острому блеску взгляда. Старик явно насмешничал: «Пой, птичка, пой!» Лазо почувствовал себя неловко. Увлёкся!

Старого воробья на мякине не проведешь.

— Ну-с, — не скрывая иронии, спросил Медведев, — так на чем мы остановились?

«Хорошо, оставим прятки!»

— Найдите момент и задайте генералу Оой один существенный вопрос: собирается ли он уводить свои войска? Вы же сами видите, все приметы говорят о совершенно обратном.

Медведев недовольно завозился в кресле. Этот молодой человек навязывал ему свое задание, словно посылал его в разведку. Однако он, старый политический боец, не намерен

смотреть из чужих рук!

— Вы лучше скажите, что мне отвечать, когда он спросит о вашей конференции в Никольске-Уссурийском? Там, кажется, стоит ваш доклад.

Эге, старик отбросил всякую дипломатию!

Сергей Георгиевич поднялся и с самой лучезарной улыбкой, на какую только был способен, заявил.

— Поверьте, генерал Оой узнает об этом из своих источников. Вам незачем трудиться.

Кровь снова бросилась председателю в дородные щеки. Его открыто оскорбили подозрением в доносительстве... А молодой человек, уронив голову в коротком военном поклоне, уже выходил из кабинета. Что ж, господа, потом не обижайтесь! Сами виноваты...

Мстительное настроение не оставило Медведева и в коляске. Терпение его кончилось, выбор сделан. С большевиками договариваться бесполезно...

Теплый весенний день заливал раскинувшийся по холмам приморский город. Бухта Золотой рог в окружении двух берегов походила на тропическую лагуну. Вдали, за рейдом, синее море кипело белоснежными барашками. Мимо каменной тучи Эгершельда тихим ходом пробирались к выходу в океан громадные туши пароходов. Давным-давно привычная картина.

Убаюканный покачиванием покойной коляски, согретый солнышком и освеженный влажным океанским ветерком (экий райский выдался денек!), Медведев отходил душой и готовился к разговору с Коротышкой.

Недавно, находясь в гостях, играя в карты, Медведев увлеченно рассуждал о перспективах политической борьбы в Приморье. Один из партнеров ядовито поддел его замечанием, что земская управа всего лишь прикрыта розовой крышей, а само то здание ее откровенно красное. Другой сказал еще обидней: крыша земская, а здание советское. Медведев отговаривался тем, что сотрудничество с большевиками вынужденное. Вот только бы японцы убрались к себе домой! Откроется простор для комбинаций. Конечной целью своей борьбы Медведев видел создание демократической республики на платформе сепаратизма. Московские большевики будут надежно блокированы «Читинской пробкой», и Приморье окажется как бы за рубежом центральной Советской власти. Справиться здесь с большевиками не составит такого уж большого труда.

Генерал Оой каждый раз поражал Медведева крохотным росточком, и председатель управы испытывал неловкость за свою тучную представительную фигуру. Поневоле приходилось

смотреть на японца сверху вниз, Медведев поспешил свалиться в кресло, утонуть поглубже. Генерал, словно читая его мысли, благодарно и вежливо улыбался. Однако Медведев, давний здешний житель, не обманывался показною вежливостью японца. Вот с такую же улыбочкой он в случае чего велит и кожу снять!

По мнению Медведева, сложное время, переживаемое сейчас Приморьем, требовало жертв от всех, и будущий премьер был готов поступиться многим, даже пострадать. Против военной силы японского командующего он пока лишь располагал своим недюжинным опытом и искусством политика. Не может быть, чтобы он не перехитрил этого солдата, всю жизнь знающего один веский аргумент — солдатский штык. В крайнем случае на пользу дела не худо обратить и этот самый японский штык. Победителей не судят!

— Японские войска, — говорил генерал, топорща плечи и выставляя толстенький животик, — японские войска не имеют никакого отношения к борьбе политических групп у русских. Старый русский дом должен быть перестроен по русскому же образцу. Но гуманный смысл требует, чтобы в этом доме было хорошо жить всем. К сожалению, находятся нехорошие люди, они всячески мешают перестройке этого дома. Цель японских войск ограбить хороших людей от людей плохих.

«Ловко! Это же он о том, что останется здесь до тех пор, пока не уберет всех нехороших».

Как можно дипломатичнее старик Медведев осведомился, кого же японский генерал считает именно плохими. Появился было Гайда — с ним быстро покончили. Генерал Розанов окончательно сбежал... Междоусобица, по всем признакам, подошла к концу. Русским остается парламентарный путь, чтобы решить все свои внутренние проблемы. Медведев едва не брякнул, что надобности в японских войсках никакой...

Желтое лицо японца на миг окаменело, затем снова расплылось в широкой улыбке.

Как бы упрекая старика за скрытность, генерал заговорил о том, что в Приморье с каждым днем растут военные формирования так называемых большевиков. Эти самые большевики исподволь, незаметно создают большую армию. Японскому командованию известно, что большевики уже располагают четырьмя дивизиями и двумя отдельными бригадами.

Осведомленность Коротышки поражала. Сам Медведев знал только, что большевики всего лишь перетасовывают свои отряды, вышедшие из тайги. Но какое дело японцам до партизанских формирований? Они что, никогда не видели их, не знали о их

существовании? И знали, и видели. 31 января отряды со знаменами и с музыкой вошли в город, а недавно, в марте, участвовали в демонстрации. Почему такая придирчивость именно сейчас?

Глядя в желтые глаза своего собеседника, Медведев неожиданно представил, как поступит Коротышка с большевистскими главарями, попади они ему в руки, в полное и безраздельное распоряжение. По коже пробежал мороз. Похоже, что и сам этот пигмейчик в генеральских погонах понимает толк в мучительстве людей. И председателю управы пришла мысль о необходимой жестокости в современной политической борьбе. Неплохо бы, к примеру, натравить японцев на большевиков, арестовать хотя бы лидеров, — без головки большевики сразу потеряют всякую силу. Убивать их вовсе не обязательно, можно же просто изолировать. Впрочем, это дело не его, а самих японцев. Сами как-нибудь сообразят... Но если только его избавят от большевиков, развяжут ему руки... о, вот тогда он развернется!

Вовремя спохватившись, Медведев своего желания не высказал. Напористый японец немедленно сделает встречный ход и потребует, чтобы управа официально обратилась к нему за помощью.

Подождав достаточное время, генерал Оой взял со стола узенький листок бумаги с замысловато-четкими иероглифами.

— Мне сегодня передали одну важную бумагу. Эта бумага подписана каким-то Лазо. Так вот, пока такие, как Лазо, подписывают такие важные бумаги, необходимость в наших войсках существует.

Медведев слегка опешил от доверительной откровенности японца. Что это — дерзость? Или доверие как единомышленнику, которому тоже не с руки возжаться с большевиками? Однако всякая двусмысленность исчезла: японцы из Приморья не уйдут. Именно так Медведев понял заявление генерала.

Пока он прикидывал в уме достаточно решительное, но не выходящее за рамки вежливости возражение, генерал Оой завел речь о недавних выборах в Совет. Конечно, это внутреннее дело русских, однако надо понять и положение японского командования: просто кружится голова от обилия учреждений, претендующих на власть. К земской управе еще прибавился Совет. Кто из них владеет положением? С кем из них японскому командованию поддерживать официальные отношения?

Медведев с достоинством заявил:

— Все войска, как вы знаете, признали власть земской управы!

— Но ваша партия, господин председатель, тоже принимала

участие в выборах.

— В блоке, в блоке, господин генерал. Это в традициях демократического парламентаризма.

Глянув в глаза Медведева, японец как бы проник в самые глубины его мятущейся души. Затем вежливо осведомился, не собирается ли он переменить партию и стать большевиком. Ведь победу на выборах в Совет как будто одержали именно большевики. Следовательно, им и будет принадлежать там власть.

Конец беседы Коротышка скомкал. Ему принесли какую-то бумагу, и он поблагодарил господина председателя за счастье насладиться его обществом. Снова оказавшись в спокойной кожаной коляске, Медведев сообразил, что нахальный японец, отбросив всякие церемонии, попросту обдурил его: во-первых, хлестко и обидно отчитал за выборы в Совет, во-вторых, дал понять, что войска японские останутся в Приморье столько, сколько будет нужно, в-третьих, сам он, генерал Оой, не намерен в дальнейшем считаться ни с господином председателем земской управы, ни с самой управой, ни тем более с недавно избранным Советом.

«Зачем же все-таки он приглашал меня? Убей бог, ничего не понимаю. А ведь пригласил заранее, назначил время, ждал... Ох, что-то замышляют, к чему-то подбираются...»

По приказу военного министра наша цель должна быть следующая: иррегулярные и большевистские войска должны быть прогнаны из областей, подлежащих оккупации. Старайтесь, чтобы во время наступления комиссары и видные большевики в наши руки попали, чтобы мы опасность, которая нам со стороны коммунистов угрожает, раз навсегда покончить могли. Сообщите немедленно, если вам для наступления еще что-либо требуется, чтобы я мог немедленно выполнить. Оой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ворох детской обуви, вываленный на обеденный стол, источал соблазнительный магазинный запах обнов. Сергей вертел в руках крохотный башмачок с бисерной пуговкой. Ольга, с утра бегавшая по лавкам, с порога кинулась к детской кроватке — слава богу, малютка как уснула, так и не просыпалась, — затем на скорую руку стала собирать на стол. Сергей предупредил ее, что заскочил буквально на минутку, — некогда.

— Так вот, — продолжала Ольга, — этого поступка оставлять нельзя. Преступно оставлять. Какая грязь, какая подлость!

Сергей Георгиевич морщился, словно от зубной боли. Речь шла о Забелло, его земляке. Помнится, яркая внешность Забелло так и бросилась тогда в глаза. Забелло, как и прежде, выполнял опасные обязанности связного. Во время своих частых посещений Владивостока он становился душой вечеринок, зажигательно плясал. Гости в азарте принимались подпевать и хлопать в ладоши. В компании это был незаменимый человек. Однажды он познакомился с девушкой из аппарата горкома партии. В следующий свой приезд Забелло и не вспомнил об этом знакомстве, и девушка в слезах призналась, что ждет ребенка. Ольга попробовала пристыдить Забелло, тот ответил ей грубостью. Возмущенная Ольга не находила подходящих слов.

— Пошляк, дрянь... мелкий человечиска! Я уже говорила с Луцким. Таких прохвостов опасно держать на ответственной работе. Они не имеют права... Но почему ты молчишь? Ты что, не согласен со мной?

Достаточно изучив характер жены, Сергей Георгиевич не мешал ей выговориться, утолить первый гнев.

— Оля, этот человек хорошо зарекомендовал себя по работе. Его очень ценит Всеволод Сибирцев.

— Добавь еще, что он козыряет и знакомством с тобой. Грязный тип! И вот что удивительно: почему он до сих пор выполняет ответственные поручения? Не понимаю.

— А что говорит Луцкий?

Ольга замолкла. В том-то и дело, что Луцкий тоже находился во власти подозрений. Но вмешаться он не мог: Забелло в эти дни пробирался в Хабаровск на связь с хорошо законспирированным Цоем.

— Оля, а тебе не кажется, что молодые люди сами разберутся? Ведь вполне возможно, что девушка тоже в чем-то виновата.

— Не знаю, не знаю. Не уверена. Хотя все может быть. — Она

задумалась. — Но все равно, мужчина не должен быть подлецом!

Она попросила его очистить место на столе.

— У меня все готово. Садись и ешь. Тебе же некогда.

Подъехав с табуреткой, он сдвинул ворох обуви с угла стола. Одна пара башмачков оказалась Сергею уже ношенной. Ольга, подавая на стол хлеб, тарелки, ложки, объяснила:

— Пришлось с рук купить. Этого размера нигде нет.

Обувь предназначалась семье Бориса Кларка, старого боевого друга, погибшего в восемнадцатом году под Читой. Вместе с Кларком они вступали в Коммунистическую партию. У Бориса остались пятеро детишек, пятеро сирот. Время от времени то сам Сергей, то Ольга отправляли Нюте, вдове Кларка, посылочку.

— Что-то размер, по-моему, великоват.

Ольга рассмеялась:

— Не забывай, что дети имеют обыкновение расти. Ты сколько их не видел? Ну вот, два года. Это же для старшей. Представляешь, какой она уже стала?

Она налила тарелку к себе, уселась напротив мужа.

— Забегалась сегодня. А вдруг, думаю, проснется? Маленькая она еще у нас. Скорей бы ходить начала.

— Ходить... — рассеянно произнес он и вдруг замолк, отрешился, ложка на весу, кусок хлеба за щекой, — забыл и жевать. Яркой картиной припомнилась веранда в сад и первые робкие шаги крохотного Степы, братика. Как счастливы были мать и отец! Далекое, навсегда закатившееся время... Неужели и он дождется и своими глазами увидит, как сделает первые шаги его собственный ребенок! Хорошо бы дождаться, дожить...

Ольга помедлила, затем осторожно положила ложку.

— Слушай, неужели так все плохо, так... опасно?

Он спохватился, пришел в себя, однако Ольга продолжала смотреть в упор, не позволяя отвести глаза. У них не было принято таиться и скрывать даже самое плохое.

— Ты не так меня поняла, Оля. Представь, я совершенно о другом...

Его сумрачные смородиновые глаза как бы оттаяли от большого внутреннего тепла. Он всегда стеснялся таких моментов. Но почему-то именно сейчас, когда он изо всех сил старался скрыть от нее свое состояние, она ощутила невольный укол в сердце — тревожный знак предчувствия беды, — и ей стало невыносимо жаль его. Если бы это был открытый бой, уханье снарядов, залиvistое беснование пулеметов, она бы знала, как защитить его. Но... Она знала о ленинской телеграмме, о мучительных переживаниях всех, кто надеялся на совершенно иной ход событий, — теперь приходилось многое менять и

перестраивать буквально на ходу. В горьком партии было уже известно, что американские корабли поднимут якоря и покинут Владивостокский порт в первый день апреля. Что начнется после этого — гадать не приходилось. А на третье апреля назначено первое заседание Владивостокского Совета. Сергей готовит большую речь. Он хочет многое сказать, если только заседание Совета состоится. А помеха для этого теперь одна — японцы. Кто их удержит, образумит? Медведев со своею обветшалой, траченой молью управой? Смешно...

— Но я вчера говорила с Цейтлиным, видела Раева. У них совсем другое настроение.

— В общем-то, может быть, еще удастся что-то сделать...

Он не хотел, да и права не имел рассказывать о тревожных шифровках с «той стороны». Кроме шифровок были и другие свидетельства лихорадочных приготовлений японцев. В Хабаровске, куда в ближайшие дни собирался переезжать Военный совет, солдатам раздавались патроны со складов (хотя слухи распускались, что войска вот-вот оставят город). В Никольске-Уссурийском вокруг казарм спешно рылись окопы полного профиля, возводились брустверы из мешков с песком. Во Владивостоке скопилось ни мало ни много — 40 тысяч солдат, в то время как наших войск было всего 4 тысячи. Все это говорило об одном... Сегодня утром он продиктовал телеграмму в Иркутск: «Агентурным данным японцы предъявят ультиматум... возможно стоим накануне открытого выступления». Досадно, что за повседневными делами совершенно упустили из виду дислокацию наших воинских частей: все партизанские силы в городе оказались расквартированными по соседству с японскими казармами. Успеть бы убрать их от опасного соседства, а лучше всего совсем вывести из города!

Не доев, он поднялся, стал собираться. Ему хотелось предупредить Ольгу, что в ближайшие дни едва ли удастся так часто видаться, — он будет ночевать в кабинете или же в комнатке на Мальцевской. Но стоит ли говорить об этом? Станет переживать... Он подошел к кровати и долго смотрел на спящего ребенка. Щеки полные, румяные... Ольга молодец, ухитряется и кормить, и соблюдать режим.

— Сережа, ты еще зайдешь?

— Конечно. Но если вдруг... то — сама понимаешь. Но в общем-то я постараюсь.

Все-таки обманывать он не умел, — не получалось. Слишком много навалилось на его плечи в последние дни: ленинская телеграмма, возвращение Кушнарева с московским планом создать на территории от Байкала до Тихого океана

государственное образование под демократическим флагом, эвакуация американцев. Старик Медведев мог радоваться: «Читинская пробка» остановила Красную Армию. Однако далекая Москва из всех сил пыталась предотвратить надвигающуюся беду. На днях Советское правительство предложило Японии начать переговоры о мире. С японской стороны на это предложение — ни звука, словно и не слышали. Но здесь, в Приморье, так и бросается в глаза то, чего из Москвы не видно, — лихорадочные приготовления военных. Как избежать вооруженного столкновения? Чем еще можно остановить льстивого генерала Оой? Одна надежда на «большевистского дипломата» Романа Цейтлина, на согласительскую комиссию. Но станут ли японцы считаться с этой комиссией уже 1 апреля, когда Владивостокский порт очистится от американских кораблей?

Ольга проводила мужа до двери. Она держала его за руку и чувствовала, что им сейчас придется расстаться. Она выпустит его, и он уйдет... На пороге он задержался, крепко стиснул ее руку и вдруг метнул какой-то странный взгляд.

— Ну, я пошел, — проговорил он.

— Постой... Сережа, у вас на Полтавской есть один надежный человек. Я с ним разговаривала... Он должен отвечать за вашу безопасность. Я имею в виду членов Военного совета.

— Но почему ты считаешь, что нам кто-то угрожает?

— Не спорь. Сейчас не время... Зовут его Георгий, Егор. Его хорошо знают наши ребята — Саша, Игорь Сибирцев. Он жил у нас с Адочкой в Гордеевке.

— Да, да, ты рассказывала. Но я хочу сказать: не надо нам никаких нянек. Мы на войне. Это же смешно!

— Ничего смешного!

Он взял ее за обе руки, заглянул в лицо.

— Оля, выкинь из головы. Мы начинаем перебираться в Хабаровск. Товарищи уже готовы. Нам надо задержаться. Не забывай, третьего — сессия нашего Совета. Мы проведем ее как следует. Понимаешь?

Он ушел. Она стояла у двери и слушала, как замирают внизу его шаги.

На улице Сергея ждал автомобиль. Поехали. Шофер, оборотившись назад, пожаловался, что сейчас его остановил японский патруль: проезд по улицам Посьетской и Тигровой закрыт.

— Говорю им: я же утром проезжал. Ничего не хотят слушать! А солдатни там, солдатни!

Задорно крикая, автомобиль катил по булыжной мостовой. Внезапно Сергей привстал и, тронув шофера за плечо, попросил

ехать потише. На углу Алеутской из чердачного окна гостиницы «Централь» выглядывало два пулеметных рыльца. Пулеметы были направлены на здание областной управы.

«Сказать, что ли, Медведеву? Пусть потребует объяснить... Или лучше Цейтлину поднять вопрос в комиссии?»

Лазо, выскочившего из автомобиля, перехватил солдат в обтрепанной шинели. Пришлось остановиться. Солдат стал жаловаться, что пока он партизанил, у него каратели сожгли избенку, порушили хозяйство, сейчас жена с детишками ютится у соседей. Но, знамо дело, не век же будут ее подкармливать соседи!

— Дегтем плачет, не слезами! Не придешь, пишет, пропадем...

— Откуда сам? — спросил Лазо, увлекая солдата за собой.

— Мы рухловские, неблизкие. Шестой год воюю, все никак остановиться не могу. Как забрали на германца, так — без передыху.

Рухлово, Рухлово... Два года назад, в самое опасное время, Сергею Лазо пришлось скрываться там на конспиративной квартире у железнодорожного рабочего.

— Матвеевых там не знаешь?

Солдат остановился.

— Не припомню что-то... Это не у них ли под соломой дом, случайно?

— Нет, он на станции живет, в казарме.

— А! Сразу бы так и говорил. Я-то не железнодорожный сам. Мы деревенские, в соседстве, если можно так сказать. Но на станции бывал, заглядывал, приходилось... Нет, Матвеевых я что-то не припомню.

Рассказывая, солдат еле поспевал за стремительно шагавшим Лазо. Навстречу попадались озабоченные люди. Перед своим кабинетом Сергей заглянул в настежь распахнутую дверь, увидел стоявших кучкой Сибирцева, Луцкого, Цейтлина.

— Что-нибудь произошло, товарищи?

Не отвечая, все трое молча разглядывали смущенного солдата, сдернувшего шапку с головы.

— Сейчас, минутку, — предупредил товарищей Лазо и увел солдата к себе.

Он выдрал из блокнота лист, не присаживаясь, набросал: «У партизана Сидорова белые сожгли избу — немедленно оказать ему помощь».

— Ступай на Полтавскую. Знаешь? Ну спросишь там, покажут. Найдешь Раева. Запомнил? Прямо к нему. Он все делает.

Быстро вернулся в комнату, где его ждали.

— Провал в Хабаровске, — сообщил Луцкий. У него нервно подергивались губы. — Арестован Цой, с ним несколько человек. — Он помолчал и многозначительно добавил: — Наш связник — тоже.

— Перестань, слушай, — устало попросил Сибирцев. — Нельзя быть таким подозрительным.

Разговор у них, как видно, шел давно. Сергей Георгиевич вспомнил спор с женой насчет Забелло и мысленно стал на сторону Сибирцева. Как жестоко мы порою судим и выносим свои приговоры!

— Ладно, прекратим! — заявил Луцкий и добавил, что ему по-прежнему не нравится причастность арестованного связника ко всем последним провалам, в частности к аресту прапорщика Чемеркина в 34-м пехотном полку.

Он повернулся к молча слушавшему Лазо.

— На Светланской пулеметы видел?

— Видел. Что еще?

— Все японские резиденты срочно перебрались на корабли. Приказ. Казармы обкладывают мешками с песком. Ну и... патрули усилены. Это уж как водится.

— А у нас двадцать патронов на бойца... Выть хочется! — гневно произнес Сибирцев.

— Что в комиссии? — спросил Лазо.

Роман Цейтлин в недоумении поднял плечи, развел руками.

— То есть лучше требовать нельзя. Вежливость, улыбки. Больше того, мне они прямо заявили: пребывание войск на Дальнем Востоке не имеет никакого политического замысла по отношению к России. Слушаю и радуюсь. И — вдруг! Еду сейчас с Первой речки — возле станции стоят орудия. О-рудия! Это что же такое? На Эгершельде полно солдат. На Тигровой горе какие-то учения...

В соседней комнате отчаянно затрезвонил телефон. Все переглянулись. Луцкий, крепко стуча каблуками, направился к аппарату.

Он вернулся бледный.

— Это Медведев. У него истерика. Японцы только что предъявили управе ультиматум.

На этот раз генерал Оой не стал приглашать председателя управы для беседы. К Медведеву явились двое представителей японского командования. Документ, который они ему вручили, назывался никак не ультиматумом, а заявлением, но требования были сформулированы жестко: обеспечить японские войска квартирами и продовольствием, не стеснять свободы тех русских,

которые обслуживают японцев, разоружить корейские отряды и вообще прекратить все враждебные действия, угрожающие безопасности японских войск.

— Японское командование настаивает на немедленном ответе, — заявил, откланиваясь, вежливый майор.

Нет, Медведев правильно назвал это наглое заявление ультиматумом. Японцы требовали контроля за всей политической жизнью в Приморье и хотели легализации белогвардейских формирований.

— Наглецы! — подытожил Луцкий. — Теперь они будут нажимать. Не остановятся! Их уже ничто не остановит.

Его слова прозвучали, как приговор.

— Неужели они все же решатся? — проговорил Лазо. — Нам бы хоть успеть эвакуировать Военный совет!

Всей пятерней Всеволод залез в свою шевелюру.

— Боюсь, не успеем. Американцы уже разводят пары. А у нас еще Совет заседает.

Луцкий словно не слышал его слов. Он раздумчиво заявил:

— Вот что подозрительно: японские солдаты стали ходить в гости к нашим партизанам. Дарят сахар, чай, виски. Я распорядился в шею не пихать, но никаких подарков не принимать. Но все это, товарищи, тревожно, тревожно...

В полном молчании они загляделись на роскошный вид, открывавшийся из широкого окна. По морю бежали нескончаемой чередой белые барашки, на Тигровой горе величаво колыхалось красное полотнище. Флаг на горе подняли перед мартовской демонстрацией. В те дни казалось, что победа так близка, до нее рукой подать. И вот разительным образом все переменялось!

— Пока заседает Совет, — заявил Лазо, — никто из нас не тронется с места. Мы не имеем права. Это наш долг. Когда-то еще придется!

— Сережа, выгляни в окно. Скорее, скорее! Глянь на Тигровую гору. Это что же делается?

С ребенком на руках Лазо подошел к раскрытому окну. На Тигровой горе, в синем ярком небе, ветер трепал белое полотнище с большим красным пятном посередке — японский флаг. Наглецы! Ребенок на руках притих, обхватил ручонками за шею. Теплое тельце дочки приятно оттягивало руки. Как мало приходится бывать в семье, все некогда, все некогда. Сегодня, перед первым заседанием Владивостокского Совета, он специально встал пораньше, чтобы лишнюю минуту повозиться с ребенком. И — вот!

— Оля, возьми-ка ее. Мне надо позвонить. Где тут телефон?

Роман Цейтлин с первых же слов обрадовал его, сказав, что заседание комиссии прошло спокойно, присутствовали генералы Оой и Такаянаги, договорились сегодня подписать соглашение. Японцы почему-то придают этой процедуре чрезвычайное значение: из Японии специально приезжает видный дипломат Мацудайра.

— Вы дали заверение, что Советская власть на Дальнем Востоке не будет установлена? Что вся власть как была, так и останется у областной управы?

— Конечно.

— А этого дипломата видели?

— Еще нет. Но сегодня обязательно увижу. По-моему, Сергей Георгиевич, все идет, как надо. Подписывая соглашение, мы выбиваем у них из рук последний козырь. Поводов для военного конфликта больше нет.

— А вы в окно смотрели? Гляньте на Тигровую гору.

В голосе Цейтлина слышалось недоумение, растерянность.

— Что за черт? Они что, с ума сошли? Когда успели? Зачем? Главное — накануне подписания... Ничего не понимаю!

— Ладно, увидимся на заседании Совета.

— Мне только что звонил Дядя Володя. Сегодня ваша речь. Старик очень волнуется. Он уверяет, что мы накануне страшных событий.

— Я с ним согласен. До свидания. Мне кое-что нужно подработать.

Присев к столу, Лазо принялся спешно просматривать листочки с записями.

— Оля, карандаш, пожалуйста!

Мелким бисерным почерком вписал несколько строк, подумал и решительно вычеркнул целый кусок.

— Понимаешь, сегодня надо обязательно вспомнить Костю Суханова. Самый подходящий момент...

— Взгляни, как ребенок на тебя смотрит. Обрати внимание: она уже стоять умеет.

Вцепившись ручонками в перильца, Адочка делала усилия, чтобы не свалиться. Разглядывая отца, она склоняла голову то на одну сторону, то на другую. Порывисто вскочив, Сергей схватил девочку, высоко подкинул, закружился с ней по комнате.

— Вот переберемся в Хабаровск и в первый же день — клянусь! — махнем на Амур... Одни, совсем одни... солнышко, песок... чудо!

Ольга подобрала разлетевшиеся листочки, стала складывать.

— Я сам, я сам, — остановил ее Сергей. — Там тебе не разобраться. Писал всю ночь, а чего-то самого главного, мне

кажется, так и не ухватил. И о том надо бы сказать, и о другом...

В последние дни он ее извел такими разговорами. Часто вспоминал партийную конференцию в бане. Тогда все мечтали о счастливом дне, когда соберутся открыто, празднично, как победители. Долгожданный день настал, однако праздник омрачался ожиданием большой войны. Теперь в этом не было никакого сомнения. В преддверии близких кровавых событий он и подготовил свою речь. Сегодня он выйдет на трибуну и обратится не только к депутатам, но и ко всему населению Приморья...

Первое заседание Владивостокского Совета проходило в Народном доме. С утра над зданием развевался на ветру красный флаг. Возле подъезда толпа: солдатские папахи, партизанские треухи, картузы. Многие пришли с винтовками, перепоясанные патронташами.

Пробираясь к боковому входу, Лазо услышал, как его окликнули. Он оглянулся: Зоя Секретарева, сотрудница газеты.

— Сергей Георгиевич, я буду записывать вашу речь. Но если вдруг... ну, что-то там...

— Хорошо, Зоя. Я дам вам свои записи. Номер уже готов?

— Да. Осталась только ваша речь. Выпустим немедленно.

Она с беспокойством оглянулась, склонилась ближе:

— Сергей Георгиевич, сейчас соседка прибежала! Говорит: все жители-японцы получили карабины. В Корейской слободке паника...

Ничего не отвечая, Лазо посмотрел на бело-красное полотнище, нахально занявшее Тигровую гору, на стены Народного дома, исклеванные пулями: следы январских боев с охраной генерала Розанова. Мелькнула мысль: где-то он теперь, генерал...

— И еще, Сергей Георгиевич. Сегодня, ну вот прямо сейчас, на вокзале японцы застрелили какого-то человека. Придрались: на шапке красная звезда.

— Зоя, вы о приезде дипломата знаете?

— Цейтлин мне сказал. Но я сейчас говорила с Губельманом. Он уверен, что дипломат приехал для отвода глаз.

— Досадно, если так... Ну, извините, мне надо идти.

Лазо ушел за кулисы, Зоя отправилась в зал, там весь первый ряд был оставлен для газетчиков.

С пустой сцены приятно тянуло холодком, свежестью улицы. Зал был битком набит: наплыв народа был невиданный. Совет собирался на свое первое заседание под жерлами орудий японских броненосцев, по улицам без конца маршировали солдаты в белых обмотках и собачьих шапках. Слухи

громоздились один нелепее другого. Поговаривали, что специально на заседание Совета из Японии на быстроходном миноносце прибыла какая-то чрезвычайно важная персона, чуть ли не член императорской семьи. Балкон, боковые ложи ломились от нарядных дам.

Внезапно затрещали аплодисменты, — из-за кулис показалась кучка людей с крайне озабоченными лицами. По ним жадно зашныряли глаза. Ни один из вышедших не походил на члена императорской фамилии. Быстро расселись за столом, всем видом показывая, как им сегодня некогда. Один Губельман остался стоять, дожидаясь полной тишины.

Затем от имени фракций коммунистов, меньшевиков и эсеров он огласил проект резолюций. Во всех них говорилось, что Приморье является неразрывной частью Советской России.

За столом быстро поднялся Лазо и стал выбираться к трибуне. Жесткий треск партизанских ладоней заглушил последние слова председателя. В том, как он решительно прошел к трибуне, крепко взялся за края и вскинул голову, почувствовалось обещание значительного, небывалого.

— Товарищи делегаты Владивостокского Совета! Приветствую вас как представитель Революционного военного совета!

Невольно остановилось дыхание. Произносилось это, когда за стенами грозно смотрели на город орудия броненосцев и топали солдаты с плоскими штыками.

— Товарищи! После кровавой борьбы мы снова собрались здесь, во Владивостоке, в этом окне Советской России на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке.

Неуловимым движением все головы повернулись в сторону скромной боковой ложи. Там, невозмутимо поблескивая очками, сидели два японца в военных мундирах. До этой минуты они оставались незаметными.

— То, что делают японцы, — с напором продолжал Лазо, — создает тревожное положение. Ими занят в городе ряд важных пунктов, вывешен флаг на Тигровой горе, и все это без какого-либо повода с нашей стороны. И это в то время, когда в официальных отношениях произошло заметное улучшение... Мы не знаем, что сулит нам завтрашний день, но мы должны вести свою революционную работу, должны оставаться на своем посту...

Всматриваясь в испещренный заметками листок, Лазо перевернул его и положил так, чтобы прочесть косо кинутую запись.

— На сегодняшнем заседании мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского Совета — погибшего товарища

Суханова. Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата... Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца... Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победного шествия... Волна за волной бьет революционная стихия и подтачивает твердыню капитала... Не будем унывать, не будем смущаться тем, что за той победной волной, которая привела нас сюда на заседание Владивостокского Совета, что за ней наступят черные дни. Будем смотреть жизни открыто в глаза. Нам нечего терять, кроме цепей, и как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам!

Под окном грохнул взрыв, тренькнули верхние стекла, расходясь длинными лучиками. С потолка, куда впились осколки, посыпалась известковая пудра.

— Ручная граната, — определил Сибирцев и предупредил всех в номере: — Подальше от окон, подальше!

Настя Нешитова, вытянув шею, заворуженно смотрела в черные царапины на белом гостиничном потолке, — туда, в безобидные щелочки, улетела мелькнувшая над головами смерть.

В гостинице «Золотой рог» собрались ненадолго попрощаться с товарищами, покидавшими Владивосток. Завтра, следом за ними, должны были выехать Сибирцев и Лазо.

В коридоре слышались бегущие шаги, открылась дверь, появился человек с разбитым в кровь лицом.

— Товарищ Лазо, я вас ищу. Японцы заняли вокзал. Идут сюда.

Дышал он запаленно, глаза блуждали. Обеими руками он уперся в косяки и стоял в дверях, как распятый.

— Вы сами видели японцев? — деловито осведомился Лазо.

— Видите же! — в отчаянии воскликнул человек, прикладывая к лицу испачканный в крови рукав шинели.

Где-то недалеко дробной длинной скороговоркой простучал пулемет, сделал передышку и снова запустил без всякой экономии патронов. Ночь за разбитыми стеклами озарялась всполохами. В городе начинался настоящий бой.

— Всем расходиться, — отдал распоряжение Лазо. — Поторопитесь! Мы с Всеволодом — на Полтавскую.

На Полтавской, 3, в помещении следственной комиссии, хранились важные документы Военного совета. Уничтожить их следовало во что бы то ни стало.

На улице удалось поймать перепуганного стрельбой извозчика. Еле уговорили ехать, обнадежив его тем, что

вооружены и в случае чего...

— Эх, все одно пропадать! — в отчаянии проговорил извозчик и закрутил над головой вожжами.

Звуки разрывов и непрерывной стрельбы раздавались в той стороне, где находился Сибирский флотский экипаж.

— Прохвосты! — выругался Лазо. — Зачем же тогда было подписывать соглашение?

Сильное ровное зарево поднялось над южной окраиной города. Горела Корейская слободка.

— Дорвались! — удерживая нервную дрожь, проговорил Сибирцев.

В помещении следственной комиссии прямо на полу пылал костер. Начальник охраны (из кармана тужурки торчала рукоятка нагана) ногой подпихивал в огонь пачки бумаг.

— Телефон работает? — спросил Лазо.

— Молчит. Мы вообще без связи. Но знаю, что два часа назад из тюрьмы освободили всех белогвардейцев.

— Подлецы!

— Егор! — заорал начальник охраны. — Сколько ждать?

Из коридора послышался спокойный голос:

— Из пятой комнаты — все.

— Тащи из шестой. Быстро!

— А ключ?

— Еще он спрашивает! Сбивай замки к чертовой матери!

Раздались удары приклада в дверь. Сибирцев спросил:

— Успеваете?

— Надо успеть... — И начальник снова заорал: — Егор! С громадной охапкой папок и бумаг в комнату вошел Егорша, узнал Лазо, Сибирцева и смутился.

— Чего стал? Чего не видел? Вали скорей в огонь, пока не прогорело!

— Да, да, поторопитесь, — посоветовал Сибирцев. Начальник охраны предложил:

— Надо уходить. Здесь делать больше нечего. Первыми идут члены Военного совета. Пока свободна дорога на Голубиную падь. Это — через двор, там дыра в заборе... Поторопитесь! Если что... мы их здесь придержим.

Никто не успел двинуться с места. Издали по коридору стал нарастать гул множества бегущих ног. Донесся крик: «Товарищи!..» и на все здание грохнул длинный стегаящий звук выстрела из винтовки. Стрелял Егорша — близко, возле самых дверей. В ответ сухо, словно ставя точку, треснул револьвер, и тут же визгливо раздалась японская команда.

В помещение вошли два японских офицера, оставив двери

настежь. В коридоре топали солдатские башмаки, поблескивали штыки. Офицеры понимающе посмотрели на черное пепелище посреди комнаты. В это время стремительно вошел еще один японец, в штатском, с гладко причесанными, словно напомаженными волосами. Он цепко оглядел всех, кого удалось захватить, задержал взгляд на смуглом лице Лазо.

— Документы, пожалуйста, — произнес он вежливо и совершенно чисто, без малейшего акцента.

Глянув в удостоверение Сибирцева, он что-то коротко сказал офицеру, а документ положил себе в карман. Всеволода, грубо пихая в спину, увели.

— Вы застрелили нашего сотрудника! — слышался его голос. — Это произвол! Я протестую!.. Не смейте меня трогать!

Лазо старался сохранять невозмутимость. Японец в штатском продолжал придирчиво обшаривать глазами его лицо. Удостоверение на имя прапорщика Ивана Козленке, взводного 1-й роты 35-го полка, он перелистал, но возвращать не торопился.

— Вы часто посещали помещение Военного совета. Так? Объясните: почему?

Лазо пожал плечами.

— Это естественно. Я политический уполномоченный своей роты.

— Каким образом оказались здесь?

— Очень просто. Ужинал в ресторане, услышал стрельбу... Здесь все-таки русский караул!

Постучав удостоверением по ногтю, японец вдруг спросил:

— А нет ли среди вас такого — Лазо? Лазо, — повторил он по слогам.

Тягостное, могильное молчание повисло в комнате. Глаза японца в штатском шныряли по сумрачным лицам. Наконец он что-то приказал офицеру, тот быстро вышел. Медленно тянулись минуты тягостного ожидания. Время от времени японец в штатском бросал на особняком стоявшего Лазо короткие взгляды.

Солдаты подобрали с пола обгоревшие бумаги и унесли.

От удара петой дверь распахнулась, и офицер, кого-то пропуская, посторонился. В комнату вошел Забелло. Сердце Лазо сделало тяжелый перебой. «Предатель!» Они с Забелло встретились глазами, бывший связник круто повернулся и вышел. Тонко улыбнувшись, японец в штатском направился следом за ним.

Ошеломленный предательством, Лазо лихорадочно соображал: «Правда... боже мой, как права была Ольга! Негодай!» Затем он подумал о Луцком, — может быть, ему удастся спастись. Для себя и Сибирцева он выхода не видел. Они могли скрыться из

гостиницы, не ехать на Полтавскую, извозчик отвез бы их на конспиративную квартиру, но это значило бросить товарищей, по существу, предать. Ни он, ни Всеволод на это не способны...

Вернулся японец в штатском и широко осклабился:

— Как мы и думали, Лазо удалось скрыться. Скорей всего, он ушел в свои любимые сопки...

Не скрывая торжества, он сделал приглашающий жест к двери:

— Пожалуйста, господин прапорщик!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

Родственники и друзья членов Военного совета Лазо, Луцкого и Сибирцева просят напечатать в вашей газете следующее:

В ночь на 5 апреля при выступлении, японцев Лазо, Луцкий и Сибирцев находились в здании следственной комиссии (Полтавская, № 3), где они были арестованы... В том же здании они находились под арестом первые дни после переворота... Причем Лазо был не под своей фамилией, Луцкий же и Сибирцев — под своей. Все они при опросе назвались офицерами.

Из других источников японцам было известно, что среди арестованных находится Лазо, но не под своим именем. Ими были предприняты меры к опознанию его среди арестованных. Делалось это как с помощью своих представителей, знавших его в лицо, так и с помощью русских шпионов...

В пятницу, часов в семь утра, всех троих товарищей отделили от остальных арестованных и, заявив им, что их везут только на допрос и что они скоро вернутся обратно, увезли на двух легковых автомобилях по направлению к Гнилому углу. В казарму со всеми арестованными их не поместили, а запрятали куда-то отдельно, совершенно изолировав от всего живого.

Несмотря на все наши поиски, мы до сих пор не можем найти их следа. Во всех отделениях японского штаба мы получали ответ, что таких у них нет, хотя Лазо мы запрашивали по двум фамилиям.

Мы можем предполагать тут возможность со стороны японцев безответственного расстрела без суда и следствия... Это дело не будет нами оставлено.

20 апреля 1920 г.

ОТВЕТ ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

По достоверным, имеющимся в нашем распоряжении сведениям, Лазо не был арестован японским командованием, так как оно принципиально не арестовывало идейных политических деятелей. Таким образом, слух об аресте Лазо надо считать неправильным.

По нашим сведениям, Лазо, сын богатого русского помещика, со школьной скамьи душою отдался идее коммунизма и, как только случился в семнадцатом году большевистский переворот на Дальнем Востоке, быстро выдвинулся на военном поприще в качестве талантливого военного деятеля. Но вскоре ему пришлось после нового переворота уйти с верными ему партизанами в сопки, где и началась его деятельность, с одной стороны, хотя и полная лишений, но в то же время, с другой — полная дикой прелести жизни среди великолепной природы. С январского переворота этого года он вновь появляется во Владивостоке и немедленно вступает как деятельный член в Военный совет.

Последние печальные события вновь лишили его возможности проявлять свою кипучую военную деятельность на поле насаждения коммунистических начал в русских войсках, и он, очевидно влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопкок, вновь ушел туда со своими верными партизанами.

Газета «Владиво-Ниппо», 22 апреля 1920 г.

ПИСЬМО ГУБЕЛЬМАНА

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

Мое показание

Тов. редактор!

Прошу поместить нижеследующее в «Красном

знамени»:

...Бесследно люди не могут исчезать... Мы знали раньше, что от Калмыкова, Семенова исчезали арестованные, но мы знали также и то, что они были ими истязаемы, убиваемы, и это открывалось.

Исчезновение Лазо, Луцкого и Сибирцева не пройдет бесследно никогда, и всякие уверения русско-японских газет и их иудины слова о том, что товарищ Лазо, «влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопок, вновь ушел туда со своими верными партизанами», никого ни успокоить, ни обмануть не могут...

Заявление японского командования о том, что среди арестованных Лазо, Луцкий и Сибирцев не были, не соответствует действительности, и честь японского народа требует, чтобы был дан ясный и точный ответ японского командования, куда они девали и что сделано с арестованными нашими товарищами Лазо, Сибирцевым и Луцким.

М. ГУБЕЛЬМАН

28 апреля 1920 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ»

Гибель Лазо

Дорогой товарищ!

Не знаю, известна ли вам в точности история товарища Лазо после японского выступления прошлого года в Приморье...

Кошмарная история эта такова.

После заключения мирного соглашения между японцами и Приморским временным правительством японское командование занимало всю магистраль Уссурийской железной дороги, а наши части ушли за тридцативерстную полосу.

В районе Иман — Усури «действовал» в это время бочкаревский отряд...

Японцы в мешках передали товарищей бочкаревым. Последние перенесли их в депо, где, согнав бригаду с одного из паровозов (№ был установлен — № ЕЛ 629. — Ред.), затащили эти мешки в паровозную будку.

Первым сожжен был товарищ Лазо, которого вынули из мешка и хотели живым затолкать в топку. Завязалась борьба. Товарищ Лазо, обладая крупной физической силой, уперся руками. Удар по голове лишил его сознания, и он свободно был протолкнут.

Эту сцену видел один человек из паровозной бригады.

Сцена борьбы, вероятно, удовлетворила или утомила этих негодяев. С другими товарищами было поступлено иначе: они были пристрелены в мешках и затем уже брошены в топку.

18 сентября 1921 г.

notes

Примечания

Как сейчас установлено, одним из таких работников был капитан Балановский — начальник русского отделения разведывательного управления японского штаба. Через его руки шли секретные оперативные сведения, он имел доступ к переписке генерала Оой с правительством Японии.

Важные сведения подпольщикам также доставлял Кудриченко — старший рассыльный в управлении Добровольного флота.

Ленин пишет тезисы «Политическое положение». Тезисы публикуются как статья под заглавием «Политическое настроение» в газете «Пролетарское Дело» № 16 от 20 июля (2 августа).

Так называли в Приморье вооруженных китайских бандитов.